
Изданіе
Великаго Князя
Николая Михаиловича
РУССКІЕ
ПОРТРЕТЫ
XVIII и XIX столѣтій
Edition du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch
PORTRAITS
RUSSES
des XVIIIe et XIXe siècles
II томъ
3 выпускъ
TOME II
FASCICULE 3
1906
С. ПЕТЕРБУРГЪ
ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ
St. PÉTERSBOURG
MANUFACTURE DES
PAPIERS DE L'ETAT

2007088120

51

АЛЕКСАНДРЪ ДМИТРІЕВИЧЪ ЛАНСКОЙ, 1758—1784, фаворитъ Екатерины II, сынъ бѣднаго смоленскаго помѣщика Дмитрія Артемьевича, родился 8 Марта 1758 и въ 1772 г. началъ службу въ Измайловскомъ полку солдатомъ. Въ 1776 г. онъ былъ пожалованъ въ кавалергарды, съ производствомъ въ армейскіе поручики. Судьба не дала Ланскому богатства, но зато наградила его прекрасной наружностью: по отзывамъ современниковъ, онъ имѣлъ правильныя и красивыя черты лица и былъ большого роста, здороваго и мужественнаго тѣлосложенія. Императрица во время пребыванія своего въ Царскомъ Селѣ лѣтомъ 1779 г. обратила вниманіе на красавца кавалергарда, часто появлявшагося въ караулѣ. Въ Октябрѣ этого же года Ланской былъ назначенъ адъютантомъ Потемкина. Какъ разъ въ то время произошло удаленіе И. Н. Корсакова, и въ Ноябрѣ Ланской, представленный Императрицѣ Потемкинымъ, былъ пожалованъ во флигель-адъютанты, получилъ 100.000 р. на гардеробъ и переѣхалъ на жительство во дворецъ. Уживчивость и полное невмѣшательство въ государственныя и политическія дѣла поставили его внѣ всякихъ интригъ. Безбородко называлъ его „сущимъ ангеломъ, потому что онъ не слишкомъ старался вредить другимъ“. Только разъ положеніе Ланского пошатнулось нѣсколько на короткое время: въ Мартѣ 1781 г. придворные стали замѣчать охлажденіе къ нему Государыни и расположеніе къ Мордвинову; Ланской, по словамъ одного современника, жаловался на немилость такимъ трогательнымъ образомъ, что Государыня и ея довѣренныя лица были озадачены насчетъ того, какъ отъ него отдѣлаться безъ жестокости. Но уже въ Іюнѣ положеніе Ланского вновь упрочилось. Онъ отличался такой преданностью Императрицѣ, какой она, по собственному признанію, „въ жизни своей не встрѣчала“. И сама Екатерина искренно къ нему привязалась. Переписка ея съ Гриммомъ полна самыхъ лестныхъ отрывковъ о Ланскомъ; между прочимъ Екатерина II писала о немъ, что онъ „est non seulement d'un bon et doux esprit, mais il a un sentiment exquis, et la grande raison et la justice ne lui échappent jamais“. Ланской, не получившій образованія, но смышленый и не глупый отъ природы, уже при дворѣ, подъ руководствомъ самой Императрицы, сталъ пополнять свои знанія изученіемъ литературы и исторіи. Кромѣ того, у него явилась страсть къ собиранію произведеній искусства, каменьевъ и драгоцѣнныхъ камней, и Екатерина II не жалѣла средствъ для удовлетворенія этой его страсти. Въ 1780 г. Ланской былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры, а въ 1784 г.—въ генералъ-адъютанты, поручики Кавалергардскаго корпуса и произведенъ въ генералъ-поручики. 19 Іюня 1784 г. Ланской почувствовалъ боль въ горлѣ, болѣзнь быстро усилилась, и въ ночь на 25 Іюня онъ скончался. Его похоронили въ Царскомъ Селѣ, на Софійскомъ кладбищѣ, гдѣ надъ его могилой Императрица воздвигла церковь Казанской Божіей Матери.

Екатерина II была крайне огорчена смертью молодого фаворита, и долго еще придворные замѣчали, какъ она плакала у его памятника въ Царскосельскомъ паркѣ. По этому поводу даже сложилась легенда, что Императрица не хотѣла разставаться съ тѣломъ любимаго человѣка и похоронила его въ паркѣ. Неожиданная смерть Ланского вызвала много толковъ и предположеній. Приписывали смертельный исходъ болѣзни тому, что ослабленный излишествами организмъ Ланского былъ расшатанъ сильными возбуждающими средствами, прописанными ему его другомъ-докторомъ, говорили также, что онъ отравленъ Потемкинымъ, опасавшимся его вліянія... Ланской, совершенно бѣдный въ началѣ своего „случая“, къ концу жизни имѣлъ громадное состояніе, которое современники оцѣнивали въ 6 или 7 милліоновъ. Всѣмъ обязанный Екатеринѣ II, онъ передъ смертью передалъ обратно въ казну все свое недвижимое имущество, а остальное предоставилъ въ распоряженіе Императрицы, которая и раздѣлила наслѣдство между его матерью, братомъ и сестрами.

(Съ портрета, принадлежащаго графинѣ Е. А. Воронцовой-Дашковой, с. Андреевское, Владимірской губ.)

ALEXANDRE DMITRIEWITCH LANSKOI, 1758—1784, favori de Catherine II, fils d'un propriétaire sans fortune de Smolensk, naquit le 8 mars 1758 et débuta au service comme simple soldat au régiment Izmaïlowsky. En 1776, il fut fait chevalier-garde et promu lieutenant à l'Armée. Le sort ne l'avait pas fait riche, mais, en compensation, ne lui avait pas ménagé les avantages naturels: au témoignage des contemporains, il avait des traits réguliers et bien faits, une haute taille et une constitution robuste et vigoureuse. Lors de son séjour à Tzarskoïé-Sélo, à l'été de 1779, l'Impératrice remarqua le beau chevalier-garde qui était souvent de service. En octobre, Lanskoï était nommé aide de camp de Potemkine. C'était précisément le moment de la disgrâce de Korsakoff, et, en novembre, Lanskoï, sur la présentation de Potemkine, fut fait aide de camp de Sa Majesté et reçut 100.000 roubles d'indemnité d'équipement et ses appartements au Palais. Grâce à son humeur accommodante et à sa complète abstention en matière d'affaires et de politique, il resta en dehors de toutes les intrigues. Bezborodko l'appelait „un ange véritable, car il n'a jamais trop cherché à faire du mal aux autres". Une fois seulement, la position de Lanskoï se trouva un moment légèrement ébranlée: en mars 1781, on remarqua à la Cour un refroidissement de l'Impératrice à son égard et l'entrée en faveur de Mordvinoff. Lanskoï, dit un contemporain, sut si bien attendrir sur sa défaveur que la Souveraine et son entourage se demandaient comment arranger les choses en douceur. Mais trois mois après, sa position s'était raffermie. Il avait pour l'Impératrice un dévouement „comme personne", disait-elle, „ne lui en avait encore témoigné", et de son côté, elle avait pour lui un attachement très sincère. Sa correspondance avec Grimm est pleine des appréciations les plus flatteuses sur Lanskoï; elle dit entre autres choses: „Il est non seulement d'un bon et doux esprit, mais il a un sentiment exquis, et la grande raison et la justice ne lui échappent jamais". Dépourvu d'instruction, mais naturellement entendu et intelligent, il entreprit, déjà à la Cour, de compléter ses connaissances sous la direction de l'Impératrice même par l'étude de la littérature et de l'histoire. De plus, il fut pris de la passion de collectionner des objets d'art, des pierres et des bijoux, et Catherine ne ménagea rien pour satisfaire cette passion. En 1780, il fut fait chambellan actuel, puis, en 1784, nommé général aide de camp, lieutenant du Corps des Chevaliers-Gardes et promu général lieutenant. Le 19 juin 1784, il éprouva une douleur dans la gorge: le mal fit des progrès rapides, et il succomba dans la nuit du 24 au 25 juin. Il fut inhumé à Tzarskoïé-Sélo, au cimetière Ste-Sophie, et l'Impératrice fit élever sur son tombeau une église à Notre-Dame-de-Kazan.

Catherine II conçut un chagrin extrême de la mort de son jeune favori, et longtemps encore les courtisans la virent pleurer sur son monument dans le parc de Tzarskoïé-Sélo: d'où la légende d'après laquelle l'Impératrice, pour ne pas se séparer de celui qu'elle aimait, l'aurait fait inhumer dans le parc. La fin prématurée de Lanskoï provoqua nombre de rumeurs et de conjectures. L'issue fatale de la maladie fut attribuée à l'action pernicieuse sur un organisme affaibli par les excès de stimulants énergiques administrés par un médecin de ses amis. On prétendit aussi qu'il avait été empoisonné par Potemkine, qui redoutait son influence.... Tout à fait pauvre au début de sa faveur, Lanskoï arriva à la tête d'une fortune immense, que les contemporains estimaient à six ou sept millions. Ne possédant rien qu'il ne dût à Catherine II, il restitua en mourant tous ses immeubles à l'Etat, et laissa le reste à la disposition de l'Impératrice, qui le partagea entre sa mère, son frère et ses sœurs.

(D'après un original appartenant à la comtesse E. Worontzoff-Dachkoff, Andréewskoïé, gouv. de Vladimir.)

Графъ ПЕТРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЗАВАДОВСКІЙ, 1739—1812, дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ Государственнаго Совѣта, сынъ бунчуковаго товарища Василія Петровича отъ брака съ дочерью подкоморія Михаила Ширая, родился въ Черниговской губ., въ д. Красновичахъ и воспитывался въ домѣ дяди Ширая, потомъ въ Оршѣ, въ іезуитскомъ училищѣ. Окончивъ образованіе въ Кіевской духовной академіи, Завадовскій поступилъ на службу въ канцелярію Малороссійскаго генералъ-губернатора, графа П. А. Румянцева, и находился при немъ въ теченіе 1-й Турецкой войны. Затѣмъ, въ 1775 г., Румянцевъ рекомендовалъ его, вмѣстѣ съ Безбородко, вниманію Императрицы Екатерины II. Обладая красивой внѣшностью и уживчивымъ характеромъ, Завадовскій сдѣлался фаворитомъ Императрицы, но не надолго. Уже въ 1777 г., отчасти вслѣдствіе интригъ Потемкина, Императрица охладѣла къ Завадовскому, хотя и не удалила его отъ двора. Пользуясь поддержкой друга своего Безбородко, Завадовскій занималъ видные посты въ администраціи, получилъ званіе сенатора и члена Совѣта, а въ концѣ царствованія Екатерины управлялъ Дворянскимъ и Государственнымъ Заемнымъ банками. Все это не могло, однако, заставить Завадовскаго забыть объ утраченномъ имъ положеніи фаворита. Екатерина наградила его обширными помѣстьями въ Черниговской и Могилевской губерніяхъ, но Завадовскій истинно любилъ Императрицу, какъ женщину, ревновалъ ее, что особенно повредило его положенію при ней, и милости ея къ нему по службѣ государственной вовсе не утѣшали его. Императоръ Павелъ, по восшествіи своемъ на престолъ, сначала возвелъ Завадовскаго, 5 Апрѣля 1797 г., въ графское Россійской имперіи достоинство (графъ Римской имперіи съ 27 Іюня 1794 г.) и наградилъ Андреевской лентой. При Павлѣ I Завадовскій былъ главнымъ директоромъ банковъ, завѣдывалъ медицинской частью, женскими учебными заведеніями и былъ сенаторомъ, но потомъ подвергся опалѣ: въ 1800 г. онъ долженъ былъ удалиться на житье въ пожалованное ему Екатериной помѣстье Ляличи (одно время называлось Екатеринодаръ), гдѣ Императрица построила ему, по проекту Гваренги, роскошный домъ-дворецъ. Императоръ Александръ, въ день воцаренія, вызвалъ Завадовскаго ко двору и назначилъ его сначала, 5 Іюля 1801 г., предсѣдателемъ коммиссіи составленія законовъ, а затѣмъ, въ 1802 г., первымъ министромъ народнаго просвѣщенія. Въ этой должности, уже на склонѣ лѣтъ, Завадовскій проявилъ живую дѣятельность: при немъ открыто было много среднихъ и низшихъ училищъ, а также Казанскій, Харьковскій и Дерптскій университеты и Главный Педагогическій институтъ; тогда же изданъ былъ либеральный для того времени цензурный уставъ. Въ 1810 г. Завадовскій оставилъ постъ министра и назначенъ былъ предсѣдателемъ департамента законовъ Государственнаго Совѣта. Графъ Завадовскій умеръ 10 Января 1810 г. въ С.-Петербургѣ и похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Былъ женатъ съ 30 Апрѣля 1787 г. на графинѣ Вѣрѣ Николаевнѣ Апраксиной († 1845), дочери жившей у гр. К. Г. Разумовскаго его племянницы и „метрессы“, гр. С. О. Апраксиной. Отъ этого брака онъ имѣлъ двоихъ сыновей, Александра и Василія, и дочь Татьяну (въ замужествѣ за тайн. сов. В. П. Каблуковымъ), кромѣ того, были еще дочь и сынъ, умершіе въ младенчествѣ.

Хитрый болѣе чѣмъ умный, Завадовскій не проявлялъ особенныхъ способностей въ государственныхъ дѣлахъ; красивая наружность, обаятельное обращеніе и случай выдвинули его на видное мѣсто и сдѣлали обладателемъ колоссальнаго богатства. Большинство современниковъ благосклонно отзывается о Завадовскомъ, а Суворовъ причислялъ его къ числу придворныхъ старыхъ любезниковъ, отъ которыхъ предостерегалъ свою дочь. Только Державинъ весьма не лестно говоритъ о нравственныхъ свойствахъ Завадовскаго, подробно сообщая о злоупотребленіяхъ его по должности директора Государственнаго Заемнаго банка и о его неразборчивости въ способахъ наживы; алчность Завадовскаго не имѣла предѣловъ: наживъ легко свои богатства, онъ дешево скупалъ, и даже отнималъ, земли у своихъ небогатыхъ сосѣдей въ Малороссіи.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le comte PIERRE VASSILIEWITCH ZAVADOWSKY, 1739—1812, conseiller privé actuel, membre du Conseil de l'Empire, fils d'un officier supérieur de cosaques et de la fille de Michel Chiraï, naquit à Krasnovitchi, gouvernement de Tchernigoff, et fit son éducation, d'abord chez un oncle maternel, puis à l'école des Jésuites d'Orcha. Il finit ses études à l'académie ecclésiastique de Kieff et débuta au service dans la chancellerie du comte P. Roumiantzeff, général gouverneur de la Petite-Russie, auquel il resta attaché pendant la 1re guerre de Turquie, et qui, en 1775, le recommanda, ainsi que Bezborodko, à l'attention de Catherine II. Avec son physique avantageux et son caractère commode, il devint favori de l'Impératrice, mais pour peu de temps: dès 1777, grâce en partie aux intrigues de Potemkine, elle se détacha de lui, sans l'éloigner toutefois de la Cour. L'appui de son ami Bezborodko lui fit obtenir des postes en vue dans l'administration, le titre de sénateur et de membre du Conseil, puis, à la fin du règne de Catherine, la direction de la Banque de la Noblesse et de la Banque de crédit de l'Etat. Tout cela ne pouvait cependant lui faire oublier sa situation passée. Catherine lui donna d'immenses domaines dans les gouvernements de Tchernigoff et de Mohileff; mais lui l'aimait d'amour, il était jaloux, ce qui fut particulièrement préjudiciable à sa situation près d'elle, et tous les avantages qu'elle lui conférait dans le service n'étaient pas une consolation pour lui. A son avènement, Paul l'éleva d'abord, le 5 avril 1797, à la dignité de comte de l'Empire Russe (il était comte du Saint Empire Romain depuis le 27 juin 1794), et le décora de St-André. Il fut ensuite directeur général des banques, directeur des services médicaux, des établissements d'instruction de jeunes filles et sénateur, mais tomba ensuite en disgrâce: en 1800, il dut se retirer dans son domaine de Lalitchi, cadeau de Catherine, appelé un moment Ekaterinodar, où elle lui avait fait élever, sur les plans de Gravengi, un somptueux palais d'habitation. L'Empereur Alexandre, le jour de son avènement, le rappela à la Cour et le fit d'abord, le 5 juillet 1801, président de la Commission de rédaction des Lois. Puis, en 1802, ce fut lui le premier ministre de l'instruction publique; il y déploya, déjà au déclin de la vie, une activité intense, fit ouvrir un grand nombre d'établissements d'instruction secondaire et primaire, les universités de Kazan, de Kharkoff et de Dorpat et l'Institut Pédagogique Supérieur; alors aussi fut mis en vigueur un règlement de censure libéral pour l'époque. En 1810, Zavadowsky quitta le poste de ministre et fut nommé président du département des Lois au Conseil de l'Empire. Il mourut le 10 janvier 1810 à St-Pétersbourg et fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky, au cimetière St-Lazare.

Il avait épousé, le 30 avril 1787, la comtesse Véra Nikolaewna Apraxine († 1845), fille de la comtesse S. Apraxine, nièce et maîtresse du comte Cyrille Razoumowsky. Il eut de ce mariage deux fils, Alexandre et Basile, et une fille, Tatiana, mariée au conseiller privé Kabloukoff, et en outre un fils et une fille morts en bas âge.

Doué de plus d'adresse que d'esprit, Zavadowsky ne fit pas preuve de capacités particulières dans les affaires; ce furent son physique avantageux, le charme de ses manières et l'occasion qui le firent arriver et le mirent à la tête d'une fortune considérable. La plupart des contemporains se montrent bienveillants à son égard, et Souvoroff le mettait au nombre des vieux beaux de la Cour dont il garait sa fille. Derjavine seul donne de lui une appréciation morale fort défavorable et parle en termes circonstanciés de ses concussions à la Banque de crédit de l'Etat et de son peu de scrupules en matière de lucre; son avidité ne connaissait pas de bornes: à la tête d'une fortune acquise à bon marché, il accaparait à vil prix, et prenait même parfois, les terres de ses voisins peu fortunés de Petite-Russie.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графъ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РАЗУМОВСКІЙ, 1709—1771, сынъ простого казака Григорія Яковлевича Розума и Натальи Демьяновны Дёмешки, родился въ д. Лемешахъ, близъ г. Козельца, 17 Марта 1709 года. Своимъ возвышеніемъ обязанъ всецѣло слѣпому случаю: въ дѣтствѣ пастухъ, кое-какъ научившись грамотѣ противъ воли пьянаго отца, онъ бѣжалъ изъ дому и нашелъ пристанище у дьячка сосѣдняго села; обладая чуднымъ голосомъ, онъ пѣлъ на клиросѣ сельской церкви, когда полковникъ Вишневскій объѣзжалъ Украйну, набирая пѣвчихъ для придворнаго хора. Пробывъ нѣсколько лѣтъ въ придворной пѣвческой, онъ однажды былъ замѣченъ Великой Княжной Елисаветой Петровной: ее поразила его красота болѣе, чѣмъ его голосъ, и Розумъ, вскорѣ ставшій называться Разумовскимъ, сдѣлался сначала пѣвчимъ Царевны, а потомъ ея „бандуристомъ“. Между тѣмъ, въ 1731 г., Шубинъ, бывшій лицомъ особенно близкимъ къ Елисаветѣ, былъ сосланъ въ Сибирь, и Разумовскій тотчасъ занялъ мѣсто Шубина. Сдѣланный управляющимъ сначала имѣніями Царевны, затѣмъ ея дворомъ, пожалованный въ камеръ-юнкеры, онъ сумѣлъ привязать къ себѣ легкомысленную красавицу и, благодаря своей скромности, не нажить себѣ враговъ среди окружавшихъ Елисавету. Воцареніе Елисаветы Петровны упрочило его положеніе, какъ близкаго человѣка къ Государынѣ, но не расширило круга его дѣятельности — по прямотѣ характера и скромности онъ никогда не считалъ себя способнымъ къ государственной дѣятельности, не вмѣшивался въ политику и въ борьбу придворныхъ партій, но зато иногда дѣлался орудіемъ ловкихъ царедворцевъ и лицъ, прикрытыхъ клобуками. Милости Елисаветы сыпались на него: въ 1742 г. онъ былъ уже оберъ-егермейстеромъ и кавалеромъ орд. св. Андрея, позднѣе подполковникомъ л.-гв. Коннаго полка, капитанъ-поручикомъ лейбъ-кампаніи и фельдмаршаломъ; ему пожалованъ былъ цѣлый рядъ вотчинъ, въ томъ числѣ знаменитое Порѣчье, нѣсколько домовъ въ Петербургѣ и Москвѣ, въ томъ числѣ Аничковскій дворецъ и собственный дворецъ Цесаревны (гдѣ теперь Павловскія казармы), а также домъ въ Москвѣ, на Покровкѣ, построенный Растрелли (4-я гимназія). По преданію, 24 Ноября 1742 г. Государыня въ с. Перовѣ, подъ Москвой, была повѣнчана съ Разумовскимъ; съ этого времени всѣ почитали его, какъ супруга Императрицы, которая сама публично оказывала ему знаки нѣжности; 15 Іюня 1744 г. онъ сдѣланъ былъ графомъ. Разумовскій обогатилъ всѣхъ своихъ родичей; его соотечественники-малороссы находили у него радушный пріютъ и сильное покровительство. Свое положеніе около Елисаветы онъ сохранилъ до ея кончины; переставъ быть фаворитомъ, съ появленіемъ Бекетова, Шувалова и др., Разумовскій оставался попрежнему самымъ довѣреннымъ ея человѣкомъ, ея другомъ, котораго она продолжала любить, и желанія и вкусы котораго попрежнему угадывать и исполнять. Со смерти Елисаветы Петровны, утративъ все значеніе, не имѣя никакого служебнаго дѣла, Разумовскій удалился въ Москву и тутъ жилъ въ своемъ домѣ, на Покровкѣ. Здѣсь, по преданію, произошла та сцена, когда, въ присутствіи графа М. И. Воронцова, Разумовскій сжегъ всѣ документы и отрекся отъ брака съ Елисаветой. Орловы ссылались на этотъ бракъ, и Екатерина оцѣнила вполнѣ поступокъ Разумовскаго.

Графъ Разумовскій умеръ въ Петербургѣ 6 Іюня 1771 г. и погребенъ въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры. Біографъ Разумовскихъ отвергаетъ достовѣрность многочисленныхъ преданій и извѣстій иностранцевъ о дѣтяхъ Елисаветы и Разумовскаго: по его мнѣнію, ихъ совсѣмъ не было.

„Другъ нелицемѣрный“ Елисаветы, Разумовскій былъ человѣкъ добрый и прямой, и, по словамъ Петцольда, „всѣ считали его безвреднымъ“. Высокій, стройный, нѣсколько смуглый, съ черными глазами и черными же дугообразными бровями, Разумовскій могъ считаться однимъ изъ первыхъ красавцевъ своего времени, но придворный лоскъ плохо къ нему приставалъ: онъ былъ все тѣмъ же простымъ, наивнымъ, нѣсколько хитрымъ, насмѣшливымъ, но крайне добродушнымъ хохломъ, безъ памяти любившимъ и свою Украйну, и своихъ родственниковъ. Онъ не могъ даже отстать отъ страсти малороссіянъ къ вину, „кутилъ“ съ пріѣзжими хохлами и „весьма неспокоенъ былъ пьяный“, такъ что любимица Елисаветы, Мавра Шувалова, пѣвала молебны, когда ея мужъ возвращался съ охоты не избитый Разумовскимъ.

(Съ миніатюры, принадлежащей П. П. Дурново, въ С.-Петербургѣ.)

Le comte ALEXIS GRIGORIEWITCH RAZOUMOWSKY, 1709—1771, fils d'un simple cosaque, Grégoire Yakovlewitch Rozoume, et de Natalie Démianowna Demechki, naquit à Leméchy, près Kozeltzk, le 17 mars 1709. Il dut toute son élévation à la fortune aveugle: berger étant petit, il apprit tant bien que mal à lire et à écrire contre la volonté de son ivrogne de père, puis se sauva de la maison paternelle et se réfugia chez le chantre du village voisin; doué d'une voix merveilleuse, il chantait aux offices lorsque le colonel Vichnewsky vint à faire une tournée en Ukraine à la recherche de chantres pour la chapelle Impériale. Il faisait partie depuis quelques années des chœurs Impériaux quand il fut un jour remarqué par la Grande-Duchesse Elisabeth Pétrowna, dont l'attention fut attirée plus par sa beauté que par sa voix, et Rozoume, qui prit bientôt le nom de Razoumowsky, devint d'abord le chantre de la Tzarewna, puis son „bandouriste". Sur les entrefaites, Choubine, qui jouissait de la faveur particulière d'Elisabeth, fut, en 1731, déporté en Sibérie, et Razoumowsky le remplaça immédiatement. Fait intendant des propriétés, puis du Palais de la princesse, élevé à la dignité de gentilhomme de la chambre, il sut s'attacher cette beauté à la tête légère, sans se faire d'ailleurs, grâce à sa modestie, d'ennemis dans son entourage. L'avènement d'Elisabeth assura sa situation, mais seulement sa situation personnelle près de la Souveraine, sans lui faire prendre d'importance dans les affaires: il eut la droiture et la modestie de ne jamais se croire capable d'y jouer un rôle, et de ne pas se mêler de politique ni prendre part aux rivalités de partis à la Cour, ce qui ne l'empêcha pas de servir parfois les visées de gens adroits, courtisans et personnages recouverts du froc. Elisabeth le combla de faveurs: en 1742, il était déjà grand veneur et chevalier de St-André, puis lieutenant-colonel de la Garde à cheval, capitaine-lieutenant de la compagnie d'élite et feld-maréchal; il reçut toute une série de domaines, entre autres le fameux Porétchié, plusieurs maisons à Pétersbourg et à Moscou, parmi lesquelles le Palais Anitchkoff et le propre palais de la Césarewna (sur l'emplacement occupé aujourd'hui par les casernes du régiment Pavlowsky), et, à Moscou, une maison bâtie par Rastrelli, sur la Pokrowka (4e gymnase). Une tradition veut qu'à l'automne de 1742, l'Impératrice ait épousé Razoumowsky à Pérovo, près Moscou: depuis ce moment tout le monde lui témoigna les hommages dus à l'époux de la Souveraine, qui lui donnait elle-même en public des marques de tendresse. Le 15 juin 1744, il fut fait comte. Il enrichit toute sa parenté: les Petits-Russiens, ses compatriotes, trouvaient chez lui un accueil empressé et une chaleureuse protection. Il conserva jusqu'à la mort d'Elisabeth sa position près d'elle; il cessa d'être favori lorsque parurent Békétoff, Chouvaloff et autres, mais elle lui laissa toujours sa confiance la plus absolue, et il resta pour elle l'ami dont on ne se détache pas et dont on continue toujours de prévenir et de satisfaire les désirs et les goûts. A la mort d'Elisabeth, dépouillé de toute son importance et n'occupant aucune fonction, il se retira à Moscou, dans sa maison de la Pokrowka. C'est là, selon la tradition, qu'eut lieu en présence du comte M. Worontzoff la scène où il brûla tous les documents et renonça à son mariage avec Elisabeth. Les Orloff arguaient de ce mariage, et Catherine apprécia hautement l'acte de Razoumowsky.

Le comte Razoumowsky mourut à Pétersbourg, le 6 juin 1771, et fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky, à l'église de l'Annonciation. Le biographe de la famille révoque en doute l'authenticité des nombreuses traditions et allégations mises en avant par les étrangers sur les enfants d'Elisabeth et de Razoumowsky: selon lui, il n'en existait aucun.

„Ami sans arrière-pensée" d'Elisabeth, Razoumowsky était bon et loyal, et, dit Petzold, „tout le monde le considérait comme inoffensif". Grand, bien fait, le teint un peu bronzé, les yeux noirs et encadrés de sourcils arqués également noirs, il pouvait passer pour un des plus beaux hommes de son temps, mais le lustre de la Cour lui allait mal; il resta toujours ce qu'il était, un simple et naïf cosaque, un peu rusé et moqueur, mais bon enfant avant tout, avec un amour démesuré de son Ukraine et de sa famille. Il ne put même jamais se débarrasser de son goût petit-russien pour le vin: il buvait avec ses compatriotes de passage, et „avait le vin fort turbulent", au point que la favorite d'Elisabeth, Mavra Chouvaloff, chantait des actions de grâces quand son mari revenait de la chasse sans avoir été roué de coups par Razoumowsky.

(D'après une miniature appartenant à P. Dournovo, St-Pétersbourg.)

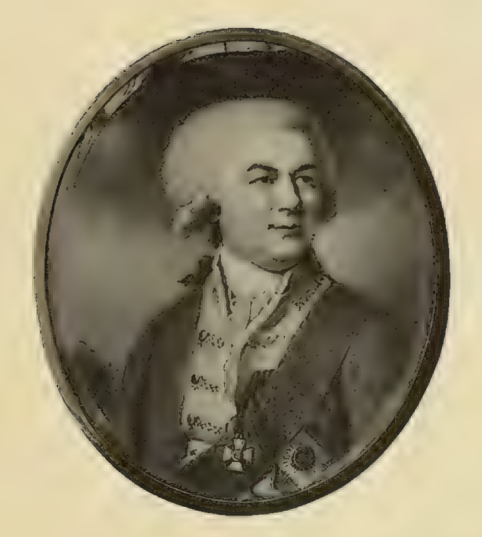
51

Александръ Дмитріевичъ
Ланской,
1758 — 1784

Alexandre Dmitriewitch
Lanskoï,
1758 — 1784

52

Графъ Петръ Васильевичъ
Завадовскій,
1739 — 1812

Le comte Pierre Vassiliewitch
Zavadowsky,
1739 — 1812

53

Графъ Алексѣй Григорьевичъ
Разумовскій,
1709 — 1771

Le comte Alexis Grigoriewitch
Razoumowsky,
1709 — 1771

Графиня ЕЛИЗАВЕТА РОМАНОВНА ВОРОНЦОВА, 1739—1792, вторая дочь графа Романа Илларіоновича Воронцова отъ брака съ Марѳой Ивановной Сурминой, родилась 13 Августа 1739 года. По смерти матери, въ 1750 г., была взята Императрицей Елисаветой ко двору и помѣщена съ фрейлинами Великой Княгини Екатерины Алексѣевны, которая ее нашла „очень некрасивымъ, крайне нечистоплотнымъ ребенкомъ, съ оливковымъ цвѣтомъ кожи“. Черезъ нѣсколько лѣтъ явное предпочтеніе, оказанное Великимъ Княземъ Петромъ Ѳеодоровичемъ „толстой и нескладной“, „съ обрюзглымъ лицомъ“, „широкорожей“ фрейлинѣ Воронцовой, которую онъ попросту называлъ „Романовной“, вызвало всеобщее недоумѣніе. Это увлеченіе Великаго Князя, удивлявшее придворныхъ, забавлявшее Елисавету Петровну, прозвавшую Воронцову „г-жей Помпадуръ“, со вступленіемъ его на престолъ перешло всякія границы. Немедленно по воцареніи, пожаловавъ ее въ камеръ-фрейлины, онъ отвелъ ей при переѣздѣ въ Зимній дворецъ комнаты рядомъ со своими, а 9 Іюня 1762 г. торжественно возложилъ на нее Екатерининскую ленту. Постоянная участница его ночныхъ попоекъ и кутежей съ гольштинскими солдатами, Е. Р. Воронцова открыто выступаетъ въ роли „оффиціальной фаворитки“. Не лишенная ума, но безхарактерная и безалаберная, по природному добродушію и безпечности она мало пользовалась своимъ положеніемъ. Не стѣсняясь прибѣгать къ посредничеству Екатерины въ своихъ ссорахъ съ Петромъ Ѳеодоровичемъ, она въ то же время предостерегала его отъ этой „дурной женщины“, но въ сущности сама Воронцова была совершенно безвредной. Петръ III „не скрывалъ ни передъ кѣмъ непомѣрной своей любви къ ней“, и съ этимъ скоро пришлось считаться: иностранные резиденты въ Петербургѣ доносятъ своимъ дворамъ о намѣреніи Императора заточить супругу въ монастырь и жениться на фрейлинѣ Воронцовой; Императрица это знаетъ, а народная молва пріурочиваетъ это всѣми ожидаемое событіе къ 29 Іюня 1762 г., дню переворота, возведшаго Екатерину на престолъ.

Арестованная вмѣстѣ съ Петромъ III въ Ораніенбаумѣ, графиня Воронцова, несмотря на просьбы свои на колѣняхъ предъ Панинымъ, о дозволеніи ей послѣдовать за Петромъ въ Гольштинію, была отправлена въ подмосковную деревню отца, при чемъ лишилась камерфрейлинскаго портрета и ордена св. Екатерины. Но тотчасъ послѣ этого Императрица занялась устройствомъ положенія и имущественныхъ дѣлъ своей бывшей соперницы, думала о покупкѣ для нея дома въ Москвѣ и приказала графу Р. И. Воронцову выдѣлить дочь, „чтобъ она уже ни съ кѣмъ дѣла не имѣла и жила въ тишинѣ, не подавая людямъ много причинъ о себѣ говорить“. „Перфильичъ“, пишетъ Екатерина Елагину передъ своей коронаціей, „сказывалъ ли ты кому изъ Лисаветиныхъ родственниковъ, чтобъ она въ дворецъ не размахнулась, а то, боюсь, къ общему соблазну завтра прилетитъ“.

Выйдя въ 1765 г. замужъ за полковника, потомъ статскаго совѣтника, Александра Ивановича Полянскаго (1721—1818), Елизавета Романовна переѣхала въ Петербургъ, гдѣ и жила до своей смерти. Не появляясь при дворѣ, она показывалась въ свѣтѣ и видалась даже съ близкимъ другомъ Екатерины, графиней А. С. Протасовой. Письма ея къ брату, графу С. Р. Воронцову, мало уступаютъ французскому слогу ея ученой сестры, княгини Е. Р. Дашковой, и полны подробностями о свѣтскихъ и придворныхъ происшествіяхъ. Въ 1781 г. она обратилась съ письмомъ къ Императрицѣ съ просьбою о шифрѣ для дочери Анны, родившейся въ 1766 г. и впослѣдствіи вышедшей за барона д'Оггеръ. Просьба ея была удовлетворена. Екатерина была даже, какъ говорятъ, воспріемницею сына ея, Александра, родившагося въ 1774 г. (женатъ на гр. Е. И. Рибопьеръ). Оба брата ея, графы Семенъ и Александръ Романовичи Воронцовы, очень ее любили и отдавали ей большое предпочтеніе передъ княгиней Дашковой, которую не безъ основанія упрекали за недружелюбное отношеніе къ сестрѣ, сильно ее побаивавшейся, не только во время своего фавора, но и послѣ своей опалы.

Елизавета Романовна Полянская скончалась 2 Февраля 1792 г. и похоронена на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

(Съ портрета, принадлежащаго графинѣ Е. А. Воронцовой-Дашковой, с. Андреевское, Владимірской губ.)

La comtesse ÉLISABETH ROMANOWNA WORONTZOFF, 1739—1792, seconde fille du comte Romain Hilarionowitch Worontzoff et de Marthe Ivanowna, née Sourmine, naquit le 13 août 1739. A la mort de sa mère, en 1750, l'Impératrice Elisabeth la prit à la Cour et la mit avec les demoiselles d'honneur de la Grande-Duchesse Catherine Alexéewna, qui la trouva „une enfant très laide et très sale, au teint olivâtre". Quelques années plus tard, la préférence manifeste témoignée par le Grand-Duc Pierre Féodorowitch à Romanowna, comme il l'appelait familièrement, „cette grosse fille mal bâtie" „à la face épanouie et flasque", provoqua l'étonnement général. La Cour en fut d'abord déconcertée, et Elisabeth Pétrowna, qui l'avait surnommée Madame Pompadour, s'en amusa. Mais dès l'avènement de Pierre, la chose passa les bornes: il la fit demoiselle à portrait, lui fit donner lors de son installation au Palais d'Hiver des appartements contigus aux siens, et, le 9 juin 1762, la revêtit solennellement du cordon de Ste-Catherine. Compagne inséparable de ses beuveries et de ses orgies nocturnes avec ses Holsteinois, Elisabeth Worontzoff entre ouvertement dans le rôle de „favorite en titre". Assez douée, mais sans caractère ni tête, sa bonté et son insouciance l'empêchèrent de tirer grand parti de la situation. Elle ne craignait pas de faire intervenir Catherine dans ses disputes avec Pierre, et le mettait en même temps en garde contre cette „mauvaise femme", tout en étant au fond complètement inoffensive. Lui „ne cachait devant personne son amour intense pour elle", avec lequel il faut bientôt compter: les résidents étrangers à Pétersbourg informent leur Cour de l'intention de l'Empereur d'enfermer sa femme dans un monastère et d'épouser la demoiselle d'honneur Worontzoff; l'Impératrice le sait, et la rumeur populaire fixe l'événement, universellement attendu, au 29 juin 1762, jour du coup d'état qui donna le trône à Catherine.

Arrêtée à Oranienbaum en même temps que Pierre III, la comtesse Worontzoff, malgré ses supplications aux genoux de Panine, ne put suivre l'Empereur détrôné en Holstein et fut expédiée dans la propriété de son père aux environs de Moscou, dépouillée de ses insignes de demoiselle à portrait et de l'ordre de Ste-Catherine. Mais l'Impératrice s'occupa immédiatement d'arranger la position et les affaires d'intérêt de son ancienne rivale, songea à lui acheter une maison à Moscou et ordonna au comte son père de la tenir à l'écart, „de façon qu'elle n'ait plus rien de commun avec personne et qu'elle vive tranquillement, sans faire parler d'elle". „Perfilyitch", écrit Catherine à Elaguine la veille de son couronnement, „tu as bien parlé à la famille de Lisa, qu'elle n'aille pas mettre les pieds au Palais? Sans ça, elle pourrait bien faire le scandale de nous tomber demain sur le dos!"

Elisabeth Worontzoff épousa, en 1765, le colonel, plus tard conseiller d'état, Alexandre Ivanowitch Poliansky (1721—1818), et se fixa à Pétersbourg, où elle resta jusqu'à sa mort. Sans paraître à la Cour, elle allait dans le monde et voyait même une intime de Catherine, la comtesse A. Protassoff. Le français de ses lettres à son frère, le comte S. Worontzoff, ne le cède guère à celui de sa savante sœur, la princesse C. Dachkoff, et cette correspondance est pleine de détails sur les événements du monde et de la Cour. En 1781, elle écrivit à l'Impératrice pour lui demander le chiffre de demoiselle d'honneur pour sa fille Anne, née en 1766, et plus tard baronne d'Ogger: Catherine accueillit favorablement sa requête, et fut même, dit-on, la marraine de son fils Alexandre, né en 1774, et qui épousa dans la suite la comtesse C. Ribeaupierre. Ses deux frères Siméon et Alexandre l'aimaient tendrement et la préféraient de beaucoup à la princesse Dachkoff, reprochant à celle-ci, et non sans raison, sa malveillance envers sa sœur, qui la craignait fort, tant à l'époque de sa faveur qu'après sa disgrâce.

Mme Poliansky mourut le 2 février 1792, et fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après un original appartenant à la comtesse E. Worontzoff-Dachkoff, Andréewskoïé, gouv. de Vladimir.)

Княгиня ЕЛЕНА СТЕПАНОВНА КУРАКИНА, 1735—1768, дочь фельдмаршала Степана Федоровича Апраксина (1702—1760) отъ брака его съ Аграфеною Леонтьевною Соймоновой (1719—1771), родилась 5 Сентября 1735 г.; на шестнадцатомъ году, 6 Февраля 1751 г., вышла замужъ за гофмейстера, сенатора князя Бориса-Леонтія Александровича Куракина (род. 1733), умершаго 22 Ноября 1764 г., на 31 году жизни. Сама она пережила его только четырьмя годами и скончалась всего 33 лѣтъ, 29 Октября 1768 года; похоронена въ Александро-Невской лаврѣ, на Лазаревомъ кладбищѣ, оставивъ послѣ себя „любезныхъ дѣтей, четырехъ сыновей", какъ значилось въ первой надписи на мраморной гробницѣ, воздвигнутой ей знаменитѣйшими изъ сыновей, князьями Александромъ и Алексѣемъ Борисовичами Куракиными. Кромѣ этихъ четырехъ (Александра, Степана, Алексѣя и Ивана), она имѣла еще трехъ сыновей, умершихъ въ младенчествѣ, изъ которыхъ послѣдній, Дмитрій, родился въ 1763 году.

За свою короткую жизнь княгиня Елена Степановна Куракина, будучи одною изъ самыхъ блестящихъ придворныхъ красавицъ, много заставила о себѣ говорить, и легкость ея нравовъ давала обильную пищу злословію. За свой живой и веселый характеръ, остроуміе и любезность она была очень любима въ обществѣ, въ которомъ являла собою примѣръ самаго беззастѣнчиваго цинизма во всеоружіи необычайной внѣшней привлекательности.

Екатерина II, въ „Запискахъ" своихъ, уже подъ 1756 г. отмѣчаетъ открытую связь ея съ генералъ-фельдцейхмейстеромъ графомъ Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ, благодаря которой поддерживался при дворѣ кредитъ отца ея, фельдмаршала Апраксина. Близкія отношенія княгини Куракиной къ Шувалову сослужили между прочимъ нѣкоторую службу и Великой Княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ въ столкновеніяхъ ея съ партіею Императрицы, и по восшествіи своемъ на престолъ Екатерина всегда благосклонно относилась къ княгинѣ Еленѣ Степановнѣ, которую мы постоянно встрѣчаемъ на маленькихъ собраніяхъ въ Эрмитажѣ. Какъ справедливо замѣчаетъ Екатерина, главную роль въ отношеніяхъ Куракиной къ графу Шувалову играла съ ея стороны не любовь, а расчетъ. Одновременно она ведетъ любовную интригу и съ адъютантомъ Шувалова, красавцемъ Григоріемъ Орловымъ, случайно обнаруженную его грознымъ начальникомъ, застигнувшимъ влюбленныхъ врасплохъ. Исторія эта, полная романическихъ подробностей, надѣлала много шума въ городѣ и впервые обратила вниманіе Великой Княгини Екатерины Алексѣевны на Орлова. „Княгиня Куракина довольно извѣстна", говоритъ Рюльеръ, упоминая про этотъ случай, „чтобы можно было слѣпо довѣриться ея вкусу". Сама она не замедлила привлечь на себя взоры Петра III вскорѣ по восшествіи его на престолъ. Поведеніе ея въ этомъ случаѣ ѣдко очерчено откровеннымъ языкомъ того времени желчнымъ княземъ М. М. Щербатовымъ въ его памфлетѣ „О поврежденіи нравовъ въ Россіи": „Безстыдство ея было таково, что когда онъ (Л. А. Нарышкинъ) ее отвозилъ домой рано поутру, хотѣлъ для сохраненія чести ея и болѣе, чтобы не учинилось извѣстно сіе графинѣ Е. Р. (Воронцовой), закрывши гардины ѣхать, она, напротивъ того, открывая гардины, хотѣла всѣмъ показать", что она была у Государя . . . . Если вѣрить Щербатову, княгиня Куракина явилась невольной виновницей появленія манифеста о вольности дворянства, на скорую руку сочиненнаго секретаремъ Петра III, Волковымъ, во время ихъ свиданія; чтобы скрыть этотъ инцидентъ отъ „оффиціальной" фаворитки Императора, графини Елизаветы Романовны Воронцовой, ей было объявлено, что Государь занятъ съ Волковымъ „разсужденіемъ благоустройства государства". Въ ходившемъ въ 1765 г. по рукамъ „Сатирическомъ каталогѣ" на дворъ Екатерины II княгинѣ Куракиной была приписана книга подъ заглавіемъ: „Mille et une faveurs".

(Съ портрета Левицкаго; собственность князя А. А. Куракина, С.-Петербургъ.)

La princesse HÉLÈNE STÉPANOWNA KOURAKINE, 1735—1768, fille du feld-maréchal Stéphane Féodorowitch Apraxine (1702—1760) et d'Agrippine Léontiewna, née Soïmonoff (1719—1771), naquit le 5 septembre 1735. Elle épousa dans sa seizième année, le 6 février 1751, le prince Boris-Léonce Alexandrowitch Kourakine, maître de la Cour et sénateur, né en 1733, mort le 22 novembre 1764 dans sa 31e année. Elle ne lui survécut que de quatre ans, mourut elle-même à 33 ans seulement, le 29 octobre 1768, et fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. Elle laissait „d'aimables enfants, quatre fils", comme disait l'épitaphe primitive du tombeau de marbre qui lui fut élevé par les deux plus célèbres, Alexandre et Alexis. Outre ces quatre fils, Alexandre, Stéphane, Alexis et Ivan, elle en avait perdu trois autres en bas âge, dont le dernier, Dmitri, était né en 1763.

Au cours de sa brève existence, la princesse Kourakine, une des beautés les plus brillantes de la Cour, fit beaucoup parler d'elle, et la légèreté de ses mœurs prêta largement à la médisance. Son caractère animé et gai, le piquant de son esprit et son amabilité avaient un grand succès dans la société, où elle offrait un exemple du cynisme le plus éhonté servi par un charme physique peu commun.

Catherine II, dans ses Mémoires, note dès 1756 sa liaison ouverte avec le général maître de l'artillerie comte Pierre Ivanowitch Chouvaloff, grâce à laquelle se soutenait à la Cour le crédit de son père, le feld-maréchal Apraxine. Cette intimité avec Chouvaloff est, entre autres choses, mise à profit par la Grande-Duchesse Catherine dans ses conflits avec le parti de l'Impératrice, et, une fois sur le trône, elle témoigne une bienveillance constante à la princesse Kourakine, qu'on voit incessamment aux petites réunions de l'Ermitage. Comme elle le fait justement remarquer, le mobile de la princesse dans ses rapports avec Chouvaloff n'était pas l'amour, mais l'intérêt. Elle avait en même temps des relations avec un aide de camp de Chouvaloff, le beau Grégoire Orloff, dont le terrible chef découvrit tout par hasard en surprenant les amoureux. L'histoire, pleine de détails romanesques, fit grand bruit dans la ville, et attira pour la première fois l'attention de Catherine sur Orloff: „La princesse Kourakine est si bien connue", ajoute Rulhière, „qu'on peut toujours, un bandeau sur les yeux, prendre l'amant qu'elle a choisi". Puis elle ne tarda pas elle-même à attirer les regards de Pierre III, peu après son avènement. Sa conduite dans la circonstance est caractérisée d'une façon mordante, dans la langue dénuée d'artifices du temps, par la plume fielleuse du prince M. Chtcherbatoff dans son pamphlet Sur la corruption des moeurs en Russie: „Son impudence était telle, que, quand il" (Léon Narychkine) „la reconduisait le matin et que, pour ne pas la compromettre et surtout pour ne rien révéler à la comtesse E. R." (Worontzoff), „il voulait laisser les stores baissés, elle les relevait pour montrer au contraire à tout le monde" qu'elle venait de chez l'Empereur. S'il faut en croire Chtcherbatoff, elle aurait été la cause involontaire du manifeste sur la liberté des nobles, rédigé à la hâte par un secrétaire pendant une de ses entrevues avec Pierre III pour donner le change à la favorite „en titre", la comtesse Elisabeth Worontzoff, à qui on annonça que l'Empereur était occupé avec son secrétaire „de questions relatives au bien-être de l'Etat". Le Catalogue satirique qui circulait, en 1765, à la Cour de Catherine II attribuait à la princesse Kourakine un ouvrage intitulé Les Mille et Une Faveurs.

(D'après l'original de Lévitzky, appartenant au prince A. Kourakine, St-Pétersbourg.)

54

Графиня Елизавета Романовна Воронцова, 1739—1792

La comtesse Elisabeth Romanowna Worontzoff, 1739—1792

55

Княгиня Елена Степановна Куракина, 1735—1768

La princesse Hélène Stépanowna Kourakine, 1735—1768

Свѣтлѣйшій князь АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ЧЕРНЫШЕВЪ, 1785 — 1857, сынъ сенатора Ивана Львовича отъ брака съ Евдокіей Дмитріевной Ланской, сестрой фаворита, родился 30 Декабря 1785 г. Будучи записанъ вахмистромъ въ Конную гвардію, 15-и лѣтъ, обратилъ на себя вниманіе Александра I, благосклонность котораго къ нему съ тѣхъ поръ не прекращалась. Въ 1801 г. Чернышевъ былъ пожалованъ въ камеръ-пажи, а черезъ годъ произведенъ въ корнеты въ Кавалергардскій полкъ, шефъ котораго, Ф. П. Уваровъ, взялъ его въ адъютанты. Участвовалъ въ войнахъ 1805 — 1807 гг. и заслужилъ Георгія 4 степени. Въ 1808 г. дважды ѣздилъ курьеромъ въ Парижъ; своими смѣлыми и удачными отвѣтами очень понравился Наполеону и въ 1809 г., во время войны съ Австріей, состоялъ при немъ; въ этомъ же году получилъ званіе флигель-адъютанта. Съ 1810 по 1812 г. Чернышевъ, „l'éternel postillon", безпрестанно ѣздилъ съ письмами Александра I и Наполеона. Роль его, однако, не ограничивалась этимъ, онъ былъ настоящимъ представителемъ Александра I въ Парижѣ, при чемъ обнаружилъ недюжинныя дипломатическія способности и пониманіе положенія дѣлъ. Чернышевъ пользовался своимъ пребываніемъ въ Парижѣ, чтобы, не брезгая никакими путями, раздобыть цѣнныя свѣдѣнія, такъ что Наполеонъ счелъ нужнымъ удалить изъ Парижа, подъ благовиднымъ предлогомъ, опаснаго соглядатая. Чернышевъ участвовалъ въ войнахъ 1812—1815 гг., командуя казачьими партизанскими отрядами; особенно кичился онъ всю свою жизнь взятіемъ города Касселя, не имѣвшимъ особеннаго вліянія на ходъ кампаніи. Наградою за его подвиги, въ свое время прославленные офиціальными историками, были чинъ генералъ-маіора, званіе генералъ-адъютанта и орденъ Георгія 3 степени. Съ 1814 по 1825 г. Чернышевъ почти безотлучно находился при Государѣ и сопровождалъ его въ путешествіяхъ, принимая въ то же время дѣятельное участіе въ устройствѣ войска Донскаго и командуя гвардейской легкой кавалерійской дивизіей. Въ 1826 г. онъ былъ членомъ слѣдственной коммиссіи о декабристахъ, и во все царствованіе Николая I продолжалъ пользоваться монаршимъ благоволеніемъ. Въ 1826 г. былъ назначенъ сенаторомъ и съ этого же года сталъ во главѣ Военнаго министерства, которымъ управлялъ въ теченіе 26 лѣтъ (до 1852 г.), сначала въ качествѣ товарища начальника главнаго штаба и управляющаго министерствомъ, а съ 1832 г. какъ министръ. Въ 1828 г. Чернышевъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а въ 1848 г. предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ. Наградою за его труды были: графское достоинство и чинъ генерала-отъ-кавалеріи (1826 г.), Андреевская лента (1831 г.), княжеское достоинство (1841 г.) и титулъ свѣтлости (1849 г.). Въ 1856 г. Чернышевъ оставилъ службу, сохранивъ только званіе генералъ-адъютанта, и скончался 8 Іюня 1857 г. въ Кастелламаре.

Чернышевъ былъ, что называется, „баловень судьбы" и „любимецъ счастья". Красивый и ловкій, прекрасный танцоръ, „grand mangeur de cœurs", онъ пользовался большимъ успѣхомъ въ обществѣ и въ особенности у дамъ. И въ преклонномъ возрастѣ сохранилъ онъ представительную наружность. Съ лѣтами, однако, исчезли привлекательныя стороны его характера и сильнѣе выдвинулись несимпатичныя: надменность, тщеславіе, хвастливость. Многіе сомнѣвались въ знаніи дѣла и военныхъ подвигахъ Чернышева, находя, что онъ „обязанъ нѣкоторою частью своей славы пространнымъ донесеніямъ своимъ". Съ окружающими Чернышевъ былъ высокомѣренъ, но никогда не позволялъ себѣ въ сношеніяхъ съ подчиненными такихъ грубыхъ пріемовъ, какъ многіе другіе дѣятели Николаевскаго времени. Несмотря на свои крупные недостатки, Чернышевъ, обладавшій несомнѣннымъ умомъ и способностями, по занимаемому имъ положенію долженъ быть признанъ однимъ изъ замѣтныхъ дѣятелей царствованій Александра I и Николая I, хотя и трудно назвать его крупнымъ государственнымъ человѣкомъ. Онъ былъ женатъ 3 раза: на графинѣ Теофилѣ Игнатьевнѣ Моравской († 1828), на княжнѣ Елизаветѣ Александровнѣ Бѣлосельской-Бѣлозерской († 1824) и на графинѣ Елизаветѣ Николаевнѣ Зотовой († 1879).

(Съ миніатюры Ф. Лидера 1822 г.; собраніе Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le prince sérénissime ALEXANDRE IVANOWITCH TCHERNYCHEFF, 1785—1857, fils du sénateur Ivan Lvowitch Tchernycheff et d'Eudoxie Dmitriewna, née Lanskoï, sœur du favori, naquit le 30 décembre 1785. Sous-officier à 15 ans dans la Garde à cheval, il se fit remarquer d'Alexandre Ier, dont la bienveillance le suivit dans toute sa carrière. En 1801, il fut fait page de la chambre, et un an après, promu cornette au régiment des Chevaliers-Gardes, dont le chef Th. Ouvaroff le prit comme aide de camp. Les campagnes de 1805—1807 lui valurent St-Georges de 4e classe. En 1808, il alla deux fois en courrier à Paris et ses réponses hardies et heureuses plurent à Napoléon, à la personne duquel il fut attaché durant la campagne d'Autriche, l'année suivante; cette même année, 1809, il reçut le titre d'aide de camp de S. M. l'Empereur. En 1810—1812, Tchernycheff, „l'éternel postillon“, fut constamment en route avec la correspondance d'Alexandre Ier et de Napoléon. Son rôle ne se bornait cependant pas là: il était le véritable représentant de l'Empereur à Paris et fit preuve de capacités diplomatiques peu communes et d'une profonde intelligence des affaires. Il employa bien son temps à Paris, ne négligeant aucun moyen pour se procurer des renseignements précieux, et Napoléon finit par éloigner de Paris sous un prétexte quelconque cet espion dangereux. Il fit toutes les campagnes de 1812—1815 à la tête de guérillas cosaques. Ses exploits, célébrés en leur temps par les historiens officiels, lui valurent le grade de général major, le titre de général aide de camp et St-Georges de 3e classe. De 1814 à 1825, il fut incessamment attaché à l'Empereur, l'accompagnant dans ses voyages, prenant en même temps une part active à l'organisation des troupes du Don et commandant une division de cavalerie légère de la Garde. En 1824 et 1825, il fut membre de la commission d'enquête des Décabristes, et, durant tout le règne de Nicolas Ier, continua à jouir de la faveur impériale. En 1826, il fut nommé sénateur et mis à la tête du ministère de la guerre, qu'il administra pendant vingt-six ans, jusqu'en 1852, d'abord comme chef adjoint de l'état-major général et gérant du ministère, puis, à partir de 1832, comme ministre. En 1828, il fut nommé membre du Conseil de l'Empire, et en 1848, président du Conseil de l'Empire et du Comité des Ministres. Ses travaux lui valurent la dignité de comte et le grade de général de cavalerie (1826), le cordon de St-André (1831), la dignité de prince (1841) et le titre d'altesse sérénissime (1849). Il quitta le service en 1856 en conservant seulement le titre de général aide de camp et mourut, le 8 juin 1857, à Castellamare.

Tchernycheff fut vraiment un „enfant gâté de la fortune“, un „favori du bonheur“. Elégant et bel homme, excellent danseur, „grand mangeur de cœurs“, il avait un grand succès dans la société et en particulier près des dames. Il conserva malgré la vieillesse son extérieur avantageux; l'âge lui fit cependant perdre les côtés sympathiques de son caractère et mit en relief les autres, l'arrogance, la vanité, la vantardise. Ses talents et ses hauts faits militaires trouvèrent beaucoup d'incrédules, pour lesquels „il devait une certaine part de sa gloire à ses rapports étendus“. Avec son entourage il était hautain, mais sans jamais se permettre dans ses relations avec ses inférieurs la grossièreté de bien des personnages du règne de Nicolas. Malgré ses défauts, il était incontestablement intelligent et bien doué, et doit être regardé comme un des hommes les plus remarquables des règnes d'Alexandre et de Nicolas Ier. Il fut marié trois fois: à la comtesse Théophilie Ignatiewna Morawsky († 1828), à la princesse Elisabeth Bélosselsky-Bélozersky († 1824) et à la comtesse Elisabeth Zotoff († 1879).

(D'après une miniature de Lieder, 1822, collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Князь **ФЕДОРЪ ФЕДОРОВИЧЪ ГАГАРИНЪ**, 1786—1863, сынъ генералъ-маиора князя Федора Сергѣевича, убитаго поляками въ Варшавѣ въ 1794 г., отъ брака съ знаменитой своей красотой и эксцентричностью княжной Прасковьей Юрьевной Трубецкой (во 2-мъ бракѣ Кологривова); 18 лѣтъ началъ службу прапорщикомъ въ Семеновскомъ полку; въ 1806 г. переведенъ корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ, участвовалъ въ бояхъ при Аустерлицѣ, Прейсишъ-Эйлау, Гейльсбергѣ и Фридландѣ. Война, гдѣ бы она ни была, всегда влекла его къ себѣ. Въ мирное время адъютантъ разныхъ видныхъ генераловъ (графа Остерманъ-Толстого, графа Гудовича, князя Багратіона и др.), онъ быстро являлся на поляхъ битвъ, какъ только возникала война: въ 1808 г. онъ участвовалъ въ войнѣ съ Персіей и на штурмѣ Эривани, въ 1811 г.— волонтеромъ въ Турецкой войнѣ и отличился при взятіи Ловчи. Въ Отечественную войну и въ кампаніи 1813 и 1814 гг. онъ участвовалъ во многихъ дѣлахъ, при чемъ 25 Января 1813 г. переведенъ маиоромъ въ Павлоградскій гусарскій полкъ. За взятіе, съ одними казаками и башкирами, крѣпости Девентера, въ Голландіи, получилъ орденъ св. Георгія 4-й ст.; затѣмъ онъ командовалъ 1-мъ Башкирскимъ полкомъ, Тираспольскимъ конно-егерскимъ, Оренбургскимъ уланскимъ, наконецъ, Гродненскимъ гусарскимъ, которымъ командовалъ 8 лѣтъ, пока, 6 Декабря 1827 г., не былъ произведенъ въ генералъ-маиоры. Командуя бригадой 2-й гусарской дивизіи, участвовалъ въ усмиреніи Польскаго мятежа и за штурмъ Варшавы награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени. 30 Декабря 1835 г. совсѣмъ уволенъ отъ службы. Въ концѣ 1825 г. былъ арестованъ по подозрѣнію въ принадлежности къ тайному обществу. Но участіе его было столь незначительно, что 2 Февраля 1826 г. его повелѣно было „выпустить“: онъ не столько участвовалъ въ тайномъ обществѣ, сколько былъ знакомъ только съ нѣкоторыми изъ членовъ общества, зналъ о его существованіи, но, повидимому, не былъ посвященъ въ его намѣренія. Гагаринъ имѣлъ репутацію лихого кавалериста, игрока и дуэлиста. Съ юныхъ лѣтъ онъ старался отличиться разными выходками, о которыхъ ходило не мало разсказовъ. Ему ничего не стоило вызвать кого-нибудь на поединокъ, подставить, шутя, свою грудь подъ выстрѣлъ, или заставить на почтовой станціи какого-то проѣзжаго, подъ пистолетомъ, съѣсть дюжину рябчиковъ, что, какъ говорятъ, дало сюжетъ Загоскину для одной сцены въ его „Юріи Милославскомъ“. Его слабостью въ молодости было желаніе быть вездѣ на первомъ мѣстѣ, въ пожилые годы—стремленіе казаться молодымъ. Въ юности онъ извѣстенъ былъ подъ именемъ „Феденьки“, впослѣдствіи, благодаря полуголой, черепообразной головѣ, рано облысѣвшей—„la tête de mort“. Съ подчиненными офицерами онъ обращался, какъ съ товарищами, и его всегда любили и были ему преданы. Въ молодости масонъ, онъ въ пожилыхъ годахъ показывался на общественныхъ гуляньяхъ въ Варшавѣ съ такими дамами, общество которыхъ признавалось неприличнымъ для русскаго генерала. Выйдя въ отставку, поселился въ Москвѣ, сначала игралъ видную роль въ обществѣ, но съ годами опустился; мало доступный, онъ обратился въ раздражительнаго стараго холостяка, все ругалъ, всѣмъ былъ недоволенъ, сидѣлъ въ халатѣ, единственнымъ удовольствіемъ для него сдѣлалось куреніе трубки. Онъ часто и подолгу живалъ у своей сестры, княгини В. Ф. Вяземской, жены поэта, въ с. Остафьевѣ, близъ Москвы, гдѣ имѣется нѣсколько его портретовъ.

Князь Гагаринъ умеръ 6 Сентября 1863 года, 77 лѣтъ отъ роду.

(Съ миніатюры Волкова 1833 г.; собственность княгини Н. Б. Трубецкой, въ Москвѣ.)

Le prince THÉODORE FÉODOROWITCH GAGARINE, 1786—1863, fils du prince Théodore Sergué-ewitch Gagarine, général major tué par les Polonais à Varsovie en 1794, et de la belle et excentrique princesse Prascovie Youriewna Troubetzkoï (en secondes noces Kologrivoff), débuta au service à 18 ans comme porte-enseigne au régiment Sémenowsky; en 1806, il passa cornette aux Chevaliers-Gardes. Il prit part aux batailles d'Austerlitz, de Preussisch-Eylau, de Heilsberg et de Friedland. Partout où il y avait la guerre, il se sentait attiré; aide de camp en temps de paix de divers généraux en vue, le comte Ostermann-Tolstoï, le comte Goudowitch, le prince Bagration et autres, il s'élançait sur les champs de bataille aussitôt qu'éclatait la guerre: en 1808, il prit part à la campagne de Perse et à l'assaut d'Erivan, en 1811, il alla comme volontaire à la guerre de Turquie et se distingua à la prise de Lovtcha. Lors de la Guerre Patriotique et des campagnes de 1813 et 1814, il fut de plusieurs affaires et, le 25 janvier 1813, passa major aux hussards de Pavlograd. La prise de la forteresse de Deventer, en Hollande, où il n'employa que des cosaques et des Bachkirs, lui valut St-Georges de 4e classe; il commanda ensuite le 1er régiment de Bachkirs, les chasseurs à cheval de Tiraspol, les uhlans d'Orenbourg et, enfin, les hussards de Grodno, qu'il ne quitta qu'au bout de huit ans, pour passer, le 6 décembre 1827, général major. A la tête d'une brigade de la 2e division de hussards, il prit part à la répression du soulèvement de Pologne, et l'assaut de Varsovie lui valut Ste-Anne de 1re classe. Il quitta définitivement le service le 30 décembre 1835. A la fin de 1825, il avait été arrêté sous la prévention d'affiliation à une société secrète. Mais sa participation était si insignifiante qu'il fut relâché le 2 février suivant: sans avoir guère été lui-même de la société, il en connaissait simplement quelques membres, en savait l'existence, mais n'était sans doute pas initié à ses desseins. Gagarine avait une réputation de premier ordre comme cavalier, joueur et spadassin. Tout jeune encore, il se signala à plaisir par diverses incartades qui firent causer beaucoup. C'était un jeu pour lui de provoquer quelqu'un en duel et de découvrir en riant sa poitrine au coup de son adversaire, ou bien, à un relais de poste, de faire avaler une douzaine de cailles à un voyageur en le tenant sous son pistolet, ce qui inspira, dit-on, Zagoskine pour une scène de son Youri Miloslawsky. Son faible était dans sa jeunesse de vouloir être partout au premier rang, dans un âge plus avancé de faire tout pour paraître jeune. Jeune homme, il était connu sous le nom de Fédenka, plus tard, devenu chauve de bonne heure, son crâne dénudé lui fit donner celui de la tête de mort. Il traitait les officiers sous ses ordres en camarades, et tout le monde l'aimait et lui était dévoué. Franc-maçon dans sa jeunesse, il se montra plus tard dans les endroits publics de Varsovie en compagnie de personnes dont la société passait pour inconvenante pour un général russe. A sa retraite, il se fixa à Moscou; il y joua d'abord un rôle marquant dans la société, mais l'âge le fit bien tomber: il devint d'un abord difficile et se changea en vieux garçon hargneux, criant après tout le monde, mécontent de tout, toujours en robe de chambre et sans autre plaisir que de fumer sa pipe. Il allait souvent faire de longs séjours chez sa sœur, la princesse V. Viazemsky, femme du poète, à Ostafievo, aux environs de Moscou, où il y a plusieurs portraits de lui.

Le prince Gagarine mourut le 6 septembre 1863, à l'âge de 77 ans.

(D'après une miniature de Volkoff, 1833, appartenant à la princesse N. Troubetzkoï, Moscou.)

Князь СЕРГѢЙ ФЕДОРОВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ, 1749—1810, сынъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника князя Федора Сергѣевича отъ брака съ графиней Анной Григорьевной Чернышевой, родился 5 Ноября 1749 г.; учился въ кадетскомъ корпусѣ, при чемъ особенно любилъ математику и хорошо зналъ нѣмецкій и французскій языки. Родной племянникъ графа З. Г. Чернышева, женившійся 25 Января 1779 г. на любимой племянницѣ Потемкина, Варварѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ (1757—1815; см. № 7), Голицынъ въ своей служебной карьерѣ имѣлъ сильныхъ покровителей, хотя свѣтлѣйшій и не долюбливалъ князя, отбившаго у него его „улыбочку Вареньку", влюбившуюся въ Голицына. Начавъ службу въ 1756 г., онъ участвовалъ въ 1-й Турецкой войнѣ и 26 Ноября 1774 г. получилъ орденъ св. Георгія 4 кл., а 22 Сентября 1775 г., будучи подполковникомъ Смоленскаго драгунскаго полка, пожалованъ во флигель-адъютанты; въ 1779 г. произведенъ въ генералъ-майоры и принялъ участіе во 2-й Турецкой войнѣ, во время которой особенно отличился въ битвѣ при Мачинѣ, въ 1791 г., при чемъ, 30 Апрѣля этого года, награжденъ орденомъ св. Георгія 2 степени. Произведенный въ 1788 г. въ генералъ-поручики, въ 1792 г. получилъ орденъ св. Станислава 1 ст., Бѣлаго орла и св. Александра Невскаго и въ 1794 г.—св. Владиміра 1 ст. Въ царствованіе Павла былъ уволенъ въ отставку и жилъ въ селѣ Козацкомъ, доставшемся ему отъ Потемкина, а затѣмъ поселился въ купленномъ имъ самимъ селѣ Зубриловкѣ, Балашовскаго уѣзда, на Хопрѣ. Зубриловка сдѣлалась любимымъ мѣстомъ пребыванія и его, и его жены; они не щадили средствъ на устройство усадьбы и украшеніе дома-дворца, собрали здѣсь большую библіотеку и рѣдкія произведенія искусства. Въ настоящее время и роскошная усадьба, и всѣ драгоцѣнности, кромѣ нѣсколькихъ портретовъ, бывшихъ на выставкѣ въ Таврическомъ дворцѣ, погибли во время погрома въ Октябрѣ 1905 года. Со вступленіемъ на престолъ Александра I Голицынъ былъ назначенъ 5 Іюня 1801 г. генералъ-губернаторомъ въ Ригу и инспекторомъ по инфантеріи въ Лифляндіи, съ производствомъ въ генералы-отъ-инфантеріи; 27 Мая 1802 г. получилъ Андреевскую ленту, а 4 Сентября 1804 г. вышелъ въ отставку; 27 Марта 1809 г. вновь принятъ на службу и назначенъ командиромъ корпуса, двинутаго въ Галицію. 1 Января 1810 г. пожалованъ въ члены Государственнаго Совѣта, извѣстіе о чемъ было получено на другой день послѣ его смерти, послѣдовавшей скоропостижно въ Тарнополѣ, въ Галиціи, 7 Января; 20 Января тѣло было погребено въ Зубриловкѣ.

Отъ брака съ В. В. Энгельгардтъ князь С. Ф. Голицынъ имѣлъ 10 сыновей: Григорія (1779—1848), Федора (1781—1826), Сергѣя (1783—1838), Михаила (1784—1807), Захара (1785—1792), Николая (1787—1807), Павла (1788—1837), Александра (1789—1858), Василія (1792—1856) и Владиміра (1794—1861); кромѣ того, онъ имѣлъ еще воспитанника, капитана Таманскаго.

Воспитателемъ сыновей былъ знаменитый Крыловъ, но князь „больше всего заботился о физическомъ образованіи сыновей и желалъ ихъ видѣть молодцами; развитіе же ихъ умственныхъ способностей оставлено было на произволъ судьбы". Вигель, воспитывавшійся въ домѣ Голицына, такъ характеризуетъ князя: „Небольшого роста, онъ былъ сложенія плотнаго, чрезвычайно полнокровный; одинъ глазъ былъ косой, и онъ имѣлъ обыкновеніе его прищуривать, что придавало ему видъ нѣсколько насмѣшливый; улыбка выражала всегда добродушіе. Кажется, кромѣ военной исторіи и стратегическихъ книгъ, другого чтенія не было; въ хозяйственныя дѣла не мѣшался. Игралъ въ шахматы и всегда побѣждалъ; осень и начало зимы было для него лучшее время: по цѣлымъ онъ днямъ гонялся за зайцами. Склонности его были молодецкія. Смолоду былъ отчаянный игрокъ и часто проигрывался до послѣдней копейки; выигравъ нѣсколько сотъ тысячъ, онъ побѣдилъ свою страсть и пересталъ играть; страсть къ женщинамъ превратилась въ постоянную любовь къ одной. Благородство души неимовѣрное, оно не дозволяло зависти ея коснуться; несправедливость Царя не измѣнила его чувства къ Россіи, и онъ сердечно радовался вѣстямъ изъ Италіи и горевалъ о Цюрихѣ"... Слабости вѣка, однако, не чужды были и князю Голицыну, онъ не прочь былъ пріумножить свои богатства средствами въ духѣ того времени: въ 1786 г., когда у вельможъ явилась „мода просить земель" въ Саратовскомъ намѣстничествѣ, и онъ просилъ П. С. Потемкина, „яко благодѣтеля, всѣхъ онною награждающаго, пошарить по планамъ" и „побольше и получше ему отвести, коли можно съ рыбными ловлями, ибо, по болѣзни своей, сдѣлалъ обѣщаніе по постамъ не ѣсть мяса, то, слѣдственно, только долженъ буду ѣсть, коли своей не будетъ рыбы, одинъ хлѣбъ".

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le prince SERGE FÉODOROWITCH GOLITZYNE, 1749—1810, fils du prince Théodore Serguéewitch, conseiller d'état actuel, et de la comtesse Anna Grigoriewna Tchernycheff, naquit le 5 novembre 1749; au Corps des Cadets, il avait un goût particulier pour les mathématiques et savait bien l'allemand et le français. Neveu du comte Z. Tchernycheff et marié, le 25 janvier 1779, à la nièce préférée de Potemkine, Varvara Vassiliewna Engelhardt (1757—1815; v. № 7), il eut dans sa carrière des protecteurs puissants, et pourtant Potemkine ne lui pardonnait pas de lui avoir soufflé sa „petite risette de Varia", devenue amoureuse de Golitzyne. Entré au service en 1756, il prit part à la première guerre de Turquie, reçut, le 26 novembre 1774, l'ordre de St-Georges de 4e classe, et, le 22 septembre 1775, lieutenant-colonel aux dragons de Smolensk, fut fait aide de camp de Sa Majesté. En 1779, il fut promu général major et fit la seconde campagne de Turquie, pendant laquelle il se distingua particulièrement à la prise de Matchine, en 1791, et, le 30 avril de la même année, fut décoré de St-Georges de 2e classe. Promu général lieutenant en 1788, il reçut en 1792 St-Stanislas de 1re classe, l'Aigle Blanc et St-Alexandre Newsky, et en 1794 St-Vladimir de 1re classe. Sous le règne de Paul, il fut mis à la retraite et se retira dans ses terres de Kozatzkoïé, héritage de Potemkine, puis se fixa dans le domaine qu'il avait acheté lui-même à Zoubrilowka, district de Balachoff. Zoubrilowka devint pour lui et sa femme leur résidence favorite: ils ne ménagèrent rien pour son installation et pour l'ornement de la maison d'habitation, un palais où furent rassemblées une grande bibliothèque et une collection d'objets rares. Il ne reste rien aujourd'hui du luxueux manoir et de tous ses trésors: à part quelques portraits qui figuraient à l'exposition du Palais de Tauride, tout a péri dans le pillage d'octobre 1905. A l'avènement d'Alexandre Ier, Golitzyne fut nommé, le 5 juin 1801, général gouverneur de Riga et inspecteur de l'infanterie en Livonie, et promu en même temps général d'infanterie; le 27 mai 1802, il reçut le cordon de St-André et fut mis à la retraite le 4 septembre 1804. Il reprit du service le 27 mars 1809 comme commandant en chef du corps d'occupation de la Galicie. Fait membre du Conseil de l'Empire le 1er janvier 1810, il n'en reçut pas la nouvelle: il était mort subitement le 7 janvier à Tarnopol en Galicie, la veille du jour où elle arriva; il fut inhumé le 20 janvier à Zoubrilowka.

De son mariage avec Varvara Engelhardt, le prince Golitzyne eut dix fils, Grégoire (1779—1848), Théodore (1781—1826), Serge (1783—1838), Michel (1784—1807), Zakhare (1785—1792), Nicolas (1787—1807), Paul (1788—1837), Alexandre (1789—1858), Basile (1792—1856) et Vladimir (1794—1861); il eut de plus un pupille, le capitaine Tamansky.

Le précepteur de ses fils fut le célèbre fabuliste Kryloff, mais le prince „ne s'inquiétait guère que de leur développement physique et voulait en faire des gaillards; quant au côté intellectuel de leur éducation, il était laissé à la grâce de Dieu". Wiegel, qui fut élevé chez le prince, le caractérise ainsi: „De petite taille, il était trapu et extrêmement sanguin. Il louchait d'un œil, dont il avait l'habitude de cligner, ce qui lui donnait un air moqueur; son sourire avait toujours une expression de bonhomie. Il n'avait sans doute d'autre lecture que l'histoire et l'art militaires; il ne se mêlait de rien dans son intérieur. Il jouait aux échecs et gagnait toujours; le meilleur temps pour lui était l'automne et le commencement de l'hiver: il passait des journées entières à la chasse au lièvre. Ses goûts étaient ceux d'un jeune homme. Joueur acharné dans sa jeunesse, il perdait souvent jusqu'à son dernier sou: après avoir gagné plusieurs centaines de mille roubles, il dompta sa passion et cessa de jouer; sa passion pour les femmes fit place à un amour constant pour une seule. D'une invraisemblable noblesse de cœur, il était inaccessible à l'envie; l'injustice de l'Empereur ne changea pas ses sentiments à l'égard de la Russie, et il se réjouit sincèrement des nouvelles d'Italie et s'affligea de Zurich".... Les faiblesses du siècle n'épargnèrent pourtant pas non plus le prince Golitzyne: il ne demandait pas mieux que de s'enrichir par des moyens dans le goût du temps, et lorsque, en 1786, se répandit parmi les grands seigneurs „la mode de demander des terres" dans la lieutenance de Saratoff, il pria lui aussi Potemkine, „comme un bienfaiteur qui ne refusait à personne, de tâter un peu les plans" et „de lui attribuer un bon morceau et du meilleur, autant que possible avec des pêcheries, car il avait fait pour sa santé le vœu de ne pas manger de viande aux carêmes, et alors, s'il n'avait pas de poisson à lui, il n'aurait que du pain sec".

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

56

[illegible]

Александръ Ивановичъ Черньшевъ, *1785 — 1857* — *Alexandre Ivanowitch* Tchernycheff, *1785 — 1857*

57

Пис. Волковъ. 1833 — Peint par Volkoff. 1833

Князь Федоръ Федоровичъ Гагаринъ, *1786 — 1863* — *Le prince Théodor Féodorowitch* Gagarine, *1786 — 1863*

58

Князь Сергѣй Федоровичъ Голицынъ, *1749 — 1810* — *Le prince Serge Féodorowitch* Golitzyne, *1749 — 1810*

59

ТЕОФИЛА ИГНАТЬЕВНА ЧЕРНЫШЕВА, 1791—1828, первая жена генералъ-адъютанта, впослѣдствіи свѣтлѣйшаго князя, А. И. Чернышева (1785—1857), дочь графа Игнатія-Карла Моравскаго, генералъ-майора и камергера, 14 лѣтъ отъ роду, 15 Сентября 1805 г., противъ своей воли была выдана родителями замужъ за графа Осипа Старженскаго, но уже въ Іюнѣ 1807 г. оставила мужа и вернулась въ семью отца. Причиною разъѣзда ея съ мужемъ былъ романъ ея съ княземъ Доминикомъ Радзивилломъ, герцогомъ Олыкскимъ, отъ котораго она имѣла сына Александра, родившагося 27 Февраля 1807 г. и непризнаннаго Старженскимъ. О признаніи этого сына, по второму мужу, Радзивилломъ она тщетно хлопотала позднѣе. Разведясь съ Старженскимъ 5 Сентября 1808 г., она повѣнчалась 15 Марта 1809 г. съ княземъ Радзивилломъ (1786—1813), отъ котораго имѣла еще дочь Стефанію (1809—1832), вышедшую замужъ за князя Льва Петровича Витгенштейна. Овдовѣвъ въ 1813 г., княгиня Т. И. Радзивиллъ вступила въ третій бракъ съ А. И. Чернышевымъ, тогда еще молодымъ генераломъ, страстно въ нее влюбившимся. Но и этотъ бракъ былъ недолговѣченъ и окончился разводомъ. Уже въ 1818 г. князь Вяземскій писалъ А. Я. Булгакову изъ Варшавы: „Слухи о разводѣ Чернышевой, вѣроятно, перешли къ вамъ отъ насъ... Ревность и дурачество Чернышева подали поводъ къ этимъ сказкамъ. Онъ отъ Орлова (Алексѣя Федоровича) блѣднѣлъ и краснѣлъ, какъ мѣсяцъ въ небесахъ, и таялъ, какъ свѣча отъ огня. Константинъ Павловичъ (Великій Князь) говорилъ, что онъ видѣлъ вмѣстѣ le présent, le passé et le futur, т.-е. Артюра Потоцкаго, Чернышева и Орлова. Впрочемъ, будущее это не сдѣлалось еще настоящимъ“.—„Сказки“, однако, скоро оказались дѣйствительностью: въ 1819 г. Чернышева оставила мужа и уѣхала въ Парижъ. Тогда же, вѣроятно, началось и дѣло о ея разводѣ, тянувшееся, впрочемъ, очень долго, какъ видно изъ письма Булгакова по поводу вторичной женитьбы Чернышева. „Бѣдный Чернышевъ“, пишетъ онъ въ 1822 г., „вознаградитъ себя за все то, что претерпѣлъ отъ сатаны, первой своей жены. Здѣсь уже говорятъ, что она хочетъ свадьбѣ помѣшать и пріѣхать съ мужемъ мириться“.

Т. И. Чернышева скончалась въ Варшавѣ 14 Сентября 1828 года. Не лишена интереса характеристика ея, которую дѣлаетъ князь Вяземскій въ письмѣ къ Тургеневу: „Нѣтъ на свѣтѣ женщины ея страннѣе, и, узнавши ее покороче, увѣришься, что она не столько развратна, какъ превратна. Жизнь для нея, какъ кусокъ, котораго никакъ проглотить не можетъ; оттого-то она такъ и морщится, и кривляется. Должно признаться, что приторный Чернышевъ совсѣмъ не по вкусу ей былъ. Здѣшнія женщины не терпятъ петербургскаго умничанья. Имъ нужны сильныя ощущенія, и онѣ скорѣе влюбятся въ палача, чѣмъ мирлифлора или генералъ-адъютанта“.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

59

THÉOPHILIE IGNATIEWNA TCHERNYCHEFF, 1791—1828, première femme du général aide de camp, plus tard prince sérénissime A. Tchernycheff (1785—1857), était fille du comte Ignace-Charles Morawsky, général major et chambellan. A l'âge de 14 ans, le 15 septembre 1805, ses parents la marièrent contre son gré au comte Joseph Stargensky, qu'elle quitta dès le mois de juin 1807 pour revenir chez son père. La séparation tenait à sa liaison avec le prince Dominique Radziwill, dont elle avait eu un fils, Alexandre, né le 27 février 1807 et non reconnu par Stargensky. Elle fit longtemps après, en 1822, des démarches infructueuses pour l'adopter. Divorcée le 5 septembre 1808, elle se remaria le 15 mars suivant avec le prince Radziwill (1786—1813), dont elle eut encore une fille, Stéphanie (1809—1832), mariée au prince Léon Wittgenstein. Devenue veuve en 1813, la princesse Radziwill se remaria avec A. Tchernycheff, encore jeune général et amoureux fou d'elle. Mais ce troisième mariage ne fut pas non plus de longue durée et finit également par un divorce. En 1818 déjà, le prince Viazemsky écrivait de Varsovie à Alexandre Boulgakoff: „Le bruit du divorce de Mme Tchernycheff est sans doute arrivé jusqu'à vous... Ce sont la jalousie et la sottise de Tchernycheff qui ont donné naissance à ces contes. Alexis Orloff le fait pâlir et rougir comme la lune dans le ciel et fondre comme un cierge au feu. Constantin Pavlowitch" (le Grand-Duc) „dit qu'il a vu à la fois le présent, le passé et le futur, Arthur Potocki, Tchernycheff et Orloff. Du reste, ce futur n'est pas encore devenu le présent". Les „contes" pourtant furent bientôt une réalité: en 1819, Mme Tchernycheff quitta son mari et partit pour Paris. Ce fut probablement là que commença son affaire de divorce, qui traîna d'ailleurs fort longtemps, comme le montre une lettre de Boulgakoff où il est question, en 1822, du second mariage de Tchernycheff: „Pauvre Tchernycheff, il va se dédommager de tout ce que son démon de première femme lui a fait voir. Ici on dit qu'elle veut empêcher le mariage et venir se réconcilier".

Mme Tchernycheff mourut à Varsovie, le 14 septembre 1828. Une appréciation assez curieuse d'elle est celle que donne le prince Viazemsky dans une lettre écrite de Varsovie à Tourguéneff: „Il n'y a pas au monde de femme plus étrange qu'elle, et, en y regardant de près, on s'aperçoit qu'elle n'est pas tant dépravée que dévoyée. La vie est pour elle comme une bouchée qu'il n'y a pas moyen d'avaler: c'est pour cela qu'elle fait tant de contorsions et de grimaces. Il faut convenir que ce fadasse de Tchernycheff n'était pas du tout à son goût. Les femmes d'ici ne peuvent pas souffrir les subtilités de Pétersbourg: il leur faut des sensations fortes, et elles aimeront mieux s'amouracher du bourreau que d'un mirliflore ou d'un général aide de camp".

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

60

ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСАНДРОВНА ЧЕРНЫШЕВА, 1803—1824, вторая жена генералъ-адъютанта, позднѣе графа и свѣтлѣйшаго князя, А. И. Чернышева, дочь оберъ-шенка князя Александра Михайловича Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго (1752—1809) отъ второго его брака съ Анной Григорьевной Козицкой (1767—1842), родилась 23 Сентября 1803 года. Въ 1822 г. она стала невѣстой Чернышева, но свадьба состоялась лишь въ слѣдующемъ году, подъ предлогомъ „молодости невѣсты", но въ сущности, когда окончательно прекратились юридическія отношенія жениха къ первой его женѣ. 12 Января 1824 г. Е. А. Чернышева скончалась отъ несчастныхъ родовъ. Погребена вмѣстѣ съ мертворожденнымъ ребенкомъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Смерть этой молодой женщины, отличавшейся умомъ, скромностью и добротою, вызвала всеобщее сожалѣніе въ петербургскомъ свѣтѣ. „Il est malheureux, Tchernycheff, en femmes", писалъ о немъ Булгаковъ по поводу кончины его второй жены, „l'une a fait son malheur en vivant, l'autre en mourant".

(Съ миніатюры, принадлежащей князю К. Э. Бѣлосельскому-Бѣлозерскому, С.-Петербургъ.)

60

ÉLISABETH ALEXANDROWNA TCHERNYCHEFF, 1803—1824, seconde femme du général aide de camp, plus tard comte et prince sérénissime, A. Tchernycheff, fille du prince Alexandre Mikhaïlowitch Bélosselsky-Bélozersky (1752—1809), grand échanson, et de sa seconde femme, la princesse Anne Grigoriewna, née Kozitzky (1767—1842), naquit le 23 septembre 1803. En 1822, elle devint la fiancée de Tchernycheff, mais le mariage n'eut lieu que l'année suivante, après sa séparation légale avec sa première femme. Elisabeth Tchernycheff mourut en couches, le 12 janvier 1824, et fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky, avec son enfant mort-né.

La fin précoce de cette jeune femme, intelligente, modeste et bonne, causa d'unanimes regrets dans la société de Pétersbourg. „Il est malheureux, Tchernycheff, en femmes", écrivait Boulgakoff à sa mort: „l'une a fait son malheur en vivant, l'autre en mourant".

(D'après une miniature appartenant au prince C. Bélosselsky-Bélozersky, St-Pétersbourg.)

61

Княгиня ЕЛИЗАВЕТА НИКОЛАЕВНА ЧЕРНЫШЕВА, 1809—1879, дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника графа Николая Ивановича Зотова, женатаго на княжнѣ Еленѣ Алексѣевнѣ Куракиной, была третьей женой А. И. Чернышева, овдовѣвшаго 12 Января 1824 года. Тотчасъ послѣ свадьбы, состоявшейся 16 Сентября 1825 г., Чернышевъ увезъ молодую жену въ Таганрогъ, гдѣ лежалъ уже на смертномъ одрѣ Императоръ Александръ I. Третьей женѣ Чернышева суждено было раздѣлить съ нимъ величіе и почести, выпавшія на его долю при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, возведшемъ его въ 1826 г. въ графское, а въ 1841 г. въ княжеское достоинство и пожаловавшемъ ему титулъ свѣтлости въ 1849 году. Пожалованная въ статсъ-дамы 5 Декабря 1837 г., свѣтлѣйшая княгиня Чернышева получила 5 Декабря 1850 г. орденъ св. Екатерины I класса. Будучи женщиной хорошо образованной и высокихъ достоинствъ, она занимала первенствующее положеніе въ столичномъ обществѣ, такъ строго относившемся къ ея мужу въ началѣ его служебной карьеры. Гостиная ея, въ домѣ нынѣ Балашева, на Малой Морской, считалась одной изъ самыхъ неприступныхъ въ Петербургѣ, а дочерей своихъ она воспитывала и держала, какъ великихъ княженъ.

Княгиня Е. Н. Чернышева скончалась въ 1879 г., оставивъ сына, князя Льва Александровича (1837—1864), женатаго на Титовой, и трехъ дочерей, изъ коихъ старшая, княжна Елизавета Александровна (1826—1902), была замужемъ за княземъ В. И. Барятинскимъ, вторая, княжна Александра Александровна († 1892 г.), — за княземъ Д. А. Лобановымъ-Ростовскимъ, и третья, княжна Марія (р. 1849 г.), не была замужемъ, фрейлина.

(Съ миніатюры, принадлежащей князю А. А. Куракину, въ С.-Петербургѣ.)

61

La princesse ÉLISABETH NIKOLAEWNA TCHERNYCHEFF, 1809—1879, fille du comte Nicolas Ivanowitch Zotoff, conseiller d'état actuel, et d'Hélène Alexéewna, née princesse Kourakine, fut la troisième femme de A. Tchernycheff, veuf depuis le 12 janvier 1824. Immédiatement après le mariage, qui eut lieu le 16 septembre 1825, Tchernycheff emmena sa jeune femme à Taganrog, où l'Empereur Alexandre Ier était déjà sur son lit de mort. La troisième femme de Tchernycheff devait partager avec lui l'élévation et les honneurs qui lui échurent en partage sous Nicolas Ier: en 1826, il fut élevé à la dignité de comte, en 1841 à celle de prince, et en 1849, il reçut le titre d'altesse sérénissime. Faite dame d'honneur le 5 décembre 1837, la princesse sérénissime Tchernycheff fut décorée le 5 décembre 1850 de Ste-Catherine de 1re classe. Avec sa bonne instruction et ses grands mérites, elle occupa une situation prépondérante dans la société pétersbourgeoise, qui avait été si sévère pour son mari dans les commencements de sa carrière à la Cour. Son salon de la Petite Morskaïa, dans la maison qui appartient aujourd'hui à la famille Balacheff, passait pour un des plus inaccessibles de la capitale, et elle élevait ses filles et les tenait comme des grandes-duchesses.

La princesse Tchernycheff mourut en 1879, en laissant un fils, Léon (1837—1864), qui épousa Mlle Titoff, et trois filles, dont l'aînée, Elisabeth (1826—1902), épousa le prince Vladimir Bariatinsky, la seconde, Alexandrine († 1892), le prince Dmitri Lobanoff-Rostowsky, et la troisième, Marie (née 1849), ne se maria pas et fut demoiselle d'honneur.

(D'après une miniature appartenant au prince A. Kourakine, St-Pétersbourg.)

60

Елизавета Александровна	*Elisabeth Alexandrowna*
Чернышева,	*Tchernycheff,*
1803 — 1824	*1803 — 1824*

59

Теофила Игнатьевна	*Théophilie Ignatiewna*
Чернышева,	*Tchernycheff,*
1791 — 1828	*1791 — 1828*

61

Княгиня Елизавета Николаевна	*La Princesse Elisabeth Nikolaewna*
Чернышева,	*Tchernycheff,*
1809 — 1879	*1809 — 1879*

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА ДИВОВА, 1762—1813, была дочь гр. Петра-Іоны Александровича Бутурлина; мать ея, гр. Марія Романовна, рожденная графиня Воронцова, старшая сестра кн. Дашковой, извѣстная своими заграничными похожденіями красавица. Отъ нея, вѣроятно, и унаслѣдовала Е. П. Дивова, если не внѣшность свою, не отличавшуюся красотой, то свою восторженную, увлекающуюся натуру, легкость нравовъ и любовь къ авантюристической жизни. Будучи фрейлиной Екатерины II, она въ 1784 г. вышла за много ея старшаго по лѣтамъ, бывшаго корнета Конной гвардіи, впослѣдствіи тайнаго совѣтника Адріана Ивановича Дивова († 1814). Въ томъ же году Дивова, вмѣстѣ съ своимъ братомъ и нѣкоторыми другими лицами, была заподозрѣна въ составленіи сатиры съ карикатурами на многихъ придворныхъ, гдѣ не пощажена была и Императрица. За это Дивовы и Бутурлины были на время удалены изъ столицы, а фрейлина Эльмитъ даже высѣчена. Въ 1792 г. Дивова отправилась съ мужемъ въ Стокгольмъ, куда онъ былъ посланъ для поздравленія Густава IV съ восшествіемъ на престолъ, и въ Петербургѣ ходило много слуховъ объ ея интригахъ при шведскомъ дворѣ, гдѣ, пользуясь своимъ вліяніемъ на очарованнаго ею регента, герцога Зюдерманландскаго, она старалась добиться назначенія мужа посланникомъ. Вернувшись въ Петербургъ, Дивова широко открыла двери своего гостепріимнаго дома на Милліонной стекавшимся въ Петербургъ французскимъ эмигрантамъ, и гостиная ея получила прозваніе: „le petit Coblence“; въ то же время она сильно увлекалась знаменитымъ теноромъ Мандини и съ другими его великосвѣтскими почитательницами бывала на вечерахъ у его жены, отставной кокотки, на которыхъ Мандини не стѣснялся появляться въ халатѣ. Въ 1798 г. Дивовы, „подъ предлогомъ болѣзни жены“, уѣхали за границу и, поживъ въ Вѣнѣ, Берлинѣ и на водахъ, поселились, въ 1801 г., въ Парижѣ, на Елисейскихъ поляхъ. Очарованная заграничной жизнью и проживая большія деньги, Дивова играла видную роль въ смѣшанномъ Парижскомъ обществѣ первой Имперіи, перезнакомилась съ г-жами Таллейранъ, Жюно и Рекамье и безъ труда проникла ко двору Перваго Консула; подружившись съ Жозефиной Бонапартъ, она была постоянной гостьей въ Мальмезонѣ. Въ Парижѣ ходили странные слухи о Дивовыхъ; говорили, что ими взятъ на откупъ у полиціи игорный домъ, приносившій имъ до 500 франковъ дохода въ день, и что они занимались пересылкой контрабанды въ Россію.

Передъ началомъ Отечественной войны Дивовы возвратились въ Россію и поселились въ своемъ домѣ въ Москвѣ, на Б. Дмитровкѣ, рядомъ съ Университетской типографіей, а лѣто проводили въ своемъ имѣніи Соколовѣ (въ 2 в. отъ ст. Химки). Они перенесли съ собой въ Россію всѣ модныя парижскія привычки и, между прочимъ, принимали утреннихъ посѣтителей, лежа на двуспальной кровати, оба, мужъ и жена, въ высокихъ ночныхъ чепцахъ съ розовыми бантами. Предъ сдачей Москвы французамъ Дивовы бѣжали въ Нижній Новгородъ; тамъ Елизавета Петровна заболѣла и впала въ умопомѣшательство, отчасти отъ долгой неизвѣстности о любимомъ своемъ сынѣ „Коко“, находившемся въ дѣйствующей арміи. Перевезенная въ Москву въ сопровожденіи доктора Мудрова, котораго преданные разореннымъ Дивовымъ крѣпостные на свой счетъ выписали къ больной, Дивова скончалась весной 1813 г. и похоронена, какъ и мужъ ея, въ с. Соколовѣ, оставивъ послѣ себя трехъ сыновей: Петра, Николая и Александра.

Данный Дивовой теноромъ Мандини девизъ „Sempre pazza“ (всегда сумасшедшая), которымъ она очень гордилась, какъ нельзя болѣе подходилъ къ ея оригинальной личности. Взбалмошная и сумасбродная, свѣтская женщина и большая интригантка, она была эксцентрична и вспыльчива до крайности, въ припадкѣ гнѣва доходила до того, что разъ бросила своему младшему сыну, котораго ненавидѣла, упрекъ въ незаконности его рожденія, что такъ подѣйствовало на него, что онъ отказался отъ свѣта и перешелъ въ католичество. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не напечатанъ интересный „Дневникъ“, веденный Дивовой во время пребыванія за границей, въ которомъ, въ нѣсколькихъ строкахъ, ею ярко очерчено ея собственное міросозерцаніе. „Много денегъ“, откровенно говоритъ она, „хорошее здоровье, холодный разсудокъ, сердце, менѣе чувствительное, чѣмъ то, которое дано намъ, бѣднымъ смертнымъ, немного эгоизма и французскаго легкомыслія, при всемъ этомъ никогда не покидать Парижа—вотъ что нужно, по-моему, для полнаго счастья на землѣ“.

(Съ миніатюры, принадлежащей князю А. А. Куракину, въ С.-Петербургѣ.)

ÉLISABETH PÉTROWNA DIVOFF, 1762—1813, était fille du comte Pierre-Jonas Alexandrowitch Boutourline et de la comtesse Marie Romanowna, née comtesse Worontzoff, sœur aînée de la princesse Dachkoff et connue pour sa beauté et ses aventures à l'étranger. C'est sans doute de sa mère que la comtesse Elisabeth tenait sinon son extérieur peu avantageux, du moins son naturel enthousiaste et ardent, sa légèreté et son amour de la vie aventureuse. Demoiselle d'honneur de Catherine II, elle prit, en 1784, un mari beaucoup plus âgé qu'elle, Adrien Ivanowitch Divoff († 1814), ancien cornette de la Garde à cheval et plus tard conseiller privé. Elle fut, la même année, impliquée, ainsi que son frère et quelques autres encore, dans une affaire de satire et de caricatures contre un certain nombre de personnes de la Cour et où l'Impératrice même n'était pas épargnée: les Divoff et Boutourline durent quitter pour quelque temps la capitale, et une demoiselle d'honneur, Mlle Elmpt, fut même fouettée. En 1792, Mme Divoff partit pour Stockholm avec son mari, chargé de féliciter Gustave IV à l'occasion de son avènement, et on causa beaucoup à Pétersbourg de ses intrigues à la Cour de Suède, où elle mit à profit son influence sur le régent, Duc de Sudermanie, qui s'était épris d'elle, pour s'efforcer de faire nommer son mari ambassadeur. De retour à Pétersbourg, elle ouvrit toutes grandes aux émigrés français les portes de sa maison de la Millionnaïa, et son salon hospitalier fut appelé Le Petit Coblence. Elle se prit à cette époque d'une vive passion pour le célèbre ténor Mandini, et fut des grandes dames ses admiratrices qui allèrent aux soirées de sa femme, une ancienne demi-mondaine, où lui ne craignait pas de paraître en robe de chambre. En 1798, „pour raisons de santé", elle partit pour l'étranger avec son mari; ils habitèrent Vienne, Berlin, les villes d'eaux et, en 1801, se fixèrent à Paris, aux Champs-Elysées. Enchantée de la vie à l'étranger et dépensant beaucoup d'argent, Mme Divoff eut une place marquante dans la société mélangée du premier Empire, fit successivement connaissance avec Mmes Talleyrand, Junot et Récamier et n'eut pas de peine à s'introduire à la Cour du Premier Consul; elle se lia d'amitié avec l'Impératrice Joséphine et devint une habituée de la Malmaison. A Paris, des bruits étranges couraient sur le compte des Divoff: on prétendait que la police leur avait affermé une maison de jeu qui leur rapportait jusqu'à cinq cents francs par jour et qu'ils faisaient de la contrebande avec la Russie.

Au moment de la Guerre Patriotique, ils rentrèrent en Russie, se fixèrent à Moscou dans leur maison de la Grande Dmitrovka, et passèrent l'été aux environs, dans leur propriété de Sokolovo. Ils avaient rapporté toutes les habitudes en vogue à Paris: ainsi, ils recevaient leurs visites du matin au lit ensemble, en grands bonnets de nuit à rubans roses. Avant la reddition de Moscou, ils se réfugièrent à Nijny-Novgorod; là, Mme Divoff tomba malade et fut frappée d'aliénation mentale, en partie faute de nouvelles de son fils préféré Coco, qui était à la guerre. Ramenée à Moscou avec le docteur Moudroff, que, dans leur attachement pour leurs maîtres ruinés, les paysans des Divoff lui avaient envoyé à leurs frais, elle mourut au printemps de 1813 et fut inhumée, ainsi que son mari, à Sokolovo. Elle laissait trois fils, Pierre, Nicolas et Alexandre.

La devise donnée à Mme Divoff par le ténor Mandini, et dont elle était très fière, Sempre pazza (Toujours folle), convenait on ne peut mieux à sa personnalité originale. Ecervelée et extravagante, très mondaine et grande intrigante, elle était d'une excentricité et d'un emportement extrêmes: dans un accès de colère, elle se laissa entraîner à lancer à son plus jeune fils, qu'elle détestait, le reproche de son illégitimité; l'effet produit fut tel, qu'il se retira du monde et se convertit au catholicisme. Elle avait tenu à l'étranger un curieux Journal, qui n'a malheureusement pas encore été publié, et où elle donne en quelques lignes une esquisse bien nette de sa philosophie personnelle: „Beaucoup d'argent", écrit-elle avec désinvolture, „une bonne dose de santé, la tête froide, le cœur moins sensible que nous ne l'avons, pauvres mortels, un tant soit peu d'égoïsme, un peu de la légèreté française dans le caractère, avec tout cela il faudrait pouvoir ne jamais quitter Paris, et alors, à mon avis, le bonheur parfait existerait sur terre!"

(D'après une miniature appartenant au prince A. Kourakine, St-Pétersbourg.)

АЛЕКСАНДРЪ СЕМЕНОВИЧЪ ВАСИЛЬЧИКОВЪ, 174 . — 1803, сынъ Семена Григорьевича и Маріи Богдановны, рожденной Жадовской, происходилъ изъ древней Московской дворянской фамиліи, гордившейся тѣмъ, что изъ нея вышла одна изъ супругъ царя Ивана Васильевича Грознаго, Анна Григорьевна Васильчикова (монахиня Дарія, † 7 Января 1626 г.). А. С. Васильчиковъ, корнетъ (съ 19 Апрѣля 1765 г., изъ вахмистровъ) Конной гвардіи, весной и лѣтомъ 1772 г. часто бывалъ въ караулахъ въ Царскомъ Селѣ. Екатерина замѣчала уже давно охлажденіе къ себѣ графа Г. Г. Орлова, находившагося въ это время на Фокшанскомъ конгрессѣ; оскорбленная въ своихъ лучшихъ чувствахъ, Императрица обратила благосклонное вниманіе на молодого, красиваго корнета, котораго взяли подъ свое покровительство Панины, Чернышевъ и князь Барятинскій. Васильчиковъ и самъ старался заслужить милость Екатерины, и скоро получилъ золотую табакерку „за содержаніе карауловъ"; послѣдовалъ еще рядъ подарковъ и повышеній. Васильчиковъ пожалованъ былъ въ камеръ-юнкеры (1 Августа 1772 г.), затѣмъ въ камергеры (2 Сентября), получилъ Александровскую ленту и занялъ во дворцѣ комнаты, въ которыхъ жилъ Орловъ, при чемъ изъ опасенія возможности возвращенія бывшаго фаворита, извѣстнаго своей силой и смѣлостью, къ дверямъ его помѣщенія былъ поставленъ караулъ. Перемѣна эта, въ то время еще совсѣмъ необычная, взволновала всѣ сферы, начиная съ высшихъ круговъ и дипломатическаго корпуса и кончая штатомъ низшей придворной прислуги: „лакеи и горничныя Императрицы были озабочены и недовольны, ибо любили Орлова, и онъ имъ покровительствовалъ", писалъ германскій посолъ, а Фридрихъ II рекомендовалъ ему самому „заискивать дружбу у новаго любимца". Сравнительно безкорыстный, скромный и любезный, Васильчиковъ мало пользовался своимъ положеніемъ и вліяніемъ, многимъ помогалъ, но никому не вредилъ. Екатерина хвалила его умѣренность и сама награждала его: ему подарено было 100/т. руб., на 50/т. драгоцѣнностей, серебряный сервизъ, 7/т. душъ крестьянъ; наконецъ, для него купленъ былъ домъ Глазатова, на Дворцовой площади, и великолѣпно отдѣлывался, но не былъ еще готовъ, когда Васильчиковъ уже удалился отъ двора (домъ купленъ у него въ казну за 100/т. руб.). Хорошее воспитаніе, добрый характеръ, совѣты руководителей, которымъ слѣдовалъ Васильчиковъ, не могли, однако, возмѣстить недостатокъ ума и природныхъ дарованій. Императрица чувствовала около себя пустоту, и „скучнѣйшій гражданинъ въ мірѣ", какъ она называла Васильчикова, съ трудомъ удержался въ милости въ теченіе 22-хъ мѣсяцевъ.

1 Марта 1774 г. генералъ-адъютантомъ назначенъ былъ Потемкинъ. 20 Марта Фонъ-Визинъ писалъ Обрѣзкову: „Здѣсь у двора примѣчательно только то, что камергеръ Васильчиковъ высланъ изъ дворца, и генералъ-поручикъ Потемкинъ пожалованъ генералъ-адъютантомъ", а сэръ Р. Гуннингъ 4 Марта пророчески доносилъ: „Васильчиковъ, способности котораго были слишкомъ ограничены для пріобрѣтенія вліянія въ дѣлахъ и довѣрія Государыни, теперь замѣненъ человѣкомъ, обладающимъ всѣми задатками, чтобы овладѣть тѣмъ и другимъ". Получивъ при удаленіи пенсію въ 20/т. руб., 50/т. на устройство дома въ Москвѣ, сервизъ, бѣлье и посуду, Васильчиковъ писалъ Императрицѣ: „Всемилостивѣйшая Государыня! Переѣзжая сегодняшній день къ брату моему жить, позвольте мнѣ принести всеподданнѣйшую мою благодарность". Васильчиковъ съ того времени поселился въ Москвѣ (на Моховой, близъ Румянцевскаго музея), гдѣ жилъ братъ его В. С. Васильчиковъ († 1801), женатый на графинѣ Аннѣ Григорьевнѣ Разумовской (въ монашествѣ Агнія). 14 Іюля 1774 г. Екатерина II писала Гримму: „Je me suis éloignée de certain excellent, mais très ennuyeux citoyen". По словамъ И. Г. Левшина, въ годъ его смерти, въ 1803 г., Васильчиковъ казался уже очень дряхлымъ: „небольшой человѣчекъ, сухощавый и слабый, все сидитъ бывало въ большомъ креслѣ, не двигаясь съ мѣста"; надо было пройти цѣлый рядъ роскошныхъ комнатъ, и „въ самой отдаленной, небольшой комнатѣ, сидѣлъ самъ хозяинъ въ бархатномъ халатѣ, темнозеленомъ, на манеръ старинной боярской шубы, опушенномъ соболями, при двухъ звѣздахъ непремѣнно".

(Съ миніатюры, принадлежащей М. А. Васильчиковой, с. Кораллово, Московской губ.)

ALEXANDRE SÉMENOWITCH VASSILTCHIKOFF, 174.—1803, fils de Siméon Grigoriewitch Vassiltchikoff et de Marie Bogdanowna, née Jadowsky, appartenait à une vieille famille noble de Moscou, qui se glorifiait d'avoir donné une femme au tzar Ivan le Terrible, Anna Grigoriewna, en religion Daria († 7 janvier 1626). Sous-officier, puis, le 19 avril 1765, cornette à la Garde à Cheval, Alexandre Vassiltchikoff se trouva souvent de faction à Tzarskoïé-Sélo au commencement de 1772. Souffrant depuis quelque temps de l'indifférence du comte Grégoire Orloff, alors au congrès de Focsany, l'Impératrice, blessée dans ses meilleurs sentiments pour son favori, témoigna sa faveur au jeune et beau cornette, qui fut pris sous la protection des Panine, de Tchernycheff et du prince Bariatinsky. Lui s'efforça de son côté de se concilier la bienveillance de la Souveraine, et reçut bientôt une tabatière d'or „pour la bonne tenue de son service", puis toute une série de récompenses et de promotions. Il fut fait gentilhomme de la chambre le 1er août 1772, chambellan le 2 septembre, décoré de St-Alexandre, et fut logé au Palais dans les appartements occupés jadis par Orloff: de peur d'un retour de l'ancien favori, connu pour sa force et son audace, une garde fut mise aux portes. Ce changement, tout à fait inaccoutumé à l'époque, causa une grosse émotion dans toutes les sphères, depuis le grand monde et le Corps diplomatique jusqu'aux gens de service: „les laquais et les femmes de chambre de l'Impératrice étaient inquiets et mécontents, car Orloff était aimé et les protégeait", écrit l'ambassadeur d'Allemagne, auquel Frédéric II recommandait „de rechercher l'amitié du nouveau favori". Relativement désintéressé, Vassiltchikoff, modeste et aimable, ne profita guère de sa position et de son influence, fit beaucoup de bien et ne causa de tort à personne. Catherine vantait sa modération et lui faisait d'elle-même des cadeaux: elle lui donna 100.000 roubles en espèces, 50.000 roubles de bijoux, un service en argent, et 7000 têtes de paysans; enfin elle fit acheter pour lui, Place du Palais, une maison qu'elle entreprit de faire somptueusement arranger, qui n'était pas encore prête quand il quitta la Cour, et que l'Etat lui reprit pour 100.000 roubles. Une bonne éducation, un excellent caractère et de sages conseils, qu'il suivait, ne pouvaient, malgré tout, lui tenir lieu de l'esprit et des dons naturels qui lui manquaient. L'Impératrice sentait le vide autour d'elle, et „le plus ennuyeux citoyen du monde", comme elle l'appelait, eut peine à se maintenir en faveur vingt-deux mois.

Le 1er mars 1774, il y avait un nouveau général aide de camp, Potemkine. Le 20, von Vizine écrivait à Obrezkoff: „Ici à la Cour, rien à noter, sinon que le chambellan Vassiltchikoff a été renvoyé du Palais et le général lieutenant Potemkine fait général aide de camp", et sir Huning disait prophétiquement le 4 mars: „Vassiltchikoff, dont les capacités étaient trop bornées pour lui permettre d'acquérir de l'influence dans les affaires et la confiance de la Souveraine, est remplacé par quelqu'un à qui il ne manque rien de ce qu'il faut pour s'assurer tout cela". Vassiltchikoff reçut en partant une pension de 20.000 roubles, une somme de 50.000 roubles pour sa maison de Moscou, un service, du linge et de la vaisselle, et écrivit à l'Impératrice: „Très gracieuse Souveraine, Permettez-moi, en partant aujourd'hui me fixer chez mon frère, de Vous présenter l'hommage de ma très respectueuse gratitude". Il habita dès lors Moscou, Mokhovaïa, près du Musée Roumiantzeff, où était son frère († 1801), marié à la comtesse Anna Grigoriewna Razoumowsky, en religion Agnès. Le 14 juillet 1774, Catherine II écrivait à Grimm: „ Je me suis éloignée de certain excellent, mais très ennuyeux citoyen". Au témoignage de Levchine, l'année de sa mort, en 1803, Vassiltchikoff paraissait déjà très décrépit: „un petit homme, maigre et faible, toujours dans son grand fauteuil, sans bouger"; on traversait toute une enfilade de pièces luxueuses, et „tout au fond, dans une petite chambre, on le trouvait dans une robe de chambre de velours vert-foncé qui rappelait la pelisse garnie de martre des anciens boyards, et avec deux décorations invariablement".

(D'après une miniature appartenant à Mlle M. Vassiltchikoff, Korallovo, gouv. de Moscou.)

ІОГАННЪ-САМУИЛЪ (Иванъ Самойловичъ) **РОДЖЕРСОНЪ**, 1741—1843, шотландецъ, получилъ дипломъ въ Эдинбургскомъ университетѣ въ 1765 г. Въ слѣдующемъ году держалъ экзаменъ въ Петербургской медицинской коллегіи и, проэкзаменованный такими же иностранцами, барономъ Ашемъ, Пеккеномъ и Линдеманомъ, получилъ, 5 Сентября 1766 г., дипломъ на право практики въ Россіи. Началомъ своей извѣстности при дворѣ Роджерсонъ обязанъ княгинѣ Дашковой: онъ вылѣчилъ ея сына отъ дифтерита. 18 Февраля 1769 г. онъ былъ пожалованъ придворнымъ докторомъ. Екатерина II не вѣрила докторамъ, „такъ какъ читала Мольера". Шутила она и надъ Роджерсономъ и часто ему говорила: „Лѣкарство помѣшаетъ моимъ занятіямъ; довольно и того, что я посмотрю на тебя". Пользуясь желѣзнымъ здоровьемъ, она смотрѣла на него скорѣе, какъ на преданнаго ей человѣка, забавляясь его безцеремонными выходками. Убѣдивъ Императрицу принять какое-то лѣкарство, онъ хлопнулъ ее по плечу, вскричавъ: „Bravo, bravo, Madame!" Этотъ длинный, въ парикѣ съ кошелькомъ, сухощавый шотландецъ, съ краснымъ лицомъ, вспыльчивый и раздражительный, съ неловкими манерами, но тонкій въ обращеніи, былъ всею душою преданъ Екатеринѣ. Это подало поводъ многимъ современникамъ утверждать, что онъ примѣнялъ свои медицинскія познанія не только при пусканіи крови Императрицѣ, но и въ дѣлѣ выбора фаворитовъ. Благосклонность Императрицы и предполагаемое, больше чѣмъ дѣйствительное, искусство его открыли ему всѣ двери, и онъ лѣчилъ весь городъ. Екатерина писала по поводу смерти фельдмаршала князя Голицына: „Мнѣ кажется, кто Роджерсону ни попадется въ руки, тотъ уже мертвый человѣкъ". Екатерининскіе вельможи любили потѣшаться надъ чудакомъ англичаниномъ: страстно любя крупную игру въ вистъ, онъ игралъ плохо, ссорился съ партнерами, упрекая ихъ, что они портятъ ему пищевареніе. Безбородко однажды приказалъ стрѣлять изъ пушекъ всякій разъ, какъ только Роджерсонъ сдѣлаетъ ренонсъ, что его очень разсердило. Главной слабостью Роджерсона было пристрастіе къ политикѣ; также любилъ онъ всякія новости, сплетни и пересуды, зналъ все, что происходило въ каждомъ домѣ, и сама Екатерина говорила про него, что онъ ходитъ въ Эрмитажъ „собирать вѣсти". Все это не мѣшало Роджерсону имѣть много искреннихъ друзей, каковы Завадовскій, Ростопчинъ, Кочубей и графъ С. Р. Воронцовъ. Служа посредникомъ въ перепискѣ Воронцова съ его петербургскими друзьями, Роджерсонъ самъ въ своихъ письмахъ даетъ замѣчательную по вѣрности картину современнаго положенія Россіи, которую любилъ не менѣе своего отечества.

Съ пріѣздомъ въ Петербургъ доктора Вейкарта, пущеннаго въ ходъ Григоріемъ Орловымъ, положеніе Роджерсона чуть было не поколебалось; узнавъ, что Вейкартъ получилъ небывалый еще въ Россіи титулъ камеръ-медика, Роджерсонъ отпросился въ отпускъ и уѣхалъ изъ Царскаго. Въ это время заболѣлъ Ланской; врачи, съ Вейкартомъ во главѣ, не могли его спасти, и Екатерина послала за Роджерсономъ, чтобы дать больному „Джемсовы порошки, которыхъ нѣмецкіе доктора не умѣли давать". Въ ту же ночь, съ 24 на 25 Іюня 1784 г., Ланской скончался, и Роджерсонъ отложилъ свой отъѣздъ, такъ какъ заболѣвшая съ горя Императрица не желала видѣть другихъ врачей. Въ слѣдующемъ году онъ посѣтилъ Англію, Парижъ и Вѣну. 5 Ноября 1796 г. Роджерсонъ первымъ изъ врачей пріѣхалъ во дворецъ къ умиравшей Екатеринѣ, пустилъ ей кровь, но тутъ же сказалъ, что „ударъ былъ въ голову и смертельный". На коронацію Павла I Роджерсонъ получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и оставался въ Россіи все царствованіе Павла и первую половину царствованія Александра I. Продолжая пользовать членовъ Царской семьи, онъ лѣчилъ только друзей, часто ѣздилъ въ свои Бѣлорусскія деревни, гдѣ ему было пожаловано 1600 душъ, и самъ управлялъ своими имѣніями. Послѣ 1816 г., пустивъ въ ходъ своего соотечественника Виллье, Роджерсонъ покинулъ Россію и поселился въ своемъ помѣстьѣ на границѣ Шотландіи, гдѣ и скончался, въ глубокой старости, въ 1843 году. Извѣстно, что сынъ его былъ военнымъ врачемъ въ Плимутѣ и пользовался хорошей репутаціей.

(Съ миніатюры, принадлежащей князю А. А. Куракину, С.-Петербургъ.)

JOHN-SAMUEL ROGERSON, 1741—1843, écossais, diplomé de l'université d'Edimbourg en 1765, vint l'année suivante à St-Pétersbourg passer l'examen du Collège de médecine, et, examiné par des étrangers comme lui, le baron Achem, Pekken et Lindemann, reçut, le 5 septembre 1766, le diplôme donnant le droit d'exercer en Russie. Il dut le commencement de sa notoriété à la Cour à la princesse Dachkoff, pour avoir sauvé son fils du croup. Le 18 février 1769, il fut nommé médecin de la Cour. Catherine II ne croyait pas aux médecins, „car elle avait lu Molière". Elle n'épargnait pas non plus Rogerson et lui disait souvent: „Les remèdes me gêneraient pour mes occupations; ce sera assez pour moi de te regarder". Douée d'une santé de fer, elle le considérait plutôt comme un ami et s'amusait de ses incartades familières. Un jour qu'il avait réussi à lui faire prendre un remède quelconque, il s'écria en lui frappant sur l'épaule: „Bravo, bravo, Madame!" Cet écossais, long et sec, à perruque et à figure rouge, au caractère grincheux et emporté, avec sa gaucherie, mais ses manières distinguées, était dévoué à Catherine de toute son âme. Cela fit prétendre à beaucoup de contemporains qu'il appliquait sa science non seulement à saigner l'Impératrice, mais aussi à l'inspirer dans le choix de ses favoris. La bienveillance de la Souveraine et son habileté plus imaginaire que réelle lui ouvrirent toutes les portes, et il soignait la ville tout entière. Catherine écrivait à propos de la mort du feld-maréchal prince Golitzyne: „Pour moi, quand on se met dans les mains de Rogerson, on est un homme mort". Les grands seigneurs de Catherine aimaient s'amuser aux dépens de cet original d'anglais: il avait la manie de jouer gros jeu au whist, jouait mal, se disputait avec ses partenaires, et leur reprochait de lui gâter sa digestion. Une fois, Bezborodko donna l'ordre de tirer le canon à chaque renonce de Rogerson, ce qui le mit fort en colère. Il avait surtout un faible particulier pour la politique; il était également amateur de toute espèce de nouvelles, d'histoires et de commérages, savait tout ce qui se faisait dans chaque maison, et Catherine elle-même disait de lui qu'il venait à l'Ermitage „recueillir les nouvelles". Tout cela ne l'empêchait pas d'avoir beaucoup d'amis sincères, comme Zavadowsky, Rostoptchine, Kotchoubey et le comte S. Worontzoff. Intermédiaire de Worontzoff pour sa correspondance avec ses amis de Pétersbourg, il fait lui-même dans ses lettres avec une exactitude surprenante le tableau de la situation de la Russie, qu'il n'aimait pas moins que sa patrie.

L'arrivée à Pétersbourg du docteur Weickart, lancé par Grégoire Orloff, faillit compromettre la position de Rogerson; quand Weickart eut reçu le titre nouveau en Russie de médecin de la Chambre, Rogerson demanda un congé et quitta Tzarskoïé. A ce moment, Lanskoï tomba malade; les médecins, Weickart à leur tête, ne purent le sauver, et Catherine fit venir Rogerson pour administrer au malade „de la poudre James, que les allemands n'ont pas su lui donner". Lanskoï mourut dans la nuit (24/25 juin 1784), et Rogerson resta, car l'Impératrice était malade de douleur et ne voulait pas d'autre médecin. L'année suivante, il alla en Angleterre, à Paris et à Vienne. Le 5 novembre 1796, il fut le premier au chevet de l'Impératrice mourante; il la saigna, mais en disant que „l'attaque avait porté au cerveau et était mortelle". Au couronnement de Paul Ier, il fut fait conseiller privé actuel et resta en Russie pendant tout le règne et la première moitié de celui d'Alexandre Ier. Toujours médecin des membres de la famille Impériale, il ne pratiquait plus que chez ses amis, allait souvent dans ses terres de Russie Blanche, où il avait reçu 1600 têtes de paysans et qu'il faisait valoir lui-même. En 1816, il lança son compatriote Villié et quitta la Russie pour se fixer dans sa propriété de la frontière écossaise, où il mourut dans une profonde vieillesse, en 1843. On sait qu'il eut un fils qui jouit d'une bonne renommée comme médecin à Plymouth.

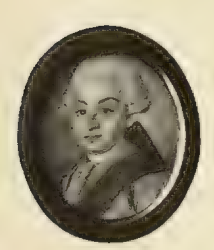
(D'après une miniature appartenant au prince A. Kourakine, St-Pétersbourg.)

62

Елизавета Петровна *Elisabeth Petrovna*
Дивова, *Divoff,*
1762 — 1813 *1762 — 1813*

63

Александръ Семеновичъ *Alexandre Sémenowitch*
Васильчиковъ, *Vassiltchikoff,*
174. — 1803 *174. — 1803*

64

Іоаннъ-Самуилъ *John-Samuel*
Роджерсонъ, *Rogerson,*
1741 — 1843 *1741 — 1843*

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Графиня ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА РАЗУМОВСКАЯ, 1729—1771, родилась 11 Мая 1729 года. По отцу своему, флота капитану Ивану Львовичу Нарышкину (1700—1734), родному племяннику Царицы Натальи Кирилловны, она приходилась троюродною сестрою Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Мать ея, Дарья Кирилловна, рожденная Нарышкина же (р. 1709), скончалась, когда ей едва минулъ годъ, а четыре года спустя, скончался и отецъ, поручивъ свою единственную дочь брату своему Александру Львовичу, въ семьѣ котораго она и воспитывалась, пока Елисавета Петровна, будучи еще Царевною, не взяла ее къ себѣ во фрейлины. Вступивъ на престолъ и всячески стараясь возвеличить Разумовскихъ, Императрица Елисавета рада была случаю сосватать свою близкую родственницу и притомъ богатѣйшую невѣсту въ Россіи за графа Разумовскаго, брата своего любимца. Обрученіе состоялось 29 Іюня 1746 г., а свадьба была отпразднована три мѣсяца спустя, 27 Октября, во дворцѣ, въ присутствіи Императрицы, „знатнѣйшихъ обоего пола особъ" и чужестранныхъ пословъ, съ величайшею торжественностью и почти царскими почестями для молодыхъ. На другой день послѣ свадьбы графиня Екатерина Ивановна объявлена была статсъ-дамою, съ пожалованіемъ „пребогатаго портрета".

Графиня Е. И. Разумовская принесла своему мужу половину громаднаго нарышкинскаго состоянія, до 44.000 душъ крестьянъ, съ огромными Пензенскими вотчинами, подмосковными Петровскимъ-Разумовскимъ и Троицкимъ-Лыковымъ, а въ самой Москвѣ—цѣлый кварталъ, извѣстный Романовъ Дворъ. Рядная запись ея перечисляетъ до 50 сундуковъ и ларцевъ, окованныхъ желѣзомъ, обитыхъ нерпью, бархатомъ и штофомъ, съ драгоцѣнностями, серебромъ, мѣхами, полотномъ и парчею, книгами и гравюрами, обоями, серебряными и мѣдными деньгами, конскимъ уборомъ, сѣдлами и „наперстями" и самыми разнообразными и куріозными предметами, какъ-то: „мѣдный рогъ для глухого человѣка", „три камня морскіе и палочка каменная" и „лента бѣлая, на которой надписана мѣра Господа нашего Іисуса Христа".

По восшествіи своемъ на престолъ, Екатерина II, удостоивъ Разумовскихъ своимъ посѣщеніемъ, 25 Іюля 1762 г., „передъ ужиномъ" возложила на графиню Екатерининскую ленту. Но скоро произошло охлажденіе; будучи недовольна гетманствомъ Разумовскаго, Императрица стала недовѣрчиво относиться не только къ нему, но и къ его женѣ. Узнавъ, что гетманша собирается изъ Глухова въ Петербургъ, Императрица чрезъ курьеровъ справляется, „народный ли это слухъ, или отъ вѣрныхъ людей слышано", и придирается къ путешествію графини. Она пишетъ А. В. Олсуфьеву: „Сказываютъ, что лошадей по ста на станціяхъ безденежно брала, и будто два гренадера и сержантъ, которые вездѣ предъ ней шествовали, чуть не до смерти въ Яжелбицахъ ямщика избили, и если то такъ, то велѣть курьеру, чтобы совѣтовалъ обиженнымъ мнѣ подать челобитенъ"...

Хотя, по свидѣтельству „Записокъ" Екатерины, графъ Разумовскій и не по своей охотѣ женился, „но, казалось, они хорошо жили", добавляетъ она. Однако, согласіе это часто, особенно въ послѣдніе годы жизни графини, нарушалось изъ-за любовныхъ похожденій фельдмаршала и разногласій въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, которыхъ она очень баловала. Оставаясь всегда „вѣрною супругой, попечительной матерью, доброй родственницей и кроткой госпожей въ домѣ", графиня Разумовская скончалась въ Петербургѣ 22 Іюля 1771 г. и похоронена въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры, рядомъ съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ. По семейному преданію, у гроба ея, какъ родственницы покойной Императрицы, дежурили камергеры и придворныя дамы.

Кромѣ 6 сыновей, графовъ Алексѣя, Петра, Андрея, Ивана, Льва и Григорія, графиня Разумовская имѣла 5 дочерей, изъ коихъ одна лишь, Дарья, умерла въ младенчествѣ, а остальныя были въ замужествѣ: Наталія—за Н. А. Загряжскимъ, Елизавета—за графомъ П. Апраксинымъ, Анна (въ монашествѣ Агнія)—за В. С. Васильчиковымъ, и Прасковья—за графомъ И. В. Гудовичемъ.

(Съ портрета, принадлежащаго князьямъ Голицынымъ, с. Никольское, Московской губ.)

La comtesse CATHERINE IVANOWNA RAZOUMOWSKY, 1729—1771, naquit le 11 mai 1729. Par son père, Ivan Lvowitch Narychkine (1700—1734), capitaine de la flotte, neveu de la Tsarine Natalie Kyrillowna, elle était cousine issue de germaine de l'Impératrice Elisabeth Pétrowna. Elle avait un an à peine lorsqu'elle perdit sa mère, Daria Kyrillowna, née aussi Narychkine (née 1709); quatre ans plus tard, son père mourut à son tour, en confiant sa fille unique à son frère Alexandre, dans la famille duquel elle fut élevée, jusqu'à ce qu'Elisabeth Pétrowna, alors Tsarewna, la prît comme demoiselle d'honneur. Arrivée au trône, Elisabeth, qui cherchait de toute manière à élever les Razoumowsky, saisit l'occasion de fiancer sa proche parente, le plus riche parti de Russie, au comte Cyrille Grigoriewitch Razoumowsky, frère de son favori. Les fiançailles eurent lieu le 29 juin 1746, et le mariage fut célébré trois mois après, le 27 octobre, au Palais, en présence de l'Impératrice et de toute la Cour, „des personnages les plus distingués des deux sexes" et des ambassadeurs étrangers, avec la plus grande solennité. Les conjoints reçurent des honneurs presque royaux, et le lendemain, la comtesse fut faite dame d'honneur „avec portrait d'une grande richesse".

La comtesse Razoumowsky apportait à son mari juste la moitié de la fortune considérable des Narychkine, près de 44.000 têtes de paysans avec d'immenses domaines à Penza, les propriétés de Pétrowskoïé-Razoumowskoïé et de Troïtzkoïé-Lykovo aux environs de Moscou, et, à Moscou même, tout un quartier, le fameux Romanoff Dvor. Son contrat ne porte pas moins de cinquante caisses et coffres ferrés, garnis de peau, de velours et de soie, et remplis d'objets précieux, d'argent, de fourrures, de toile et de brocart, de livres et de gravures, de tapisseries, de monnaie d'argent et de cuivre, de harnachements, de selles et des objets les plus divers et les plus curieux, „une corne en cuivre pour la surdité", „trois pierres marines et un bâton de pierre" et „un cordon blanc sur lequel est marquée la taille de Notre Seigneur Jésus-Christ".

Arrivée au trône, Catherine honora les Razoumowsky de sa visite le 25 juillet 1762, et, „au moment du souper", revêtit la comtesse du cordon de Ste-Catherine. Mais il y eut bientôt un refroidissement: mécontente du service de Razoumowsky, l'Impératrice leur retira sa confiance à tous deux. Apprenant que la comtesse se préparait à partir de Gloukhovo pour Pétersbourg, elle envoie demander par un courrier „si c'est une simple rumeur ou si la nouvelle est fondée". Et elle en a au voyage; elle écrit à A. Olsoufieff: „On dit qu'elle a pris à chaque relais une centaine de chevaux sans payer, et que les deux grenadiers et le sergent qui allaient devant ont battu et presque laissé pour mort un postillon à Yagelbitzy: si c'est la vérité, qu'on envoie un courrier dire aux victimes de me présenter leur requête"...

Au témoignage des Mémoires de Catherine, le comte Razoumowsky s'était marié un peu malgré lui, mais pourtant, ajoute-t-elle, „ils avaient l'air d'être bien ensemble". Encore, surtout les dernières années, l'accord était-il souvent troublé par les frasques du feld-maréchal et aussi par la question de l'éducation des enfants, que la mère gâtait beaucoup. Toujours „épouse fidèle, mère pleine de sollicitude, affectueuse pour sa famille et bonne avec ses gens", la comtesse Razoumowsky mourut à Pétersbourg, le 22 juillet 1771, et fut inhumée à l'église de l'Annonciation, au monastère d'Alexandre Newsky. Comme parente de l'Impératrice défunte, elle avait à son tombeau, dit une tradition de famille, une garde de chambellans et de dames de la Cour.

Outre ses six fils, les comtes Alexis, Pierre, André, Ivan, Léon et Grégoire, la comtesse Razoumowsky eut cinq filles, dont une seule, Daria, mourut en bas âge, et les autres furent mariées, Natalie à N. Zagriajsky, Elisabeth au comte P. Apraxine, Anne, en religion Agnès, à B. Vassiltchikoff, et Prascovie au comte I. Goudowitch.

(D'après un original appartenant aux princes Golitzyne, Nikolskoïé, gouv. de Moscou.)

Графиня **СОФІЯ ОСИПОВНА АПРАКСИНА**, 174 .—18.., дочь простого казака, позднѣе генеральнаго обозного, Осипа Лукьяновича Закревскаго, женатаго съ 1739 г. на Аннѣ Григорьевнѣ Разумовской († 1758), была родной племянницей графовъ А. и К. Разумовскихъ. Императрица Елисавета Петровна пожаловала ее во фрейлины и въ 1759 г. выдала замужъ за поручика Конной гвардіи графа Николая Федоровича Апраксина. На дядю, графа Кирилла Григорьевича, она пріобрѣла большое вліяніе и, по смерти его жены, переѣхала къ нему въ домъ, гдѣ и прожила болѣе 30 лѣтъ. Красивая, умная и хитрая, въ то же время властолюбивая, скупая и жадная, она, пользуясь добродушіемъ и безхарактерностью старика гетмана, скоро стала полною хозяйкою въ его домѣ и не покидала графа К. Г. Разумовскаго до самой смерти, слѣдуя за нимъ изъ Петербурга въ Москву и изъ Москвы въ Батуринъ.

Хотя и прикрываемое близкимъ родствомъ, положеніе графини Апраксиной въ домѣ фельдмаршала было крайне двусмысленно и отдалило отъ него его дѣтей, особенно взрослыхъ дочерей, съ которыми она стала открыто во враждебныя отношенія, возбуждая противъ нихъ отца. Бѣгство съ дежурства изъ дворца его любимой дочери, фрейлины графини Елизаветы Кирилловны, къ графу П. Ф. Апраксину, свояку графини Софіи Осиповны, послѣдствія этой связи и затѣмъ, по приказанію Императрицы, ея бракъ съ Апраксинымъ, человѣкомъ женатымъ и весьма плохой репутаціи, еще болѣе обострили эти отношенія. Младшая дочь фельдмаршала, Прасковья, противъ ея воли выдана была замужъ за графа И. В. Гудовича, къ брату котораго, Михаилу Васильевичу, Софія Осиповна особенно благоволила. Одинъ лишь любимецъ отца, графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій, вѣчно нуждавшійся въ деньгахъ, иногда заискивалъ, хотя и безуспѣшно, у своей всемогущей двоюродной сестры. „Сколько я папеньку ни просила“, писала Апраксина ему въ 1777 г., „но онъ вовсе отказался,—говоритъ, что онъ не въ состояніи никакой помочи дать, что самъ въ нуждѣ, и долги надо платить. Не повѣришь, какъ мнѣ досадно! Я ему напоминала, что онъ прежде тебѣ обѣщалъ, а теперь отказывается. Онъ и на меня сердится, и Михайла Васильевичъ былъ тому свидѣтелемъ, сколько я его мучила, но никакого успѣха не получила“.... Графиня и ея пріятель Гудовичъ вообще очень заботились о сокращеніи расходовъ не въ мѣру щедраго и расточительнаго старика, привыкшаго жить по-царски, хлопотали о надзорѣ за управителями, о сокращеніи громадной батуринской дворни. Въ 1796 г. Разумовскаго посѣтилъ въ Яготинѣ старый его другъ графъ Сиверсъ, и принятъ былъ тамъ „съ истинной сердечностью“. „Удовольствіе мое съ нимъ свидѣться“, писалъ Сиверсъ дочери, „было сильно помрачено жалкимъ состояніемъ его здоровья. Онъ страдаетъ одышкою и очень ослабѣлъ. При немъ не было никого изъ его сыновей и дочерей, но находилась старая его подруга, вдовствующая графиня Апраксина, и генералъ-майоръ Гудовичъ“....

М. В. Гудовичъ находился при Софіи Осиповнѣ въ Батуринѣ и 9 Января 1803 г., когда скончался графъ К. Г. Разумовскій. Они, кажется, по-своему распорядились оставшимся послѣ него наличнымъ имуществомъ; по крайней мѣрѣ графъ Андрей Кирилловичъ открыто подозрѣвалъ ихъ въ неблаговидныхъ поступкахъ. Свѣдѣній о позднѣйшей жизни Апраксиной, равно датъ ея рожденія и смерти, намъ найти не удалось.

Крайне нелестно отзывается о графинѣ С. О. Апраксиной прямодушная и самостоятельная въ своихъ сужденіяхъ Наталія Кирилловна Загряжская. „Изъ всѣхъ семейныхъ исторій“, пишетъ она брату, „самая крупная—это исторія Софьи. Она до того возмутительна, что у меня едва хватаетъ духа говорить о ней. Никогда женщина эта не была наглѣе, безстыднѣе и въ болѣе открытыхъ отношеніяхъ кое къ кому, и никогда ее лучше не принимали, болѣе не ласкали, усерднѣе за нею не ухаживали. Потемкинъ ей другъ; Корсаковъ приглашаетъ ее на свои концерты, куда обыкновенно зовутъ самыхъ приближенныхъ. Она бываетъ на маленькихъ балахъ у Государыни и вскорѣ, я въ этомъ убѣждена, будетъ постоянно приглашаема ко двору. Напрасно ищешь всему этому причины—развѣ аналогія вкусовъ.... Каждый разъ, когда подумаю объ этой женщинѣ, мнѣ приходятъ на умъ стихи изъ Федры:

„Dieux, qui la connaissez,
„Est-ce donc la vertu que vous récompensez?“

Графиня С. О. Апраксина имѣла двоихъ сыновей: Ипполита (р. 23 Ноября 1771 г., † 21 Февраля 1774 г.) и Ореста (р. 13 Января 1774 г.; жилъ 18 дней)—погребены въ Александро-Невской лаврѣ, и дочь, графиню Вѣру Николаевну († 1845 г.), бывшую въ замужествѣ за графомъ П. В. Завадовскимъ.

(Съ пастели Шмидта; собственность П. И. Щукина, въ Москвѣ.)

La comtesse SOPHIE OSSIPOWNA APRAXINE, 174.—18.., était fille d'un simple cosaque de l'Ukraine, Joseph Loukianowitch Zakrewsky, marié en 1739 à Anne Grigoriewna Razoumowsky († 1758), sœur des comtes A. et C. Razoumowsky. L'Impératrice Elisabeth Pétrowna la fit demoiselle d'honneur, et la maria en 1759 au comte Nicolas Féodorowitch Apraxine, lieutenant de la Garde à cheval. Elle prit une grande influence sur son oncle le comte Cyrille Razoumowsky, et à la mort de sa femme, en 1771, vint habiter chez lui: elle y resta plus de trente ans. Belle, intelligente et rusée, et en même temps dominatrice, intéressée et cupide, elle profita de la bonté et de la faiblesse du vieil hetman pour devenir maîtresse absolue dans la maison, et ne le quitta plus de toute sa vie, l'accompagnant de Pétersbourg à Moscou et de Moscou à Batourine.

Bien que couverte par leur proche parenté, la présence de la comtesse Apraxine chez le feld-maréchal était extrêmement équivoque, et éloignait de lui ses enfants, en particulier ses filles aînées, avec lesquelles elle en vint à une inimitié ouverte, en poussant leur père contre elles. La fugue que fit, étant de service au Palais, sa fille préférée, la comtesse Elisabeth, demoiselle d'honneur, pour retrouver le comte Pierre Apraxine, beau-frère de la comtesse Sophie, les suites de cette liaison, puis le mariage, par ordre de l'Impératrice, avec Apraxine, homme marié et de fort mauvaise réputation, tout cela aigrit encore davantage les rapports. La plus jeune fille du feld-maréchal, Prascovie, fut mariée contre sa volonté au comte Ivan Vassiliewitch Goudowitch, dont le frère Michel était particulièrement bien avec Sophie. Seul, le préféré du père, le comte André, toujours pressé d'argent, recherchait quelquefois, mais sans succès, les bonnes grâces de sa toute-puissante cousine. „J'ai eu beau prier papa", lui écrit-elle en 1777, „il a complètement refusé; il dit qu'il ne peut rien faire pour personne, qu'il est lui-même gêné, et qu'il faut qu'il paye ses dettes. Tu ne te figures pas comme je suis désolée. Je lui ai rappelé qu'il t'avait promis, et maintenant il ne veut plus. Il se fâche même après moi, et Michel a vu lui-même comme je l'ai tourmenté, mais je n'ai pu arriver à rien"... La comtesse et son ami Goudowitch étaient en général fort empressés à diminuer la dépense du vieillard, généreux à l'excès, dissipateur et habitué à un train de vie princier, et à faire surveiller les intendants et restreindre l'innombrable domesticité de Batourine. En 1796, il reçut à Yagotino son vieil ami le comte J. Sievers, et lui fit un accueil „d'une extrême cordialité". „Le plaisir que j'ai eu à le voir", écrit Sievers à sa fille, „a été fortement assombri par le triste état de sa santé. Il a de l'asthme et est bien affaibli. Il n'y avait là personne de ses fils ni de ses filles, rien que sa vieille amie la comtesse Apraxine et le général major Goudowitch".

Goudowitch était encore à Batourine près de Sophie Apraxine le 9 janvier 1803, lors de la mort du comte Razoumowsky. Tous deux disposèrent, paraît-il, à leur guise de ce qui se trouva rester après lui; du moins le comte André les soupçonna-t-il ouvertement de grosses indiscrétions. Sur ce que devint plus tard la comtesse, ainsi que sur les dates de sa naissance et de sa mort, nous n'avons pu trouver aucune indication.

Une appréciation particulièrement défavorable de la comtesse Apraxine est celle que donne d'elle une personne franche et indépendante dans ses jugements, Natalie Zagriajsky. „Des affaires de famille", écrit-elle à son frère, „la plus grande, c'est l'histoire de la Sophie, mais elle devient en vérité si révoltante que je n'ai pas le courage d'en parler. Jamais cette femme n'a été plus impudente, plus effrontée, plus publiquement la maîtresse de quelqu'un, et jamais elle n'a été accueillie, fêtée et caressée comme à présent. Potemkine est son ami. Korsakoff l'invite à ses concerts, où il n'y a que les intimes et elle; l'Impératrice la prend de temps en temps à ses petits bals, et bientôt elle y ira toujours. Le pourquoi de tout cela, j'ai beau le chercher, je ne le trouve pas, à moins que cela ne soit l'analogie de son goût avec celui de La ...... Toutes les fois que je pense à elle, je ne puis m'empêcher de penser en même temps à ces vers de Phèdre:

„Dieux qui la connaissez,
„Est-ce donc la vertu que vous récompensez?"

La comtesse Apraxine eut deux fils, Hippolyte (25 novembre 1771 — 21 février 1774) et Oreste (13 janvier—1er février 1774), inhumés au monastère d'Alexandre Newsky, et une fille, la comtesse Véra († 1845), qui épousa le comte P. Zavadowsky.

(D'après un pastel de Schmidt appartenant à P. Chtchoukine, Moscou.)

65

Графиня Екатерина Ивановна Разумовская, 1729 1771

La comtesse Catherine Ivanowna Razoumowsky, 1729 1771

66

Графиня Софія Осиповна Апраксина, 174. — 18..

La comtesse Sophie Ossipowna Apraxine, 174. — 18..

АНАСТАСІЯ ВАСИЛЬЕВНА ЯКУШКИНА, 1806—1846, дочь Василія Петровича Шереметева (1765—1808) отъ брака съ Надеждой Николаевной Тютчевой (1775—1850), родилась 1 Сентября 1806 года; 16-и лѣтъ, въ концѣ 1822 г., она вышла замужъ за отставного капитана Ивана Дмитріевича Якушкина (р. 1793, † 1857), дѣятельнаго члена тайнаго общества. Черезъ годъ, который молодые прожили въ подмосковной Н. Н. Шереметевой, у нихъ родился сынъ Вячеславъ, а въ началѣ 1826 г., когда Якушкинъ былъ арестованъ и сидѣлъ въ крѣпости, — второй сынъ, Евгеній. Признанный виновнымъ въ томъ, что „умышлялъ на цареубійство собственнымъ вызовомъ и участвовалъ въ умыслѣ бунта“, Якушкинъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы. Во время заключенія его въ крѣпости, жена, съ матерью и дѣтьми, пріѣхала въ Петербургъ и сначала нашла возможнымъ доставить мужу письмо, извѣщавшее его о рожденіи второго сына, а затѣмъ имъ были разрѣшены свиданія, что очень поддерживало духъ заключеннаго. Когда, послѣ приговора, Якушкина отправили въ Финляндію, теща и жена встрѣтили его на станціи въ Парголовѣ, и тутъ, пишетъ Якушкинъ, „было положено, что жена съ дѣтьми послѣдуетъ за мной въ Сибирь, и матушка собиралась проводить ее; послѣ всѣхъ тревогъ, нами пережитыхъ, такая будущность намъ улыбалась“. Въ концѣ 1827 г. Якушкина отправили въ Сибирь, и въ Ярославлѣ онъ свидѣлся съ женой; такъ какъ ей не позволяли взять съ собой въ Сибирь дѣтей, Якушкинъ взялъ съ жены слово „ни въ какомъ случаѣ не разлучаться съ сыновьями“, ибо, говоритъ онъ, „для малолѣтнихъ нашихъ дѣтей попеченіе матери было необходимо; къ тому же я былъ убѣжденъ, что, несмотря на молодость жены моей, только она одна могла дать истинное направленіе воспитанію нашихъ сыновей, какъ я понималъ его“. На первой станціи за Ярославлемъ А. В. Якушкина простилась съ мужемъ навѣки. Черезъ годъ, послѣ усиленныхъ просьбъ, удалось добиться разрѣшенія ѣхать въ Сибирь. Мать Якушкиной обратилась за помощью къ В. А. Жуковскому, и онъ, 22 Января 1828 г., посылая письмо Н. Н. Шереметевой князю А. Н. Голицыну, просилъ его „прочитать это письмо: оно писано тещею несчастнаго Якушкина, которая желаетъ знать, можетъ ли ея дочь вмѣстѣ съ дѣтьми поѣхать къ мужу изгнаннику. Благоволите взять на себя трудъ сказать мнѣ, можно ли надѣяться получить позволеніе, и какое для этого средство? Хлопочу за другихъ, и знаю, что такого рода хлопоты Вамъ не могутъ быть непріятными“. 3 Февраля графъ Дибичъ сообщилъ Жуковскому, что „Государь Императоръ отозваться соизволилъ, что исполненіе сего желанія ей не возбраняется, но Его Величеству благоугодно было, дабы ей поставлено было на видъ, что въ мѣстѣ пребыванія мужа своего не найдетъ она никакихъ способовъ къ воспитанію дѣтей, и нужно ей предварительно размыслить о всѣхъ послѣдствіяхъ своего предпріятія, дабы избѣгнуть поздняго и безполезнаго ра́скаянія“. Тѣмъ не менѣе, Якушкина хотѣла воспользоваться разрѣшеніемъ, но не могла выѣхать тотчасъ „по нездоровью маленькаго“, когда же лѣтомъ собралась ѣхать, разрѣшеніе было взято обратно, при чемъ графъ Бенкендорфъ откровенно сознавался, что, если бы она выѣхала въ свое время, то „ее, конечно, не вернули бы назадъ“. Въ 1832 г. Якушкина сдѣлала послѣднюю попытку добиться позволенія ѣхать въ Сибирь къ мужу, но разрѣшенія не послѣдовало, а мужъ, узнавъ о ея хлопотахъ, вновь „убѣдительно просилъ ее ни подъ какимъ предлогомъ не разлучаться съ дѣтьми своими“. А. В. Якушкина скончалась въ Мартѣ 1846 г., больше чѣмъ за 10 лѣтъ до возвращенія мужа изъ ссылки.

„Записки“ И. Д. Якушкина, впервые напечатанныя въ Россіи въ 1905 г., быстро разошлись въ трехъ изданіяхъ; къ книгѣ приложено 3 портрета автора, поэтому появленіе изображенія его супруги является не лишнимъ.

(Съ миніатюры, принадлежащей В. Е. Якушкину, въ Москвѣ.)

ANASTASIE VASSILIEWNA YAKOUCHKINE, 1806—1846, fille de Basile Pétrowitch Chérémétеff (1765—1808) et de Nadejda Nikolaewna, née Tioutcheff (1775—1850), naquit le 1er septembre 1806. Elle épousa à la fin de 1822, à l'âge de 16 ans, Ivan Dmitriewitch Yakouchkine (1793—1857), capitaine en retraite et membre actif d'une société secrète. Au bout d'un an passé par le jeune couple dans la propriété de Mme N. Chérémétеff aux environs de Moscou, il leur naquit un fils Viatcheslav, puis un second, Eugène, en 1826, après l'arrestation du père. Déclaré coupable „de préméditation de régicide par initiative et de complicité de préméditation d'émeute", Yakouchkine fut condamné aux travaux forcés. Pendant son internement, sa femme vint à Pétersbourg avec sa mère et ses enfants; d'abord elle trouva moyen de lui faire parvenir une lettre lui annonçant la naissance de son second fils, puis on leur accorda des entrevues, qui soutinrent beaucoup le moral du prisonnier. Lorsque, après sa condamnation, on le transporta en Finlande, sa belle-mère et sa femme vinrent le voir à la station de Pargolovo, et là, écrit Yakouchkine, „il fut décidé que ma femme et mes enfants me suivraient en Sibérie; ma mère se préparait à les accompagner; après toutes les alarmes traversées, un tel plan nous souriait". A la fin de 1827, on le déporta; il vit sa femme à Yaroslavl, et, comme on ne lui laissait pas prendre ses enfants avec elle en Sibérie, il lui fit promettre „de ne se séparer de ses fils en aucun cas", car, dit-il, „pour nos enfants, encore en bas âge, les soins maternels étaient indispensables; et puis, j'en étais convaincu, ma femme, malgré sa jeunesse, était seule capable de donner à l'éducation de nos fils, comme je l'entendais, sa véritable direction". A la première station après Yaroslavl, Yakouchkine et sa femme se dirent adieu pour toujours. Au bout d'une année de prières réitérées, avec le concours du poète Joukowsky, elle reçut de Dibitch une communication disant que „l'Empereur daignait l'autoriser à rejoindre son mari en prenant ses enfants avec elle, mais faisait en même temps appeler son attention sur l'insuffisance des ressources en Sibérie pour leur éducation". Elle voulut profiter de l'autorisation, mais „la maladie du petit" l'empêcha de partir tout de suite, et l'été suivant elle se disposait à se mettre en route quand l'autorisation lui fut retirée: le comte Benkendorff convint d'ailleurs que, si elle était partie au moment voulu, „on ne l'aurait certainement pas laissée revenir". En 1832, elle fit une dernière tentative pour aller voir son mari, mais sans succès, et lui, en apprenant ses démarches, la pria de nouveau instamment „de ne se séparer de ses enfants sous aucun prétexte". Mme Yakouchkine mourut en mars 1846, plus de dix ans avant le retour de son mari de l'exil.

Les Mémoires de Yakouchkine, parus pour la première fois en Russie en 1905, eurent trois éditions vite épuisées; ils sont ornés de trois portraits de l'auteur: aussi n'est-il pas inutile d'en publier un de sa femme.

(D'après une miniature appartenant à V. Yakouchkine, Moscou.)

68

ИВАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ФОНЪ-ВИЗИНЪ, 1790—1853, племянникъ писателя Д. И. Фонъ-Визина, автора „Недоросля“, сынъ его младшаго брата Александра, женатаго на своей двоюродной сестрѣ Екатеринѣ Михайловнѣ, родился 28 Августа 1790 г.; такъ какъ бракъ могъ быть признанъ незаконнымъ, отецъ поспѣшилъ помѣстить сыновей на службу, и уже въ 1801 г. Фонъ-Визинъ былъ подпрапорщикомъ въ Преображенскомъ полку; въ 1806 г. произведенъ въ прапорщики и участвовалъ въ 1807 г. въ сраженіи при Гейльсбергѣ. Въ началѣ 1810 г. по болѣзни вышелъ въ отставку, а въ Мартѣ 1812 г. вновь принятъ на службу и 5 Апрѣля назначенъ въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части. Въ Отечественную войну участвовалъ во многихъ дѣлахъ: при Красномъ, подъ Смоленскомъ, при Бородинѣ, Тарутинѣ и Маломъ-Ярославцѣ, при чемъ награжденъ орд. св. Анны 2 ст. и произведенъ въ штабсъ-капитаны. Въ кампанію 1813 г. былъ въ бояхъ при Бауценѣ, Кацбахѣ и за Лейпцигъ получилъ орд. св. Владиміра 4 ст. и прусскій—„pour le mérite“, въ 1814 г. участвовалъ въ дѣлахъ при С.-Дизье, Шато-Бріеннѣ и др.; 14 Августа 1813 г. произведенъ въ капитаны, въ 1814 г.—въ подполковники и 1 Января 1817 г.—въ полковники. По возвращеніи изъ Франціи служилъ во Владимірѣ оберъ-квартирмейстеромъ 2-й арміи. 21 Января 1821 г. вышелъ въ отставку и, женившись 17 Апрѣля на Евдокіи Федоровнѣ Пущиной, поселился въ деревнѣ, „всей душой посвятивъ себя единственно семейственной и домашней жизни“. Даже въ Москву онъ пріѣзжалъ только разъ за всѣ 5 лѣтъ для родовъ жены. Привлеченный къ дѣлу декабристовъ, онъ былъ арестованъ 20 Января 1826 г., при чемъ его велѣно было „посадить и содержать строго, по усмотрѣнію“. По показанію И. А. Фонъ-Визина, онъ принятъ былъ въ 1818 г. въ Союзъ Благоденствія, будучи убѣжденъ, что „общество сіе могло принести великую пользу отечеству“, при чемъ цѣлью своей дѣятельности ставилъ „распространеніе просвѣщенія, учрежденіе новыхъ школъ и замѣну прежнихъ методовъ обученія новыми и лучшими“; „сокровенныя цѣли“ общества ему не были извѣстны, притомъ съ 1821 г., рѣшившись жениться, онъ порвалъ всѣ связи съ тайнымъ обществомъ и даже не зналъ о его существованіи. Черезъ 2 мѣсяца послѣ ареста Фонъ-Визинъ былъ выпущенъ, по приказанію Государя, и отданъ подъ надзоръ полиціи. Самъ человѣкъ богатый, владѣлецъ 1000 душъ, послѣ ссылки въ Сибирь старшаго брата Михаила, онъ наслѣдовалъ юридически и все имѣніе послѣдняго, до 2/т. душъ, но этого имѣнія онъ не считалъ своимъ. Въ Іюнѣ 1852 г. И. А. Фонъ-Визину было разрѣшено свиданіе съ братомъ, и онъ, въ сопровожденіи жившей у него сестры покойной жены, Екатерины Федоровны Пущиной, пріѣхалъ въ Тобольскъ, гдѣ и пробылъ 6 недѣль. Вернувшись изъ путешествія, онъ сталъ хворать и сдѣлалъ завѣщаніе, которымъ все имѣніе, за смертью племянниковъ, передавалъ женѣ брата, Наталіи Дмитріевнѣ, выдѣливъ только около 300 душъ въ пожизненное владѣніе Е. Ф. Пущиной. Весной 1853 г. декабристъ М. А. Фонъ-Визинъ пріѣхалъ въ Москву для свиданія съ больнымъ братомъ, но не засталъ уже его въ живыхъ. И. А. Фонъ-Визинъ умеръ въ Москвѣ 6 Апрѣля 1853 г. и похороненъ въ своемъ с. Марьинѣ, Бронницкаго уѣзда, въ 50 верстахъ отъ Москвы, гдѣ постоянно жилъ.

Былъ женатъ (съ 17 Апрѣля 1821 г.) на Евдокіи Федоровнѣ Пущиной, отъ которой имѣлъ одного сына Александра (р. 1824 г., † 1839 г.). Вмѣстѣ съ нимъ онъ воспитывалъ и сыновей старшаго брата, Дмитрія и Михаила, избалованныхъ въ дѣтствѣ сентиментальной и экзальтированной бабушкой Маріей Павловной Апухтиной, вышедшихъ неособенно удачными людьми и рано умершихъ (въ 1850 и 1851 гг.).

(Съ миніатюры Изабэ 1818 г., находящейся въ Историческомъ музеѣ, въ Москвѣ.)

IVAN ALEXANDROWITCH VON VIZINE, 1790—1853, neveu de l'auteur du Mineur, fils de son frère cadet Alexandre, qui avait épousé sa propre cousine, Catherine Mikhaïlowna, naquit le 28 août 1790; le mariage pouvant être déclaré illégal, le père se hâta de mettre ses fils au service, et, dès 1801, von Vizine était porte-enseigne au régiment Préobragensky; en 1806, il passa au grade supérieur, et assista, en 1807, à la bataille de Heilsberg. Au commencement de 1810, il demanda sa retraite pour raisons de santé, mais reprit du service en mars 1812 et fut nommé, le 5 avril, de la Suite de Sa Majesté au service des cantonnements. Pendant la Guerre Patriotique, il fut à Krasnoïé, à Smolensk, à Borodino, Taroutino et Malo-Yaroslavetz, et gagna Ste-Anne de 2e classe et le grade de capitaine en second. La campagne de 1813 le vit à Bautzen et Katzbad, et Leipzig lui valut St-Vladimir de 4e classe et l'ordre Pour le Mérite de Prusse. En 1814, il prit part aux affaires de Saint-Dizier, Château-Brienne, etc. Le 14 août 1813, il fut promu capitaine, en 1814 lieutenant colonel, et le 1er janvier 1817 colonel. A son retour de France, il fut quartier-maître en chef de la 2e armée à Vladimir. Il prit sa retraite le 21 janvier 1821, épousa le 17 avril Eudoxie Féodorowna Pouchtchine et se fixa à la campagne „pour se consacrer entièrement et exclusivement à la vie de famille et d'intérieur". Il n'alla même à Moscou qu'une fois en cinq ans, pour les couches de sa femme. Compromis dans l'affaire des Décabristes, il fut arrêté le 20 janvier 1826, et l'ordre fut donné „de l'enfermer et de le tenir sévèrement, comme bon semblera". Selon sa propre déclaration, il s'était fait recevoir en 1818 membre de l'Alliance de Prospérité, dans la conviction que „cette société pouvait rendre de grands services à la patrie", et dans l'intention „de répandre l'instruction, de fonder des écoles et de remplacer les vieilles méthodes d'enseignement par de nouvelles et de meilleures": il n'avait eu pas connaissance des „buts secrets" de la société; d'ailleurs, en 1821, il avait rompu toutes relations avec elle pour se marier et finit même par en ignorer l'existence. Deux mois après son arrestation, il fut relâché par ordre de l'Empereur et mis sous la surveillance de la police. Il avait de la fortune personnelle, possédait 1000 têtes de paysans, et lorsque son frère aîné Michel fut déporté en Sibérie, il devint l'héritier légal de tout son bien, comportant près de 2000 têtes de paysans, mais ne le considéra pas comme sa propriété. En juin 1852, il fut autorisé à voir son frère, et, en compagnie de la sœur Catherine de feu sa femme, se rendit à Tobolsk, où il passa six semaines. A son retour, il tomba malade et fit un testament par lequel, ses neveux étant morts, il léguait tout son bien à la femme de son frère en réservant seulement pour Catherine Pouchtchine 300 têtes de paysans environ à titre viager. Lorsque, au printemps de 1853, son frère Michel vint le voir à Moscou, il ne le trouva plus: il était mort à Moscou le 6 avril 1853. Il fut inhumé aux environs de Moscou dans ses terres de Maryino, sa résidence habituelle.

Il avait eu un fils Alexandre (1824—1839). Il élevait en même temps que lui les fils de son frère aîné, Dmitri et Michel, qui, gâtés dans leur enfance par une grand'mère sentimentale et exaltée, Marie Pavlowna Apoukhtine, n'arrivèrent à rien de bon et ne vécurent pas vieux (†† 1850 et 1851).

(D'après une miniature d'Isabey, Musée Historique de Moscou.)

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА НАРЫШКИНА, 1801—1867, дочь героя Отечественной войны графа П. П. Коновницына отъ брака съ Анной Ивановной Римской-Корсаковой, родилась 1 Апрѣля 1801 г.; старшая изъ дѣтей и единственная дочь, любимица отца, получила заботливое воспитаніе, знала музыку и имѣла прекрасный голосъ. Выросшая въ деревенской тиши, въ с. Кіаровѣ, Гдовскаго уѣзда, „Лиза" уже въ дѣтствѣ была симпатична, въ 12 лѣтъ ее находили „хорошенькой и граціозной и qu'elle a une jolie tournure, не хуже городскихъ". Въ 1823 г. графиня Е. П. Коновницына вышла замужъ за полковника Тарутинскаго полка Михаила Михайловича Нарышкина (р. 4 Февр. 1798 г.), родного брата М. М. Тучковой, впослѣдствіи основательницы Бородинскаго монастыря. Нарышкинъ былъ членомъ тайнаго общества, въ которомъ участвовали и двое изъ братьевъ Коновницыныхъ. Признанный виновнымъ „въ знаніи объ умыслѣ на цареубійство и въ участіи въ умыслѣ бунта", Нарышкинъ былъ сосланъ въ каторжныя работы, и жена, только-что лишившаяся единственнаго ребенка-дочери († 1826), рѣшилась слѣдовать за мужемъ въ Сибирь. Энергичная мать, графиня А. И. Коновницына, добилась разрѣшенія Государя, который писалъ: „L'on me tourmente de tous côtés—ce matin Mme Konovnitzyne est presque entrée dans ma chambre". Въ Маѣ 1827 г. Нарышкина уже была въ Читѣ; увидѣвъ мужа въ оковахъ, она упала въ обморокъ. Ей не легко было переносить лишенія ссылки: хрупкая, нервная, Нарышкина часто хворала, и мужъ, человѣкъ въ высокой степени симпатичный, мягкій и добрый, трогательно ухаживалъ за своей болѣзненной женой. Въ Петровскомъ заводѣ она заболѣла „простудной горячкой" и, только благодаря заботамъ мужа и извѣстнаго доктора Вольфа, оправилась. Однообразная жизнь въ Читѣ тяготила ее; благодаря необщительному характеру, она чувствовала себя особенно одинокой, трудно сближалась съ людьми и только благоговѣла предъ „глубокой религіозностью" Н. Д. Фонъ-Визиной. Въ 1833 г. мужъ былъ освобожденъ отъ каторги, и Нарышкины поселились въ Курганѣ, климатъ котораго благотворно подѣйствовалъ на здоровье Е. П.; благодаря хорошимъ средствамъ, они здѣсь удобно устроились, имѣли изъ Россіи обстановку, дворовыхъ людей и даже заводскихъ лошадей, такъ что Нарышкинъ занялся улучшеніемъ породы сибирскихъ лошадей. Жуковскій въ 1837 г. писалъ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ: „Въ Курганѣ я видѣлъ Нарышкину: она глубоко меня тронула своей тихостью и благородной простотой въ несчастіи. Но она больна и, можно сказать, таетъ отъ горя по матери, которую хотя разъ еще въ жизни желала бы видѣть". Въ томъ же году они покинули Курганъ, Нарышкинъ былъ опредѣленъ рядовымъ на Кавказъ. Е. П. заѣхала въ Москву навѣстить мать и братьевъ, а оттуда пріѣхала на Кавказъ, въ крѣпость „Прочный окопъ". Жизнь здѣсь была болѣе живой: у Нарышкиныхъ собиралось общество, они получали книги и журналы, она часто пѣла, но зато и часто безпокоилась, когда мужъ уходилъ въ экспедиціи противъ горцевъ. Послѣ помилованія, Нарышкины поселились въ Москвѣ, и тутъ Е. П. овдовѣла 2 Января 1863 г.; сама она скончалась 11 Декабря 1867 г. и похоронена, рядомъ съ мужемъ, въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ. Дѣтей у нея не было, но въ Читѣ, въ 1830 г., Нарышкиной была взята на воспитаніе маленькая дѣвочка Ульяна Чупятова.

По словамъ князя Е. Оболенскаго, Нарышкинъ въ женѣ „нашелъ ту полноту сочувствія, которая въ жизни выражается полной гармоніей и стремленій, и цѣлей жизненныхъ, и надеждъ, и желаній; въ этомъ сердечномъ союзѣ протекли многіе годы, вездѣ они были вмѣстѣ, и вездѣ ихъ сердечная жизнь выражалась въ любви чистой, отражаемой во всемъ строѣ жизни". Францева говоритъ, что Нарышкина „была некрасива, но удивительно умное выраженіе лица заставляло не замѣчать этого; умъ у нея былъ острый, игривый, восторженный, она все подмѣтитъ и ничего не пропуститъ безъ замѣчанія, съ ней было всегда весело и пріятно", а княгиня М. Н. Волконская такъ описываетъ Нарышкину: „Маленькая, очень полная, нѣсколько аффектированная, она была въ сущности вполнѣ достойная женщина; надо было привыкнуть къ ея гордому виду, и тогда нельзя было ее не полюбить".

(Съ рисунка, принадлежащаго графинѣ Е. П. Коновницыной, въ Москвѣ.)

ELISABETH PÉTROWNA NARYCHKINE, 1801—1867, fille du comte P. Konovnitzyne, le héros de la Guerre Patriotique, et d'Anna Ivanowna, née Rimsky-Korsakoff, naquit le 1er avril 1801. Aînée de la famille, dont elle était la seule fille, et préférée de son père, elle reçut une éducation soignée, apprit la musique et possédait une très jolie voix. Elevée au milieu de la vie paisible de la campagne, à Kiaroff, district de Gdowsk, Lise fut sympathique dès son enfance: à 12 ans, on trouve „qu'elle est belle fille et gracieuse et qu'elle a une jolie tournure, tout comme une demoiselle de la ville". Elle épousa, en 1823, Michel Mikhaïlowitch Narychkine (né le 4 février 1798), colonel du régiment de Taroutino, et frère de Mme Toutchkoff, la future fondatrice du monastère de Borodino. Narychkine était membre d'une société secrète, à laquelle étaient également affiliés deux des frères Konovnitzyne. Reconnu coupable „d'avoir eu connaissance d'un projet de régicide et de complicité de préméditation d'émeute", il fut envoyé au bagne, et sa femme, qui venait de perdre sa fille unique († 1826), résolut de le suivre en Sibérie. Sa mère, l'énergique comtesse A. Konovnitzyne, finit par obtenir l'autorisation de l'Empereur, qui écrivait: „L'on me tourmente de tous côtés: ce matin, Mme Konovnitzyne est presque entrée dans ma chambre". En mai 1827, Mme Narychkine était à Tchita; quand elle aperçut son mari dans les fers, elle tomba évanouie. Elle eut de la peine à supporter les privations de l'exil: frêle et nerveuse, elle était souvent malade, et lui, sympathique, doux et bon au suprême degré, lui prodiguait des soins touchants. Elle fit une maladie grave, dont elle ne fut sauvée que grâce à lui et à un médecin connu, le docteur Wolff. La monotonie de la vie de Tchita lui pesait; son caractère peu liant lui faisait particulièrement ressentir l'isolement et lui rendait difficile le commerce de la société; elle avait seulement une respectueuse admiration pour „l'esprit profondément religieux" de Mme von Vizine. En 1833, le condamné fut rendu à la liberté, et les Narychkine se fixèrent à Kourgane, dont le climat eut une salutaire influence sur la malade; leur aisance leur procura un certain confort: ils avaient pris en Russie ce qui leur était nécessaire comme installation, des gens et même des chevaux de haras, de sorte que Narychkine s'occupa de l'amélioration de la race sibérienne. Joukowsky écrivait en 1837 à l'Impératrice Alexandra Féodorowna: „A Kourgane, j'ai vu Mme Narychkine: elle m'a profondément touché par son attitude paisible et sa noble simplicité dans l'infortune. Mais elle est malade, et, on peut le dire, consumée de chagrin de sa mère, qu'elle voudrait revoir ne fût-ce qu'une fois encore dans sa vie". La même année, ils quittèrent Kourgane, et Narychkine reçut du service au Caucase. Sa femme alla à Moscou voir sa mère et ses frères, et vint ensuite le rejoindre. La vie devint alors plus animée: on voyait un peu de monde, on recevait des livres et des journaux, Mme Narychkine chantait souvent: mais aussi elle avait de fréquentes inquiétudes lorsque son mari partait en expédition dans la montagne. La grâce accordée, ils se fixèrent à Moscou, où Mme Narychkine devint veuve le 2 janvier 1863. Elle mourut le 11 décembre 1867 et fut inhumée près de son mari au monastère Donskoï, à Moscou. Elle ne laissait pas d'enfants, mais avait pris chez elle à Tchita, en 1830, une petite fille nommée Julienne Tchoupiatoff.

Au témoignage du prince E. Obolensky, Narychkine „avait trouvé dans sa femme cette parfaite conformité de sentiments qui se traduit dans la vie par une harmonie complète des tendances, des aspirations de la vie, des espérances et des désirs; de nombreuses années s'écoulèrent dans cette entente cordiale: partout ils furent ensemble, partout la vie du cœur s'exprima pour eux dans un amour pur, reflété dans toute leur organisation de vie". Mme Narychkine, dit Mlle Frantzeff, „n'était pas belle, mais on ne s'en apercevait pas, tant elle avait l'air intelligent! Elle avait un esprit subtil, enjoué et enthousiaste, relevant tout et ne laissant rien passer inaperçu; c'était une société gaie et agréable". La princesse M. Wolkonsky fait d'elle le portrait suivant: „Petite, très replète, un peu affectée, c'était au fond une personne fort digne; une fois qu'on était habitué à son air de fierté, on ne pouvait s'empêcher de l'aimer".

(D'après un dessin appartenant à la comtesse E. Konovnitzyne, Moscou.)

67

Анастасія Васильевна *Anastasie Vassilievna*
Якушкина, Yakouchkine,
1806 — 1846 1806 — 1846

68

Пис. Изабэ, 1818 г. — Peint par Isabey, 1818

Иванъ Александровичъ *Ivan Alexandrowitch*
Фонъ-Визинъ, Von Vizine,
1790 — 1853 1790 — 1853

69

Елизавета Петровна *Elisabeth Pétrowna*
Нарышкина, Narychkine,
1801 — 1867 1801 — 1867

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Князь **АЛЕКСАНДРЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ ИПСИЛАНТИ**, 1792—1828, изъ знатной греческой фамиліи, сынъ господаря Молдавіи Константина отъ второго его брака съ Елизаветой Вакареско, при блестящихъ способностяхъ получилъ поверхностное образованіе, ибо отличался „легкомысліемъ и лѣностью къ умственнымъ занятіямъ, помѣшавшими ему въ развитіи драгоцѣнныхъ задатковъ, данныхъ ему природою“. Въ 1808 г. поступилъ корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ, въ 1810 г. произведенъ въ поручики, въ 1812 г.—въ шт.-ротмистры, въ слѣдующемъ—въ ротмистры, съ переводомъ подполковникомъ въ Гродненскій гусарскій полкъ. Состоя въ корпусѣ Витгенштейна, Ипсиланти участвовалъ во многихъ сраженіяхъ кампаній 1812 и 1813 гг. и выказалъ „храбрость, доходившую иногда до безразсудства“, за что получилъ ордена Владиміра 4 ст., Анны 2 ст., золотое оружіе и произведенъ въ полковники, послѣ того, какъ подъ Дрезденомъ лишился правой руки, оторванной ядромъ. Онъ долго страдалъ отъ раны и лѣчился за границей; въ то время Александръ I очень милостиво относился къ молодому инвалиду: 1 Января 1816 г. онъ былъ пожалованъ въ флигель-адъютанты, въ 1817 г.—въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ бригаднымъ командиромъ 1-й гусарской дивизіи. Позднѣе Ипсиланти лишился расположенія Государя: пылкій и увлекающійся, онъ спачала сдѣлался масономъ, а потомъ вступилъ въ общество „Этерія“, имѣвшее цѣлью освобожденіе Греціи, при чемъ свобода родины казалась ему „радужнымъ сномъ“. Крайне легкомысленный и честолюбивый, Ипсиланти былъ увѣренъ въ поддержкѣ Россіи въ дѣлѣ освобожденія грековъ и принялъ на себя званіе „генералъ-эфора“ и „благодѣтеля“ Этеріи, не желая считаться съ комбинаціей политическихъ отношеній въ Европѣ того времени, что такъ хорошо понималъ другой талантливый грекъ, графъ Каподистріа. Ожиданіе было не въ характерѣ Ипсиланти; онъ отправился на югъ и въ началѣ 1821 г. поднялъ возстаніе въ Дунайскихъ княжествахъ, обнародовавъ высокопарное воззваніе съ неосторожными намеками на поддержку какой-то „державной силы“, скомпрометировавшими русское правительство, принужденное послѣ этого отречься отъ дѣла Ипсиланти. Несмотря на личныя симпатіи, Александръ I былъ въ то же время членомъ Священнаго союза. Зато Пушкинъ, игнорируя практическія соображенія, писалъ: „Первый шагъ Ипсиланти прекрасенъ и блистателенъ! Онъ счастливо началъ! 28 лѣтъ, оторванная рука, цѣль великодушная. Отнынѣ онъ принадлежитъ исторіи“. На конгрессѣ въ Лайбахѣ вопросъ о помощи со стороны Россіи былъ рѣшенъ отрицательно, и 9 Марта 1821 г. Ипсиланти съ братьями былъ исключенъ изъ службы, съ запрещеніемъ возвращенія въ Россію. Практическое осуществленіе намѣреній Ипсиланти было далеко отъ идеала: онъ окружалъ себя родственниками и льстецами, самъ отталкивалъ всѣхъ надменностью, съ боярами обращался унизительно, въ войскахъ его царили бездарность и дезорганизація, всѣ дѣйствія отличались нерѣшительностью. Наконецъ, проклятіе Ипсиланти патріархомъ оттолкнуло отъ него народъ, уже и раньше недовольный такими его поступками, какъ, напримѣръ, помѣщеніе театра въ одномъ изъ разоренныхъ монастырей. Турки одерживали побѣды, а „этеристы“ вели переговоры относительно выдачи самого Ипсиланти. Послѣ окончательнаго пораженія грековъ близъ Драгачана Ипсиланти рѣшилъ уѣхать въ Америку, покинувъ остатки своихъ войскъ; подъ именемъ Дмитрія Палэогенида онъ вступилъ, съ разрѣшенія пограничныхъ властей, въ предѣлы Австріи; затѣмъ былъ арестованъ, вмѣстѣ съ братьями, и заключенъ въ крѣпость Мункачъ, „какъ политическій преступникъ“. Среди всевозможныхъ стѣсненій проболѣвъ зиму 1822/3 гг., Ипсиланти лѣтомъ 1823 г. былъ переведенъ въ Чехію, въ крѣпость Терезіенштадтъ, при чемъ ему было отказано даже въ разрѣшеніи съѣздить для лѣченія въ Теплицъ или Маріенбадъ. Только въ 1827 г., въ Ноябрѣ, послѣ просьбы Ипсиланти, обращенной къ Императору Николаю Павловичу, онъ былъ выпущенъ на свободу. А. К. Ипсиланти предполагалъ жить въ Венеціи, но болѣзнь позволила ему доѣхать только до Вѣны, гдѣ онъ и умеръ отъ разрыва сердца 19 Января 1828 года.

(Съ миніатюры изъ собраній Московскаго Историческаго музея.)

Le prince ALEXANDRE KONSTANTINOWITCH YPSILANTI, 1792—1828, appartenait à une noble famille grecque et était fils du hospodar de Valachie Constantin et de sa seconde femme Elisabeth Vacaresco. Brillamment doué, il reçut une instruction superficielle, car „il apportait aux travaux intellectuels une légèreté et une paresse qui l'empêchèrent de développer les précieux dons qu'il tenait de la nature". En 1808, il fut enrôlé comme cornette au régiment des Chevaliers-Gardes, en 1810 fut promu lieutenant, en 1812 capitaine en second de cavalerie, en 1815 capitaine en premier, puis passa colonel aux hussards de Grodno. Il fut avec le corps Wittgenstein de beaucoup de batailles des campagnes de 1812 et 1813 et fit preuve „d'une bravoure poussée parfois jusqu'à la témérité": il y gagna St-Vladimir de 4e classe, Ste-Anne de 2e classe, une épée d'or et le grade de colonel, après avoir eu le bras droit enlevé par un boulet sous Dresde. Il souffrit longtemps de sa blessure, qu'il alla soigner à l'étranger. A cette époque, Alexandre Ier ne ménagea pas sa faveur au jeune invalide: le 1er janvier 1816, il fut fait aide de camp de Sa Majesté, et en 1817, nommé général major et commandant de brigade à la 1re division de hussards. Plus tard, Ypsilanti perdit la faveur du Souverain: nature ardente et enthousiaste, il se fit d'abord franc-maçon, puis entra dans l'Hétairie qui avait pour but l'affranchissement de la Grèce, sa patrie, dont la liberté lui semblait „un rêve radieux". D'une légèreté et d'une ambition extrêmes, il ne doutait nullement de l'appui de la Russie et se donna le titre de „général-éphore" et „bienfaiteur" de l'Hétairie, sans vouloir compter avec le jeu des relations politiques de l'Europe du temps, que comprenait si bien un autre Grec de talent, le comte Capo d'Istria. Ypsilanti n'était pas homme à attendre: il partit pour le Midi et, au commencement de 1821, fomenta un soulèvement dans les principautés danubiennes; il avait lancé un manifeste pompeux, dont les imprudentes allusions à l'appui d'une „puissance forte" compromettaient le gouvernement russe, qui dut dès lors se désintéresser de l'affaire. Malgré ses sympathies personnelles, Alexandre Ier faisait alors partie de la Sainte Alliance: mais Pouchkine, qui ne voyait pas les considérations pratiques, écrivait: „Le premier pas d'Ypsilanti est beau et magnifique! L'heureux début! Vingt-huit ans, un bras de moins, un but magnanime: il appartient dorénavant à l'histoire". Au congrès de Laybach, la question de l'appui de la Russie fut résolue négativement, et le 9 mars 1821, Ypsilanti fut, ainsi que ses frères, rayé du service et banni du territoire russe. La réalisation pratique de ses vues fut loin de l'idéal: il s'était entouré de parents et de flatteurs, rebutant tout le monde par son arrogance et prenant avec les boyards une attitude humiliante; à l'armée régnaient l'incapacité, la désorganisation, l'indécision dans les mouvements. Enfin la malédiction lancée par le patriarche détacha de lui le peuple, qu'il avait déjà indisposé maintes fois, comme en installant un théâtre dans un monastère ruiné. Les Turcs remportaient des victoires et les Hétairistes entrèrent en négociations pour livrer Ypsilanti même. Après la défaite définitive des Grecs près de Dragatchane, il résolut de se réfugier en Amérique: il abandonna les débris de ses troupes, et, sous le nom de Démètre Paléogénide, passa avec l'agrément des autorités la frontière autrichienne, mais fut ensuite arrêté ainsi que ses frères et interné à la citadelle de Munkacs „comme prévenu politique". Au milieu de toute espèce de vexations, après avoir été malade tout l'hiver 1822—1823, il fut transféré l'été suivant en Bohême à la citadelle de Theresienstadt, et on lui refusa même l'autorisation d'aller pour sa santé à Tœplitz ou à Marienbad. Ce ne fut qu'en novembre 1827, et grâce à l'Empereur Nicolas Ier qu'il avait sollicité lui-même, qu'il fut rendu à la liberté. Il voulait aller habiter Venise, mais la maladie l'empêcha d'aller plus loin que Vienne, où il succomba à la rupture d'un anévrisme le 19 janvier 1828.

(D'après une miniature du Musée Historique de Moscou.)

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧЪ РТИЩЕВЪ, 1754—1835, сынъ капитана Федора Алексѣевича († 1756) и Маріи Васильевны Лихаревой (1728—1793), началъ службу въ 1773 г., послѣ окончанія Сухопутнаго кадетскаго корпуса, поручикомъ и адъютантомъ графа З. Г. Чернышева; въ 1784 г. былъ полковникомъ въ Навагинскомъ полку и въ 1789 г.—бригадиромъ. Въ этомъ году участвовалъ въ Шведской войнѣ, состоя подъ командой вице-адмирала принца Нассау-Зигена, при чемъ участвовалъ во многихъ дѣлахъ съ непріятелемъ, какъ на сухомъ пути, такъ и на канонерскихъ лодкахъ гребной флотиліи; за отличіе въ бояхъ пожалованъ золотымъ оружіемъ. Въ 1791 г. былъ командированъ въ Ригу для командованія гребной флотиліей, затѣмъ въ 1793 г. участвовалъ въ Польской кампаніи и произведенъ въ генералъ-майоры. Въ слѣдующихъ годахъ присутствовалъ въ Военной конторѣ, пока 25 Марта 1798 г. не былъ назначенъ командиромъ въ Астрахань и шефомъ тамошняго гарнизоннаго полка, съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты. Въ томъ же году, 22 Сентября, по болѣзни уволенъ въ отставку. Въ 1806 г. опять поступилъ на службу и назначенъ командиромъ 16-й пѣхотной дивизіи, затѣмъ 25-й и 19-й дивизій. Въ 1808 г. награжденъ орд. св. Анны 1 ст., а въ 1809 и 1810 гг. участвовалъ въ войнѣ съ Турціей и въ экспедиціи въ Галицію. Въ 1811 г. назначенъ начальникомъ войскъ на Кавказской линіи и всего края, т.-е. Астраханской и Кавказской губерній, а 16 Февраля 1812 г. главнокомандующимъ въ Грузіи и главноуправляющимъ по гражданской и пограничной частямъ въ тѣхъ же губерніяхъ и въ Грузіи. Здѣсь Ртищеву пришлось бороться съ турками и персіянами и разными горскими племенами, войскъ было недостаточно, тѣмъ не менѣе ему удалось одержать нѣсколько побѣдъ надъ персіянами и 12 Октября 1813 г. заключить выгодный Гюлистанскій миръ; за побѣду при Асландузѣ, гдѣ была взята вся артиллерія и лагерь непріятеля, онъ получилъ Александровскую звѣзду, а за заключеніе мира чинъ генерала-отъ-инфантеріи. Державинъ привѣтствовалъ его дѣятельность такими стихами:

„Какіе ужасы Персида ни являла,
Но предъ оружіемъ вмигъ Александра пала
Отъ Ртищева меча"...

Но, кромѣ дѣйствія мечомъ, онъ занятъ былъ и гражданскимъ устройствомъ края, и первое время довольно успѣшно: при немъ вошли въ употребленіе русскія ассигнаціи, учреждена была Грузино-Имеретинская Синодальная контора, при немъ были сдѣланы первыя попытки введенія на Кавказѣ горныхъ промысловъ. Но скоро въ Петербургѣ стали получаться неблагопріятные слухи объ управленіи Ртищева, „помрачавшіе его добрую славу". Ермоловъ писалъ Воронцову о взяточничествѣ жены Ртищева и крайне дурномъ составѣ его подчиненныхъ. По словамъ Ермолова, Ртищевъ былъ „человѣкъ добрыхъ весьма свойствъ и намѣреній", но „созданіе, совершенствомъ неспособности отличное, слабая и, можетъ-быть, и не совсѣмъ невинная тварь". Въ самой Имеретіи онъ возбудилъ волненія намѣреніемъ передать въ казну церковныя имѣнія, противъ чего возсталъ и Синодъ. 9 Апрѣля 1816 г. онъ былъ уволенъ отъ должности, съ зачисленіемъ по арміи и назначеніемъ присутствовать въ 6-мъ Департаментѣ Правительствующаго Сената, находившемся въ Москвѣ. Здѣсь онъ жилъ на Шабаловкѣ, обремененный долгами, которыхъ послѣ его смерти осталось, кромѣ долга Опекунскому Совѣту, до 200/т. рублей.

Умеръ Н. Ф. Ртищевъ 8 Января 1835 г. и погребенъ въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ. Женатъ былъ съ 23 Октября 1799 г. на вдовѣ Екатеринѣ Николаевнѣ (Генріета-Фредерика) Мильстъ († около 1828 г.); дѣтей у нихъ не было.

(Съ миніатюры 1822 г., принадлежащей Н. П. Путилиной, въ Москвѣ.)

NICOLAS FEODOROWITCH RTICHTCHEFF, 1754—1835, fils du capitaine Théodore Alexéewitch Rtichtcheff († 1756) et de Marie Vassiliewna, née Likhareff (1728—1795), débuta au service en 1775, à sa sortie du Corps des Cadets, comme lieutenant et aide de camp du comte Z. Tchernycheff; en 1784, il était lieutenant-colonel au régiment de Navaga et, en 1789, brigadier. Il prit part la même année à la guerre de Suède sous les ordres du vice-amiral prince de Nassau-Siegen, et fut de plusieurs affaires, tant sur terre que sur les canonnières de la flottille à rames; sa bravoure lui valut une épée d'or. En 1791, il fut envoyé à Riga pour commander la flottille à rames, puis, en 1793, fit la campagne de Pologne et fut promu général major. Les années suivantes, il siégea au Bureau militaire et fut nommé commandant d'Astrakhan et chef de la garnison de cette ville avec grade de général lieutenant. Le 22 septembre de la même année, il prit sa retraite pour raisons de santé. Il reprit du service en 1806 comme commandant de la 16e division d'infanterie, d'où il passa successivement à la 25e et à la 19e. Il fut décoré en 1808 de Ste-Anne de 1re classe et fit en 1809 et 1810 la campagne de Turquie et l'expédition de Galicie. En 1811, il fut nommé chef de la Ligne du Caucase et de toute la région, c'est-à-dire des gouvernements d'Astrakhan et du Caucase, puis, le 16 février 1812, commandant en chef de la Géorgie et directeur général des affaires civiles et des frontières dans les mêmes gouvernements et la Géorgie. Là il eut à lutter avec les Turcs, les Persans et les montagnards et put, tout en manquant de troupes, remporter plusieurs victoires sur les Persans et conclure le 12 octobre 1813 la paix avantageuse de Gulistan; la victoire d'Aslandouze, où il enleva toute l'artillerie et le camp de l'ennemi, lui valut l'étoile de St-Alexandre, et la conclusion de la paix le rang de général d'infanterie. Derjavine célébra ses exploits dans les vers suivants:

„Mais, malgré les horreurs que déploya la Perse,
„Le glaive d'Alexandre, en la main de Rtichtcheff,
„La dompte en un instant"....

D'ailleurs il ne se servit pas seulement du glaive, mais s'occupa aussi d'organiser le pays, et assez heureusement d'abord: de son administration datent l'introduction des assignations russes, la création du Bureau Synodal de Géorgie et d'Imérétie, et les premières tentatives d'exploitations minières au Caucase. Mais bientôt commencèrent à parvenir à Pétersbourg sur l'administration de Rtichtcheff des bruits fâcheux „qui ternirent son bon renom". Ermoloff parlait dans ses lettres à Worontzoff des concussions de sa femme et du personnel détestable de ses subordonnés. Au témoignage d'Ermoloff, Rtichtcheff était „une bonne nature animée d'excellentes intentions", mais „un être d'une complète incapacité et une créature faible et peut-être tant soit peu coupable". En Imérétie même il provoqua des troubles par son projet de verser à l'Etat les biens du clergé, projet auquel s'opposa du reste le Synode. Le 9 avril 1816, il fut destitué de sa fonction, incorporé à l'armée et appelé à siéger au 6e département du Sénat à Moscou, où il se fixa. Il était alors criblé de dettes: à sa mort, il n'en laissa pas pour moins de 200.000 roubles, sans compter ce qu'il devait au Conseil de Tutelle.

Rtichtcheff mourut le 8 janvier 1835 et fut inhumé à Moscou, au monastère Donskoï. Il avait épousé le 25 octobre 1799 Catherine Nikolaewna (Henriette-Frédérique) Vve Milst († vers 1828), dont il n'eut pas d'enfants.

(D'après une miniature de 1822, appartenant à Mme N. Poutiline, Moscou.)

72

АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВИЧЪ БЕКЛЕШОВЪ, 1743—1808, изъ псковскихъ дворянъ, сынъ флота капитанъ-лейтенанта Андрея Богдановича отъ брака съ Анной Юрьевной Голенищевой-Кутузовой, родился 1 Марта 1743 г.; воспитывался въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ и служилъ потомъ до чина капитана. Въ 1769 г. переведенъ въ Преображенскій полкъ и участвовалъ въ Архипелажской экспедиціи графа А. Г. Орлова, послѣ чего, въ 1775 г., назначенъ командиромъ Шлиссельбургскаго пѣх. полка, а въ 1782 г.— губернаторомъ въ Ригу, гдѣ пробылъ 6 лѣтъ, и, произведенный въ генералъ-поручики, переведенъ генералъ-губернаторомъ Орловскаго и Курскаго намѣстничества. Въ царствованіе Павла I Беклешовъ былъ произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи и назначенъ сначала Каменецъ-Подольскимъ военнымъ губернаторомъ, а затѣмъ Малороссійскимъ и Кіевскимъ губернаторомъ. Въ 1799 г., 25 Іюня, онъ былъ пожалованъ въ сенаторы, Мальтійскимъ орденомъ большого креста и 7 Іюля назначенъ генералъ-прокуроромъ. „Ты да я, я да ты, впередъ мы одни будемъ дѣла дѣлать", сказалъ Павелъ при его назначеніи. Но уже 2 Февраля 1800 г. Беклешовъ былъ уволенъ отъ службы; говорятъ, что его прямой характеръ пришелся не по вкусу придворнымъ случайнымъ людямъ, подъ вліяніе которыхъ часто, незамѣтно для себя, подпадалъ самовластный Императоръ. По вступленіи на престолъ Александра I, 16 Марта 1801 г., Беклешовъ былъ снова призванъ на службу и занялъ прежній свой постъ генералъ-прокурора. При немъ, 8 Сентября 1802 г., былъ утвержденъ докладъ о должности Сената, какъ „верховнаго мѣста въ Имперіи", охраняющаго законы и правосудіе, ревизующаго отчеты министровъ, учрежденія, власть котораго ограничивается единственно властью Государя. Въ этотъ знаменательный день Беклешовъ, по болѣзни, оставилъ службу, но въ 1804 г. былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Москву, гдѣ и оставался до 3 Апрѣля 1806 года. Награжденный Андреевской лентой, онъ опять вышелъ въ отставку, но въ 1807 г. былъ избранъ главнокомандующимъ 2-й областью земскаго войска и получилъ звѣзду св. Владиміра 1-й степени. Беклешовъ умеръ въ Ригѣ, 24 Іюля 1808 г.; женатъ не былъ, но имѣлъ „воспитанника" Алексѣя Александровича Беклешова, усыновленнаго имъ (р. 1792 г.; убитъ 17 Августа 1813 г. подъ Кульмомъ).

По словамъ Булгакова, А. А. Беклешовъ „умеръ, оплакиваемый всѣми", такъ какъ, по отзыву современника, „пользовался общею любовью и уваженіемъ, имѣлъ нравъ веселый, открытый, сердце доброе", хотя и былъ строгъ. Одинъ Державинъ не хвалилъ Беклешова, который, по его словамъ, „съ одной стороны былъ человѣкъ самовластный, наглый и дерзкій крикунъ, а съ другой — подлый ласкатель политическихъ видовъ, коими желалъ помрачить передъ тѣмъ бывшее правленіе", тогда какъ Вигель, напротивъ, говоритъ, что „при Александрѣ нѣсколько такихъ людей, какъ Беклешовъ, были драгоцѣннѣйшее наслѣдство, оставленное Екатериной, и нѣкоторое время ими только и жила Россія". По отзыву Сперанскаго, „Беклешовъ былъ ихъ всѣхъ (ген.-прокуроровъ Павла I) умнѣе, но и всѣхъ несчастнѣе, ему ничего не удавалось; всѣхъ ихъ менѣе имѣлъ способностей Обольяниновъ, и ему все съ рукъ сходило".

(Съ миніатюры, принадлежащей М. А. Васильчиковой, с. Кораллово, Московск. губ.)

72

ALEXANDRE ANDRÉEWITCH BÉKLÉCHOFF, 1745—1808, d'une famille noble de Pskoff, fils du capitaine-lieutenant de la flotte André Bogdanowitch Békléchoff et d'Anna Youriewna, née Golénichtcheff-Koutouzoff, naquit le 1er mars 1745. Il fit ses études au Corps des Cadets, où il continua à servir jusqu'au grade de capitaine. Il passa en 1769 au régiment Préobragensky, et prit part à l'expédition de l'Archipel dirigée par A. Orloff; après quoi il fut nommé, en 1773, chef du régiment d'infanterie de Schlusselbourg et, en 1782, gouverneur de Riga, où il resta six ans. Il fut ensuite, avec grade de général lieutenant, général gouverneur de la lieutenance d'Orel et de Koursk. Sous Paul Ier, Békléchoff fut promu général d'infanterie et nommé d'abord gouverneur militaire de Kaménetz-Podolsk, puis gouverneur de Petite-Russie et de Kieff. En 1799, il devint sénateur, le 25 juin, grand-croix de l'ordre de Malte et, le 7 juillet, procureur général: „Toi et moi, moi et toi, maintenant nous allons tout faire à nous deux", dit Paul en le nommant. Mais, dès le 2 février 1800, il était destitué; sa droiture de caractère n'aurait pas été du goût de certains courtisans d'occasion, sous l'influence desquels se trouvait souvent, sans s'en apercevoir, le despotique Souverain. A l'arrivée d'Alexandre Ier au pouvoir, Békléchoff fut rappelé, le 16 mars 1801, et reprit son poste de procureur général. Sur les entrefaites fut sanctionné, le 8 septembre 1802, le rapport sur les attributions du Sénat le définissant comme „corps suprême de l'Empire", préposé à la sauvegarde des lois et de la justice et au contrôle des ministres, et comme organe dont le pouvoir n'est limité que par celui de l'Empereur. Ce jour mémorable, Békléchoff quitta le service pour raisons de santé, mais fut fait, en 1804, commandant en chef de Moscou, où il resta jusqu'au 3 avril 1806. Puis il prit encore une fois sa retraite avec le cordon de St-André, mais fut appelé, en 1807, au commandement en chef de la 2e circonscription de la milice territoriale et décoré de St-Vladimir de 1re classe. Il mourut à Riga, le 24 juillet 1808; il ne fut pas marié, mais eut un „pupille", Alexis Alexandrowitch Békléchoff (né 1792), qu'il adopta et qui périt sous Kulm, le 17 août 1813.

Békléchoff, dit Boulgakoff, „mourut pleuré de tous", car, au témoignage d'un contemporain, „il jouissait de l'affection et de l'estime générales, et avait le caractère gai et ouvert et un bon cœur", tout sévère qu'il était. Seul Derjavine n'en dit pas de bien: „Homme despotique, braillard effronté et insolent, d'une part, et de l'autre, vil flatteur de la politique dont il voulait jadis se servir pour flétrir l'ancien régime". „Sous Alexandre", dit au contraire Wiegel, „quelques hommes comme Békléchoff étaient le plus précieux de l'héritage laissé par Catherine, et furent quelque temps l'unique ressource de la Russie". Au témoignage de Spéransky, „Békléchoff fut le plus sage" (de tous les procureurs généraux de Paul Ier), „mais aussi le plus malheureux: rien ne lui réussissait; Obolianinoff était le moins capable, et ne s'en portait pas plus mal".

(D'après une miniature appartenant à Mlle Wassiltchikoff, Korallovo, gouv. de Moscou.)

70

Князь Александръ Константиновичъ
Ипсиланти,
1792—1828

Le prince Alexandre Konstantinowitch
Ypsilanti,
1792—1828

71

Николай Федоровичъ
Ртищевъ,
1754—1835

Nicolas Féodorowitch
Rtichtcheff,
1754—1835

72

Александръ Андреевичъ
Беклешовъ,
1743—1808

Alexandre Andreewitch
Békléchoff,
1743—1808

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

73

МАРІЯ АЛЕКСѢЕВНА ХИТРОВО, 1782—1865, дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина отъ брака съ княжной Екатериной Алексѣевной Волконской, родилась 7 Іюня 1782 года; 20-и лѣтъ вышла замужъ за Алексѣя Захаровича Хитрово, позднѣе дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и государственнаго контролера. Сама была кавалерственной дамой ордена св. Екатерины.

М. А. Хитрово умерла въ Мартѣ 1865 г.; отъ брака съ А. З. Хитрово имѣла двоихъ сыновей: Захара (8 Января 1807—1876; оберъ-церемоніймейстеръ) и Алексѣя († 1837), и 4 дочерей: Наталію (р. 16 Февраля 1804 г.; за тайн. сов. Н. М. Донауровымъ), Екатерину (31 Іюня 1805 -1855; за ген.-отъ-инф. Н. М. Толстымъ), Александру (р. 14 Апрѣля 1816 г.; за шталмейстеромъ Ф. Г. Головинымъ) и Елизавету (р. 17 Февраля 1822 г.; за свѣтл. княземъ К. А. Суворовымъ).

По отзыву А. Я. Булгакова, который былъ принятъ, какъ родной, въ домѣ ея родителей, въ Москвѣ, М. А. Хитрово отличалась красотой и мягкимъ, общительнымъ характеромъ.

(Съ миніатюры, принадлежащей А. З. Хитрово, С.-Петербургъ.)

73

MARIE ALEXÉEWNA KHITROVO, 1782—1863, fille du comte Alexis Ivanowitch Moussine-Pouchkine, conseiller privé actuel, et de Catherine Alexéewna, née princesse Wolkonsky, naquit le 7 juin 1782. A l'âge de 20 ans, elle épousa Alexis Zakharowitch Khitrovo, dans la suite conseiller privé actuel et contrôleur de l'Empire. Elle fut dame de l'ordre de Ste-Catherine.

Mme Khitrovo mourut en mars 1863. Elle eut deux fils, Zakhare (8 janvier 1807—1876), grand maître des cérémonies, et Alexis († 1837), et quatre filles, Natalie (née le 16 février 1804), mariée au conseiller privé P. Donaouroff, Catherine (31 juin 1805—1853) au général d'infanterie N. Tolstoï, Alexandrine (née le 14 avril 1816) à Th. Golovine, écuyer de la Cour, et Elisabeth (née le 17 février 1822) au prince sérénissime C. Souvoroff.

Au témoignage d'Alexandre Boulgakoff, qui était reçu comme parent dans la famille de Mme Khitrovo à Moscou, elle se faisait remarquer par sa beauté et son caractère doux et communicatif.

(D'après une miniature appartenant à A. Khitrovo, St-Pétersbourg.)

АЛЕКСѢЙ ЗАХАРОВИЧЪ ХИТРОВО, 1776—1854, сынъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Захара Алексѣевича Хитрово (1734—1798) отъ брака съ Александрой Николаевной Масловой († 1829), родился 9 Ноября 1776 г.; 8 лѣтъ зачисленъ сержантомъ въ Измайловскій полкъ, а въ 1789 г. переведенъ вахмистромъ въ Конную гвардію и въ 1795 г. произведенъ въ корнеты. Со вступленіемъ на престолъ Павла I сталъ быстро повышаться въ чинахъ. Въ Апрѣлѣ 1798 г. былъ уже шт.-ротмистромъ, а въ Декабрѣ неожиданно пожалованъ въ дѣйствительные камергеры, званіе, дававшее чинъ IV класса. Причина этой необычайной милости къ 22-лѣтнему Хитрово, какъ видно изъ „Записокъ" его однополчанина, Н. А. Саблукова, заключалась въ удачно исполненномъ минуэтѣ, въ которомъ принимала участіе тогдашняя любимица Императора, Е. И. Нелидова. Обстоятельство это, повидимому, имѣло вліяніе на его послѣдующую служебную дѣятельность. Въ 1800 г. онъ перешелъ на гражданскую службу и назначенъ членомъ Мануфактуръ Коллегіи, а въ 1803 г. ея президентомъ. Въ 1804 г. Хитрово причисленъ къ оберъ-прокурорскому столу 1-го департамента Сената, а въ 1808 г. назначенъ оберъ-прокуроромъ 5-го департамента. Въ 1811 г. Хитрово получилъ орд. св. Анны 1 степени, а въ Отечественную войну 1812 года былъ избранъ дворянствомъ въ члены комитета С.-Петербургскаго ополченія, за каковые труды въ 1813 г. произведенъ въ тайные совѣтники. Дѣятельность его въ качествѣ сенатора продолжалась съ 20 Мая 1814 г. до 1827 г., и въ это время на него возлагался цѣлый рядъ порученій. Такъ имъ обревизованы были: Бессарабская, Вологодская, Волынская, Воронежская, Вятская, Пензенская и Подольская губерніи, Казначейство и Герольдія. Во время ревизіи Вологодской губерніи, онъ предалъ суду губернатора и вице-губернатора, при чемъ 5-й департаментъ Сената опорочилъ его дѣйствія и оправдалъ обвиненныхъ, но затѣмъ, когда дѣло передано было въ Государственный Совѣтъ, Высочайшимъ Указомъ 26 Апрѣля 1817 г. рѣшеніе 5-го департамента признано неправильнымъ, а ревизія Хитрово—вполнѣ основательною, о чемъ объявлено повсемѣстно публикаціей въ вѣдомостяхъ. Исполненіе цѣлаго ряда другихъ, не менѣе важныхъ порученій, въ качествѣ члена комиссіи по постройкѣ Исакіевскаго собора и разныхъ слѣдственныхъ комиссій (по дѣлу объ убійствѣ Алтуховой, о фальшивомъ клеймени товаровъ и т. п.), доставили Хитрово нѣсколько наградъ (въ 1818 г. орд. св. Владиміра 2 ст.) и, 6 Апрѣля 1827 г., званіе члена Государственнаго Совѣта; въ 1829 г. онъ получилъ Александровскую звѣзду, а 6 Декабря 1830 г. назначенъ государственнымъ контролеромъ; въ этой должности, въ 1832 г., онъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и получилъ звѣзду св. Владиміра 1 ст., 15 Апрѣля 1845 г. пожалованъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго, а 8 Апрѣля 1851 г. получилъ алмазные знаки этого ордена.

А. З. Хитрово умеръ 21 Февраля 1854 г. и похороненъ въ Сергіевской пустыни, близъ С.-Петербурга. Женатъ былъ на графинѣ Маріи Алексѣевнѣ Мусиной-Пушкиной (1782—1863), отъ которой имѣлъ 2 сыновей и 4 дочерей.

(Съ миніатюры, принадлежащей А. З. Хитрово, въ С.-Петербургѣ.)

74

ALEXIS ZAKHAROWITCH KHITROVO, 1776—1854, fils de Zakhare Alexéewitch Khitrovo (1734—1798), conseiller d'état actuel, et d'Alexandrine Nikolaewna, née Masloff († 1829), naquit le 9 novembre 1776. A l'âge de 8 ans, il fut enrôlé sergent au régiment Izmaïlowsky, passa en 1789 sous-officier à la Garde à cheval, et fut promu cornette en 1795. A partir de l'avènement de Paul Ier, il fit une carrière rapide. Déjà capitaine de cavalerie en second en avril 1798, il passa brusquement en décembre chambellan actuel, recevant ainsi la 4e classe. Cette faveur inouïe pour un jeune homme de 22 ans tenait, comme l'expliquent les Mémoires de son camarade de régiment N. Sabloukoff, à un menuet heureusement exécuté avec Mlle Nélidoff, la favorite de l'Empereur. La chose paraît avoir eu un retentissement sur toute sa carrière. En 1800, il passa au service civil et fut nommé membre du Collège des Manufactures, dont il devint le président en 1803. En 1804, il fut attaché au bureau du procureur général du 1er département du Sénat, et en 1808 nommé procureur général du 5e département. En 1811, il fut décoré de Ste-Anne de 1re classe, et, lors de la Guerre Patriotique de 1812, appelé par la noblesse au comité de la milice de St-Pétersbourg, où ses travaux lui valurent l'année suivante le rang de conseiller privé. Sénateur du 20 mai 1814 jusqu'en 1827, il fut incessamment chargé de toute une série de missions; c'est ainsi qu'il revisa les gouvernements de Bessarabie, de Penza, Podolsk, Viatka, de Volhynie, de Vologda et Voronèje, le Trésor et la Chambre Héraldique. A Vologda, il avait fait passer en justice le gouverneur et le vice-gouverneur: le 5e département le désavoua et prononça un non-lieu, mais l'affaire passa ensuite au Conseil de l'Empire et un oukaze Impérial du 26 avril 1817 cassa la décision du 5e département et proclama le bien-fondé de la plainte de Khitrovo: la chose fut portée à la connaissance du public par la voie des journaux. La manière dont Khitrovo s'acquitta de toute une série d'autres missions non moins importantes, comme membre de la commission pour la construction de la cathédrale St-Isaac et de diverses autres commissions d'enquête (affaires du meurtre de Mlle Altoukhoff, de faux poinçonnage de marchandises, etc.), lui valurent plusieurs récompenses (en 1818 St-Vladimir de 2e classe) et la dignité de membre du Conseil de l'Empire le 6 avril 1827. En 1829, il reçut l'étoile de St-André et le 6 décembre 1830 fut fait contrôleur de l'Empire; dans cette charge, il obtint en 1832 le rang de conseiller privé actuel et l'étoile de St-Vladimir de 1re classe, le 15 avril 1845 St-André et le 8 avril 1851 les insignes en brillants du même ordre.

Khitrovo mourut le 21 février 1854 et fut inhumé au monastère St-Serge, près St-Pétersbourg. Il avait épousé la comtesse Marie Alexéewna Moussine-Pouchkine (1782—1863), dont il eut deux fils et quatre filles.

(D'après une miniature appartenant à A. Khitrovo, St-Pétersbourg.)

Графъ АЛЕКСѢЙ ИВАНОВИЧЪ МУСИНЪ-ПУШКИНЪ, 1744—1817, сынъ гвардіи капитана Ивана Яковлевича, женатаго на Наталіи Михайловнѣ Приклонской, родился 16 Марта 1744 г.; по выходѣ изъ Артиллерійскаго училища служилъ до 1772 г. адъютантомъ при князѣ Г. Г. Орловѣ, благодаря чему рано сдѣлался извѣстенъ Екатеринѣ II. Служба въ артиллеріи не мѣшала ему съ любовью заниматься наукой и литературой. Въ 1775 г., по возвращеніи изъ путешествія по Европѣ, во время котораго онъ велъ „Записки" и особенно интересовался искусствомъ, Мусинъ-Пушкинъ сдѣланъ церемоніймейстеромъ; въ 1789 г. назначенъ начальникомъ „гимназіи чужестранныхъ единовѣрцевъ", а въ 1790 г. избранъ въ члены Россійской академіи за объясненіе терминовъ: „думный дьякъ" и „думный дворянинъ". Покупка имъ книгъ и бумагъ извѣстнаго Крекшина положила начало его знаменитой библіотекѣ рукописей. Собирая всякія древности, записывая историческія извѣстія и анекдоты, Мусинъ-Пушкинъ скоро сдѣлался владѣльцемъ такихъ рѣдкостей, какъ монеты князей св. Владиміра и Ярослава, Тмутораканскій камень съ надписью 1068 г. (хранится въ Эрмитажѣ), исчезнувшая лѣтопись князя Кривоборскаго и единственная рукопись „Слова о полку Игоревѣ". Болтинъ писалъ, что Мусинъ-Пушкинъ, „будучи крайній древностей нашихъ любитель, великимъ трудомъ и иждивеніемъ, а больше по счастью, по пословицѣ: на ловца и звѣрь бѣжитъ, собралъ много книгъ, весьма рѣдкихъ и достойныхъ уваженія отъ знающихъ въ такихъ вещахъ цѣну". Сама Екатерина II знакома была съ его собраніемъ и подарила ему нѣсколько харатейныхъ книгъ и лѣтописей, „кои самой ей читать было трудно". Однако, расположеніе Императрицы, прямой характеръ и обличеніе „вредной галломаніи", причинили ему не мало непріятностей со стороны придворныхъ завистниковъ и интригановъ. Въ 1791 г. Мусинъ-Пушкинъ былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, что еще болѣе способствовало увеличенію его книгохранилища, такъ какъ онъ вошелъ „въ короткое обращеніе и знакомство съ духовными особами". Со вступленіемъ на престолъ Павла I онъ оставилъ Синодъ, гдѣ снискалъ общее уваженіе и любовь за свое, по выраженію митрополита Гавріила (Петрова), „благорасположеніе къ наблюденію истины". Въ 1797 г. Государь пожаловалъ ему 1000 душъ, но онъ просилъ раздѣлить ихъ между его подчиненными; тогда Павелъ возвелъ Мусина-Пушкина 5 Апрѣля 1797 г. въ графское достоинство. Въ 1799 г., выйдя въ отставку, графъ Пушкинъ поселился въ Москвѣ, среди своихъ любимыхъ древностей и рукописей, въ своемъ громадномъ домѣ на Разгуляѣ. Здѣсь онъ издалъ въ 1800 г. „Слово о полку Игоревѣ" (1-е изданіе, замѣняющее теперь рукопись) и въ 1810 г.—изслѣдованіе о „Холопьемъ городкѣ" на р. Мологѣ. (Раньше имъ изданы были, вмѣстѣ съ „пріятелями" Елагинымъ и Болтинымъ, въ 1792 г. „Русская правда" и въ 1793 г.—„Поученіе Владиміра Мономаха".) Наканунѣ 1812 г. другъ графа, Н. Н. Бантышъ-Каменскій, убѣдилъ его пожертвовать свое собраніе въ библіотеку Архива Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ. Однако, трудно было ему сразу разстаться съ своимъ сокровищемъ, и онъ, по собственному его выраженію, „похвальнаго намѣренія своего исполнить не успѣлъ". Рѣдкостная библіотека вся погибла въ 1812 г. въ пламени Московскаго пожара. Только драгоцѣнный Лаврентьевскій списокъ Несторовой лѣтописи, поднесенный графомъ Александру I, уцѣлѣлъ въ Публичной библіотекѣ. Старикъ графъ былъ страшно потрясенъ; къ довершенію удара, 21 Марта 1813 г., подъ Люнебургомъ былъ убитъ 24-лѣтній его сынъ, Александръ, котораго онъ „готовилъ" къ занятіямъ исторіей. Послѣ этого, по свидѣтельству Калайдовича, до конца дней „пасмурный взоръ его одушевлялся только въ бесѣдѣ любителей Отечественной исторіи"... Графъ Мусинъ-Пушкинъ скончался 1 Февраля 1817 г. въ Москвѣ; отпѣваніе въ церкви Богоявленія въ Елоховѣ совершалъ архіепископъ Московскій Августинъ; погребенъ онъ въ своемъ имѣніи, въ селѣ Иломны, Моложскаго уѣзда. „Пріязнью его пользовались": Карамзинъ, Болтинъ, Бантышъ-Каменскій..., „умъ, доблести и знаменитыя услуги его просвѣщенію чтила великая Екатерина".

(Съ миніатюры, принадлежащей Л. Г. Лукутиной, въ Москвѣ.)

Le comte ALEXIS IVANOWITCH MOUSSINE-POUCHKINE, 1744—1817, fils d'un capitaine de la Garde et de Natalie Mikhaïlowna, née Priklonsky, naquit le 16 mars 1744. A sa sortie de l'Ecole d'Artillerie, il fut jusqu'en 1772 aide de camp du prince G. Orloff, ce qui le fit connaître de bonne heure à Catherine II. Son service dans l'artillerie ne l'empêcha pas de faire avec amour de la science et de la littérature. En 1775, au retour d'un voyage en Europe, où il rédigea des Mémoires et s'occupa particulièrement d'art, il devint maître des cérémonies; il fut nommé, en 1789, directeur du „gymnase des orthodoxes étrangers", et en 1790 membre de l'Académie Russe pour son explication des termes vieux-russes doumny diak (secrétaire de la Douma des Boyards) et doumny dvorianine (noble de la même assemblée). L'acquisition qu'il fit des livres et papiers de Krechkine jeta les bases de sa célèbre collection de manuscrits. Avec son goût pour recueillir toute espèce d'antiquités et pour enregistrer des informations et anecdotes historiques, il fut bientôt en possession de pièces rares telles que des monnaies des princes Vladimir et Yaroslav, la pierre de Tmoutorakane avec son inscription de 1068 (conservée à l'Ermitage), la Chronique disparue du prince Krivobor et l'unique manuscrit du Chant d'Igor. „Amateur enthousiaste de nos antiquités", dit Boltine, „Moussine-Pouchkine, à force de peine, de sacrifices et surtout de chance, car, dit le proverbe, la balle cherche le joueur, a rassemblé nombre de livres très rares et estimables pour les connaisseurs". Catherine elle-même connaissait sa collection et lui fit présent de quelques livres et manuscrits sur papyrus et parchemin, „qu'elle-même avait peine à lire". Pourtant, la faveur de l'Impératrice, la droiture de son caractère et l'accusation de „gallomanie nuisible" lui causèrent de nombreux désagréments de la part des envieux et des intrigants de la Cour. En 1791, il fut nommé procureur du Saint Synode, ce qui contribua encore au développement de sa bibliothèque, car il avait ainsi „fait connaissance et noué des relations étroites avec des ecclésiastiques". A l'avènement de Paul Ier, il quitta le Synode, où il s'était concilié l'estime et l'affection générales par son „zèle pour le culte de la vérité", selon l'expression du métropolite Gabriel (Pétroff). En 1797, l'Empereur lui donna 1000 têtes de paysans: il les fit répartir entre ses subordonnés; alors Paul l'éleva le 5 avril 1797 à la dignité de comte. En 1799, il prit sa retraite pour se fixer à Moscou, au milieu de ses chères collections, dans son immense maison de Razgouliaï. Là il publia en 1800 le Chant d'Igor, et en 1810 une étude sur la localité Kholopy Gorodok, sur la Mologa. Il avait édité auparavant, avec ses amis Elaguine et Boltine, en 1792 le code vieux-russe connu sous le nom de Rousskaïa Pravda, et en 1793 l'Instruction de Vladimir Monomaque. A la veille de 1812, son ami Bantych-Kamensky l'avait décidé à faire don de sa collection à la bibliothèque des Archives du Collège des Affaires étrangères, mais il lui fut difficile de se séparer tout d'un coup de ses trésors, et, dit-il lui-même, „il n'eut pas le temps d'accomplir son intention méritoire": sa précieuse bibliothèque périt tout entière dans l'incendie de Moscou. Seul le manuscrit du moine Laurent de la Chronique de Nestor, offert par le comte à Alexandre Ier, se trouvait en sûreté à la Bibliothèque Publique. Ce fut un coup terrible pour le vieillard; pour comble de malheur, il perdit à Lunebourg le 21 mars 1813 son fils Alexandre, âgé de 24 ans, qu'il destinait aux études historiques. Depuis ce temps, et jusqu'à la fin de ses jours, dit Kalaïdowitch, „son regard morose ne s'animait que dans la société d'amateurs de l'histoire nationale"... Le comte Moussine-Pouchkine mourut le 1er février 1817 à Moscou; son service funèbre fut célébré à l'église de l'Epiphanie à Elokhoff par l'archevêque de Moscou Augustin, et il fut inhumé dans son domaine d'Ilomny, district de Mologa. „Il accorda son amitié" à Karamzine, Boltine, Bantych-Kamensky...., et „son esprit, ses mérites et les services qu'il rendit à la science furent appréciés par la Grande Catherine".

(D'après une miniature appartenant à Mme L. Loukoutine, Moscou.)

Графиня ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢЕВНА МУСИНА-ПУШКИНА, 1754—1829, дочь генералъ-майора князя Алексѣя Никитича Волконскаго отъ брака съ Маргаритой Родіоновной Кошелевой, родилась 6 Октября 1754 года; 27 лѣтъ, 6 Мая 1781 г., она вышла замужъ за богатаго человѣка, Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина (р. 16 Марта 1744 г.), позднѣе дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, графа (съ 1797 г.), извѣстнаго любителя русской старины, такъ сказать, перваго русскаго ученаго археолога. 1 Февраля 1817 г. графиня Мусина-Пушкина овдовѣла, имѣя многочисленную семью, состоявшую изъ 8 человѣкъ дѣтей; сыновья, графы: Иванъ (р. 31 Октября 1783, † 12 Іюня 1836; гофмейстеръ), Александръ (р. 1788, † 23 Марта 1813 г.; любимецъ отца, который хотѣлъ видѣть въ немъ своего преемника по занятіямъ русской исторіей, былъ смертельно раненъ при Люнебургѣ), Владиміръ (р. 31 Марта 1798, † 1854; былъ арестованъ по дѣлу декабристовъ), и дочери, графини: Марія (р. 7 Іюня 1782; за А. З. Хитрово), Наталія (р. 1784, † 1829; за княземъ Д. М. Волконскимъ), Екатерина (р. 4 Октября 1786; за княземъ В. П. Оболенскимъ), Софья (р. 1792; за княземъ И. Л. Шаховскимъ) и Варвара (р. 1796, † 1829; за княземъ Н. И. Трубецкимъ).

Графиня Е. А. Мусина-Пушкина скончалась въ Москвѣ 17 Ноября 1829 года; отпѣвали ее въ приходской церкви Богоявленія въ Елоховѣ, а погребена рядомъ съ мужемъ въ своемъ Моложскомъ имѣніи, селѣ Иломны, Ярославской губерніи.

По словамъ Булгакова, считавшаго графиню Мусину-Пушкину „одной изъ первѣйшихъ знакомыхъ своей молодости", она была женщиной расчетливой, склонной къ различнымъ финансовымъ операціямъ, умѣвшей пользоваться нужными ей людьми, отличалась обходительностью и страстно любила поиграть въ карты. По поводу ея кончины А. Я. Булгаковъ писалъ брату, возвратившись съ ея похоронъ, гдѣ былъ „весь городъ", начиная съ генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына: „Грусть была непритворная: Царство ей небесное! Пожила довольно для женщины, была любима, уважаема въ семьѣ; несмотря на ударъ, могла говорить, была покойна, и сказываютъ, что послѣднія ея слова были, когда лили ей лѣкарство въ ротъ: „Меня кормятъ, какъ галчонка!" Стало, духъ ея былъ покоенъ, ежели шутила... Да и ежели правду говорить, такъ въ чемъ можно упрекнуть покойницу? Въ одной скупости, но и эта не мѣшала ей принимать весь городъ, жить домомъ, дѣлать добро... Она насъ любила, какъ ближнихъ своихъ; пережила всѣхъ своихъ сверстницъ и скончалась 77 (sic) лѣтъ".

(Съ миніатюры, принадлежащей А. З. Хитрово, въ С.-Петербургѣ.)

La comtesse CATHERINE ALEXÉEWNA MOUSSINE-POUCHKINE, 1754—1829, fille du prince Alexis Nikititch Wolkonsky, général major, et de Marguerite Rodionowna, née Kochéleff, naquit le 6 octobre 1754. A l'âge de 27 ans, elle épousa le 6 mai 1781 un homme possédant une grosse fortune, Alexis Ivanowitch Moussine-Pouchkine (né le 16 mars 1744), plus tard conseiller privé actuel, procureur du Saint Synode, comte (1797), connu comme amateur des antiquités russes et, pour ainsi dire, le premier archéologue russe au sens scientifique. Il la laissa veuve le 1er février 1817, avec une nombreuse famille composée de huit enfants, les comtes Ivan (31 octobre 1783—12 juin 1836), maître de la Cour, Alexandre (1788—23 mars 1813), préféré de son père, qui voulait voir en lui son successeur dans les études historiques, mortellement blessé à Lunebourg, Vladimir (31 mars 1798—1854), arrêté comme décabriste, et les comtesses Marie (née 7 juin 1782), mariée à A. Khitrovo, Natalie (1784—1829) au prince D. Wolkonsky, Catherine (née 4 octobre 1786) au prince V. Obolensky, Sophie (née 1792) au prince I. Chakhowskoï et Varvara (1796—1829) au prince N. Troubetzkoï.

La comtesse Moussine-Pouchkine mourut à Moscou le 17 novembre 1829; son service funèbre fut célébré à l'église de l'Epiphanie à Elokhoff, et elle fut inhumée près de son mari dans son domaine de Mologa, à Ilomny, gouv. d'Yaroslav.

Au témoignage de Boulgakoff, qui considérait la comtesse Moussine-Pouchkine „comme une de ses toutes premières connaissances de jeunesse", c'était une personne intéressée, ayant le goût de diverses opérations financières, l'art de se servir des gens dont elle avait besoin, l'humeur particulièrement sociable et la passion des cartes. A propos de sa mort, Alexandre Boulgakoff écrivait à son frère au retour des funérailles, où était venue „toute la ville" avec le général gouverneur prince D. Golitzyne en tête: „La douleur était bien sincère: le Royaume des Cieux soit à elle! Elle avait assez vécu pour une femme, aimée et honorée dans sa famille; malgré son attaque, elle pouvait parler, elle était calme, et ses dernières paroles, dit-on, furent, comme on lui versait une potion dans la bouche: „On me donne la becquée comme à un oiseau". Il lui fallait du calme d'esprit, pour plaisanter!... Et puis, à dire vrai, qu'est-ce qu'on peut bien lui reprocher? Un peu d'avarice, et encore, ça ne l'empêchait pas de recevoir toute la ville, de vivre largement, de faire du bien... Elle nous aimait comme ses proches; elle a survécu à toutes ses compagnes d'âge et est morte à 77 ans (sic!)".

(D'après une miniature appartenant à A. Khitrovo, St-Pétersbourg.)

73

Марія Алексѣевна
Хитрово,
1782 — 1863

Marie Alexéewna
Khitrovo,
1782 — 1863

74

Алексѣй Захаровичъ
Хитрово,
1776 — 1854

Alexis Zakharowitch
Khitrovo,
1776 — 1854

75

Графъ Алексѣй Ивановичъ
Мусинъ-Пушкинъ,
1744 — 1817

Le comte Alexis Ivanowitch
Moussine-Pouchkine,
1744 — 1817

76

Графиня Екатерина Алексѣевна
Мусина-Пушкина,
1754 — 1829

La comtesse Catherine Alexéewna
Moussine-Pouchkine,
1754 — 1829

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ФОНЪ-ВИЗИНЪ, 1788—1854, декабристъ, братъ Ивана Александровича, родился 20 Августа 1788 г.; въ 1801 г. былъ подпрапорщикомъ въ Преображенскомъ полку, въ 1803 переведенъ въ Измайловскій, въ 1804 г. произведенъ въ прапорщики, въ 1806 г.—въ подпоручики, въ 1808 г.—въ поручики, въ 1813 г. въ капитаны, съ переводомъ въ армію, гдѣ 1 Іюня 1815 г. назначенъ командиромъ 37-го Егерскаго полка. Фонъ-Визинъ участвовалъ въ походахъ съ 1805 по 1807 г. и въ кампаніяхъ 1812—1814 годовъ. Въ Отечественную войну былъ адъютантомъ у Ермолова, который „особенно любилъ и уважалъ его", въ 1814 г. былъ взятъ въ плѣнъ, потомъ оставался во Франціи, въ корпусѣ графа М. С. Воронцова. За военные подвиги онъ имѣлъ золотое оружіе, ордена св. Владиміра 4 ст. и св. Анны 2, 3 и 4 ст. и прусскіе—желѣзнаго креста и „pour le mérite". Въ 1817 г. назначенъ командиромъ Перновскаго гренадерскаго полка, а 24 Января 1818 г.—38-го Егерскаго. Въ 1820 г. произведенъ въ генералъ-майоры и назначенъ бригаднымъ командиромъ 12-й пѣх. дивизіи, а потомъ—22-й пѣх. дивизіи и, наконецъ,—состоять по арміи (южной). Въ 1822 г., 25 Декабря, женившись передъ тѣмъ въ Сентябрѣ на Н. Д. Апухтиной, вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи Крюковѣ, въ 40 верстахъ отъ Москвы. Фонъ-Визинъ былъ однимъ изъ лучшихъ и любимыхъ полковыхъ командировъ: онъ требовалъ мягкаго и человѣколюбиваго отношенія къ солдату и не жалѣлъ своихъ личныхъ средствъ на улучшеніе быта нижнихъ чиновъ, палка при немъ была изгнана изъ полка. „Прилежное чтеніе Монтескье, Рейналя и Руссо", изученіе исторіи, семейныя преданія о Денисѣ Фонъ-Визинѣ, сторонникѣ политическихъ воззрѣній графа Н. И. Панина, сдѣлали его горячимъ сторонникомъ реформъ. Сначала масонъ, позднѣе онъ сдѣлался членомъ тайнаго общества, желая мирнаго осуществленія „любимыхъ идей: конституціи, представительства народнаго, свободы книгопечатанія" и, главное, освобожденія крестьянъ. Крайнія и нечистыя мѣры ему были противны, и онъ, „величайшій карбонарій", какъ называлъ его Ермоловъ, когда узналъ объ умыслѣ своего близкаго друга Якушкина, сказалъ Муравьеву: „Знаете, что если бы я былъ удостовѣренъ въ томъ, то я былъ бы въ состояніи написать". Женитьба отдалила его отъ тайнаго общества. Въ концѣ 1825 г. онъ былъ арестованъ; оставивъ дома малютку сына и беременную жену, Фонъ-Визинъ въ крѣпости тяжко страдалъ. На допросѣ онъ „чистосердечно раскаялся въ своихъ безразсудныхъ дѣйствіяхъ: время, опытъ и зрѣлое разсужденіе убѣдили его въ истинѣ, что въ отечествѣ нашемъ приведеніе въ дѣйствіе теорій, его восхищавшихъ, по многимъ причинамъ невозможно, и что всякая въ ономъ перемѣна, не отъ престола истекшая, можетъ быть пагубна"; при этомъ онъ прибавлялъ, что „цѣль ни въ какомъ случаѣ не освящаетъ средства". Признанный виновнымъ въ умыслѣ „на цареубійство согласіемъ" и въ „участіи въ умыслѣ бунта", Фонъ-Визинъ былъ сосланъ въ каторжныя работы въ Читу, куда въ Мартѣ 1828 г. пріѣхала и его жена, что значительно „оживило" его. Въ 1834 г. выпущенный на поселеніе, онъ жилъ сначала въ Енисейскѣ, затѣмъ въ Красноярскѣ и, наконецъ, съ 1838 г. въ Тобольскѣ; здѣсь онъ написалъ свои „Записки", недавно изданныя въ Россіи, и другія историческія свои произведенія, занимался нѣмецкой философіей и переводами. Въ 1853 г. ему разрѣшено было вернуться, и въ Маѣ онъ уже былъ въ своемъ Марьинѣ, Бронницкаго уѣзда, гдѣ, не заставъ въ живыхъ брата, и самъ скончался меньше чѣмъ чрезъ годъ, 30 Апрѣля 1854 года.

Добрый и религіозный, Фонъ-Визинъ отличался живымъ, общительнымъ характеромъ. Баронъ Розенъ называетъ его „благороднѣйшимъ человѣкомъ", И. Д. Якушкинъ посвящаетъ ему не мало теплыхъ словъ въ своихъ „Запискахъ", а Н. И. Тургеневъ говоритъ: „Я его зналъ и питалъ къ нему величайшее уваженіе: это человѣкъ честный, чистый, человѣкъ добродѣтельный во всей силѣ этого слова. Онъ любилъ повторять, что „цѣль не оправдываетъ средствъ", и это вполнѣ подходило къ его открытому характеру".

(Съ портрета, находящагося въ Московскомъ Историческомъ музеѣ.)

MICHEL ALEXANDROWITCH VON VIZINE, 1788—1854, décabriste, frère d'Ivan von Vizine, naquit le 20 août 1788. En 1801, il était sous-officier au régiment Préobragensky, d'où il passa en 1803 au régiment Izmaïlowsky, en 1804, fut promu porte-enseigne, en 1806 sous-lieutenant, en 1808 lieutenant, en 1813 capitaine, puis il permuta dans l'Armée, où il fut nommé le 1er juin 1815 commandant du 37e chasseurs. Il fit les campagnes de 1805 à 1807 et de 1812 à 1814. Pendant la Guerre Patriotique, il était aide de camp d'Ermoloff, qui „l'aimait et l'estimait particulièrement", et fut fait prisonnier en 1814, puis resta en France au corps du comte M. Worontzoff. Ses exploits sur le champ de bataille lui valurent une épée d'or, St-Vladimir de 4e classe, Ste-Anne de 2e, 3e et 4e classes et les ordres prussiens de la Croix de Fer et Pour le Mérite. En 1817, il fut nommé commandant des grenadiers de Pernoff et, le 24 janvier 1818, du 38e chasseurs. En 1820, il fut promu général major, envoyé comme commandant de brigade à la 12e, puis à la 22e division d'infanterie, et enfin attaché à l'armée du Midi. En 1822, le 25 décembre, trois mois après son mariage avec Mlle N. Apoukhtine, il prit sa retraite et se fixa dans son domaine de Krioukoff, à 40 verstes de Moscou. Von Vizine était un des chefs les meilleurs et les plus aimés; il exigeait qu'on traitât les hommes avec douceur et humanité et n'hésitait pas à prendre sur ses ressources personnelles pour améliorer leur sort; sous ses ordres, les châtiments corporels étaient interdits dans le régiment. „La lecture assidue de Montesquieu, de Raynal et de Rousseau", l'étude de l'histoire et les traditions de famille sur Denis von Vizine, adepte des idées politiques du comte Panine, firent de lui un ardent partisan des réformes. D'abord franc-maçon, il s'affilia ensuite à une société secrète pour réaliser par des voies pacifiques „ses idées favorites, constitution, représentation nationale, liberté de la presse" et surtout affranchissement des serfs. Les mesures extrêmes et les moyens violents lui répugnaient, et „ce roi des carbonari", comme l'appelait Ermoloff, dit à Mouravieff en apprenant le dessein de son ami intime Yakouchkine: „Vous savez, si j'avais été au courant de cela, j'aurais été capable d'avertir". Son mariage le tint à distance de la société secrète. A la fin de 1825, il fut arrêté; il laissait chez lui son petit garçon et sa femme enceinte et souffrit cruellement de sa détention. A l'interrogatoire, „il manifesta un sincère repentir de ses actes irréfléchis: le temps, l'expérience et une mûre délibération l'avaient convaincu de cette vérité que, dans notre pays, la mise en action des théories qui l'enthousiasmaient était impossible pour de nombreuses raisons, et que tout changement politique qui n'émane pas du trône peut être funeste"; il ajouta en outre que, „dans aucun cas, la fin ne justifie les moyens". Déclaré coupable de préméditation „de régicide par consentement" et „de complicité de préméditation d'émeute", il fut envoyé aux travaux forcés à Tchita, où sa femme vint le rejoindre en mars 1828, ce qui lui releva sensiblement le moral. Libéré en 1834, il purgea sa déportation d'abord à Yénisséisk, puis à Krasnoïarsk, et enfin, à partir de 1838, à Tobolsk, où il rédigea des Mémoires, récemment parus en Russie, et d'autres ouvrages historiques, s'occupa de philosophie allemande et fit des traductions. En 1853, il fut autorisé à rentrer en Russie: au mois de mai, il était déjà dans son domaine de Maryino, district de Bronnitzki, où il ne trouva plus son frère vivant et mourut lui-même au bout de moins d'un an, le 30 avril 1854.

Bon et religieux, von Vizine était d'un caractère animé et sociable. Le baron Rosen l'appelle „le plus noble des hommes". Yakouchkine lui consacre dans ses Mémoires nombre de passages chaleureux, et N. Tourguéneff dit de lui: „Je le connaissais et j'avais pour lui la plus grande considération: c'est un homme honnête, pur, un homme vertueux dans toute l'acception du terme. Il aimait répéter que la fin ne justifie pas les moyens, et c'était en parfaite conformité avec son caractère ouvert".

(D'après un original du Musée Historique de Moscou.)

НАТАЛІЯ ДМИТРІЕВНА ФОНЪ-ВИЗИНЪ, 1803—1869, единственная дочь крупнаго, но разорившагося Орловскаго помѣщика, Дмитрія Акимовича Апухтина, отъ брака съ Маріей Павловной Фонъ-Визиной, родилась 13 Августа 1803 г. Съ дѣтства она была балованнымъ ребенкомъ въ семьѣ. Въ альбомѣ ея матери какой-то поэтъ предсказывалъ ей, что „жизненный путь ея будетъ усыпанъ цвѣтами", а Жуковскій, 3 Августа 1811 г., собственноручно вписалъ туда же слѣдующіе неизвѣстные стихи:

„Тебѣ вмѣняютъ въ преступленіе, что ты милѣе всѣхъ дѣтей!
Ужасный грѣхъ! И вотъ мое опредѣленье:
Пройдетъ 5 лѣтъ и 10 дней! Не будешь ты тогда милѣе всѣхъ дѣтей!
Ты будешь страхъ сердецъ и взоровъ восхищенье!"

Мать, женщина сентиментальная и набожная, увлекавшаяся странниками и монахами, передала свою религіозную экзальтированность дочери; послѣдняя съ дѣтства зачитывалась житіями святыхъ, въ 14 лѣтъ жаждала аскетическихъ подвиговъ и, изнуряя себя, носила на тѣлѣ жесткій поясъ, вываренный въ соли, и часами стояла на солнцѣ, чтобы испортить на лицѣ кожу. Затѣмъ, ночью, переодѣвшись мальчикомъ, съ именемъ Назарія, бѣжала изъ дома въ монастырь, но съ дороги была возвращена; въ 16 лѣтъ она отказывала женихамъ, а въ Сентябрѣ 1822 г., влюбленная въ другого, согласилась стать женой своего двоюроднаго дяди, генерала М. А. Фонъ-Визина, такъ какъ этой „свадьбою квитался долгъ" ея отца. Въ ея жизни было что-то, напоминавшее романъ Пушкинской „Татьяны", и ее увѣрили, что она изображена поэтомъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ", такъ что позднѣе она сама часто называла себя „Таней". Въ 1824 г., 26 Августа, у ней родился сынъ Дмитрій, 4 Февраля 1826 г.—другой, Михаилъ. Въ это время мужъ сидѣлъ въ крѣпости, больной, близкій къ „душевному разстройству", но онъ „сразу ожилъ", когда жена нашла возможность съ нимъ видѣться. Оставивъ сыновей на рукахъ своей матери, она послѣдовала за мужемъ въ Сибирь и въ 1828 г. была уже въ Читѣ. Религіозная до экстаза, Н. Д. Фонъ-Визинъ любила людей, природу, жизнь, цвѣты и тяжко страдала въ одиночествѣ ссылки: ея „безсонницы сопровождались видѣніями, она кричала по ночамъ, на нее находили порывы непреодолимаго страха, при нервныхъ припадкахъ ей угрожала мгновенная смерть"; многимъ казалось, что она „лишилась разсудка". Дѣти въ Сибири или рождались у нея преждевременно, или недолго жили. Только выходъ на поселеніе мужа немного поправилъ ея здоровье: она посвятила себя благотворительности, воспитанію нѣсколькихъ пріемышей, занятіямъ садоводствомъ и дѣломъ религіознаго возрожденія мужа и нѣкоторыхъ его друзей. Особенно близки ей были П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ и И. И. Пущинъ, чувства къ которымъ она называла „святымъ чувствомъ сестры къ братьямъ", хотя первымъ была недовольна за то, что онъ считалъ ее „праведной", а ко второму ѣздила въ Ялуторовскъ. Въ то же время она признавалась, что „для усмиренія бунтующей плоти, въ самыя страшныя минуты соблазна, она ставила предъ собой ихъ портреты, чтобы они пристыдили ее". Особенное пристрастіе имѣла она къ бесѣдѣ и перепискѣ съ духовными лицами, и тутъ, на ряду съ отвлеченными религіозными вопросами, съ аскетическими мыслями, она подробно каялась въ пылкихъ страстяхъ, въ чувственныхъ поступкахъ.... „Назарій" и „Таня" постоянно переплетались въ ея письмахъ. „Я вся соткана изъ крайностей и противоположностей: все или ничего—былъ девизъ мой съ младенчества". 45-и лѣтъ она отреклась отъ внѣшняго благочестія, увлеклась танцами и стала „притчею во языцѣхъ, благодаря своему поведенію, не согласному съ жизнью въ духѣ". 30 Апрѣля 1854 г. она овдовѣла, а въ концѣ 1856 г. вышла за Пущина († 3 Апрѣля 1859 г.), которому признавалась, что, хотя „Мишель былъ ангелъ, но не подходилъ къ ея бурному темпераменту". Всегда витая гдѣ-то внѣ условій времени, она въ 50 лѣтъ писала Пущину: „Не хочу я твоей теплой дружбы, дай мнѣ любви горячей, огненной, юношеской, и Таня не останется у тебя въ долгу: она заискрится, засверкаетъ, засвѣтится этимъ радужнымъ свѣтомъ". Пущинъ не нашелъ счастья въ этомъ позднемъ бракѣ и подъ вѣнцомъ „походилъ на отжившаго старика", хотя жена находила его „молодцомъ".

О внѣшности Фонъ-Визиной княгиня М. Н. Волконская говоритъ: „У нея было совершенно русское лицо, бѣлое, свѣжее, съ выпуклыми глазами; она была маленькая, полненькая", а Лореръ находилъ ее „одной изъ прелестнѣйшихъ женщинъ своего времени; особенно хороши были ея голубые, свѣтлые глаза"....

(Съ портрета, находящагося въ Историческомъ музеѣ, въ Москвѣ.)

NATALIE DMITRIEWNA VON VIZINE, 1803—1869, fille unique d'un gros propriétaire ruiné d'Orel, Dmitri Akimowitch Apoukhtine, et de Marie Pavlowna, née von Vizine, naquit le 13 août 1803. Elle fut dès son enfance l'enfant gâté de la maison. Un poète lui prédisait dans l'album de sa mère que „le chemin de la vie serait pour elle semé de roses", et Joukowsky y inscrivait encore de sa main, le 3 août 1811, les vers suivants, restés inédits:

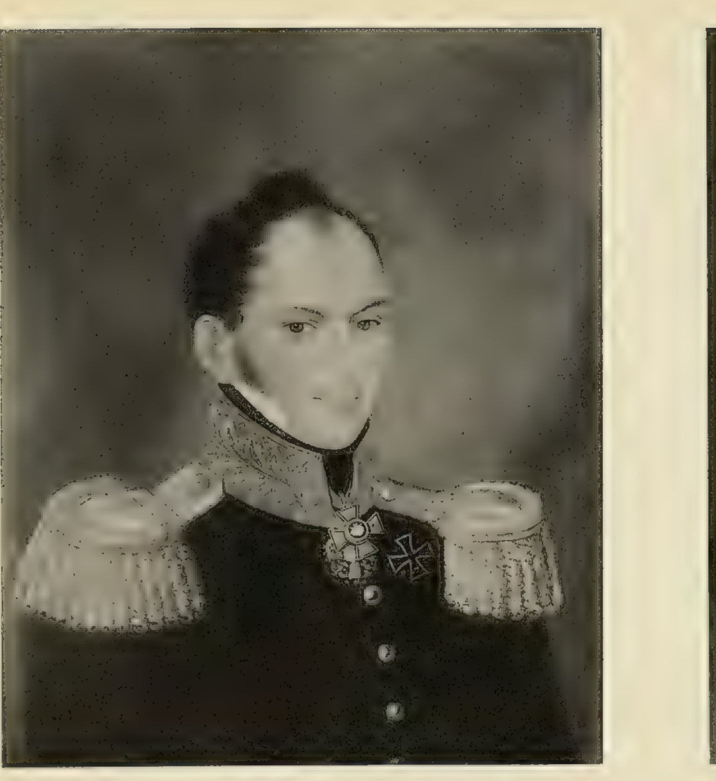
„De quoi t'accuse-t-on? D'être la plus gentille?
„C'est un vilain défaut! Voici ton châtiment:
„Dans cinq ans et dix jours, tu ne seras rien moins
„Que la terreur des cœurs, l'enchantement des yeux!"

Sa mère, personne sentimentale et dévote, entichée de pèlerins et de moines, transmit son exaltation religieuse à sa fille: tout enfant, elle s'était plongée dans la Vie des Saints; à 14 ans, elle avait soif d'exploits ascétiques, portait sur le corps, par esprit de macération, une ceinture rugueuse bouillie dans le sel et restait des heures entières au soleil pour s'abîmer le teint. Une nuit, elle se sauva de chez ses parents déguisée en garçon sous le nom de Nazare pour aller dans un cloître, mais on put la rattraper en chemin. A 16 ans, elle refusait les partis et, en septembre 1822, elle consentit, bien qu'elle en aimât un autre, à devenir la femme d'un cousin de sa mère, le général M. von Vizine, „ce mariage acquittant les dettes" de son père. Il y avait dans sa vie quelque chose qui rappelait le roman de la Tatiana de Pouchkine, et on l'assura que c'était elle que le poète avait représentée dans Eugène Onéguine, de sorte qu'elle-même s'appela souvent dans la suite Tania. Le 26 août 1824, elle eut un fils, Dmitri et, le 4 février 1826, un autre, Michel. Son mari était alors détenu, malade, voisin de „l'aliénation mentale", mais il „revint soudain à la vie" quand sa femme eut trouvé moyen de le voir. Elle confia ses fils à sa mère pour le suivre en Sibérie et, dès 1827, était à Tchita. Religieuse jusqu'à l'extase, elle aimait l'homme, la nature, la vie, les fleurs, et souffrit cruellement dans l'isolement de la déportation: „elle avait des insomnies hantées de visions, des terreurs irrésistibles la nuit qui lui arrachaient des cris, et des attaques de nerfs où elle pouvait passer subitement"; beaucoup pensaient qu'elle „avait perdu la raison". Elle eut en Sibérie des enfants qui naquirent avant terme ou ne vécurent pas. Ce ne fut que quand son mari alla purger sa déportation que sa santé se remit un peu: elle se consacra à la bienfaisance, à l'éducation d'enfants adoptifs, fit du jardinage et travailla à la régénération religieuse de son mari et de quelques-uns de ses amis. Elle était particulièrement liée avec P. Bobrichtcheff-Pouchkine et I. Pouchtchine, pour lesquels elle prétendait avoir „le sentiment sacré d'une sœur pour ses frères", quoiqu'elle en voulût un peu au premier de la considérer comme une „juste", et qu'elle allât voir le second à Yaloutourovsk. Elle avouait en même temps que, „pour apaiser sa chair en délire, aux plus terribles minutes de tentation, elle mettait leur portrait devant elle pour se faire honte". Elle avait une passion particulière pour la conversation et la correspondance des ecclésiastiques, auxquels elle exposait, à côté d'abstraites questions religieuses et d'idées d'ascétisme, le repentir détaillé de ses passions ardentes et de ses actes de sensualité. ....Nazare et Tania se succédaient incessamment dans ses lettres. „Je suis un tissu d'exagérations et de contradictions: tout ou rien, telle a été ma devise depuis l'enfance". A 45 ans, elle dépouilla sa piété extérieure, se passionna pour les danses, et „se fit montrer du doigt pour sa conduite, peu conforme à sa vie en esprit". Devenue veuve le 30 avril 1854, elle épousa à la fin de 1856 Pouchtchine († 3 avril 1859), auquel elle déclarait que „Michel était un ange, mais ne convenait pas à son tempérament fougueux". Toujours planant sans tenir compte du temps, à l'âge de 50 ans, elle écrivait à Pouchtchine: „Je ne veux pas de ta chaude amitié: donne-moi un amour brûlant de feu et de jeunesse, et Tania ne sera pas en reste avec toi: elle rayonnera, elle étincellera, elle s'embrasera à cette lueur radieuse". Il ne rencontra pas le bonheur dans cette union; à son mariage, „il avait l'air d'un vieillard hors d'âge", bien que sa femme le trouvât „un gaillard".

Quant au physique de Mme von Vizine, la princesse M. Wolkonsky dit: „Elle avait le type tout à fait russe, le teint clair et frais, et des yeux à fleur de tête; elle était petite et replète", et Lorer la trouvait „une des plus charmantes personnes de son temps; ce qu'elle avait surtout de bien, c'étaient ses yeux, bleus et limpides"....

(D'après un original du Musée Historique de Moscou.)

77

Михаилъ Александровичъ
Фонъ-Визинъ,
1788 – 1854

Michel Alexandrowitch
Von Vizine,
1788 – 1854

78

Наталія Дмитріевна
Фонъ-Визинъ,
1803 – [illegible]

Natalie Dmitrievna
Von Vizine,
1803 – [illegible]

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ. — Manufacture des papiers de l'Etat

РОМАНЪ (Робертъ) **ЕГОРОВИЧЪ РЕННИ**, 1768—1832, изъ „шотландскихъ дворянъ", родился 12 Апрѣля 1768 г. въ Ригѣ, гдѣ отецъ его занимался торговлей; мать его, рожденная Эссенъ, была дочь офицера, раненаго въ Семилѣтнюю войну. Въ домѣ отца онъ получилъ хорошее образованіе и зналъ французскій и англійскій языки. Въ дѣтствѣ былъ записанъ въ военную службу и въ 1783 г. былъ уже поручикомъ въ Селенгинскомъ пѣх. полку. Получивъ двухгодичный отпускъ, отправился съ отцомъ, который желалъ его привлечь къ своимъ коммерческимъ предпріятіямъ, въ Шотландію, въ г. Монтрозъ, гдѣ заболѣлъ, и вслѣдствіе неявки къ полку 15 Февраля 1788 г. былъ исключенъ изъ службы. Послѣ смерти отца Ренни былъ вновь принятъ на службу въ 1794 г., капитаномъ въ Елецкій пѣх. полкъ и участвовалъ въ походахъ противъ польскихъ конфедератовъ въ Курляндіи и Самогитіи; здѣсь былъ посланъ для снятія плановъ Литвы и Самогитіи и затѣмъ для проведенія границъ между Россіей и Пруссіей и составленія карты отъ Полангена до Юрбурга. Вслѣдствіе этого, въ 1797 г., былъ въ чинѣ майора прикомандированъ къ свитѣ Его Величества по квартирмейстерской части и назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ въ Москву. Въ 1799 г. участвовалъ въ неудачной экспедиціи въ Голландію, а въ 1805 г., состоя при графѣ П. А. Толстомъ, оперировалъ въ Помераніи и Мекленбургѣ. 20 Октября 1806 г. былъ командированъ въ армію Беннигсена и участвовалъ въ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау, а подъ Гейльсбергомъ занятъ былъ укрѣпленіемъ русскихъ позицій. Послѣ Тильзитскаго мира составлялъ карты границъ Россіи, Саксоніи и Варшавскаго герцогства и въ 1808 г. произведенъ въ полковники, послѣ чего командированъ состоять въ Берлинѣ при русской миссіи въ качествѣ военнаго агента, доставлявшаго князю П. М. Волконскому, управлявшему квартирмейстерской частью, карты и планы. Не разъ по разстроенному здоровью Ренни просился въ отставку, но былъ удерживаемъ, по приказанію Государя. Въ 1812 г. онъ былъ генералъ-квартирмейстеромъ въ арміи Тормасова и 31 Іюля, за сраженіе при Городечнѣ, произведенъ въ генералъ-майоры. Участвовалъ въ кампаніяхъ 1813 и 1814 гг. до взятія Парижа включительно и за Калишъ, 1 Февраля 1813 г., получилъ орд. св. Георгія 3 ст., за Люцинъ и Бауценъ—орденъ св. Анны 1 ст., за Суассонъ—орд. св. Владиміра 2 ст., а за Лаонъ—золотое оружіе. 1 Января 1816 г. вышелъ въ отставку и посвятилъ себя воспитанію дѣтей, поселившись въ имѣніи жены въ селѣ Руссинѣ, Лугскаго уѣзда, гдѣ съ увлеченіемъ предавался сельскому хозяйству и особенно садоводству. Ревматизмъ и другія болѣзни окончательно разстроили его здоровье; одна операція не удалась, и готовились сдѣлать ему вторую, но онъ не берегся, ѣздилъ верхомъ, и, какъ говорятъ, послѣ одной изъ такихъ поѣздокъ къ другу и сосѣду своему графу Толю, онъ почувствовалъ себя особенно плохо и умеръ 26 Октября 1832 года. Похороненъ въ саду с. Руссина, гдѣ на могилѣ его стоитъ скромная каменная часовня. Былъ женатъ на дочери тайнаго совѣтника Маріи Ивановнѣ Бекъ, отъ которой имѣлъ сына и 2 дочерей.

По отзыву современника, Ренни „былъ средняго роста, нрава вспыльчиваго, но добраго, веселаго и откровеннаго; любилъ общество, особенно бывшихъ своихъ сослуживцевъ, и находилъ большое удовольствіе въ воспоминаніяхъ о своей походной жизни".

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

ROMAIN (Robert) ÉGOROWITCH RENNI, 1768—1832, de la „noblesse écossaise", naquit le 12 avril 1768 à Riga, où son père faisait du commerce; sa mère, née Essen, était la fille d'un officier blessé à la guerre de Sept Ans. Il reçut une bonne instruction dans la maison paternelle et apprit le français et l'anglais. Dès l'enfance il fut enrôlé au service militaire et, en 1783, il était déjà lieutenant au régiment d'infanterie de Sélenguine. Il prit un congé de deux ans et partit avec son père, qui voulait l'intéresser dans ses affaires commerciales, pour la ville de Montrose, en Ecosse, où il tomba malade: il ne put se présenter au régiment à l'expiration de son congé et, le 15 février 1788, fut rayé des cadres. A la mort de son père, il reprit du service en 1794 comme capitaine au régiment d'infanterie d'Eletzk, et fit les campagnes contre les Confédérés polonais en Courlande et de Samogitie; il fut chargé de levers en Lithuanie et Samogitie, puis de la rectification de frontière entre la Russie et la Prusse et de la carte de Polangen à Jurburg. Ces missions lui valurent, en 1797, d'être attaché avec rang de major à la Suite de Sa Majesté pour les cantonnements et nommé grand quartier maître à Moscou. En 1799, il fit l'expédition malheureuse de Hollande et, en 1805, fut attaché au comte P. Tolstoï pour les opérations en Poméranie et en Mecklembourg. Le 20 octobre 1806, il fut commandé à l'armée de Bennigsen et prit part à la bataille de Preussisch-Eylau, et, à Heilsberg, fut chargé de fortifier les positions russes. Après la paix de Tilsitt, il dressa les cartes des frontières de la Russie, de la Saxe et du duché de Varsovie, et passa colonel en 1808, après quoi il fut envoyé à Berlin comme agent militaire attaché à la mission russe et chargé du service des cartes et plans près du prince P. Wolkonsky, chef des cantonnements. A plusieurs reprises il demanda sa retraite pour raisons de santé, mais fut maintenu par ordre de l'Empereur. En 1812, il était général quartier maître à l'armée de Tormassoff, et le 30 juin, à la bataille de Gorodetchno, il gagna le grade de général major. Il fit les campagnes de 1813 et 1814 jusqu'à la prise de Paris inclusivement: Kalisz, le 1er février 1813, lui valut St-Georges de 3e classe, Lutzen et Bautzen Ste-Anne de 1re classe, Soissons St-Vladimir de 2e classe et Laon une épée d'or. Il prit sa retraite le 1er janvier 1816, et se consacra à l'éducation de ses enfants, retiré dans la propriété de sa femme à Roussino, près Louga, où il fit avec passion de l'exploitation rurale et surtout du jardinage. Les rhumatismes et autres maladies ruinèrent irrémédiablement sa santé; on lui fit sans succès une opération, et on allait lui en faire une autre, mais il ne se ménageait pas, faisait de l'équitation, et au retour, dit-on, d'une de ses promenades à cheval chez son ami et voisin le comte Toll, il fut pris d'un violent malaise et mourut le 26 octobre 1832. Il fut inhumé dans son jardin de Roussino, où sa tombe est ornée d'une modeste chapelle de pierre. Il avait épousé Marie Ivanowna Beck, fille d'un conseiller privé, dont il eut un fils et deux filles.

Au témoignage d'un contemporain, Renni „était de taille moyenne, d'un caractère emporté, mais bon, gai et ouvert; il aimait la société, surtout celle de ses anciens compagnons d'armes, et avait grand plaisir à reparler de ses campagnes".

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

80

МАРІЯ ИВАНОВНА РЕННИ, 1781—1810, дочь тайнаго совѣтника, лейбъ-медика Ивана Филипповича Бека, доктора медицины и хирургіи, придворнаго врача при дворѣ Великаго Князя Александра Павловича, родилась 19 Марта 1781 года; была замужемъ за генералъ-майоромъ Романомъ (Робертомъ) Егоровичемъ Ренни. Смерть молодой жены сильно потрясла Р. Е., и онъ хотѣлъ тотчасъ же оставить службу. М. И. Ренни скончалась 7 Января 1810 года, не доживъ до 30 лѣтъ, и погребена на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры; на памятникѣ ея надпись: „Незабвенной супругѣ и матери".

Она оставила троихъ малолѣтнихъ дѣтей: сына Егора и дочерей Александру († 1873 г.; съ 1829 г. за графомъ Николаемъ Матвѣевичемъ Ламздорфомъ, позднѣе генералъ-адъютантомъ, род. 1804, † 1877) и Юлію (за генералъ-майоромъ Трофимовичемъ).

(Съ миніатюры, принадлежащей графу В. Н. Ламздорфу, въ С.-Петербургѣ.)

80

MARIE IVANOWNA RENNI, 1781—1810, fille du conseiller privé, médecin de Sa Majesté, Ivan Filippowitch Beck, docteur en médecine et chirurgie, médecin de la Cour du Grand-Duc Alexandre Pavlowitch, naquit le 19 mars 1781; elle épousa le général major Romain (Robert) Egorowitch Renni. La mort de la jeune femme fut un coup terrible pour son mari, qui quitta immédiatement le service: elle était morte à moins de 30 ans, le 7 janvier 1810, et fut inhumée au monastère d'Alexandre Newsky, au cimetière St-Lazare; son tombeau porte l'inscription: „A l'épouse et à la mère, Souvenir éternel".

Elle laissait trois enfants en bas âge, un fils Egor, et deux filles, Alexandrine († 1875), mariée au comte Nicolas Matvéewitch Lamsdorff (1804—1877), plus tard général aide de camp, et Julie au général major Trofimowitch.

(D'après une miniature appartenant au comte V. Lamsdorff, St-Pétersbourg.)

Баронъ ЛЕВЪ (Карлъ-Людвигъ) КАРЛОВИЧЪ БОДЕ, 1787—1859, изъ древней нѣмецкой дворянской фамиліи, сынъ полковника французской службы, женатаго на англичанкѣ Маріи Киннерслей, родился въ Эльзасѣ, въ замкѣ отца Бергцабернѣ 20 Января 1787 г.; въ 1795 г., пользуясь покровительствомъ матери Великой Княгини Елизаветы Алексѣевны, родители его переселились изъ Франціи въ Новороссію, въ имѣніе, пожалованное Екатериной II. Въ 1798 г. Боде поступилъ въ Шкловскій кадетскій корпусъ, а въ 1801 г. уѣхалъ за границу съ матерью, которая отправилась хлопотать о возвращеніи ей имѣнія Сульцъ (unter Walden), отобраннаго во время революціи. За границей сначала онъ сдѣлался пажомъ, а въ 16 лѣтъ офицеромъ въ пѣх. войскахъ курфирста Гессенъ-Кассельскаго. Послѣ Аустерлицкаго погрома, „слыша возмущавшія его сужденія, онъ почувствовалъ стыдъ находиться въ бездѣйствіи, на службѣ чужого государя“. Въ 1806 г. онъ вернулся въ Россію и поступилъ юнкеромъ въ Лейбъ-Егерскій полкъ, которымъ командовалъ графъ Эммануилъ Сенъ-При и въ числѣ офицеровъ котораго было много эмигрантовъ. Догнавъ полкъ на походѣ, Боде при Гутштадтѣ спасъ жизнь графа Сенъ-При и получилъ солдатскій Георгій. Съ 1812 по 1814 г. онъ состоялъ адъютантомъ при гр. Штейнгелѣ, а затѣмъ при Витгенштейнѣ, въ 1813 г. получилъ орденъ св. Георгія 3 ст., а въ Парижѣ былъ произведенъ въ полковники. Въ Январѣ 1815 г. онъ женился на Н. Ф. Колычевой, пріятельницѣ его сестеръ, и скоро вышелъ въ отставку. Проживъ нѣсколько лѣтъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, онъ переѣхалъ съ семьей, для поправленія дѣлъ, въ с. Колычево, Балашовскаго уѣзда, откуда въ 1830 г. холера снова заставила его вернуться въ Москву. Здѣсь, благодаря родству съ княземъ П. М. Волконскимъ, онъ получилъ мѣсто сначала совѣтника дворцоваго управленія, а затѣмъ мѣсто его начальника, съ большой квартирой въ кавалерскихъ корпусахъ, гдѣ семья его прожила 25 лѣтъ. Онъ имѣлъ придворныя званія камергера, гофмаршала и оберъ-гофмейстера. При немъ поднятъ Царь-колоколъ; ему поручено было возстановленіе теремовъ и постройка большого Кремлевскаго дворца. Крайне аккуратный и щепетильный въ денежныхъ дѣлахъ, онъ лично любилъ и умѣлъ строить; чрезъ его руки прошли громадныя суммы, такъ какъ Государь Николай Павловичъ вполнѣ довѣрялъ барону Боде, что создало ему въ Москвѣ много завистниковъ. Онъ получилъ звѣзду св. Александра Невскаго, особую медаль съ брильянтами и надписью „благодарю“ за постройку дворца и 40/т. рублей на уплату долговъ; отъ Александра II звѣзду св. Владиміра 1-й степени.

Въ семьѣ онъ былъ главой, и жизнь шла патріархально, нѣсколько на нѣмецкій ладъ; жили широко, но просто; огромная квартира была наполнена чадами и домочадцами, прислуги было множество; при этомъ щепетильный баронъ самъ ѣздилъ съ лакеемъ въ придворной ливреѣ, но это не разрѣшалось ни женѣ, ни дочерямъ. Власть его въ семьѣ признавалась сама собой, не выражаясь ни въ чемъ, она чувствовалась, тѣмъ не менѣе дѣти и внуки обожали добраго и сердечнаго, хотя и вспыльчиваго старика. Онъ хорошо говорилъ по-русски, а дѣти должны были быть русскими, т.-е. не говорить по-нѣмецки, что по тогдашнимъ нравамъ значило говорить по-французски. Только шутка и ласка выходили у него удачно всегда на родномъ нѣмецкомъ языкѣ. Внучатамъ онъ давалъ шутливыя нѣмецкія прозвища и любилъ иногда поболтать съ дамами Московской нѣмецкой колоніи.

Обладая изящнымъ лоскомъ XVIII в., соединеннымъ съ военной выправкой, невысокій, плотный старикъ, съ красивымъ лицомъ и густой щетиной бѣлыхъ волосъ на головѣ, которую внучата сравнивали съ „одуванчикомъ“, баронъ Боде до старости сохранилъ живой умъ, бодрость и веселый нравъ. Онъ оставилъ записки на англійскомъ языкѣ (не изданы) о своей жизни до женитьбы.

Скончался, 29 Апрѣля 1859 г., въ Москвѣ и погребенъ былъ сначала въ селѣ Мещерскомъ, Московской губерніи, Подольскаго уѣзда, откуда въ 1867 г. прахъ его перенесенъ въ склепъ подъ церковью села Лукина, близъ Москвы.

(Съ миніатюры 1812 г.; собственность графини Н. М. Соллогубъ, въ Москвѣ.)

Le baron LÉON (Charles-Louis) KARLOWITCH BODE, 1787—1859, d'une vieille famille noble d'Allemagne, fils d'un colonel de l'armée française et d'une anglaise, née Marie Kinnersley, naquit en Alsace, au château de son père, à Berg-Zabern, le 20 janvier 1787. En 1795, ses parents, grâce à la protection de la mère de la Grande-Duchesse Elisabeth Alexéewna, quittèrent la France pour se fixer en Nouvelle-Russie sur des terres concédées par Catherine II. En 1798, il entra au Corps des Cadets de Chkloff, puis en 1801, partit pour l'étranger avec sa mère, qui allait réclamer son domaine de Sultz (unter Walden), confisqué à la Révolution. Il y fut d'abord page et, à 16 ans, officier d'infanterie au service de l'électeur de Hesse-Cassel. Après la catastrophe d'Austerlitz, „les appréciations révoltantes qu'il entendit lui firent honte de rester dans l'inaction au service d'un prince étranger". Il revint en Russie en 1806 et entra comme porte-enseigne au régiment des chasseurs de la Garde, que commandait le comte Emmanuel de Saint-Prix et qui comptait de nombreux émigrés parmi ses officiers. Il rejoignit sur le théâtre de la guerre, et à Gutstadt sauva la vie à Saint-Prix et reçut la croix de St-Georges de soldat. En 1812—1814, il fut aide de camp du comte Steingel, puis de Wittgenstein; la campagne de 1815 lui valut l'ordre de St-Georges de 3e classe, et à Paris il fut promu au grade de colonel. Il épousa, en janvier 1815, Mlle N. Kolytcheff, une amie de ses sœurs, et quitta le service peu après. Il passa quelques années à Pétersbourg et à Moscou, puis ses affaires le fixèrent à Kolytchevo, gouv. de Saratoff, d'où le choléra de 1830 le fit revenir à Moscou. Là, sa parenté avec le prince P. Wolkonsky lui fit obtenir la place de conseiller d'abord, puis de directeur de l'administration du Palais, avec de vastes appartements dans les pavillons des chevaliers, où sa famille resta vingt-cinq ans. Il eut successivement les titres de chambellan, de maréchal de la Cour et de grand maître de la Cour. Il releva la Cloche Royale et fut chargé de reconstruire les térems et d'élever le grand palais. Extrêmement soigneux et minutieux dans les questions d'argent, il aimait et savait construire; il lui passa entre les mains des sommes considérables, car l'Empereur Nicolas avait en lui une entière confiance, ce qui lui fit beaucoup d'envieux à Moscou. Il fut décoré d'Alexandre Newsky et reçut une médaille particulière enrichie de diamants et portant l'inscription Merci pour la construction du palais, et 40.000 roubles pour payer ses dettes. L'Empereur Alexandre II lui conféra l'étoile de St-Vladimir de 1re classe.

Dans sa famille, dont il était bien le chef, la vie était patriarcale, un peu à l'allemande, et large, mais simple. L'immense appartement était plein d'enfants et de pupilles; il y avait une nuée de domestiques, et le vétilleux baron sortait lui-même en voiture accompagné d'un valet de pied en livrée de la Cour, auquel n'avaient droit ni sa femme ni ses filles. Son autorité était reconnue d'elle-même; sans être exprimée par rien, elle se sentait, et néanmoins le vieillard au caractère un peu vif, mais au cœur tendre et excellent, était adoré de ses enfants et petits-enfants. Il parlait bien russe, et ses enfants devaient ne pas parler allemand, être russes, ce qui signifiait, dans les idées du temps, parler français. Seules les plaisanteries et les paroles d'amitié lui venaient dans sa langue maternelle, l'allemand: il donnait à ses petits-enfants des surnoms allemands et aimait causer parfois avec les dames de la colonie allemande de Moscou.

Joignant à une attitude martiale le lustre élégant du XVIIIe siècle, le petit vieillard trapu, avec sa belle figure et sa tête abondamment fournie de cheveux blancs et drus qui la faisaient comparer par ses petits-enfants à une boule de dent-de-lion, ne perdit rien avec l'âge de sa vivacité d'esprit, de sa verdeur ni de sa bonne humeur. Il a laissé sur sa vie jusqu'à son mariage des Mémoires en anglais, restés inédits.

Il mourut à Moscou, le 29 avril 1859, et fut d'abord inhumé au village de Mechtcherskoïé, gouvernement de Moscou, puis, en 1867, sa dépouille fut transférée dans la crypte de l'église du village de Loukino, près Moscou.

(D'après une miniature, 1812, appartenant à la comtesse N. Sollogoub, Moscou.)

82

Баронесса НАТАЛІЯ ФЕДОРОВНА БОДЕ, 1790—1860, дочь капитана Федора Петровича Колычева отъ брака съ Анной Никитичной Лопусовой, послѣдняя представительница стариннаго дворянскаго рода Колычевыхъ, давшаго Россіи Святителя Московскаго Филиппа, родилась 7 Іюня 1790 г. въ г. Ряжскѣ, гдѣ провела дѣтство въ домѣ матери, овдовѣвшей вскорѣ послѣ рожденія дочери; позднѣе она жила у тетки Маріи Петровны Колычевой, рожденной княжны Волконской, въ Петербургѣ, гдѣ въ Январѣ 1815 г. и вышла замужъ за полковника барона Льва Карловича Боде. Смерть нѣсколькихъ бездѣтныхъ дядей и брата, убитаго въ 1812 г., сдѣлала ее богатой невѣстой, но дѣла ея были запутаны. Отъ природы горячая и властная, она сумѣла передѣлать себя, и сама, только по чувству долга, всецѣло подчинилась волѣ мужа. Прожили супруги вмѣстѣ 45 лѣтъ въ полномъ согласіи, среди патріархальной обстановки большой семьи, состоявшей изъ 11 человѣкъ дѣтей, а потомъ и многочисленныхъ внуковъ. Отличаясь глубокой религіозностью, она воспитывала дѣтей въ строго православномъ духѣ, хотя мужъ ея былъ лютераниномъ, а ея собственная библіотека состояла изъ духовно-нравственныхъ книгъ на французскомъ языкѣ. Высокаго роста, прямая и сухая, съ большимъ носомъ и сжатыми губами, очень благообразная, подъ старость она сдѣлалась еще богомольнѣе и ежедневно посѣщала службу въ домовой церкви въ селѣ Мещерскомъ.

Баронесса Боде имѣла 4 сыновей и 7 дочерей, а именно: Льва (1820, † 1855; предводитель дворянства Подольскаго у., Моск. губ.), Александра и Дмитрія (умерли въ младенчествѣ), Михаила (р. 1824, † 22 Мая 1888; оберъ-гофмейстеръ, 13 Мая 1875 г. получилъ гербъ и фамилію Колычевыхъ), Анну (р. 1815, † 1897; за княземъ А. М. Долгорукимъ), Наталію (р. 1817, † 1843; фрейлина), Марію (р. 1818, † 1864; дѣвица, съ 1862 г. монахиня Паисія), Екатерину (р. 1819, † 1867; за П. А. Олсуфьевымъ и во 2 бракѣ за княземъ А. С. Вяземскимъ), Софію (р. и † 1821 г.), Елену (р. 1826, † 1862; за А. И. Баратынскимъ) и Александру (р. 1828, † 1890; за княземъ Н. А. Оболенскимъ).

Баронесса Н. Ф. Боде умерла въ селѣ Мещерскомъ отъ нервнаго удара, чрезъ годъ послѣ кончины мужа, 21 Апрѣля 1860 г., и похоронена была тамъ же, около церкви; въ 1867 г. прахъ ея перевезенъ въ село Лукино, въ 17 верстахъ отъ Москвы, и положенъ тамъ въ усыпальницѣ подъ церковью Св. Филиппа, соединяющейся переходомъ со старымъ, въ русскомъ стилѣ, домомъ Колычевской усадьбы. Здѣсь находится цѣлая галлерея фамильныхъ портретовъ и архивъ рода Колычевыхъ; тамъ собрано такъ же многое, что напоминаетъ о св. Филиппѣ. Лукино въ настоящее время принадлежитъ дочери барона М. Л. Боде-Колычева (опять-таки послѣдняго носившаго эту фамилію), графинѣ Н. М. Соллогубъ.

(Съ миніатюры 1815 г. изъ собранія графини Н. М. Соллогубъ, Москва.)

82

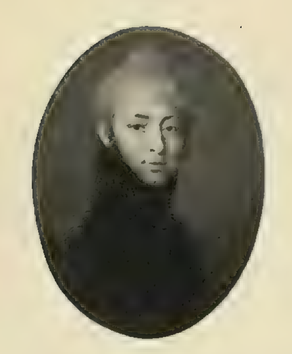
La baronne NATALIE FÉODOROWNA BODE, 1790—1860, fille du capitaine Théodore Pétrowitch Kolytcheff et d'Anne Nikititchna Lokissoff, fut la dernière représentante de la vieille famille noble des Kolytcheff, qui avait donné à la Russie le bienheureux Philippe de Moscou. Elle naquit le 7 juin 1790 à Riajsk, où elle passa son enfance dans la maison de sa mère, devenue veuve peu après sa naissance. Elle habita ensuite chez sa tante Marie Kolytcheff, née princesse Wolkonsky, à Pétersbourg, où elle épousa en janvier 1815 le colonel baron Léon Karlowitch Bode. La mort de plusieurs oncles sans enfants et de son frère, tué en 1812, en avait fait un riche parti, mais ses affaires étaient embrouillées. D'un naturel emporté et autoritaire, elle sut refaire son caractère, et le sentiment du devoir suffit à la rendre d'une docilité parfaite à la volonté de son mari. Ils passèrent ensemble en parfait accord quarante-cinq ans d'une vie patriarcale, au milieu d'une immense famille composée de onze enfants, puis de nombreux petits-enfants. Animée d'une piété profonde, elle éleva ses enfants dans un esprit rigoureusement orthodoxe, bien que son mari fût protestant; sa bibliothèque personnelle était composée d'ouvrages de religion et de morale en français. Grande, droite et sèche, avec un grand nez, des lèvres pincées et une jolie figure, elle devint encore plus dévote dans sa vieillesse, allant tous les jours à l'office dans son église de Mechtcherskoïé.

La baronne Bode eut quatre fils et sept filles: Léon (1820—1855), maréchal de la noblesse du district de Podolsk, gouv. de Moscou, Alexandre et Dmitri, morts en bas âge, Michel (1824—22 mai 1888), grand maître de la Cour, qui reçut le 13 mai 1875 les armes et le nom des Kolytcheff, Anne (1815—1897), qui épousa le prince A. Dolgorouky, Natalie (1817—1843), demoiselle d'honneur, Marie (1818—1864), non mariée, en religion depuis 1862 Taïsia, Catherine (1819—1867), qui épousa P. Olsoufieff et, en secondes noces, le prince A. Viazemsky, Sophie, née et morte en 1821, Hélène (1826—1862), mariée à A. Baratynsky, et Alexandrine (1828—1890), au prince N. Obolensky.

Elle mourut subitement à Mechtcherskoïé, un an après son mari, le 21 avril 1860, et fut inhumée près de l'église du village; en 1867, sa dépouille fut transférée à Loukino, aux environs de Moscou, et déposée dans la crypte de l'église St-Philippe, qui communique par un passage avec la maison patrimoniale des Kolytcheff. Cette vieille maison, de style russe, renferme toute une galerie de portraits et d'archives de famille et une nombreuse collection de souvenirs de St-Philippe. Loukino appartient actuellement à une fille du baron M. Bode-Kolytcheff, à son tour le dernier du nom, la comtesse N. Sollogoub.

(D'après une miniature, 1815, de la collection de la comtesse N. Sollogoub, Moscou.)

79

Романъ Егоровичъ
Ренни,
1768 — 1832

Romain Egorowitch
Renni,
1768 — 1832

80

Марія Ивановна
Ренни,
1781 — 1810

Marie Ivanowna
Renni,
1781 — 1810

81

Баронъ Левъ Карловичъ
Боде,
1787 — 1859

Baron Léon Karlowitch
Bode,
1787 — 1859

82

Баронесса Наталія Федоровна
Боде,
1790—1860

Baronne Nath. [illegible]
Bode,
1790—1860

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМІРОВНА НОВОСИЛЬЦОВА, 1770—1849, дочь младшаго изъ пяти братьевъ Орловыхъ, графа Владиміра Григорьевича (1743—1831), отъ брака его съ Елизаветой Ивановной Стакельбергъ (1741—1817), родилась 7 Ноября 1770 года. Выйдя въ 1799 г. замужъ за бригадира Дмитрія Александровича Новосильцова (1758—1835), она не была счастлива въ своей семейной жизни и всего годъ жила съ мужемъ, имѣвшимъ постороннюю привязанность, человѣкомъ заносчивымъ и запальчивымъ, съ которымъ „невозможно ужиться никакому существу, хотя бы съ ангельскимъ характеромъ". Во всѣхъ отношеніяхъ достойная, благочестивая и добрѣйшая женщина, она всецѣло отдалась заботамъ о воспитаніи своего единственнаго сына, Владиміра, мало показываясь въ свѣтѣ и принимая у себя только нѣсколькихъ католическихъ патеровъ и графа де-Мэстръ. Новосильцовъ подавалъ, дѣйствительно, большія надежды: онъ хорошо учился, „блисталъ въ обществѣ, игралъ хорошо на гобоѣ, изящно танцовалъ и ловко бился на рапирахъ; будучи очень высокаго роста, какъ всѣ внуки Орловыхъ, онъ превосходилъ ихъ всѣхъ красотою. Съ ранняго дѣтства онъ почти не видѣлъ своихъ родителей вмѣстѣ, они изрѣдко сходились и то для бурныхъ совѣщаній, похожихъ на перебранку. Сынъ умѣлъ, однакоже, сохранить въ отношеніяхъ къ родителямъ столько такта, что исполнялъ до конца сыновнія обязанности одинаково къ отцу и матери. Послѣдняя обожала его". Въ своей материнской гордости, не чуждой, впрочемъ, и „Орловской" спѣси, она мечтала о знатной и блестящей невѣстѣ для него, и это заставило ее всѣми силами вооружиться противъ брака сына съ бѣдной и неизвѣстной дѣвицей Черновой и привела къ роковой катастрофѣ, сдѣлавшей ее невольной убійцей сына. Употребляя всѣ усилія къ тому, чтобы помѣшать этому браку, она всячески старалась тянуть дѣло, притворно изъявляя свое согласіе, лаская семейство Черновыхъ и говоря въ то же время: „Могу ли я согласиться, чтобы мой сынъ, Новосильцовъ, женился на какой-нибудь Черновой, да еще вдобавокъ на Пахомовнѣ. Никогда этому не бывать!" Своимъ упорнымъ сопротивленіемъ ей удалось достигнуть того, что сынъ отказался отъ своего обѣщанія жениться, но не въ ея власти оказалось помѣшать состоявшемуся вслѣдствіе этого поединку его съ оскорбленнымъ братомъ невѣсты. Узнавъ о посланномъ сыну вызовѣ, она извѣстила объ этомъ главнокомандующаго въ Москвѣ, графа Сакена, приказавшаго отцу Чернова, своему подчиненному, прекратить дѣло. Но было уже поздно: дуэль состоялась, и смертельно раненый Новосильцовъ скончался 14 Сентября 1825 года. Несчастная мать, пріѣхавъ въ Петербургъ, застала его еще въ живыхъ, но всѣ усилія врачей, во главѣ съ тогдашнею знаменитостью, докторомъ Арендтомъ, которому она обѣщала 1000 рублей за выздоровленіе сына, не могли его спасти. Тѣло его было набальзамировано и отправлено въ Москву; туда же вернулась и мать, увозя съ собой въ каретѣ сердце сына, закупоренное въ серебряномъ сосудѣ. Похоронивъ его въ Новоспасскомъ монастырѣ и построивъ церковь въ Лѣсномъ, на мѣстѣ, гдѣ онъ былъ раненъ, Е. В. Новосильцова съ того времени всецѣло предалась молитвѣ и дѣламъ благотворенія и до конца жизни не снимала траура. Кромѣ церкви и бѣдныхъ, она никого не посѣщала, сначала поселившись около Новоспасскаго монастыря, а затѣмъ запершись въ своемъ домѣ на Страстномъ бульварѣ. „Я убійца моего сына, помолитесь, владыко, чтобъ я скорѣе умерла", говорила она митрополиту Филарету, котораго очень уважала и къ которому часто ѣздила на Троицкое подворье. Позднѣе она поселилась въ Отрадѣ у отца и ухаживала за нимъ до конца его долгой жизни. Графъ В. Г. Орловъ скончался 28 Февраля 1831 г. въ Москвѣ, въ своемъ Никитскомъ домѣ, въ присутствіи Е. В. Новосильцовой, „не отходившей отъ одра отца". Десять лѣтъ спустя послѣ смерти сына, она овдовѣла и въ память его перенесла свою благотворительность даже на побочныхъ дѣтей мужа. До конца своей долгой и одинокой жизни она оставалась другомъ и покровительницей бѣдныхъ, сирыхъ и несчастныхъ, принимала дѣятельное участіе въ трудахъ дамскаго благотворительнаго комитета, объѣзжая бѣдныхъ и устраивая для нихъ безплатныя квартиры.

Е. В. Новосильцова, послѣдняя изъ рода Орловыхъ, скончалась 31 Октября 1849 года. Огромное ея состояніе перешло къ ея племяннику, сыну сестры ея, Владиміру Петровичу Давыдову, вмѣстѣ съ фамиліей и графскимъ титуломъ Орловыхъ.

(Съ портрета, находящагося въ склепѣ подъ соборомъ Новоспасскаго монастыря, въ Москвѣ.)

CATHERINE VLADIMIROWNA NOVOSSILTZOFF, 1770—1849, fille du plus jeune des cinq frères Orloff, le comte Vladimir Grigoriewitch (1743—1831), et d'Elisabeth Ivanowna, née Stackelberg (1741—1817), naquit le 7 novembre 1770. Mariée, en 1799, au brigadier Dmitri Alexandrowitch Novossiltzoff (1758—1835), elle ne fut pas heureuse en ménage et ne vécut pas longtemps avec son mari, qui avait une liaison d'autre part et était d'un caractère hautain et emporté, dont „personne au monde ne pouvait s'accommoder, même avec une patience d'ange". Digne, pieuse et excellente personne sous tous les rapports, elle se consacra tout entière aux soins de l'éducation de son fils unique Vladimir, paraissant peu dans le monde et ne recevant que quelques pères catholiques et le comte de Maistre. Son fils donnait effectivement de grandes espérances: il faisait de bonnes études, „avait du succès dans le monde, jouait bien du hautbois, était excellent danseur et adroit à l'épée; de première taille comme tous les petits-fils des Orloff, il était le plus bel homme de tous. Dès sa plus tendre enfance, il ne vit presque jamais ses parents ensemble: ils n'avaient que de rares entrevues, et qui se passaient en explications orageuses, pour ne pas dire en disputes. Le jeune homme sut pourtant mettre assez de tact dans ses rapports avec eux pour remplir jusqu'à la fin ses devoirs filiaux envers tous les deux. Sa mère l'adorait". Dans sa fierté maternelle, qui n'était d'ailleurs pas exempte de quelque chose de la morgue des Orloff, Mme Novossiltzoff rêvait pour lui un parti noble et brillant: aussi s'insurgea-t-elle de toutes ses forces contre un mariage avec une jeune fille sans fortune et sans nom, Mlle Tchernoff, ce qui conduisit à une catastrophe et fit d'elle le meurtrier de son fils. Elle employa tous ses efforts à empêcher l'union, faisant tout pour traîner les choses en longueur, donnant son consentement pour la forme, cajolant les Tchernoff, et disant en même temps: „Puis-je laisser mon fils, un Novossiltzoff, épouser une Tchernoff quelconque, et encore fille d'un Pacôme! Jamais!" Sa résistance opiniâtre réussit à faire renoncer son fils à tenir sa promesse de mariage, mais elle ne put empêcher le duel qui s'en suivit avec le frère de la jeune fille. A la nouvelle du cartel envoyé à son fils, elle s'adressa au gouverneur de Moscou, le comte Sacken, qui ordonna au père de Tchernoff, son subordonné, d'arrêter l'affaire. Mais il était trop tard: le duel avait eu lieu, et Novossiltzoff, blessé mortellement, mourut le 14 septembre 1825. L'infortunée mère, accourue à Pétersbourg, le trouva encore vivant, mais tous les efforts des médecins, y compris la célébrité de l'époque, le docteur Arendt, à qui elle avait promis mille roubles pour la guérison de son fils, ne purent le sauver. Son corps fut embaumé et transporté à Moscou, où elle l'accompagna, portant dans sa voiture le cœur, scellé dans une urne d'argent. Elle l'inhuma au monastère Novospasky et fit élever une église à Lesnoï, sur le terrain du duel. Depuis ce moment, elle se voua exclusivement à la prière et aux œuvres de bienfaisance et ne quitta pas le deuil de toute sa vie. Elle n'allait plus qu'à l'église ou chez les pauvres, et ne voyait personne, fixée d'abord au voisinage du monastère Novospasky, puis confinée dans sa maison du Boulevard de la Passion. „Je suis le meurtrier de mon fils, priez Dieu, Monseigneur, de me faire bientôt mourir", disait-elle au métropolite Philarète, qu'elle vénérait beaucoup et qu'elle allait souvent voir à la maison de ville du monastère Troïtzky. Elle se fixa plus tard à Otrada chez son père, qu'elle soigna jusqu'à la fin de sa longue vie: le comte Vladimir Orloff mourut, le 28 février 1831, à Moscou, dans sa maison de la Nikitzkaïa, entre les bras de sa fille „qui ne quittait pas son chevet". Dix ans après la mort de son fils, elle devint veuve, et, en sa mémoire, étendit sa bienfaisance aux bâtards de son mari. Jusqu'à la fin de sa longue vie d'isolement, elle resta l'amie et la protectrice des pauvres, des orphelins et des malheureux, et prit une part active aux œuvres du comité de bienfaisance des dames, visitant les pauvres et leur organisant des logements gratuits.

Mme Novossiltzoff, dernière de la famille Orloff, mourut le 31 octobre 1849. Son immense fortune passa à un neveu, fils de sa sœur, Vladimir Pétrowitch Davydoff, avec le nom et le titre de comte Orloff.

(D'après un portrait déposé dans la crypte de la cathédrale du monastère Novospasky, Moscou.)

ВЛАДИМІРЪ ДМИТРІЕВИЧЪ НОВОСИЛЬЦОВЪ, 1800—1825, сынъ бригадира Дмитрія Александровича Новосильцова, получилъ воспитаніе подъ руководствомъ своей матери, рожденной графини Орловой, жившей отдѣльно отъ мужа, учился въ Іезуитской коллегіи. Богато одаренный отъ природы, красавецъ, умный и воспитанный, къ тому же наслѣдникъ громаднаго Орловскаго состоянія, Новосильцовъ съ юности подавалъ уже большія надежды, и все предвѣщало ему блестящее будущее. Коротокъ и краснорѣчивъ его формулярный списокъ: „Будучи произведенъ въ 1818 г. изъ портупей-юнкеровъ л.-гв. Гусарскаго полка въ корнеты, онъ въ томъ же году былъ назначенъ въ должность адъютанта къ главнокомандующему 1-й арміей генералу-отъ-инфантеріи графу Сакену; въ 1822 г. произведенъ въ поручики, 5 Іюня того же года назначенъ флигель-адъютантомъ, а 21 Октября 1825 г. исключенъ изъ списковъ умершимъ“.

Трагическая смерть этого молодого и блестящаго офицера грустно отозвалась въ обществѣ того времени, заинтересовавшемся ея романической подкладкой. Познакомившись въ семьѣ небогатой помѣщицы, жены генералъ-майора Черновой, съ ея красавицей дочерью, Екатериной Пахомовной, Новосильцовъ настолько увлекся ея красотой, что сдѣлалъ ей предложеніе, забывъ заручиться согласіемъ матери. Считаясь на правахъ жениха и показываясь въ публикѣ вдвоемъ съ невѣстой, Новосильцовъ, наконецъ, написалъ матери, но получилъ, какъ и слѣдовало ожидать, рѣшительный отказъ и приказаніе немедленно прекратить всѣ сношенія съ невѣстой и ея семьей. Простившись съ Черновыми, съ обѣщаніемъ скоро вернуться, Новосильцовъ уѣхалъ къ матери въ Москву. Боялся ли онъ гнѣва матери, произошла ли подъ вліяніемъ разлуки перемѣна въ его собственныхъ чувствахъ, но Новосильцовъ, по пріѣздѣ въ Москву, оставилъ семейство Черновыхъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ безъ всякихъ вѣстей о себѣ и, будучи въ это время проѣздомъ въ Петербургѣ, даже не заѣхалъ къ невѣстѣ. Пріѣздъ въ Москву за объясненіями брата ея, подпоручика л.-гв. Семеновскаго полка С. П. Чернова, написавшаго Новосильцову оскорбительное письмо, чуть было не повелъ къ дуэли, но при свиданіи съ Черновымъ, въ присутствіи Московскаго генералъ-губернатора, Новосильцовъ объяснилъ, что никогда не оставлялъ намѣренія жениться и обѣщалъ обвѣнчаться въ теченіе шести мѣсяцевъ. Мать его тутъ же изъявила письменно родителямъ Чернова свое согласіе на бракъ сына съ ихъ дочерью. Однако, вернувшись въ Петербургъ, Новосильцовъ снова послалъ вызовъ Чернову за разглашенные будто бы имъ слухи, что онъ принудилъ его силою жениться на сестрѣ. Хотя послѣ заявленія Чернова, что онъ никогда такихъ слуховъ не распускалъ, Новосильцовъ и взялъ свой вызовъ обратно, но, видя, что дѣло не подвигается впередъ, Черновъ, „чтобы дать сему дѣлу приличный конецъ“, какъ сказано въ запискѣ его секунданта, поэта и декабриста Рылѣева, самъ вызвалъ его на дуэль. „Желательно, чтобы Новосильцовъ былъ нашъ зять, но ежели сего нельзя, то надо дѣлать, чтобы онъ умеръ холостымъ, хотя сіе прелестное твореніе заслуживаетъ и лучшей участи“, писалъ С. П. Черновъ брату въ Ноябрѣ 1824 года. Старанія Е. В. Новосильцовой и вмѣшательство графа Сакена уже не могли помѣшать поединку: дуэль на пистолетахъ состоялась 10 Сентября 1825 г., въ 6 ч. утра, въ Лѣсномъ, за Выборгской заставой. Противники стрѣлялись на барьеръ, дистанція восемь шаговъ съ расходомъ по пяти, и оба были смертельно ранены. Перенесенный въ ближайшую гостинницу, Новосильцовъ, несмотря на усилія врачей, скончался черезъ четверо сутокъ на рукахъ прискакавшей изъ Москвы матери. Почти въ тотъ же часъ скончался и Черновъ: близость смерти сблизила противниковъ, и каждый изъ нихъ справлялся о состояніи другого. Тѣло было перевезено въ Москву и предано землѣ въ склепѣ Новоспасскаго монастыря; на памятникѣ надгробная надпись: „Новосильцовъ, Владиміръ Дмитріевичъ, флигель-адъютантъ Императора Александра I, единственный сынъ, надежда родителей и отечества, 1825 г., Сентября 10 числа, безъ враждебнаго намѣренія, защищая честь, смертельно раненъ, а 14-го дня, 25 лѣтъ отъ роду, на одрѣ великодушнаго страданія, въ мирѣ съ Богомъ, съ церковью и врагами, скончался въ предмѣстіи С.-Петербурга, во 2-мъ часу пополудни; здѣсь земные останки его преданы землѣ попеченіемъ сѣтующей матери, Ек. Влад. Новосильцовой, рожденной гр. Орловой, полагающей единственное утѣшеніе въ молитвѣ о немъ и въ надеждѣ, на непоколебимой вѣрѣ основанной, обрѣсти его въ жизни безмятежной, а земной для себя покой здѣсь-же“.

(Съ портрета, находящагося въ склепѣ подъ соборомъ Новоспасскаго монастыря, въ Москвѣ.)

VLADIMIR DMITRIEWITCH NOVOSSILTZOFF, 1800—1825, fils du brigadier Dmitri Alexandrowitch Novossiltzoff, fut élevé sous la direction de sa mère, née comtesse Orloff, qui vivait séparée de son mari, et fit ses études dans un collège de Jésuites, à Moscou. Richement doué par la nature, bel homme, avec de l'esprit et une bonne éducation, de plus héritier de l'immense fortune des Orloff, il donnait de grandes espérances, et tout lui promettait un brillant avenir. Ses états de service sont brefs et éloquents: „Younker à dragonne d'argent aux hussards de la Garde, promu cornette en 1818 et nommé la même année aide de camp du général d'infanterie comte Sacken, commandant en chef de la 1re armée; en 1822, promu lieutenant, le 5 juin de la même année, nommé aide de camp de S. M. et, le 21 octobre 1825, rayé des cadres par suite de décès".

La fin tragique de ce jeune et brillant officier trouva un écho douloureux dans la société du temps, qui avait pris intérêt à ses dessous romanesques. Introduit dans la famille d'une petite propriétaire sans fortune, la femme du général major Tchernoff, Novossiltzoff s'était épris de la charmante fille de la maison, Catherine Pakhomowna, au point de lui proposer le mariage sans consulter ses parents. Considéré comme fiancé et se montrant en public seul avec la jeune fille, il finit cependant par écrire à sa mère, mais reçut naturellement un refus catégorique avec l'injonction de rompre immédiatement toutes relations avec la jeune personne et sa famille. Il prit congé des Tchernoff en promettant de revenir bientôt et se rendit à Moscou près de sa mèr . Fut-ce la crainte de la fâcher ou l'effet d'un revirement personnel produit par l'éloignement, toujours est-il que de Moscou il les laissa trois mois sans nouvelles et vint même à Pétersbourg sans voir sa fiancée, dont le frère, sous-lieutenant au régiment Sémenowsky de la Garde, lui écrivit une lettre d'offenses et partit pour Moscou lui demander des explications. Un duel faillit s'en suivre, mais il y eut en présence du général gouverneur une entrevue où Novossiltzoff déclara qu'il n'avait nullement renoncé à son intention et promit de se marier dans les six mois, et où la mère donna par écrit son consentement. Cependant, de retour à Pétersbourg, Novossiltzoff envoya de nouveau une provocation à Tchernoff pour avoir soi-disant répandu le bruit qu'il lui faisait épouser sa sœur de force. Sur la déclaration de Tchernoff qu'il n'y avait jamais rien eu de semblable, Novossiltzoff retira son cartel, mais, comme les choses n'avançaient pas, Tchernoff, „pour donner à cette affaire une terminaison convenable", comme dit la note de son témoin, le poète et décabriste Ryléeff, le provoqua à son tour. „Il convient que Novossiltzoff soit notre beau-frère, mais s'il n'y a pas moyen, il faut faire en sorte qu'il meure célibataire, et pourtant ce charmant garçon mérite bien un meilleur sort", écrivait Tchernoff à son frère en novembre 1824. Les efforts de Mme Novossiltzoff et l'intervention du comte Sacken ne purent cette fois empêcher le duel: il eut lieu le 10 septembre 1825, à six heures du matin, à Lesnoï, près le faubourg de Viborg, au pistolet. Les deux adversaires furent mortellement blessés. Transporté à l'auberge voisine, Novossiltzoff, malgré les efforts des médecins, mourut quatre jours après dans les bras de sa mère, accourue de Moscou. Tchernoff succomba presque en même temps. L'imminence de la mort les avait rapprochés, et chacun demandait des nouvelles de l'autre. La dépouille de Novossiltzoff fut transportée à Moscou et déposée dans la crypte du monastère Novospasky; sur son tombeau on grava l'inscription: „Novossiltzoff, Vladimir Dmitriewitch, aide de camp de S. M. l'Empereur Alexandre Ier, fils unique, l'espoir de sa famille et de sa patrie, en 1825, le 10 septembre, fut mortellement blessé en combattant sans haine pour défendre son honneur, et le 14, vers 2 heures après-midi, dans un faubourg de Pétersbourg, succomba sur son lit de douleur, en paix avec Dieu, avec l'église et avec ses ennemis; ici fut livrée à la terre sa dépouille mortelle, par les soins de sa mère éplorée, Catherine Vladimirowna Novossiltzoff, née comtesse Orloff, restée sans autre consolation que de prier pour lui et d'espérer, soutenue par une foi inébranlable, retrouver son fils dans la paix éternelle et son repos ici-bas en ce lieu".

(D'après un portrait déposé dans la crypte de la cathédrale du monastère Novospasky, Moscou.)

83

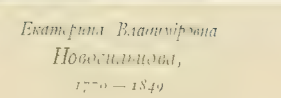

Владиміръ Дмитріевичъ
Новосильцовъ,
1800 — 18[illegible]

Vladimir Dmitriewitch
Novossiltzoff,
1800 — 18[illegible]

84

Екатерина Владиміровна
Новосильцова,
1770 — 1849

Catherine Vladimirowna
Novossiltzoff,
1770 — 1849

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ. - Manufacture des papiers de l'Etat

Графиня ВѢРА НИКОЛАЕВНА ЗАВАДОВСКАЯ, 1768—1845, дочь графа Николая Федоровича Апраксина, женатаго на Софіи Осиповнѣ Закревской, родилась 2 Ноября 1768 г.; воспитывалась въ домѣ графа К. Г. Разумовскаго. Графинѣ Вѣрѣ Николаевнѣ не было еще 15 лѣтъ, когда ея красота обратила на себя вниманіе 45-лѣтняго, бывшаго фаворита, графа П. В. Завадовскаго Мать всѣми силами старалась устроить эту выгодную партію для своей дочери. Но сватовство шло туго. „Добраго и столь хорошаго поведенія дѣвицу нельзя не любить; но это не есть обязательство жениться“, писалъ Завадовскій Воронцову; тѣмъ болѣе, что въ началѣ 1786 г. графиня В. Н. Апраксина была помолвлена съ Петромъ Петровичемъ Нарышкинымъ (р. 1764, † 1825), незадолго передъ тѣмъ овдовѣвшимъ, но бракъ этотъ разстроился. Въ 1787 г. самъ Разумовскій жаловался, что „Завадовскій годъ все обходился съ Вѣрой Николаевной, какъ женихъ съ невѣстой, откладывая публичное оглашеніе сего акта съ мѣсяца на мѣсяцъ, къ крайнему безпокойству матери и дочери“. Наконецъ, въ дѣло, кажется, вмѣшалась сама Екатерина, преподавшая Завадовскому „матернія наставленія“ и въ день сговора пожаловавшая его невѣсту во фрейлины. Наканунѣ свадьбы Завадовскій „приватно“ писалъ Екатеринѣ: „Не бывши женихомъ, явлюся завтра женатымъ. Предаюся неизвѣстной судьбѣ, вспомогаемый вашимъ къ тому ободреніемъ. Хотя беру овечку изъ паршиваго стада, но на свой духъ надѣюсь твердо, что проказа ко мнѣ никакъ не пристанетъ, на подобіе того, какъ вынутое изъ грязи и очищенное отъ оной ничьихъ рукъ не мараетъ“...... Свадьба состоялась въ Гостилицахъ, имѣніи Разумовскаго, 30 Апрѣля 1787 г., „безъ всякихъ пустыхъ церемоній“. „Грызла меня тоска и скука“, продолжаетъ онъ въ письмѣ къ другу своему, графу С. Р. Воронцову, „а пустота въ домѣ отвращала отъ онаго. Жена меня любитъ, и страстно, уже долгое время, и подвигъ мой не иначе, чтобъ сдѣлать ее благополучною“.

Но семейная жизнь графини Завадовской сложилась несчастливо. Дѣти ея умирали въ младенчествѣ, и въ короткое время она похоронила шестерыхъ. При ея молодости, красотѣ и жаждѣ свѣтскихъ успѣховъ, домашняя жизнь съ старѣющимъ мужемъ, угрюмо погруженнымъ въ воспоминанія о прошломъ счастіи и величіи, представлялась ей безотрадною. Уже съ 90-хъ годовъ въ перепискѣ современниковъ появляются намеки на отношенія графини Завадовской къ какому-то таинственному „Абеляру“ и на происходящія вслѣдствіе этого бурныя сцены. Супруги то расходятся, то сходятся опять, но до открытаго разрыва дѣло не доходитъ никогда, „изъ-за уваженія стараго графа къ своей свекрови и фельдмаршалу Разумовскому“. Вообще семейныя отношенія Завадовскихъ представлялись загадкою для его друзей и знакомыхъ. „При всей его подозрительности и явномъ неудовольствіи противъ жены“, пишетъ князь А. Б. Куракинъ, „онъ кажется въ хорошихъ отношеніяхъ съ ней, потому лишь, что мы никогда не видали, чтобъ онъ былъ ласковъ къ ней“.

Графиня Завадовская особенно тяготилась и скучала деревенскою жизнью мужа, когда хандра и служебныя непріятности годами удерживали его въ Ляличахъ. Не разъ обращалась она къ графу С. Р. Воронцову, прося его повліять на мужа, напримѣръ, въ дѣлѣ выбора учителя для сына, на мѣсто „какого-то малоросса, который скорѣе испортитъ ребенка, чѣмъ научитъ чему-либо“. „Никогда въ жизни“, писала она ему въ 1800 г., „я не чувствовала себя болѣе одинокой, и мнѣ было бы трудно привыкнуть къ такого рода жизни, не имѣя даже подруги при себѣ. Я дѣлаю все, что могу, чтобы казаться веселой при мужѣ, чтобъ его не раздражать, но не знаю долго ли я это вынесу“. Но графъ С. Р. Воронцовъ уже составилъ себѣ такое понятіе о женѣ своего друга, что при отправленіи своего сына въ Россію писалъ Ростопчину: „Я былъ бы радъ, чтобы мой сынъ остановился у графа П. В., если бы, къ несчастію, мой другъ не былъ женатъ на совершенно распущенной женщинѣ. Молодость имѣетъ много прелести для такой особы: она способна была бы его обольстить“.

Графиня Завадовская, пожалованная въ 1806 г. кавалерственной дамой ордена св. Екатерины 2-го класса, скончалась, 22 Ноября 1845 г., въ г. Нарвѣ; похоронена въ селѣ Межникахъ, Порховского уѣзда. Изъ 12 дѣтей ея остались въ живыхъ два сына: Александръ († 1856) и Василій (1798—1855), и четыре дочери: Софія (вышедшая за князя В. П. Козловскаго), Варвара, Аглаида (за камеръ-юнкеромъ Мержіевскимъ) и Татьяна (за тайнымъ совѣтникомъ В. И. Каблуковымъ).

(Съ портрета Лампи; собственность С. Н. Скворцовой, въ Москвѣ.)

La comtesse VÉRA NIKOLAEWNA ZAVADOWSKY, 1768—1845, fille du comte Nicolas Féodorowitch Apraxine et de Sophie Ossipowna, née Zakrewsky, naquit le 2 novembre 1768 et fut élevée chez le comte C. Razoumowsky. La jeune comtesse n'avait pas encore 15 ans lorsque sa beauté attira l'attention du comte P. Zavadowsky, ancien favori, âgé de 45 ans. Sa mère fit tout son possible pour la faire profiter de ce placement avantageux, mais les choses n'avançaient que péniblement. „Une jeune fille si bonne et de si bonne conduite, on ne peut s'empêcher de l'aimer; mais il n'y a pas pour cela obligation de l'épouser", écrivait Zavadowsky à Worontzoff; d'autant plus qu'au commencement de 1796, elle avait été fiancée à Pierre Pétrowitch Narychkine (1764—1825), veuf depuis peu, puis le mariage ne s'était pas fait. En 1787, Razoumowsky lui-même se plaignait que „Zavadowsky a été tout le temps avec elle pendant un an comme un fiancé avec sa fiancée, remettant d'un mois à l'autre la publication des bans, à la grande inquiétude de la mère et de la fille". Enfin Catherine elle-même s'en mêla, paraît-il, pour donner à Zavadowsky „des conseils maternels" et à sa future, le jour des fiançailles, le chiffre de demoiselle d'honneur. La veille du mariage, il écrivait à l'Impératrice: „Sans avoir été fiancé, demain je serai marié. Je me livre à l'inconnu, soutenu par votre encouragement. C'est une brebis d'un troupeau galeux que je prends, mais j'ai le ferme espoir de ne pas me laisser contaminer, de même que ce qui a été purifié après avoir été tiré de la boue ne salit les mains de personne".... Le mariage fut célébré à Gostilitzy, la propriété de Razoumowsky, le 30 avril 1787, „sans aucune vaine cérémonie".... „Je suis rongé d'ennui et de tristesse", continue-t-il dans une lettre à son ami le comte S. Worontzoff, „et le vide de ma maison m'en a dégoûté. Ma femme m'aime, et passionnément, depuis déjà longtemps et toute mon ambition est de la rendre heureuse".

Mais la vie en ménage de la comtesse Zavadowsky prit une tournure malheureuse. Ses enfants mouraient en bas âge, et en peu de temps elle en eut enterré six. Avec sa jeunesse, sa beauté et sa soif de succès mondains, la vie de famille avec ce mari presque vieux, tristement plongé dans le souvenir de sa grandeur et de son bonheur passés, n'avait guère de charmes pour elle. Dès les années 90, on voit paraître dans la correspondance des contemporains des allusions aux relations de la comtesse avec un mystérieux Abélard et aux scènes orageuses qui en résultaient. Les époux sont tantôt séparés, tantôt réconciliés, et si la chose ne va pas jusqu'à la rupture ouverte, „c'est une retenue que le vieillard a pour la belle-mère et pour le maréchal Razoumowsky". D'une manière générale, „les affaires domestiques de Zavadowsky sont une énigme. Avec une méfiance et un mécontentement qui percent", écrit le prince A. Kourakine, „il paraît être assez bien avec sa femme, parce que nous ne l'avons jamais vu caressant avec elle".

La comtesse Zavadowsky ressentait particulièrement le fardeau et l'ennui de la vie de campagne de son mari, quand son humeur morose et des désagréments de service le retenaient des années entières à Lialitchi. A plusieurs reprises elle s'adressa au comte Worontzoff pour le faire intervenir, par exemple lorsqu'il s'agit du choix d'un précepteur pour son fils en remplacement de „je ne sais quel ukrainien, qui, à mon avis, sera bien plus capable de gâter l'enfant que de l'instruire". „De ma vie", lui écrivait-elle encore en 1800, „je ne me suis trouvée aussi isolée; il serait difficile, à ce qu'il me semble, de pouvoir s'habituer à ce genre de vie, n'ayant même aucune compagne pour moi. Je fais tout mon possible pour paraître gaie, autant que je puis prendre cela sur moi, aux yeux de mon mari pour ne pas lui déplaire, mais je ne sais si je pourrai le soutenir longtemps". Or, telle était l'idée que le comte Worontzoff avait de la femme de son ami, qu'il écrivait à Rostoptchine en envoyant son fils en Russie: „J'aurais été enchanté que mon fils demeurât chez le comte Z., si mon ami n'était pas marié par malheur à une femme tout à fait dissolue dans ses mœurs. La jeunesse a de grands attraits pour une femme débauchée: elle peut le séduire".

La comtesse Zavadowsky, faite en 1806 dame de Ste-Catherine de 2e classe, mourut le 22 novembre 1845 à Narva, et fut inhumée à Mejniki, près de Pskoff. Elle ne conserva de ses nombreux enfants que deux fils, Alexandre († 1856) et Basile (1798—1855), et quatre filles, Sophie, mariée au prince B. Kozlowsky, Varvara, Aglaé, mariée au gentilhomme de la chambre Merjiewsky, et Tatiana au conseiller privé Kabloukoff.

(D'après un original de Lampi, appartenant à Mme S. Skvortzoff, Moscou.)

86

МАРІЯ ГАВРИЛОВНА ВИСЛЕНЕВА, 1778—1835, старшая дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Гавріила Петровича Гагарина отъ брака съ Прасковіей Федоровной Воейковой, родилась 18 Сентября 1778 г.; была замужемъ за кавалергардомъ, позднѣе, съ 1797 г., директоромъ Государственнаго Заемнаго банка и бригадиромъ, Новгородскимъ помѣщикомъ Александромъ Никитичемъ Висленевымъ (р. 1767 г.). М. Г. Висленева умерла 14 Марта 1835 года.

Въ I томѣ настоящаго изданія помѣщены были изображенія брата Висленевой, извѣстнаго князя Павла Гавриловича Гагарина, мужа А. П. Лопухиной, фаворитки Павла I, и ея трехъ сестеръ, Анны, Екатерины и Варвары.

Прилагаемый портретъ, писанный въ 1802 г. Моллинари, купленъ въ 60-хъ гг. барономъ М. Л. Боде-Колычевымъ.

(Съ портрета Моллинари, принадлежащаго М. С. Сухотину, с. Кочеты, Тульской губ.)

86

MARIE GAVRILOWNA VISLÉNEFF, 1778—1835, fille aînée du prince Gabriel Pétrowitch Gagarine, conseiller privé actuel, et de Prascovie Féodorowna, née Voéïkoff, naquit le 18 septembre 1778. Elle épousa un propriétaire de Novgorod, Alexandre Nikititch Visléneff (né 1767), chevalier-garde, puis, à partir de 1797, directeur de la Banque d'emprunt de l'Etat et brigadier. Elle mourut le 14 mars 1835.

Le Tome I de la présente publication renferme le portrait du frère de Mme Visléneff, le prince bien connu Paul Gavrilowitch Gagarine, mari de Mlle Lopoukhine, la favorite de Paul Ier, et ceux de ses trois sœurs, Anne, Catherine et Varvara.

Le portrait ci-joint, peint en 1802 par Mollinari, fut acheté dans les années 60 par le baron Bode-Kolytcheff.

(D'après un original de Mollinari, appartenant à M. Soukhotine, Kotchety, gouv. de Toula.)

85

Графиня Вѣра Николаевна
Завадовская,
1768 — 1845

La Comtesse Véra Nikolaewna
Zavadowsky,
1768 — 1845

86

Марія Гавриловна
Висленева,
1778 — 1835

Marie Gavrilowna
Visléneff,
1778 — 1835

87

Графъ **ИВАНЪ СТЕПАНОВИЧЪ ЛАВАЛЬ**, 1761—1846, французъ, эмигрантъ, отецъ котораго носилъ фамилію Лубрери (Loubrerie), пріѣхавъ въ Россію, сначала служилъ учителемъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, позднѣе перешелъ въ Министерство Иностранныхъ дѣлъ. 26 Февраля 1800 г. пожалованъ былъ въ камергеры двора Великой Княжны Елены Павловны, а 10 Октября того же года переведенъ къ Высочайшему двору. Женившись на Александрѣ Григорьевнѣ Козицкой, одной изъ наслѣдницъ „Мясниковскихъ“ милліоновъ, онъ сдѣлался богатымъ человѣкомъ. Во время пребыванія Людовика XVIII въ Митавѣ, Лаваль ссудилъ его деньгами и за это получилъ титулъ графа. Въ Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ онъ въ теченіе 30 лѣтъ управлялъ, на правахъ директора департамента, 3-й экспедиціей особой канцеляріи, состоявшей въ непосредственномъ вѣдѣніи самого канцлера, кромѣ того, руководительству графа Лаваля поручена была редакція „Journal de St-Pétersbourg“. Въ Апрѣлѣ 1819 г. онъ получилъ чинъ тайнаго совѣтника.

Графъ Лаваль былъ человѣкъ вліятельный въ министерствѣ и оставилъ по себѣ память, какъ добрый начальникъ и человѣкъ. Онъ имѣлъ великолѣпный домъ на Англійской набережной, около Сената, гдѣ устраивались иногда пышныя празднества для царской фамиліи, и постоянно, по средамъ, собиралось высшее общество и весь дипломатическій корпусъ.

Высокій, необыкновенно худой, „хилаго здоровья“, графъ Лаваль былъ остроумнымъ собесѣдникомъ и начитаннымъ человѣкомъ; какъ членъ главнаго управленія училищъ, онъ считалъ долгомъ интересоваться наукой и литературой, но это не мѣшало ему быть, въ дѣлѣ гоненія просвѣщенія, дѣятельнымъ союзникомъ Магницкаго и Рунича.

Графъ И. С. Лаваль скончался 19 Апрѣля 1846 г., въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалеромъ ордена св. Александра Невскаго.

(Съ портрета, принадлежащаго князю Н. Д. Крапоткину, имѣніе „Зегевольдъ“, Лифляндской губ.)

87

Le comte IVAN STÉPANOWITCH LAVAL, 1761—1846, émigré français, dont le père s'appelait Loubrerie, fut, à son arrivée en Russie, maître à l'Ecole Navale, puis passa au ministère des Affaires étrangères. Le 26 février 1800, il fut fait chambellan de la Cour de la Grande-Duchesse Hélène Pavlowna, et passa le 10 octobre de la même année à la Cour Impériale. Il s'enrichit grâce à son mariage avec Alexandrine Grigoriewna Kozitzky, une des héritières des millions „de Miasnikoff", et prêta de l'argent à Louis XVIII lors du séjour à Mittau, ce qui lui valut le titre de comte. Au ministère des Affaires étrangères, il dirigea trente ans, faisant fonctions de directeur de département, le 3e bureau de la chancellerie spéciale; il était en outre chargé de la rédaction du Journal de Saint-Pétersbourg. Il reçut en avril 1819 le rang de conseiller privé.

Le comte Laval était un personnage influent au ministère et laissa une bonne réputation comme supérieur et comme homme. Il avait une maison magnifique au Quai Anglais, près du Sénat, où il donnait parfois des fêtes somptueuses pour la Famille Impériale, et où il réunissait le mercredi la haute société et tout le Corps diplomatique.

Grand, d'une maigreur extrême et „de santé chancelante", le comte Laval avait de l'esprit dans la conversation et de la lecture; comme membre de la direction supérieure des écoles, il croyait devoir s'intéresser à la science et à la littérature, ce qui ne l'empêchait pas, quand il s'agissait de persécuter l'instruction, d'aller activement de pair avec Magnitzky et Rounitch.

Le comte Laval mourut le 19 avril 1846 conseiller privé actuel et chevalier de St-Alexandre Newsky.

(D'après un original appartenant au prince N. Krapotkine, Zegevolde, Livonie.)

Графиня АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВНА ЛАВАЛЬ, 1772—1850, дочь статсъ-секретаря Екатерины II Григорія Васильевича Козицкаго, женатаго на дочери извѣстнаго богача Ивана Семеновича Мясникова, Екатеринѣ, родилась 18 Марта 1772 года; она выросла среди роскоши, въ семьѣ, кичившейся своимъ богатствомъ: Козицкому его жена, одна изъ 4 дочерей Мясникова, принесла въ приданое на свою долю 19 тысячъ душъ крестьянъ, не считая денегъ, драгоцѣнностей и заводовъ на Уралѣ. Въ то время, какъ младшая Козицкая, Анна (р. 20 Мая 1773 г., † 14 Февраля 1846 г.), вышла замужъ за князя А. М. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, старшей, Александрѣ, которой шелъ уже 26-й годъ, сумѣлъ понравиться французскій эмигрантъ Лаваль. Мать ея была противъ этого брака; тогда влюбленная дочь написала всеподданнѣйшую просьбу и опустила ее въ ящикъ, поставленный у дворца по приказанію Императора Павла. По требованію Государя, мать должна была представить объясненіе и причиной отказа въ согласіи на бракъ дочери выставила, что Лаваль „не нашей вѣры, неизвѣстно откуда взялся и имѣетъ небольшой чинъ“. Резолюція Павла I была лаконична: „Онъ христіанинъ, я его знаю, для Козицкой чинъ весьма достаточный, а потому обвѣнчать“. Несмотря на то, что повелѣніе Государя послѣдовало наканунѣ постнаго дня, Лаваль и А. Г. Козицкая немедленно были повѣнчаны въ приходской церкви, безъ всякихъ приготовленій. Это было въ 1799 году. За женой графъ Лаваль получилъ большое приданое и въ томъ числѣ Воскресенскій заводъ на Уралѣ. Передъ смертью старуха Козицкая († 1833 г.) „очень одарила Лавалей, vu qu'ils sont moins riches que la princesse Bélosselsky“.

Отъ этого брака у графини А. Г. Лаваль былъ сынъ Владиміръ (корнетъ Конной гвардіи, р. 1804 г., † 20 Апрѣля 1825 г.) и 4 дочери: Екатерина-„Каташа“ († 14 Октября 1854 г.; съ 1825 г. за декабристомъ княземъ С. П. Трубецкимъ), Зинаида (съ 1823 г. за графомъ Людвигомъ Лебцельтернъ), Софія († 8 Сентября 1871 г.; за дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ графомъ А. М. Борхомъ) и Александра (за дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ С. О. Коссаковскимъ).

Графиня Лаваль умерла 17 Ноября 1850 г. и погребена на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Князь П. В. Долгорукій съ большой похвалой отзывается о графинѣ Лаваль, которая наслѣдовала отъ матери Е. И. Козицкой, женщины совсѣмъ простой и необразованной, но пользовавшейся уваженіемъ среди высшаго общества, ея природный умъ, здравый смыслъ, твердый характеръ и тактъ. Все это она соединяла съ прекраснымъ воспитаніемъ, и, въ противоположность младшей сестрѣ Аннѣ, которая „avait toujours l'air d'une femme de chambre“, графиня Лаваль „ne cessa jamais de tenir grande maison“. Въ ея домѣ, на Англійской набережной, собиралось не только высшее общество, но и поэты, писатели, любители и знатоки искусствъ, здѣсь велись литературныя бесѣды и читались новыя произведенія: князь Вяземскій, Тургеневъ были частыми гостями въ ихъ домѣ; хозяйка была пріятельницей извѣстной г-жи Сталь.

(Съ портрета П. Геренъ 1821 г.; собств. князя Н. Д. Крапоткина, имѣніе „Зегевольдъ“, Лифляндской губ.)

La comtesse **ALEXANDRINE GRIGORIEWNA LAVAL**, 1772—1850, fille de Grégoire Vassiliewitch Kozitzky, secrétaire d'Etat de Catherine II, et de la fille Catherine du fameux millionnaire Ivan Sémenowitch Miasnikoff, naquit le 18 mars 1772. Elle grandit au milieu du luxe, dans une famille qui s'enorgueillissait de sa richesse: la femme de Kozitzky, une des quatre sœurs Miasnikoff, avait apporté en dot pour sa part 19.000 têtes de paysans, sans compter de l'argent, des objets précieux et des usines dans l'Oural. Tandis que sa fille cadette Anne (20 mai 1775—14 février 1846) épousait le prince A. Bélosselsky-Bélozersky, l'aînée, Alexandrine, alors dans sa 26e année, agréa les hommages de l'émigré français Laval. La mère était contre le mariage; la jeune fille fit alors une demande à S. M. l'Empereur et la déposa dans la boîte que Paul Ier avait fait placer à la porte du Palais. Sur l'ordre du Souverain, Mme Kozitzky dut donner des explications et motiva son refus en alléguant que „Laval n'est pas de notre religion, vient on ne sait d'où et n'a pas un rang assez élevé". La résolution de Paul fut laconique: „Il est chrétien, je le connais, son rang est bien assez élevé pour une Kozitzky; faire le mariage!" C'était la veille d'un jour maigre, et néanmoins la cérémonie eut lieu immédiatement à la paroisse, sans aucun préparatif (1799). La fiancée apportait une grosse dot, où se trouvait l'usine Voskressensky, dans l'Oural. Avant de mourir, Mme Kozitzky († 1833) „avantagea beaucoup les Laval, vu qu'ils sont moins riches que la princesse Bélosselsky".

La comtesse Laval eut de son mariage un fils Vladimir (1804—20 avril 1825), cornette de la Garde à cheval, et quatre filles, Catherine (Katacha, † 14 octobre 1854), mariée en 1825 au décabriste prince S. Troubetzkoï, Zénaïde, mariée en 1823 au comte Louis Lebzeltern, Sophie († 8 septembre 1871), qui épousa le comte A. Borkh, conseiller privé actuel, et Alexandrine, femme du conseiller privé actuel S. Kossakowsky.

La comtesse Laval mourut le 17 novembre 1850 et fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

Le prince P. Dolgorouky fait grand éloge de la comtesse Laval, qui tenait de sa mère, personne de petit état et sans instruction, mais jouissant de l'estime de la haute société, son esprit naturel, son bon sens, son caractère ferme et son tact. Elle joignait à tout cela une excellente éducation, et, tout au contraire de sa sœur cadette Anne, qui „avait toujours l'air d'une femme de chambre", „ne cessa jamais de tenir grande maison". Chez elle, au Quai Anglais, se réunissaient non seulement la haute société, mais aussi des poètes, des écrivains, des amateurs et connaisseurs d'art; on y faisait des causeries littéraires et des lectures des ouvrages nouveaux: le prince Viazemsky, Tourguéneff étaient des habitués, et la maîtresse de la maison était amie de la célèbre Mme de Staël.

(D'après un original de P. Guérin, 1821, appartenant au prince N. Krapotkine, Zegevolde, Livonie.)

Князь СЕРГѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ТРУБЕЦКОЙ, 1790—1860, сынъ дѣйств. ст. сов. князя Петра Сергѣевича (1760—1817) отъ перваго его брака съ княжной Даріей Александровной Грузинской († 1796 г.), родился 29 Августа 1790 года; началъ службу въ Семеновскомъ полку и въ 1810 г. произведенъ въ прапорщики, въ 1812 г.—въ подпоручики и въ 1813 г.—въ поручики. Трубецкой отличался неустрашимостью и хладнокровіемъ въ бояхъ, которыя выказалъ при Бородинѣ и Люценѣ; при Кульмѣ, командуя батальономъ Семеновскаго полка, онъ выбилъ штыками французовъ, засѣвшихъ въ лѣсу. Въ 1816 г. онъ былъ шт.-капитаномъ, въ 1819 г.—капитаномъ и старшимъ адъютантомъ Главнаго штаба; 24 Января 1821 г. переведенъ въ Преображенскій полкъ и произведенъ 1 Января 1822 г. въ полковники; 22 Декабря 1824 г. Трубецкой былъ назначенъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ 4-го пѣхотнаго корпуса, стоявшаго въ Кіевѣ.

Трубецкой былъ однимъ изъ основателей тайнаго общества „Союза спасенія“ (1817 г.), превратившагося въ 1818 г. въ „Союзъ благоденствія“. Вмѣстѣ съ Ал. Ник., Мих. Ник. (Виленскимъ) и Никитой Муравьевыми и П. И. Колошинымъ онъ составлялъ уставъ этого союза („Зеленую книгу“). На Московскомъ съѣздѣ (1820 и 1821 гг.) не участвовалъ, такъ какъ находился въ продолжительномъ заграничномъ отпуску. Въ 1823 г. Трубецкой вернулся въ Петербургъ и былъ избранъ однимъ изъ трехъ директоровъ Сѣвернаго общества. Вопреки мнѣнію Н. Муравьева, и въ особенности Рылѣева, соглашался на уступку Польшѣ губерній съ кореннымъ русскимъ населеніемъ. Пріѣхалъ въ отпускъ въ Петербургъ въ концѣ 1825 г. и, по настоянію Рылѣева, былъ избранъ „диктаторомъ“. Н. А. Боровковъ такъ характеризуетъ Трубецкого: „Надменный, тщеславный, малодушный, желавшій дѣйствовать, но, по робости и нерѣшительности, ужасавшійся собственныхъ предначертаній—вотъ Трубецкой.... Онъ самъ признаетъ себя виновникомъ возстанія и несчастной участи тѣхъ, кого вовлекъ въ преступленія своими поощреніями“.... Характеристика эта вполнѣ подтверждается документами (Гос. арх., I, В, д. 333 и друг.). Трубецкой попался навстрѣчу Николаю I, когда послѣдній повелъ 1-й батальонъ преображенцевъ къ Исакію. „Я“, пишетъ Трубецкой, „вошелъ въ канцелярію дежурнаго генерала, не зная, куда дѣваться... Меня убивала мысль, что я, можетъ-быть, могъ бы предупредить кровопролитіе“. Однако, несмотря на указаніе служащихъ въ Главномъ штабѣ, что всѣмъ военнымъ слѣдуетъ быть на площади, Трубецкой, хотя и вышелъ изъ Главнаго штаба, но самъ говоритъ: „Я не хотѣлъ идти на площадь и прошелъ дворомъ Главнаго штаба въ Милліонную, не зная, куда идти“. Затѣмъ Трубецкой опять вернулся въ Главный штабъ, гдѣ ему другой чиновникъ предложилъ идти на площадь. „Мы вышли“, продолжаетъ Трубецкой, „но я, шутя, сказалъ, что я чувствую себя очень нездоровымъ“, и Трубецкой опять скрылся въ Главномъ штабѣ. Ему въ третій разъ тамъ предложили идти на площадь, „но я сказалъ, что я очень нездоровъ“... И „диктаторъ“ вышелъ „въ курьерскую, гдѣ сидѣлъ одинъ въ большомъ унынiи и страхѣ“. Ночью 14 Декабря Трубецкой былъ арестованъ на квартирѣ своего зятя, Австрійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Лебцельтерна и доставленъ въ Зимній дворецъ. „Когда Великій Князь“, пишетъ о себѣ В. К. Михаилъ Павловичъ, „вошелъ къ Государю, была уже поздняя ночь, и здѣсь представилось ему неожиданное зрѣлище: передъ Государемъ стоялъ и въ ту минуту упадалъ на колѣни, моля о своей жизни, извѣстный князь Трубецкой“. Верховный уголовный судъ отнесъ Трубецкого къ преступникамъ 1-го разряда и приговорилъ къ смертной казни, замѣненной Государемъ пожизненной каторгой.

Трубецкой былъ женатъ, съ 1825 г., на графинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Лаваль (р. 1802 г.), которая послѣдовала за мужемъ въ ссылку на другой день послѣ его отправки; „она первая проложила путь далекій, неизвѣстный, сопряженный съ такими трудностями, предъ которыми остановилась бы женщина съ меньшимъ запасомъ душевныхъ силъ, съ меньшей любовью“... Княгиня Трубецкая 27 лѣтъ прожила въ Сибири, неотступно слѣдуя за мужемъ въ каторгу и ссылку и облегчая страданія его и его товарищей. Княгиня не дождалась освобожденія и умерла, на 52 г. жизни 14 Октября 1854 г., въ Сибири, гдѣ родились всѣ ея дѣти: сынъ Иванъ († 1875) и 3 дочери—Александра (за сенаторомъ Н. Р. Ребиндеромъ), Зинаида (за Н. Д. Свербѣевымъ) и Елизавета (за П. В. Давыдовымъ).

Князь С. П. Трубецкой въ 1856 г. былъ прощенъ и возвратился въ Россію; умеръ въ Москвѣ 22 Ноября 1860 года.

(Съ акварельнаго портрета, находящагося у В. Е. Якушкина, въ Москвѣ.)

Le prince SERGE PÉTROWITCH TROUBETZKOÏ, 1790—1860, fils du prince Pierre Serguéewitch Troubetzkoï (1760—1817), conseiller privé actuel, et de sa première femme, la princesse Daria Alexandrowna Grouzinsky († 1796), naquit le 29 août 1790. Entré au service au régiment Sémenowsky, il y fut en 1810 porte-enseigne, en 1812 sous-lieutenant, en 1813 lieutenant. Il se fit remarquer par son intrépidité et son sang-froid sur le champ de bataille, comme à Borodino et à Lutzen; à Kulm, à la tête d'un bataillon du régiment Sémenowsky, il délogea à la baïonnette les Français du bois où ils s'étaient retranchés. En 1816, il passa capitaine en second, en 1819 capitaine et aide de camp général de l'Etat-Major; le 24 janvier 1821, il permuta au régiment Préobragensky et fut promu colonel le 1er janvier 1822, et, le 22 décembre 1824, il fut nommé officier de service du 4e corps d'infanterie, cantonné à Kieff.

Troubetzkoï fut un des fondateurs de la société secrète l'Alliance de Salut (1817), qui devint en 1818 l'Alliance de Prospérité; avec Alexandre, Michel et Nikita Mouravieff et P. Kolochine, il rédigea le Livre vert des statuts de cette société. Il ne prit pas part au congrès de Moscou (1820 et 1821), se trouvant à cette époque en congé prolongé à l'étranger. Il revint à Pétersbourg en 1825 et fut élu un des trois directeurs de la Société du Nord. En dépit de M. Mouravieff et surtout de Ryléeff, il consentit à céder à la Pologne des gouvernements dont la population était russe de souche. Il vint en congé à Pétersbourg à la fin de 1825, et, sur les instances de Ryléeff, fut élu dictateur. Borovkoff le caractérise ainsi: „Arrogant, vaniteux, pusillanime, avide d'agir, mais craintif et indécis au point de s'épouvanter de ses propres plans, tel est Troubetzkoï.... Lui-même se reconnaît l'artisan du soulèvement et du triste sort de ceux que ses encouragements ont jetés dans le crime".... Cette caractéristique est entièrement confirmée par les documents des Archives de l'Empire. Troubetzkoï se trouva en présence de Nicolas Ier lorsque celui-ci eut amené le 1er bataillon Préobragensky à St-Isaac. „J'entrai dans la chancellerie du général de service, ne sachant où me mettre.... J'étais abattu par l'idée que j'aurais sans doute pu prévenir l'effusion du sang". Sur l'indication de l'Etat-Major: toutes les troupes sur la Place, il sortit bien, mais dit lui-même: „Je ne voulais pas aller sur la Place, et traversai la cour de l'Etat-Major pour passer sur la Millionnaïa sans savoir où aller". Il rentra alors à l'Etat-Major, où un autre fonctionnaire lui proposa d'aller sur la Place. „Nous sortîmes", ajoute-t-il, „mais en route, je me plaignis d'une forte indisposition", et il rentra se cacher à l'Etat-Major. Une troisième fois, on lui répéta de descendre sur la Place, „mais je prétendis être fort indisposé". Et le dictateur passa „dans une pièce de service, où il resta seul en proie à un désespoir et à une terreur intenses". Dans la nuit du 14 décembre, il fut arrêté chez le chargé d'affaires autrichien Lebzeltern, mari de sa belle-sœur, et amené au Palais d'Hiver. „En entrant chez l'Empereur, déjà tard dans la nuit", dit en parlant de lui-même le Grand-Duc Michel Pavlowitch, „le Grand-Duc se trouva en présence d'un spectacle inattendu: l'Empereur avait devant lui, tombant à genoux et implorant la vie, le prince bien connu Troubetzkoï". La Cour suprême le rangea dans la première catégorie de criminels et le condamna à la peine de mort, que l'Empereur commua en travaux forcés à perpétuité.

Troubetzkoï avait épousé en 1825 la comtesse Catherine Ivanowna Laval (née 1802), qui suivit son mari en exil le lendemain de son départ: „elle fut la première à tenter ce voyage lointain dans l'inconnu, semé de difficultés devant lesquelles aurait reculé une femme animée de moins de ressources morales, de moins d'amour"... Elle passa vingt-sept ans en Sibérie, inséparable de son mari, à adoucir ses souffrances et celles de ses compagnons. Elle ne put voir sa libération et mourut le 14 octobre 1854, dans sa 52e année, en Sibérie, où étaient nés tous ses enfants, un fils Ivan († 1875) et trois filles, Alexandrine, mariée au sénateur Rehbinder, Zénaïde à H. Sverbéeff et Elisabeth à P. Davydoff.

Le prince Troubetzkoï reçut sa grâce en 1856 et rentra en Russie; il mourut le 22 novembre 1860 à Moscou.

(D'après une aquarelle se trouvant chez B. Yakouchkine, Moscou.)

90

Графъ ЛЮДВИГЪ ЛЕБЦЕЛЬТЕРНЪ, 1774—1854, сынъ барона Адама Лебцельтерна, съ 1790 по 1797 г. служилъ причисленнымъ къ Австрійскому посольству въ Лиссабонѣ, состоя при своемъ отцѣ; затѣмъ по 1800 г. былъ секретаремъ посольства въ Мадридѣ, а съ 1800 по 1805 г. первымъ секретаремъ въ Римѣ; позднѣе, состоя тамъ же повѣреннымъ въ дѣлахъ, въ Іюнѣ 1809 г. былъ высланъ изъ Рима, по приказанію Наполеона. Между 1810 и 1813 гг. онъ былъ при Меттернихѣ въ Парижѣ, въ 1814 г. былъ посланъ союзниками во главѣ миссіи въ Швейцарію, а затѣмъ избранъ сопровождать Пія VII въ Римъ.

Въ 1815 г. графъ Лебцельтернъ назначенъ полномочнымъ министромъ въ С.-Петербургъ, и здѣсь 23 Февраля 1823 г. женился на старшей дочери графа Ивана Степановича Лаваль, графинѣ Зинаидѣ Ивановнѣ, на сестрѣ которой, Екатеринѣ, былъ женатъ декабристъ князь С. П. Трубецкой. Уклонившись лично отъ участія въ бунтѣ 14 Декабря, послѣдній ожидалъ результатовъ событія въ домѣ своего зятя, графа Лебцельтерна. Въ своихъ „Запискахъ" Трубецкой между прочимъ говоритъ: „Многіе бѣжавшіе съ площади нижніе чины и офицеры скрывались въ домѣ моей тещи (графини А. Г. Лаваль, на Англійской набережной), и онъ былъ окруженъ съ обѣихъ сторонъ. Сестра тещи моей, княгиня Бѣлосельская, предложила ей ночлегъ въ своемъ домѣ, а сестра жены моей, графиня Л., предложила въ своемъ женѣ и мнѣ. Это послѣ причислено мнѣ было въ намѣреніе укрыться въ домѣ иностраннаго посланника". Въ 1826 г. графъ Лебцельтернъ былъ отозванъ изъ Петербурга и затѣмъ исполнялъ различныя временныя дипломатическія порученія, пока въ 1830 г. не былъ назначенъ Австрійскимъ полномочнымъ министромъ въ Неаполь. Въ 1844 г. онъ вышелъ въ отставку и умеръ въ Неаполѣ въ 1854 году.

Единственная дочь графа Лебцельтерна, Александра (1827—1852), была замужемъ за виконтомъ Иваномъ-Августиномъ де-Карсъ (р. 1821, † 7 Ноября 1860 г.).

(Съ миніатюры А. Маттесъ 1822 г., принадлежавшей въ 1902 г. князю П. А. Голицыну, въ Москвѣ.)

90

Le comte **LOUIS de LEBZELTERN**, 1774—1854, fils du baron Adam de Lebzeltern, fut de 1790 à 1797 attaché à la légation d'Autriche à Lisbonne près de son père, puis jusqu'en 1800 secrétaire d'ambassade à Madrid, de 1800 à 1805 premier secrétaire à Rome, où il devint en 1805 chargé d'affaires et d'où il fut expulsé en juin 1809 par ordre de Napoléon. De 1810 à 1813, il fut attaché à Paris au comte de Metternich, en 1814 envoyé en mission en Suisse par les Alliés, puis chargé de ramener le pape Pie VII à Rome. Nommé vers 1817 ministre plénipotentiaire à St-Pétersbourg, il y épousa la fille aînée du comte Ivan Stépanowitch Laval, la comtesse Zénaïde, dont la sœur Catherine était la femme du prince S. Troubetzkoï, le décabriste. Lors des événements de décembre 1825, le prince Troubetzkoï, qui avait refusé de prendre part personnellement à l'insurrection, en attendit l'issue chez son gendre le comte de Lebzeltern. Dans ses Mémoires, Troubetzkoï dit, entre autres choses: „Un grand nombre d'officiers et de soldats, en se sauvant de la Place, se réfugièrent chez ma belle-mère" (la comtesse Laval, Quai Anglais), „dont la maison fut cernée, et à laquelle sa sœur, la princesse Bélosselsky, fit passer la nuit chez elle, tandis que ma belle-sœur, la comtesse de Lebzeltern, nous donna l'hospitalité à ma femme et à moi. Ceci me valut plus tard l'imputation de m'être caché dans la maison d'un ministre étranger". Rappelé de Pétersbourg en 1826, le comte de Lebzeltern fut ensuite chargé de diverses missions temporaires, puis, en 1830, nommé ministre d'Autriche à Naples. Il prit sa retraite en 1844 et mourut dix ans après à Naples.

La fille unique du comte de Lebzeltern, Alexandrine (1827—1852), épousa le vicomte Jean-Augustin des Cars (1821—7 novembre 1860).

(D'après une miniature de Malthes, 1822, ayant appartenu en 1902 au prince P. Golitzyne, Moscou.)

87

Графъ Иоанъ Степановичъ
Лаваль,
1761 — 1846

Le Comte Ivan Stépa[illegible]witch
Laval,
1761 — 1846

88

Пис. П. Ге[illegible] [illegible] — *P[illegible] par P. Gu[illegible] [illegible]*

Графиня Александра Григорьевна
Лаваль,
1772 — 1850

La Comtesse Alexandrine Grigorievna
Laval,
1772 — 1850

89

Князь Сергий Петровичъ
Трубецкой,
1790 — 1860

Le Prince Serge Pétrowitch
Troubetzkoï,
1790 — 1860

90

Пис. А. Маттесъ. 1822 — Peint par A. M[illegible], 1[illegible]

Графъ Людвигъ
Лебцельтернъ,
1774 — 1854

Le Comte Louis
Lebzeltern,
1774 — 1854

СТЕПАНЪ ИВАНОВИЧЪ ШЕШКОВСКІЙ, 1719 –1794, былъ внукъ плѣннаго поляка и сынъ подьячаго, родился 20 Декабря 1719 года. Въ Греко-латинской школѣ онъ обучался всего нѣсколько мѣсяцевъ, и все его образованіе ограничивалось „письменной наукой". Поступивъ въ 1738 г. въ Сибирскій приказъ копіистомъ, онъ въ 1743 г. перешелъ въ Московскую Контору Тайныхъ Розыскныхъ дѣлъ, затѣмъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ—въ Тайную Канцелярію, гдѣ былъ архиваріусомъ и протоколистомъ; въ 1757 г. „за добропорядочные поступки и примѣрные труды" былъ назначенъ секретаремъ, а при учрежденіи Екатериной II при Сенатѣ Тайной Экспедиціи поступилъ туда и въ 1767 г. былъ сдѣланъ оберъ-секретаремъ. Въ теченіе 30 лѣтъ Шешковскій въ Экспедиціи производилъ розыски по важнѣйшимъ дѣламъ, особенно политическаго характера. Въ 1774 г. былъ командированъ въ Москву для слѣдствія по дѣлу о бунтѣ Пугачева, „дабы досконально узнать всѣ кроющіяся плутни", и велъ розыскъ чрезвычайно энергично, „писалъ день и ночь злодѣевъ гисторію". Черезъ его руки прошли дѣла о Радищевѣ и Новиковѣ. Труды Шешковскаго были щедро награждаемы: онъ имѣлъ чинъ тайнаго совѣтника (въ 1791 г.) и орденъ св. Владиміра 2-й степени. Умеръ 12 Мая 1794 г. и погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Отъ брака съ Еленой Петровной († 7 Августа 1805 г.; фамилія неизвѣстна) онъ оставилъ сына Ивана (бригадиръ, р. 1763, † 31 Октября 1818 г.) и дочь Марію (за сенаторомъ Митусовымъ).

По отзыву Екатерины, Шешковскій „всегда до точности доводилъ трудныя разбирательства". Онъ располагалъ для того богатыми средствами. Отъ внушительнаго „увѣщанія и убѣжденія о показаніи истины" онъ переходилъ къ „пристрастію", заключавшемуся въ примѣненіи плетей и кнута. Самъ Шешковскій былъ виртуозомъ въ этомъ искусствѣ: самъ стегалъ допрашиваемыхъ кнутомъ и умѣлъ такъ искусно ударить палкой въ подбородокъ, что зубы выскакивали вонъ. Шешковскій, по выраженію Екатерины, не только имѣлъ „особливый даръ говорить съ простыми людьми", но умѣлъ обходиться и съ людьми высшихъ ранговъ и подвергалъ сѣченію болтавшихъ лишнее придворныхъ дамъ. Ханжество Шешковскаго дѣлало еще болѣе возмутительной его жестокость. Комната для допросовъ была заставлена иконами, и онъ часто увѣщевалъ преступниковъ текстами изъ Св. Писанія и во время пытокъ способенъ былъ читать вслухъ акаѳисты. По мѣрѣ служебныхъ успѣховъ Шешковскій пріобрѣталъ богатство не только отъ монаршихъ милостей, но и способами, какія доставляла ему его профессія. Неудивительно, что онъ пользовался общей ненавистью; вельможи, сильные при Дворѣ, третировали его, какъ „кнутобойничающаго" палача; зато люди, нуждавшіеся въ Шешковскомъ или боявшіеся его, даже такіе, какъ князь Прозоровскій, унижались, „надѣясь на его дружбу" и прося „любить ихъ, не оставлять и въ случаѣ остерегать".

Справедливость требуетъ значительную долю вины сложить съ невѣжественнаго, выросшаго среди приказной ябеды Шешковскаго на его просвѣщенную повелительницу. Одописцы утверждали, что Екатерина „о себѣ не запрещала и быль, и небыль говорить, и даже самымъ крокодиламъ, ея всѣхъ милостей зоиламъ, всегда склонялася простить". Въ дѣйствительности, однако, Императрица всегда слѣдила подозрительно за всѣмъ, что, по ея мнѣнію, оскорбляло ея непомѣрное самолюбіе. Говорившихъ „быль и небыль" она часто причисляла къ ненавистнымъ ей „враламъ"; въ число же „крокодиловъ" нерѣдко попадали невинные болтуны. Правиломъ Екатерины было „не пропускать вракъ безъ изслѣдованія" и „отъ человѣка до человѣка, и кто отъ кого слышалъ, добраться до выдумщика, и того по мѣрѣ вины его наказать". Въ такихъ дѣлахъ Шешковскій дѣйствовалъ подъ руководствомъ Екатерины, „подъ ея глазами". Поклонница Беккарія безъ всякаго колебанія приказывала „вралей" сѣчь „публично черезъ полицію", а болѣе знатныхъ келейно. Разсказываютъ, что Императрица приказала Шешковскому взять изъ маскарада не въ мѣру болтливую генеральшу Кожину, „слегка тѣлесно наказать и обратно туда же доставить со всякою благопристойностью". Точный исполнитель приказаній Екатерины, онъ былъ ея „вѣрнымъ псомъ", охранявшимъ ея власть, честь и ея покой. Естественно, что вся отвѣтственность за жестокость и кнутобойство слагалась съ ученицы Монтескье на грубаго хама Шешковскаго. Шешковскаго мѣшали съ грязью, а объ его вдохновительницѣ говорили, что она „ангелъ кроткій, ангелъ мирный, сокрытый въ свѣтлости порфирной". Въ этомъ смыслѣ эпитафія на его могилѣ принадлежитъ ему по праву: онъ „служилъ отечеству 56 лѣтъ", исключительно защищая собой отъ нареканій славу самой „премилосердой матери отечества".

(Съ портрета, принадлежащаго С. Н. Митусову, въ С.-Петербургѣ.)

STÉPHANE IVANOWITCH CHECHKOWSKY, 1719—1794, petit-fils d'un prisonnier polonais et fils d'un scribe, naquit le 20 décembre 1719. Il alla à une école gréco-latine où il ne resta que quelques mois, et toute son instruction se borna à „la science de l'écriture". Entré comme copiste en 1738 à la Chancellerie de Sibérie, il passa en 1743 au bureau de la Police secrète de Moscou, puis, quelques années plus tard, à la Chancellerie Secrète, où il fut archiviste et rédacteur des procès-verbaux; en 1757, „sa conduite réglée et ses travaux exemplaires" le firent nommer secrétaire, et, lors de la fondation par Catherine II d'un Bureau Secret au Sénat, il y entra et devint secrétaire principal en 1767. Pendant trente ans, il y fit les enquêtes sur les affaires les plus importantes, notamment les affaires politiques. En 1774, il fut envoyé à Moscou instruire celle de l'insurrection de Pougatcheff „et reconnaître à fond toutes les coquineries cachées"; il y apporta une extrême énergie, „écrivant jour et nuit l'histoire des scélérats". Il eut aussi en mains les affaires de Radichtcheff et de Novikoff. Ses travaux furent généreusement récompensés: il avait en 1791 le rang de conseiller privé et St-Vladimir de 2e classe. Il mourut le 12 mai 1794 et fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

Il avait épousé Hélène Pétrowna († 7 août 1805, nom de famille inconnu), dont il eut un fils Ivan (1763—31 octobre 1818), brigadier, et une fille Marie, mariée au sénateur Mitoussoff.

Au témoignage de Catherine, Chechkowsky „mettait toujours soigneusement au point les instructions les plus difficiles". Il disposait pour cela de riches moyens. Agissant d'abord „par la persuasion et des exhortations bien senties pour faire dire la vérité", il passait de là à „l'intimidation" sous forme des verges et du knout. Il était personnellement un virtuose de cet art, knoutant de ses propres mains et possédant le talent de faire sauter toutes les dents d'un coup de trique sous le menton. Non seulement il avait, selon l'expression de Catherine, „le don particulier de parler avec les petites gens", mais encore il savait s'arranger avec les gens plus haut placés et faisait fouetter les dames de la Cour qui avaient eu la langue trop longue. Sa bigoterie rendait encore sa cruauté plus révoltante: la salle des interrogatoires était garnie d'icones; dans ses exhortations aux prévenus, il lui arrivait de prendre texte de l'Ecriture, et il était homme à réciter tout haut des chants d'église en donnant la question. Au cours de ses succès professionnels, il s'enrichit non seulement grâce aux bienfaits de l'Impératrice, mais aussi par les moyens que lui procurait son métier. Rien d'étonnant à ce qu'il fût l'objet de la haine générale; les grands seigneurs puissants en Cour le traitaient comme un bourreau „knouteur", et, par contre, ceux qui avaient besoin ou peur de lui, même des personnages comme le prince Prozorowsky, s'humiliaient devant lui, „comptant sur son amitié" et le priant „de les aimer, de ne pas les abandonner et de les protéger à l'occasion".

Il convient, pour être juste, de faire peser une bonne partie de la faute de cet ignorant, nourri dans la chicane bureaucratique, sur son éclairée protectrice. Les faiseurs d'odes prétendaient que Catherine „Ne défendait d'elle à personne De dire et le faux et le vrai, Et qu'elle était aux crocodiles, De toutes ses faveurs Zoïles, A tout pardonner toujours prête". En réalité pourtant, l'Impératrice avait sans cesse un œil méfiant sur tout ce qu'elle trouvait blessant pour son amour-propre démesuré; à dire „le faux et le vrai", on risquait souvent de se faire mettre au nombre de ces „radoteurs" qu'elle détestait, et, quant aux „crocodiles", il y en avait bien qui n'étaient que d'inoffensifs bavards. Catherine avait pour principe „de ne pas laisser les radotages sans examen" et „de l'un à l'autre, de celui à qui on l'a dit à celui qui l'a dit, de remonter jusqu'à l'auteur et de le châtier en conséquence". En pareil cas, Chechkowsky agissait sous sa direction, „sous ses yeux". L'adepte de Beccaria n'avait pas la moindre hésitation à faire fouetter les „radoteurs" „publiquement par la police", et les plus haut placés en secret. On raconte qu'elle fit enlever au bal masqué par Chechkowsky la générale Kojine, qui avait la langue un peu longue, „pour lui infliger un léger châtiment corporel, puis la ramener avec tous les égards où on l'avait prise". Exécuteur ponctuel des ordres de l'Impératrice, Chechkowsky était son „chien fidèle", le gardien de sa puissance, de son honneur et de son repos. Il était naturel que toute la responsabilité des cruautés et du knoutage, qui incombait à l'élève de Montesquieu, retombât sur son grossier valet; celui-ci était traîné dans la boue, et son inspiratrice était appelée: „Ange de douceur et de paix Caché sous l'éclat de la pourpre". Dans cet ordre d'idées, son épitaphe est parfaitement juste: il „servit la patrie 56 ans", uniquement occupé à protéger contre la médisance la gloire de „la très clémente mère de la patrie".

(D'après un original appartenant à S. Mitoussoff, St-Pétersbourg.)

СЕМЕНЪ ГАВРИЛОВИЧЪ ЗОРИЧЪ, 1745—1799, собственно Неранчичъ, племянникъ усыновившаго его сербскаго выходца премьеръ-майора Максима Зорича, въ 1754 г. былъ зачисленъ въ гусары и въ 1758 г. былъ уже вахмистромъ. Участвовалъ 16-и лѣтъ въ Семилѣтней войнѣ, былъ въ плѣну, раненъ саблей и произведенъ въ подпоручики „за смѣлость въ бою". Въ 1767 г. произведенъ въ ротмистры и во время 1-й Турецкой войны командовалъ уже самостоятельно, въ чинѣ секундъ-майора, значительными передовыми отрядами: поразилъ татаръ въ Бессарабіи, разорилъ ихъ селенія и воспрепятствовалъ туркамъ переправиться черезъ Прутъ. 5 Іюля 1770 г., получивъ 5 раны копьемъ и саблей, Зоричъ былъ взятъ въ плѣнъ, отвезенъ въ Константинополь и до заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, почти 5 лѣтъ, просидѣлъ въ Семибашенномъ замкѣ. 30-и лѣтъ, „писанный красавецъ", громаднаго роста, „настоящій дикарь", по его собственному признанію, но украшенный Георгіемъ 4-й степени, съ ореоломъ необыкновеннаго храбреца, Зоричъ вернулся въ Петербургъ и былъ сдѣланъ адъютантомъ Потемкина, мечтавшаго въ это время низвергнуть Завадовскаго, проявлявшаго самостоятельность. „Ограниченный, безъ всякаго воспитанія, но добрѣйшій изъ смертныхъ", Зоричъ казался пригоднымъ для замѣщенія зазнавшагося малоросса. 30 Мая 1777 г. онъ былъ назначенъ командиромъ лейбъ-гусаръ и лейбъ-казачьихъ командъ, а вслѣдъ затѣмъ произведенъ въ полковники и пожалованъ флигель-адъютантомъ. „Почести, награды, богатство посыпались на Зорича": сдѣланный корнетомъ кавалергардовъ, съ чиномъ генералъ-майора, онъ получилъ рядъ высшихъ орденовъ, имѣнія и домъ около Зимняго дворца, 50/т. рублей и мѣстечко Шкловъ. Зоричъ получилъ большое вліяніе при дворѣ, но употреблялъ его на добро; у него не было враговъ, и такіе люди, какъ Н. К. Загряжская, графъ Разумовскій, ея братъ, восхваляютъ его достоинства; достигнувъ высокаго положенія, онъ „ласково обходился со всѣми". Впрочемъ, въ немъ не успѣли разочароваться: успѣхи Зорича при дворѣ продолжались всего 11 мѣсяцевъ, и его удаленіе состоялось въ Маѣ 1778 г.: невоспитанный, необузданный и вспыльчивый, Зоричъ, заподозривъ Потемкина въ охлажденіи къ нему Императрицы, наговорилъ князю кучу дерзостей и былъ отпущенъ Государыней путешествовать за границу, получивъ пенсіонъ и 7/т. душъ крестьянъ. Вернувшись въ Шкловъ и поселившись здѣсь, Зоричъ основалъ, 24 Ноября 1778 г., „Шкловское благородное училище" (нынѣ 1-й Московскій кадетскій корпусъ). Добрый, непрактичный въ хозяйственныхъ дѣлахъ, радушный и расточительный, вѣчно окруженный многочисленной родней и всякими искателями приключеній, Зоричъ, ведшій, кромѣ того, постоянно крупную карточную игру, скоро запутался въ долгахъ, имѣлъ постоянныя дѣла съ кредиторами, евреями и даже былъ заподозрѣнъ въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій, въ чемъ попались жившіе у него въ Шкловѣ темные авантюристы графы Зановичи. Зоричъ упалъ въ глазахъ Императрицы, вѣрившей, что онъ „виноватъ" въ этомъ дѣлѣ; онъ былъ уволенъ въ отставку 15 Іюля 1784 г., хотя за 4 года до этого Екатерина дважды заѣзжала въ Шкловъ во время путешествія въ Могилевъ и благосклонно относилась къ хозяину. Въ царствованіе Павла I Зоричъ былъ назначенъ 20 Января 1797 г. шефомъ Изюмскаго полка, но и тутъ запутался въ денежныхъ дѣлахъ, послѣ чего отъ имени Государя ему передано было, что „ему не дурно бы жить въ Шкловѣ"; евреи также подали жалобу на него Павлу. Зоричъ женатъ не былъ, но оставилъ 7 человѣкъ „непризнанныхъ" дѣтей.

Онъ умеръ 6 Ноября 1799 г. и похороненъ въ Шкловѣ, около Успенской церкви.

Екатерина II, всегда ожидавшая, что Зоричъ „что-нибудь напакоститъ", вѣрно понимала своего бывшаго любимца и мѣтко его характеризовала: „Можно сказать, что двѣ души имѣлъ: любилъ доброе, но дѣлалъ худое, былъ храбръ въ дѣлѣ съ непріятелемъ, но лично трусъ".

(Съ портрета, принадлежащаго А. С. Танѣеву, въ С.-Петербургѣ.)

SIMON GAVRILOWITCH ZORITCH, 1745—1799, de son vrai nom Nérantchitch, neveu et fils adoptif d'un émigré serbe, le premier major Maxime Zoritch, fut enrôlé en 1754 aux hussards, où il était déjà sous-officier en 1758. A l'âge de 16 ans, il prit part à la Guerre de Sept-Ans, fut fait prisonnier, blessé d'un coup de sabre et promu sous-lieutenant „pour sa valeur au combat". Il passa en 1767 capitaine de cavalerie et, à la 1re guerre de Turquie, il avait déjà sous ses ordres et sous sa propre responsabilité, avec le grade de second major, de gros détachements d'avant-garde: il surprit les Tatares en Bessarabie, détruisit leurs villages et empêcha les Turcs de passer le Prut. Le 5 juillet 1770, blessé de trois coups de lance et de sabre, il fut fait prisonnier, conduit à Constantinople et passa près de cinq ans aux Sept-Tours, jusqu'à la paix de Koutchouk-Kaïnardji. A l'âge de 30 ans, „beau comme en peinture", de première taille, „vrai sauvage", de son propre aveu, mais orné de St-Georges de 4e classe et portant l'auréole d'une bravoure extraordinaire, il revint à Pétersbourg et devint aide de camp de Potemkine, qui rêvait alors de renverser Zavadowsky, trop libre d'allures. „Borné, entièrement dépourvu d'éducation, mais le meilleur homme du monde", Zoritch parut tout indiqué pour la place. Le 30 mai 1777, il fut mis à la tête des hussards de la Garde et des détachements de cosaques de la Garde, et peu après promu colonel et fait aide de camp de Sa Majesté. „Honneurs, récompenses, richesse, Zoritch fut comblé de tout"; fait cornette des Chevaliers-Gardes avec rang de général major, il reçut une série de hautes décorations, des terres, une maison près du Palais d'Hiver, 50.000 roubles et la localité de Chkloff. Il acquiert une grande influence à la Cour, mais l'emploie en bien; il n'a pas d'ennemis et des gens comme Mme Zagriajsky et son frère le comte Razoumowsky vantent ses mérites: dans la haute situation où il était parvenu, „il se montrait aimable avec tout le monde". Du reste, le désenchantement n'eut pas le temps de venir, car ses succès à la Cour ne durèrent que onze mois: il la quitta en mai 1778. Sans éducation et d'un emportement sans frein, il soupçonnait Potemkine de l'avoir desservi près de l'Impératrice et lui lança un paquet d'impertinences; Catherine l'envoya voyager à l'étranger avec une pension et 7000 têtes de paysans. Il revint se fixer à Chkloff et y fonda, le 24 novembre 1778, l'Ecole Noble de Chkloff, aujourd'hui 1er Corps des Cadets de Moscou. Bon, peu entendu aux affaires pratiques, cordial et prodigue, perpétuellement entouré d'une foule de parents et d'aventuriers de toute sorte, de plus sans cesse aux cartes et jouant gros jeu, il ne tarda pas à se trouver dans une situation d'argent inextricable, aux mains de ses créanciers et de juifs et fut même impliqué dans une affaire de fausses assignations où étaient compromis de sombres aventuriers, ses hôtes à Chkloff, les comtes Zanowitch. Il déchut aux yeux de l'Impératrice, qui le croyait „coupable" dans cette affaire et fut mis à la retraite le 15 juillet 1784, malgré la bienveillance que lui avait témoignée Catherine quatre ans auparavant dans les deux visites qu'elle avait faites à Chkloff, lors de son voyage à Mohileff. Sous Paul Ier, il fut nommé, le 20 janvier 1797, chef du régiment d'Izioume, mais là aussi il fut en butte à des difficultés pécuniaires, et l'Empereur lui fit dire „qu'il ferait bien de retourner à Chkloff"; Paul avait reçu également contre lui des plaintes de juifs. Zoritch n'était pas marié, mais laissa sept enfants „non reconnus".

Il mourut le 6 novembre 1799 et fut inhumé à Chkloff, près de l'église de l'Assomption.

Catherine II, qui s'attendait toujours de la part de Zoritch „à quelque vilenie", comprenait bien son ancien favori et en avait donné une caractéristique juste: „On peut dire qu'il avait deux âmes: il aimait le bien, mais faisait le mal; brave en face de l'ennemi, c'était au fond un poltron".

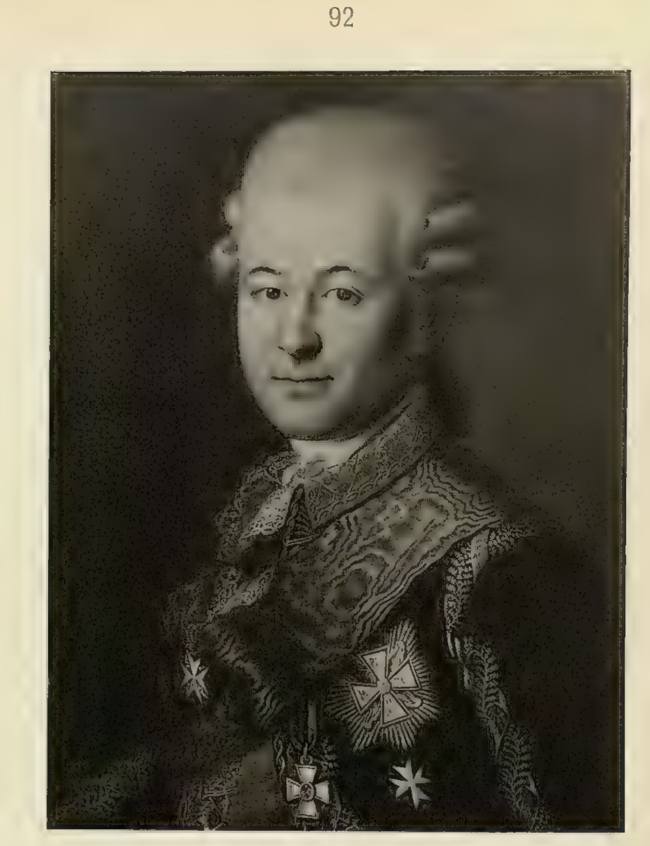
(D'après un original appartenant à A. Tanéeff, St-Pétersbourg.)

91

Степанъ Ивановичъ
Шешковскій,
1719—1794

Stéphane Ivanowitch
Chechkovsky,
1719—1794

92

Семенъ Гавриловичъ
Зоричъ,
1745—1799

Simon Gavrilowitch
Zoritch,
1745—1799

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Принцъ КАРЛЪ (Николай-Оттонъ) НАССАУ-ЗИГЕНЪ, 1745—1808, родился во Франціи, въ замкѣ своей бабки Шарлотты де-Мальи, разведенной жены принца Эммануила Нассау-Зигенъ; ея побочный сынъ, Максимиліанъ, былъ отцомъ Карла, получившаго въ 1756 г. титулъ принца. Покровительствуемый Версальскимъ дворомъ, 15-и лѣтъ онъ участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ, 20-и лѣтъ сопровождалъ Бугенвиля въ его кругосвѣтномъ путешествіи. Когда въ 1769 г. онъ возвратился, Парижъ наполнился слухами о его подвигахъ: дамъ особенно интересовало, какъ владѣтельница о-ва Таити влюбилась въ принца и предлагала свою корону; мужчины удивлялись его единоборству въ Африкѣ съ тигромъ, павшимъ отъ руки Нассау-Зигена. Разсказы рисовали его храбрымъ до дерзости, смѣлымъ до наглости; принцъ былъ молодъ, красивъ, богатъ, безпутенъ, имѣлъ успѣхъ у женщинъ и сдѣлался задолго до женитьбы отцомъ дочери, руку которой позднѣе предлагалъ извѣстному Ростопчину. Онъ стрѣлялъ безъ промаха птицъ въ Версальскомъ паркѣ, не былъ раненъ ни на одной изъ многочисленныхъ дуэлей и забрасывалъ короля проектами, одинъ другого фантастичнѣе и несбыточнѣе... Огорченный скептицизмомъ французскаго министерства, весь въ долгахъ, онъ женится на богатой полькѣ, вдовѣ княгинѣ Сангушко, рожденной Шарлоттѣ Горзской; красавица жена, однако, не могла привязать принца къ семейному очагу: онъ постоянно въ перепискѣ съ ней, но она рѣдко его видитъ; онъ попрежнему строитъ воздушные замки, ищетъ опасностей и, беззавѣтно рискуя жизнью, едва не погибаетъ при осадѣ Гибралтара. Задумавъ привести въ порядокъ дѣла жены, принцъ является въ Польшу и получаетъ всѣ права магната, отсюда ѣдетъ къ Потемкину, и они въ нѣсколько дней дѣлаются друзьями. Екатерина удивляется и пишетъ: „Странно, какъ тебѣ князь Нассау понравился, тогда какъ повсюду имѣетъ репутацію d'un cerveau brûlé". Однако, во время поѣздки Императрицы въ Крымъ, принцъ успѣлъ понравиться и Екатеринѣ. Въ 1788 г. Нассау-Зигенъ былъ принятъ въ службу и назначенъ начальникомъ гребной флотиліи на Черномъ морѣ, съ чиномъ контръ-адмирала. Вслѣдъ за этимъ онъ одерживаетъ 4 блестящія, „небывалыя" побѣды надъ Турецкимъ флотомъ. „Enfin, ma princesse", пишетъ онъ женѣ, „je suis content"; довольна и Екатерина: она пожаловала ему орд. св. Георгія 2 кл., золотую шпагу и флагъ вице-адмирала, зато и принцъ разгласилъ на всю Европу, что „il n'y a rien de plus brave qu'un Russe", что снискало ему еще большее расположеніе тщеславной Императрицы. Во время Шведской войны Нассау-Зигенъ командовалъ Балтійской гребной флотиліей и 13 Августа 1789 г. разбилъ шведскую эскадру при Роченсальмѣ, за что получилъ Андреевскую звѣзду, зато въ слѣдующемъ году, 28 Іюня, самъ потерпѣлъ пораженіе: въ отчаяніи, въ бѣломъ мундирѣ съ Андреевской лентой, напрасно искалъ онъ себѣ смерти въ бою. Императрица старалась его ободрить, говоря, что „не король шведскій, а сильный вѣтеръ нанесъ ему пораженіе", и произвела его въ адмиралы. Огорченный заключеніемъ мира, принцъ просился въ отставку, но получилъ заграничный отпускъ; по отзыву Воронцова, онъ „рѣшилъ растратить въ Кобленцѣ все, что нажилъ въ Россіи"; этому помогли французскіе эмигранты, которыхъ онъ кормилъ, поилъ и роздалъ все, что имѣлъ, такъ что долженъ былъ распродать подарки Екатерины, сервизы и свои золотыя шпаги. Въ концѣ 1793 г. Нассау-Зигенъ былъ посланъ къ Прусскому королю съ секретнымъ дипломатическимъ порученіемъ относительно Польши, а потомъ очутился въ арміи, осаждавшей Варшаву. Потерпѣвъ и тутъ неудачу, онъ 30 Октября 1794 г. вышелъ въ отставку и поселился въ Венеціи, сомнѣваясь, чтобы онъ „могъ быть еще чѣмъ-нибудь въ этомъ мірѣ". Екатерина II была недовольна тѣмъ, что онъ покинулъ службу и въ 1795 г. холодно приняла его въ Петербургѣ, куда, годъ спустя, онъ опять пріѣхалъ, чтобы поклониться праху „великой женщины". Поселившись затѣмъ въ имѣніи Тынѣ, близъ Немирова, Нассау-Зигенъ занялся сельскимъ хозяйствомъ; здѣсь онъ и умеръ въ 1808 г.; тамъ же похороненъ.

Адмиралъ русскаго флота и маршалъ французской арміи, испанскій грандъ и Андреевскій кавалеръ, русскій помѣщикъ и польскій магнатъ, авантюристъ и благородный рыцарь, Нассау-Зигенъ, по словамъ современника (duc de-Levis), „былъ высокаго роста и хорошо сложенъ, но лицо его мало выразительно, его пріемы холодны, манеры заурядны, его разговоры плоски; онъ имѣлъ много качествъ, которыя создаютъ героя: предпріимчивый характеръ, поразительную энергію и величайшее презрѣніе къ смерти; его таланты, впрочемъ, были столь же ничтожны, сколь велика была его неустрашимость". Другой современникъ писалъ: „Принцъ Нассау благородно мыслитъ и честно поступаетъ—прямо и твердо. Онъ говоритъ, какъ думаетъ, а думаетъ онъ рыцарски благородно".

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Le prince CHARLES (Nicolas-Othon) de NASSAU-SIEGEN, 1745—1808, naquit en France au château de sa grand'mère Charlotte de Mailly, femme divorcée du prince Emmanuel de Nassau-Siegen et dont le fils naturel Maximilien était le père de Charles, qui reçut en 1756 le titre de prince. Protégé par la Cour de Versailles, il prit part, à l'âge de 15 ans, à la Guerre de Sept-Ans et, à 20 ans, accompagna Bougainville dans son voyage autour du monde. A son retour, en 1769, tout Paris fut plein du bruit de ses exploits: les dames prenaient un intérêt particulier à la passion de la reine de Taïti pour lui et à l'offre qu'elle lui avait faite de sa couronne; les hommes admiraient son combat singulier en Afrique avec un tigre, dont il eut raison à lui seul. Les récits le faisaient brave jusqu'à la témérité, osé jusqu'à l'impudence; jeune, beau, riche, oisif, il avait du succès auprès des femmes et devint bien avant son mariage père d'une fille, dont il proposa plus tard la main au célèbre Rostoptchine. Il ne manquait pas un oiseau dans le parc de Versailles, sortit indemne de ses nombreux duels et assiégea le roi de projets plus fantastiques et plus irréalisables les uns que les autres.... Blessé par le scepticisme du ministère français, criblé de dettes, il épouse une riche veuve polonaise, la princesse Sanguszko, née Charlotte Gorzski; cette charmante femme ne peut pourtant l'attacher au foyer: toujours en correspondance avec elle, il se montre rarement; il continue à construire des châteaux en Espagne, à courir les dangers et, risquant audacieusement sa vie, manque périr au siège de Gibraltar. Soucieux d'arranger les affaires de sa femme, il arrive en Pologne, où il se fait accorder toutes les prérogatives de magnat, puis va voir Potemkine, dont il devient l'ami en quelques jours. Catherine s'étonne et écrit: „C'est drôle comme le prince de Nassau te plaît, quand il a partout la réputation d'un cerveau brûlé“. Cependant, il sut lui plaire aussi à elle lors de son voyage de Crimée. En 1788, il fut admis au service et nommé chef de la flottille à rames de la mer Noire, avec le grade de contre-amiral. Il remporta alors quatre victoires brillantes, „inouïes“, sur la flotte turque. „Enfin, ma princesse“, écrit-il à sa femme, „je suis content“; Catherine le fut également: elle lui donna St-Georges de 2e classe, une épée d'or et le pavillon de vice-amiral, mais aussi le prince alla déclarant par toute l'Europe „qu'il n'y a rien de plus brave qu'un Russe“, ce qui lui fit faire un grand pas de plus dans les bonnes grâces de la vaniteuse Souveraine.... A la guerre de Suède, il eut le commandement de la flottille à rames de la Baltique et, le 13 août 1789, défit l'escadre suédoise à Ruotsinsalmi et gagna ainsi l'étoile de St-André. Mais, le 29 juin de l'année suivante, il se fit battre à son tour: dans son désespoir, revêtu de son uniforme blanc et portant le cordon de St-André, il chercha en vain la mort dans les rangs ennemis. L'Impératrice s'efforça de le ranimer, en lui disant que „ce n'était pas le roi de Suède, mais le vent violent qui lui avait infligé un insuccès“, et le fit amiral. Désolé de la conclusion de la paix, il demanda sa retraite, mais n'obtint qu'un congé à l'étranger; au témoignage de Worontzoff, „il résolut de dissiper à Coblentz tout ce qu'il avait gagné en Russie“ et y fut aidé par les émigrés, auxquels il donna à manger et à boire et distribua tout ce qu'il avait, au point qu'il dut faire argent des cadeaux de Catherine, de ses services et de ses épées d'or. A la fin de 1793, il fut chargé près du roi de Prusse d'une mission diplomatique secrète relative à la Pologne, puis se trouva à l'armée d'investissement de Varsovie. Il y essuya encore un échec, prit sa retraite le 30 octobre 1794 et alla se fixer à Venise, n'espérant plus „pouvoir être encore quelque chose en ce monde“. Catherine II était mécontente qu'il eût quitté le service, et le reçut froidement lorsqu'il lui fit visite en 1795 à Pétersbourg, où il revint, un an plus tard, rendre hommage à la dépouille de cette „femme illustre“. Fixé dès lors dans sa propriété de Tynna, près Némirovo, il s'y consacra à la vie rurale, y mourut en 1808 et y fut inhumé.

Amiral de la marine russe et maréchal de l'armée française, grand d'Espagne et chevalier de St-André, propriétaire russe et magnat de Pologne, aventurier et noble chevalier, Nassau-Siegen était, au témoignage d'un contemporain, le duc de Lévis, „grand et bien fait, mais avec un visage peu expressif, des manières froides, un genre commun, une conversation plate; il avait beaucoup des qualités d'un héros, l'humeur entreprenante, une énergie extraordinaire et le plus grand mépris de la mort: ses talents étaient d'ailleurs aussi nuls que son intrépidité était grande“. Un autre contemporain dit: „Le prince de Nassau est un esprit noble et un homme d'honneur, loyal et ferme. Il parle comme il pense, et pense avec une noblesse de chevalier“.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

94

Князь **ИВАНЪ ФЕДОРОВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ**, 1731—1798, сынъ генералъ-майора князя Федора Ивановича (1700—1759) и второй его жены Анны Петровны Измайловой (1712—1749), родился 4 Января 1731 г.; началъ службу въ Преображенскомъ полку солдатомъ въ 1743 г., въ 1749 г. былъ прапорщикомъ, въ 1751 г.—капитанъ-поручикомъ и въ 1761 г.—капитаномъ Преображенскаго полка. Родственникъ Измайловыхъ, сторонниковъ Петра III, изъ коихъ одинъ служилъ въ Преображенскомъ полку, а другой былъ гофмаршаломъ двора Императора, князь Голицынъ, вмѣстѣ съ ними, сдѣлался любимцемъ Государя и 28 Декабря 1761 г. пожалованъ былъ въ генералъ-адъютанты, съ чиномъ бригадира. Въ послѣдній день царствованія Петра III, во время бѣгства въ Кронштадтъ, онъ находился при Императорѣ на галерѣ, а 31 Іюля 1762 г. былъ назначенъ въ армію тѣмъ же чиномъ, но съ лишеніемъ званія генералъ-адъютанта. 28 Августа 1763 г. онъ былъ совсѣмъ уволенъ отъ службы, по его просьбѣ, съ производствомъ въ генералъ-майоры. Поселившись въ своемъ селѣ Даниловкѣ, Дмитровскаго уѣзда, Московской губерніи, князь Голицынъ былъ первымъ Дмитровскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. 33 года пробылъ онъ въ отставкѣ, зато Павелъ I, тотчасъ по вступленіи на престолъ, вспомнилъ лицъ свиты своего отца, и 12 Ноября 1796 г. князь Голицынъ былъ принятъ на службу генералъ-аншефомъ. Два года спустя, въ 1798 г., онъ умеръ.

Былъ женатъ два раза: первымъ бракомъ, съ 28 Іюля 1751 г., на Анастасіи Андреевнѣ Сабуровой (р. 22 Октября 1734, † 10 Марта 1754), вторымъ, съ 1787 г., на вдовѣ Надеждѣ Ивановнѣ Грушецкой. Дѣтей у него не было.

(Съ миніатюры, принадлежащей Великому Князю Николаю Михаиловичу.)

94

Le prince IVAN FÉODOROWITCH GOLITZYNE, 1731—1798, fils du prince Théodore Ivanowitch Golitzyne (1700—1759), général major, et de sa seconde femme Anne Pétrowna Izmaïloff (1712—1749), naquit le 4 janvier 1731. Il entra au service comme simple soldat au régiment Préobragensky en 1745, y fut porte-enseigne en 1749, capitaine-lieutenant en 1751, et, en 1761, capitaine. Parent des Izmaïloff, partisans de Pierre III, dont l'un servait au régiment Préobragensky, et l'autre était maréchal de la Cour Impériale, le prince Golitzyne acquit avec eux la faveur du Souverain et, le 28 décembre 1761, fut fait général aide de camp avec rang de brigadier. Le dernier jour du règne de Pierre III, il était dans sa galère à ses côtés lors de la fuite à Cronstadt, et, le 31 juillet 1762, fut nommé à l'Armée avec son rang, mais sans conserver le titre de général aide de camp. Le 28 août 1765, il quitta le service sur sa demande, avec le grade de général major. Fixé dans ses terres de Danilovka, gouvernement de Moscou, il fut le premier maréchal de la noblesse de son district. Il resta en retraite trente-trois ans, mais Paul, dès son avènement, n'oublia pas les personnages de la suite de son père, et, le 12 novembre 1796, le prince Golitzyne rentrait au service comme général en chef. Il mourut deux ans après, en 1798.

Il fut marié deux fois: en premières noces, le 28 juillet 1751, avec Anastasie Andréewna Sabouroff (22 octobre 1734—10 mars 1754), et en secondes noces, en 1787, avec Nadejda Ivanowna, Vve Grouchetzky. Il n'eut pas d'enfants.

(D'après une miniature appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

95

Княгиня НАДЕЖДА ИВАНОВНА ГОЛИЦЫНА, 1727—1803, рожденная Вихляева, въ первомъ бракѣ была за Василіемъ Никитичемъ Грушецкимъ, происходившимъ изъ того рода, къ которому принадлежала первая супруга Царя Θеодора Алексѣевича, Агаѳія Семеновна Грушецкая († 14 Іюля 1681 г.). Овдовѣвъ, уже почти 60-и лѣтъ она вышла вторично замужъ, въ 1787 г., за генералъ-майора князя Ивана Федоровича Голицына (1751—1798).

Отъ перваго мужа у ней было 3 сына: Александръ (р. 1746 г.), Павелъ (р. 1755 г.) и Михаилъ, и 3 дочери: Екатерина (р. 1748 г.; за Бестужевымъ-Рюминымъ), Елизавета (за М. В. Матюшкинымъ) и Марія (за П. П. Поливановымъ).

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

95

La princesse **NADEJDA IVANOWNA GOLITZYNE**, 1727—1805, née Vikhlaeff, épousa en premières noces Basile Nikititch Grouchetzky, descendant de la famille à laquelle appartenait la première femme du Tzar Fédor Alexéewitch, Agathe Sémenowna Grouchetzky († 14 juillet 1681). Devenue veuve, elle se remaria à près de 60 ans, en 1787, au général major prince Ivan Féodorowitch Golitzyne (1731—1798).

Elle avait eu de son premier mari trois fils, Alexandre (né 1746), Paul (né 1755) et Michel, et trois filles, Catherine (née 1748), mariée à Bestoujeff-Rioumine, Elisabeth à M. Matiouchkine et Marie à N. Polivanoff.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

93

Принцъ Карлъ Нассау-Зигенъ,
1745 — 1808

Le Prince Charles de-Nassau-Siegen,
1745 — 1808

94

Князь Иванъ Федоровичъ
Голицынъ,
1731 — 1798

Le Prince Ivan Féodorowitch
Golitzyne,
1731 — 1798

95

Княгиня Надежда Ивановна
Голицына,
1727 — 1803

La Princesse Nadejda Ivanowna
Golitzyne,
1727 — 1803

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Свѣтлѣйшая княгиня **СОФІЯ ГРИГОРЬЕВНА ВОЛКОНСКАЯ**, 178 . — 1868, была дочь члена Государственнаго Совѣта князя Григорія Семеновича Волконскаго и княгини Александры Николаевны, рожд. княжны Репниной. Выйдя въ началѣ 1800 годовъ замужъ за неразлучнаго друга Императора Александра I, князя Петра Михайловича Волконскаго, она сопровождала мужа въ свитѣ Государя въ заграничномъ походѣ 1813 и 1814 гг. Къ этому времени относятся ея знакомство и дружба съ королевой Гортензіей и ея лектрисой, г-жей Кошеле, съ которой она состояла въ политической перепискѣ, возбудившей подозрѣнія Наполеоновской полиціи. Будучи пожалована 30 Августа 1814 г. въ кавалерственныя дамы, княгиня Волконская пользовалась расположеніемъ обѣихъ Императрицъ и находилась въ Таганрогѣ въ послѣдніе дни жизни Императора Александра, поручившаго передъ смертью свою супругу князю П. М. Волконскому и его женѣ. Письма ея къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ изъ Таганрога содержатъ много подробностей о дняхъ, послѣдовавшихъ за кончиною Александра Павловича. Княгиня Волконская сопутствовала Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ при ея возвращеніи изъ Таганрога, присутствовала при ея кончинѣ въ Бѣлевѣ и сопровождала ея тѣло въ Петербургъ. Но уже въ письмахъ княгини Волконской изъ Таганрога проглядываютъ утомленіе придворной жизнью и желаніе уединиться въ скромную обстановку, чтобы заняться приведеніемъ въ порядокъ своего запутаннаго состоянія. Событія 14 Декабря и ссылка въ Сибирь ея любимаго брата, князя Сергѣя Григорьевича Волконскаго, еще болѣе укрѣпили въ ней намѣреніе удалиться отъ двора; сочувствуя брату, твердая и независимая въ своихъ сужденіяхъ, она не могла примириться со строгостью Императора Николая къ декабристамъ. Несмотря на состоявшееся въ 1832 г. назначеніе свое статсъ-дамой, княгиня Волконская рѣдко показывалась при дворѣ, хотя и жила въ Зимнемъ дворцѣ, и часто предпринимала заграничныя поѣздки. Похоронивъ мужа въ 1852 г., она, несмотря на преклонные годы, поѣхала въ 1854 г. въ Сибирь для свиданія съ братомъ. Поѣздка эта, невзирая на общественное положеніе княгини, была обставлена особыми требованіями и наблюденіемъ, и отъ нея была отобрана подписка въ томъ, что она не будетъ входить ни съ кѣмъ въ переписку, а при возвращеніи не приметъ ни отъ кого писемъ. Даже по возвращеніи С. Г. Волконскаго изъ ссылки, въ 1856 г., ходатайство его о разрѣшеніи пріѣхать въ Петербургъ для свиданія съ сестрою было отклонено, „такъ какъ вдова фельдмаршала кн. Волконская въ 1854 г. для свиданія съ братомъ совершила поѣздку въ Иркутскъ, то теперь она найдетъ полную возможность отправиться туда, гдѣ будетъ находиться ея братъ, и здоровье ея этому, вѣроятно, не воспрепятствуетъ". Вскорѣ затѣмъ княгиня опасно занемогла, и лишь тогда ея брату разрѣшено было на нѣсколько дней пріѣхать въ столицу. Княгиня Волконская, едва оправившись отъ болѣзни, уѣхала за границу и, кажется, больше не возвращалась въ Россію. Она скончалась въ Женевѣ 26 Марта 1868 г.; тѣло ея было перевезено въ с. Сеймены, Бессарабской губерніи, и предано землѣ въ соборной церкви г. Аккермана, гдѣ похороненъ въ 1882 г. и сынъ ея, князь Григорій Петровичъ.

Княгиня С. Г. Волконская принадлежала къ числу тѣхъ почтенныхъ личностей, которыя извѣстны въ старости большими странностями и оригинальностью. Отличительною чертою ея была неимовѣрная скупость, несмотря на ея большое состояніе (ей между прочимъ принадлежалъ домъ на Мойкѣ, гдѣ умеръ Пушкинъ). Маленькаго роста, худая и черная, она одѣвалась настолько бѣдно и небрежно, что разъ за границей была арестована на станціи по подозрѣнію въ непринадлежности ей находившагося у нея въ рукахъ мѣшка съ драгоцѣнностями, и лишь найденный между ними статсъ-дамскій портретъ установилъ ея личность. Изъ экономіи она не держала горничной, обязанности коей исправлялъ при ней старый лакей; разсказывали, что, находясь въ гостяхъ, она прятала въ карманы сахаръ и сухари, а на улицѣ разъ подобрала полѣно и принесла его подъ ротондой домой, чтобъ затопить свою печку. При всемъ этомъ она не была, однако, глуха къ бѣднымъ и благотворила истинно нуждающимся щедрою рукою.

Сыновья княгини С. Г. Волконской, Дмитрій (р. 1805 г., † 1859 г.) и Григорій (р. 1808 г., † 1882 г.), были женаты: первый на Маріи Петровнѣ Кикиной (р. 1816 г., † 1856 г.), а второй на гр. Маріи Александровнѣ Бенкендорфъ (р. 1820 г., † 188 . г.), а дочь, княжна Александра (р. 1804 г., † 1869 г.), была замужемъ за шталмейстеромъ П. Д. Дурново.

(Съ миніатюры, принадлежащей П. П. Дурново, въ С.-Петербургѣ.)

La princesse sérénissime SOPHIE GRIGORIEWNA WOLKONSKY, 178.—1868, était fille du prince Grégoire Sémenowitch Wolkonsky, membre du Conseil de l'Empire, et de la princesse Alexandrine Nikolaewna, née princesse Repnine. Elle épousa, au commencement des années 1800, l'inséparable ami d'Alexandre Ier, le prince Pierre Mikhaïlowitch Wolkonsky, et l'accompagna à la campagne d'Europe en 1813 et 1814 dans la suite de l'Empereur. C'est de cette époque que datent ses relations et son amitié avec la reine Hortense et sa lectrice Mme Cochelet, avec laquelle elle entretint une correspondance politique qui éveilla les soupçons de la police de Napoléon. Dame de Ste-Catherine le 30 août 1814, elle jouit de la faveur des deux Impératrices et fut à Taganrog pendant les derniers jours de la vie d'Alexandre Ier, qui lui recommanda avant de mourir, à elle et à son mari, l'Impératrice sa femme. Les lettres qu'elle écrivit de Taganrog à l'Impératrice mère contiennent de nombreux détails sur les jours qui suivirent la mort de l'Empereur. Elle accompagna l'Impératrice Elisabeth au retour de Taganrog, assista à ses derniers moments à Béleff et ramena sa dépouille à Pétersbourg. Mais les lettres de Taganrog laissent déjà entrevoir la fatigue de la vie de Cour et le désir de s'isoler dans la simplicité pour rétablir sa fortune compromise. Les événements du 14 décembre et la relégation en Sibérie de son frère bien-aimé le prince Serge Grigoriewitch Wolkonsky l'affermirent encore davantage dans son intention de s'éloigner de la Cour; dans son intérêt pour son frère, dans sa fermeté et son indépendance de jugement, elle ne pouvait prendre son parti de la rigueur de l'Empereur Nicolas à l'égard des Décabristes. Malgré son élévation à la dignité de dame-d'honneur en 1832, elle était rare à la Cour, tout en habitant le Palais d'Hiver, et entreprit de fréquents voyages à l'étranger. Devenue veuve en 1852, elle fit deux ans après, malgré son grand âge, le voyage de Sibérie pour voir son frère; ce voyage, en dépit de la position sociale de la princesse, n'alla pas sans une surveillance et des exigences spéciales, et elle dut s'engager par écrit à n'entrer en correspondance avec personne et à ne recevoir aucune lettre en rentrant en Russie. A son retour même, en 1856, l'exilé se vit refuser l'autorisation d'aller voir sa sœur à Pétersbourg, sous prétexte que „la veuve du feld-maréchal princesse Wolkonsky, ayant accompli en 1854 le voyage d'Irkoutsk pour voir son frère, aura maintenant l'entière faculté de se rendre où il se trouvera, et sa santé, sans doute, ne l'en empêchera pas". Peu après elle tomba dangereusement malade, et ce ne fut qu'alors que son frère put venir pour quelques jours dans la capitale. A peine remise, elle partit pour l'étranger et, paraît-il, ne revint plus en Russie. Elle mourut à Genève le 26 mars 1868; son corps fut transporté à Seimény, en Bessarabie, et inhumé à la cathédrale d'Akkermann, où son fils Grégoire fut réuni à elle en 1882.

La princesse Wolkonsky fut du nombre des personnalités de marque connues sur leurs vieux jours pour leurs bizarreries et leur originalité. Elle avait pour trait distinctif une invraisemblable avarice, malgré sa grosse fortune (elle possédait entre autres la maison où mourut Pouchkine, sur la Moïka). Petite, maigre et noire, elle était si pauvrement et si négligemment vêtue, qu'un jour, à l'étranger, le sac de bijoux qu'elle portait parut de provenance suspecte à une station de poste: elle fut arrêtée, et ce fut son portrait de dame d'honneur qui établit son identité. Par économie, elle ne voulait pas de femme de chambre et n'avait eu tout et pour tout qu'un vieux laquais. On prétend qu'en visite, elle mettait dans sa poche du sucre et des biscuits et qu'une fois elle ramassa une bûche dans la rue et l'emporta sous son manteau pour faire du feu chez elle. Avec tout cela, elle ne restait cependant pas sourde à l'infortune et tendait une main généreuse aux vrais nécessiteux.

La princesse Wolkonsky laissa deux fils, Dmitri (1805—1859), marié à Marie Pétrowna Kikine (1816—1856), et Grégoire (1808—1882), à la comtesse Marie Alexandrowna Benkendorff (1820—188.), et une fille, la princesse Alexandrine (1804—1869), qui épousa l'écuyer P. Dournovo.

(D'après une miniature appartenant à P. Dournovo, St-Pétersbourg.)

Княгиня ЗИНАИДА АЛЕКСАНДРОВНА ВОЛКОНСКАЯ, 1792—1862, родилась въ Туринѣ, гдѣ отецъ ея, князь Александръ Михайловичъ Бѣлосельскій (1752—1809), былъ въ то время посланникомъ. Матери своей, княгини Варвары Яковлевны, рожд. Татищевой († 25 Ноября 1792 г.), она лишилась при рожденіи и была воспитана отцомъ, человѣкомъ образованнымъ, извѣстнымъ меценатомъ, отъ котораго она унаслѣдовала любовь къ наукѣ и искусствамъ. Въ 1808 г., будучи фрейлиной, она состояла при королевѣ Луизѣ Прусской, о которой вспоминала, 30 лѣтъ спустя, въ одномъ изъ своихъ стихотвореній (Пѣснь Невская): „Въ жемчугахъ и слезахъ она помнится мнѣ...". Выйдя въ 1810 г. замужъ за егермейстера князя Никиту Григорьевича Волконскаго (1781—1844), она, съ мужемъ и родившимся въ 1811 г. сыномъ Александромъ († 1878), сопровождала Александра I во время его заграничныхъ походовъ, побывала въ Лондонѣ и Парижѣ, гдѣ стала извѣстна своимъ сценическимъ и музыкальнымъ дарованіемъ, исполняя на сценѣ частныхъ театровъ оперы Россини, блистала на Вѣнскомъ конгрессѣ, позднѣе—на Веронскомъ. Съ этого времени установились между нею и Александромъ I дружескія отношенія и началась переписка, продолжавшаяся до его смерти. Вернувшись въ 1817 г. въ Петербургъ, княгиня Волконская провела три года въ Россіи, пользуясь шумнымъ свѣтскимъ успѣхомъ, подавшимъ пищу и для злословія, напримѣръ, по поводу поѣздки ея въ Одессу, кто говорилъ для моря, а кто—для итальянскаго пѣвца Барбери. Наскучивъ свѣтскою жизнью, княгиня Волконская, удалившись отъ свѣта и двора, послѣ короткой поѣздки въ 1822 г. въ Италію, занялась воспитаніемъ сына и изученіемъ русскаго языка, исторіи, этнографіи и археологіи Россіи, результатомъ котораго явились изданныя въ Парижѣ въ 1824 г. повѣсть ея „Tableau slave du V-ème siècle" и поэма въ прозѣ изъ русской исторіи „Olga", одно изъ лучшихъ ея литературныхъ произведеній. Въ 1824 г. княгиня Волконская переѣхала въ Москву, въ домъ своей мачехи, княгини А. Г. Бѣлосельской, рожд. Козицкой, на Тверской, и домъ этотъ скоро сдѣлался центромъ умственной и артистической жизни „Грибоѣдовской Москвы". Красота, умъ и образованіе княгини, ея чудный контральтовый голосъ и особый, присущій ей даръ привлекать къ себѣ сердца, собирали на ея музыкально-литературные вечера и театральныя представленія не только московскую знать, но и профессоровъ, художниковъ и музыкантовъ. Она была избрана въ почетные члены „Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ"; восторженными поклонниками ея были Пушкинъ, приславшій ей свою поэму „Цыгане" съ извѣстнымъ стихотвореніемъ „Среди разсѣянной Москвы", и Мицкевичъ, посвятившій „Сѣверной Коринне" одно изъ лучшихъ своихъ стихотвореній „Греческая комната". Страстно влюбленъ былъ въ нее молодой, рано умершій поэтъ Д. В. Веневитиновъ. Кончина Императора Александра и событія 14 Декабря 1825 г. сильно подѣйствовали на княгиню Волконскую, имѣвшую много родныхъ и друзей среди декабристовъ. Она открыто выражала свое сочувствіе имъ и за это попала подъ тайный надзоръ полиціи. Въ то же время, при всегдашней склонности къ піэтизму, она поддалась вліянію іезуитовъ, перешла въ католичество и вслѣдъ за этимъ получила отъ Императора Николая Павловича „разрѣшеніе" отправиться за границу; имѣніе ея было переведено на имя сына. Взявъ съ собою сына и пригласивъ воспитателемъ къ нему профессора Московскаго университета С. П. Шевырева, княгиня Волконская поселилась въ Римѣ, въ купленной ею виллѣ, близъ площади Іоанна Латеранскаго, съ видомъ на Римскую Кампанью. Съ этой поры она лишь два раза побывала на родинѣ (въ 1836 и 1840 гг.) для свиданія съ сыномъ и мужемъ. Римская вилла княгини Волконской привлекала художниковъ и писателей, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ; наиболѣе частыми ея посѣтителями были Каммуччини, О. Верне, Торвальдсонъ; изъ русскихъ: Бруни, Брюловы, Гоголь, Погодинъ, Ивановъ. Въ послѣдніе годы жизни княгини Зинаиды, ею овладѣло мрачное мистическое настроеніе. Скончалась она 24 Января 1862 г. и похоронена въ Римѣ, въ церкви свв. Викентія и Анастасіи, въ первомъ придѣлѣ съ правой стороны. Католическая церковь причислила княгиню Волконскую къ лику блаженныхъ („beata").

Литературныя произведенія княгини Зинаиды Волконской далеко не оставили такого воспоминанія о ней въ потомствѣ, какъ обаяніе ея красоты, талантливости и высокихъ душевныхъ качествъ. Впечатлительная и увлекающаяся, она легко поддавалась всѣмъ моднымъ теченіямъ русской умственной жизни своего времени, легко дѣлалась ихъ центромъ, но сама не оставила въ ней замѣтнаго слѣда.

(Съ миніатюры Изабе 1815 г.; собственность П. П. Дурново, въ С.-Петербургѣ.)

La princesse ZÉNAÏDE ALEXANDROWNA WOLKONSKY, 1792—1862, naquit à Turin, où son père, le prince Alexandre Mikhaïlowitch Bélosselsky (1752—1809), était alors ambassadeur. Elle perdit sa mère, la princesse Varvara Yakovlewna, née Tatichtcheff († 25 novembre 1792), en venant au monde, et fut élevée par son père, homme instruit et connu comme mécène, dont elle tenait son amour pour la science et l'art. Demoiselle d'honneur, elle fut attachée en 1808 à la reine Louise de Prusse, dont elle fait mention trente ans plus tard dans une de ses poésies, le Chant Newsky. Mariée en 1810 au prince Nikita Grigoriewitch Wolkonsky (1781—1844), elle alla, avec son mari et son fils Alexandre, né en 1811 († 1878), accompagner Alexandre Ier dans ses campagnes d'Europe, résida à Londres et à Paris, où elle se fit connaître comme actrice et musicienne en exécutant sur des scènes privées des opéras de Rossini, et brilla au congrès de Vienne, puis à celui de Vérone. C'est de cette époque que datent ses relations d'amitié avec Alexandre Ier et sa correspondance suivie qui ne cessa qu'à la mort de l'Empereur. Rentrée à Pétersbourg en 1817, la princesse Wolkonsky passa trois ans en Russie, où elle eut de bruyants succès mondains qui donnèrent prise à la médisance, comme, par exemple, son voyage à Odessa, les uns disaient pour la mer, les autres pour le chanteur italien Barberi. Fatiguée de la vie mondaine, elle s'éloigna ensuite du monde et de la Cour, et, après un rapide voyage en Italie en 1822, se consacra à l'éducation de son fils et à l'étude de la langue russe, de l'histoire, de l'ethnographie et de l'archéologie russes; elle en tira deux livres publiés à Paris en 1824, une nouvelle, Tableau slave du Ve siècle, et un poème en prose, Olga, dont le sujet est emprunté à l'histoire russe et qui fut une de ses meilleures œuvres littéraires. Elle alla la même année se fixer à Moscou chez sa belle-mère, la princesse A. Bélosselsky, née Kozitzky, dont la maison de la Tverskaïa devint bientôt le centre de la vie intellectuelle et artistique de la „Moscou de Griboédoff". La beauté, l'esprit et l'instruction de la princesse Wolkonsky, sa merveilleuse voix de contralto et un don spécial et personnel de s'attacher les cœurs réunirent à ses soirées musicales et littéraires et à ses représentations non seulement la haute société, mais encore les professeurs, les artistes et les musiciens de Moscou. Elle fut élue membre honoraire de la Société de l'Histoire et des Antiquités Russes. Elle eut pour adorateurs enthousiastes Pouchkine qui lui envoya son poème Les Tsiganes avec sa fameuse pièce de vers: „Au milieu de la frivole Moscou", et Mickiewicz, qui consacra à la „Corinne du Nord" une de ses meilleures poésies, La Chambre grecque. Elle inspira une vive passion au jeune poète Bénévitinoff, mort prématurément. La fin de l'Empereur Alexandre et les événements du 14 décembre 1825 eurent une influence funeste sur la princesse, qui comptait parmi les Décabristes de nombreux parents et amis. Elle ne cacha pas l'intérêt qu'elle leur témoignait et tomba ainsi sous la surveillance occulte de la police. Ce fut à cette époque que sa tendance naturelle au piétisme la livra à l'influence des Jésuites: elle embrassa le catholicisme et reçut peu après de l'Empereur Nicolas „l'autorisation" de se rendre à l'étranger, tandis que ses biens passaient au nom de son fils. Elle alla, avec son fils et le précepteur qu'elle lui avait choisi, le professeur de l'Université de Moscou S. Chévyreff, se fixer à Rome, dans la villa qu'elle s'était achetée près de la Place St-Jean-de-Latran, en face de la campagne romaine. Depuis ce temps, elle ne revit plus que deux fois sa patrie, en 1836 et 1840, pour des entrevues avec son fils et son mari. Sa villa de Rome attira les artistes tant russes qu'étrangers; ses visiteurs les plus assidus étaient: Cammucini, H. Vernet, Thorwaldsen et, parmi les Russes, Bruni, les Brulloff, Gogol, Pogodine, Ivanoff. Ses dernières années furent assombries par un certain penchant mystique. Elle mourut le 24 janvier 1862 et fut inhumée à Rome, à l'église des SS. Vincent et Anastase, dans la première chapelle de droite. L'Eglise catholique la béatifia.

Les œuvres littéraires de la princesse Wolkonsky sont loin de lui avoir valu près de la postérité autant de renom que le charme de sa beauté, de son talent et de ses hautes qualités morales. Impressionnable et enthousiaste, elle se laissait facilement entraîner par tous les courants dominants de la vie intellectuelle de la Russie du temps et en devint vite le centre, mais sans y laisser de traces appréciables.

(D'après une miniature d'Isabey, 1815, appartenant à P. Dournovo, St-Pétersbourg.)

Князь НИКИТА ГРИГОРЬЕВИЧЪ ВОЛКОНСКІЙ, 1781—1844, сынъ члена Государственнаго Совѣта князя Григорія Семеновича (1742—1824) отъ брака съ княжной Александрой Николаевной Репниной (1756—1834), былъ роднымъ внукомъ фельдмаршала князя Николая Васильевича Репнина; началъ службу прапорщикомъ въ 1792 г. въ гвардіи; 1 Января 1796 г. произведенъ былъ въ подпоручики, 12 Декабря—въ поручики, 16 Апрѣля слѣдующаго года—въ штабсъ-капитаны и 11 Октября 1799 г.—въ капитаны. Всѣ эти чины заслужилъ Волконскій въ лейбъ-гвардіи Е. И. В. Государя и Великаго Князя Николая Павловича (Измайловскій) полку. 16 Ноября 1800 г. онъ былъ уволенъ отъ службы, а 15 Сентября 1801 г. пожалованъ въ камеръ-юнкеры; въ 1805 г. былъ камергеромъ. Въ началѣ 1807 г., 15 Января, Волконскій былъ вновь принятъ въ военную службу подполковникомъ по арміи и назначенъ адъютантомъ къ генералу Михельсону; 15 Сентября того же года произведенъ въ полковники и назначенъ флигель-адъютантомъ. Въ слѣдующемъ году Волконскій возилъ письмо Александра I къ Наполеону, которымъ былъ хорошо принятъ и позванъ къ обѣду въ замкѣ de Marrac, около Байонны. Императоръ французовъ хвалилъ русскаго солдата, съ которымъ онъ завоевалъ бы весь міръ: „Имъ скажи только—иди, и идутъ, а нашимъ надо еще толковать, куда ихъ ведутъ". При этомъ Наполеонъ произнесъ извѣстныя слова: „Dites à votre Empereur que je suis son ami; qu'il se tienne en garde contre ceux qui cherchent à nous brouiller. Si nous sommes unis, le monde est à nous. Le monde est comme cette pomme que je tiens en main. Nous pouvons le couper en deux, et chacun de nous en aura la moitié. Il faut absolument nous entendre, et la chose est faite". Когда Волконскій доложилъ объ этомъ Александру, Государь замѣтилъ: „Сначала онъ удовольствуется одной половиной яблока, а тамъ придетъ охота взять и другую". При отъѣздѣ Волконскаго Дюрокъ вручилъ ему подарокъ „на память" отъ императора. Подарокъ, перстень съ небольшимъ брильянтомъ, показался князю обиднымъ и ничтожнымъ, и онъ отдалъ его французскому жандарму со словами: „Возьми на память отъ русскаго офицера". Это дошло до Наполеона и неуваженіе къ подарку императора не прошло для Волконскаго даромъ. Государь сдѣлалъ ему замѣчаніе и сказалъ: „Il paraît que vous avez manqué me brouiller avec Napoléon. C'est une imprudence de votre part. Après tout, vous n'avez pas eu tout à fait tort dans cette affaire. N'en parlons plus". Волконскій сопровождалъ Александра I въ походахъ и участвовалъ въ нѣсколькихъ дѣлахъ въ кампаніяхъ 1812—1814 годовъ. 20 Октября 1812 г. онъ вышелъ въ отставку „по болѣзни", но вскорѣ, 19 Декабря того же года, опять принятъ на службу и 15 Сентября 1813 г. произведенъ въ генералъ-майоры. 1 Декабря 1827 г. онъ былъ пожалованъ въ егермейстеры.

Съ 1810 г. князь Волконскій былъ женатъ на княжнѣ Зинаидѣ Александровнѣ Бѣлосельской-Бѣлозерской (см. ея біографію), отъ которой имѣлъ единственнаго сына Александра (р. 1811 г., † 1878 г.). Послѣ удаленія „княгини Зинаиды" за границу и затѣмъ перехода ея въ католичество, она рѣдко бывала въ Россіи; супруги жили отдѣльно, но не прерывали сношеній, и князь часто самъ навѣщалъ жену въ Римѣ. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Италію князь Н. Г. Волконскій скончался въ городѣ Ассизѣ въ 1844 г. и похороненъ въ Римѣ, въ церкви свв. Викентія и Анастасіи, въ особомъ склепѣ, гдѣ потомъ положена была и его жена.

(Съ миніатюры изъ собранія П. П. Дурново, въ С.-Петербургѣ.)

Le prince NIKITA GRIGORIEWITCH WOLKONSKY, 1781—1844, fils du prince Grégoire Sémenowitch Wolkonsky (1742—1824), membre du Conseil de l'Empire, et de la princesse Alexandrine Nikolaewna, née princesse Repnine (1756—1834), était petit-fils du feld-maréchal prince Nicolas Vassiliewitch Repnine. Il débuta au service dans la Garde en 1792 comme porte-enseigne, passa sous-lieutenant le 1er janvier 1796, lieutenant le 12 décembre, capitaine en second le 16 avril suivant et capitaine le 11 octobre 1799, toujours au régiment Izmaïlowsky. Le 16 novembre 1800, il fut relevé de son service et le 15 septembre 1801 fait gentilhomme de la chambre, puis, en 1805, chambellan. Le 15 janvier 1807, il reprit du service à l'armée comme lieutenant-colonel et fut nommé aide de camp du général Michelson; le 15 septembre de la même année, il fut promu colonel et fait aide de camp de Sa Majesté. L'année suivante, le prince Wolkonsky porta une lettre d'Alexandre Ier à Napoléon, qui lui fit bon accueil et l'invita à dîner au château de Marrac, aux environs de Bayonne. L'empereur des Français fit l'éloge du soldat russe, avec lequel il aurait conquis le monde entier: „Il n'y a qu'à lui dire; „Marche!" et il marche, tandis que le nôtre, il faut encore lui expliquer où on le conduit". C'est là aussi que Napoléon prononça ces fameuses paroles: „Dites à votre Empereur que je suis son ami, qu'il se tienne en garde contre ceux qui cherchent à nous brouiller! Si nous sommes unis, le monde est à nous: le monde est absolument comme cette pomme que je tiens en main; nous pouvons le couper en deux, et chacun de nous en aura la moitié. Il faut absolument nous entendre, et la chose est faite". Quand ces mots lui furent rapportés, Alexandre répliqua: „Il se contentera d'abord d'une moitié de la pomme, et après il lui faudra aussi l'autre". Au départ de Wolkonsky, Duroc lui remit un souvenir de l'Empereur; c'était une bague avec un petit diamant qui lui parut insignifiant et outrageant pour lui, et dont il fit cadeau à un gendarme français en lui disant: „Voilà pour toi de la part d'un officier russe". Le bruit en revint à Napoléon qui ne lui passa pas le peu de cas qu'il avait fait de son cadeau. Alexandre fit une observation au prince et ajouta: „Il paraît que vous avez manqué me brouiller avec Napoléon: c'est une imprudence de votre part. Après tout, vous n'avez pas eu tout à fait tort dans cette affaire. N'en parlons plus". Wolkonsky accompagna l'Empereur aux campagnes de 1812 à 1814 et prit part à plusieurs affaires. Le 20 octobre 1812, il fut mis à la retraite „pour raisons de santé", mais reprit peu après du service, le 19 décembre suivant, et fut promu général major le 15 septembre 1813. Le 1er décembre 1827, il fut nommé veneur.

Le prince Wolkonsky avait épousé en 1810 la princesse Zénaïde Alexandrowna Bélosselsky-Bélozersky (v. sa biographie), dont il eut un fils unique Alexandre (1811—1878) et qui, après son départ pour l'étranger et sa conversion au catholicisme, ne revint que rarement en Russie; les époux vécurent séparés, mais sans cesser de rester en relations: le prince allait souvent voir sa femme à Rome. Il mourut au cours d'un de ses voyages en Italie, à Assise, en 1844 et fut inhumé à Rome, à l'église des SS. Vincent et Anastase, dans une crypte spéciale où repose également sa femme.

(D'après une miniature de la collection P. Dournovo, St-Pétersbourg.)

Свѣтлѣйшій князь **ПЕТРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ВОЛКОНСКІЙ**, 1776—1852, генералъ-фельдмаршалъ, членъ Государственнаго Совѣта, министръ двора и удѣловъ, канцлеръ всѣхъ россійскихъ орденовъ, сынъ бригадира князя Михаила Петровича и княгини Елизаветы Петровны, рожд. княжны Макуловой, родился въ Петербургѣ 26 Апрѣля 1776 г.; службу началъ въ Конной Гвардіи, откуда переведенъ въ Семеновскій полкъ, гдѣ въ 1793 г. произведенъ въ первый офицерскій чинъ. Павломъ I, въ 1797 г., былъ назначенъ адъютантомъ при Великомъ Князѣ Александрѣ Павловичѣ, принималъ дѣятельное участіе въ событіи 11 Марта 1801 г. и въ день коронаціи Александра I сдѣланъ генералъ-адъютантомъ. Въ кампанію 1805 г. князь Волконскій состоялъ дежурнымъ генераломъ и генералъ-квартирмейстеромъ при командующемъ русскимъ вспомогательнымъ корпусомъ графѣ Буксгевденѣ, а послѣ соединенія этого корпуса съ главными силами Кутузова, былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ соединенныхъ русскихъ армій. Подъ Аустерлицемъ онъ особенно отличился, выказавъ необычайное мужество и присутствіе духа: когда бригада Каменскаго, атаковавшая Праценскія высоты, была отброшена превосходными силами французовъ, Волконскій, схвативъ знамя Фанагорійскаго полка, ударилъ на непріятеля, привелъ его въ разстройство и отбилъ 2 пушки, за каковой подвигъ былъ награжденъ Георгіемъ 3 степени. Въ 1807 г., послѣ заключенія Тильзитскаго мира, Императоръ Александръ командировалъ князя Волконскаго во Францію для ознакомленія съ организаціей французской арміи и ея генеральнаго штаба. Результатомъ этой командировки, длившейся 2 года, былъ блестящій отчетъ, представленный имъ Государю, послѣ чего, въ 1810 г., онъ былъ назначенъ управлять квартирмейстерской частью. Въ Отечественную войну, находясь почти безотлучно при Государѣ, Волконскій былъ въ числѣ лицъ военнаго совѣта, подавшихъ свой голосъ за оставленіе пресловутаго Дрисскаго лагеря, едва не погубившаго всей арміи. Въ началѣ 1813 г. онъ назначенъ начальникомъ штаба при Кутузовѣ, а послѣ его смерти начальникомъ штаба Императора Александра. Присутствуя при обсужденіи всѣхъ плановъ союзниковъ, Волконскій первый указалъ на Лейпцигъ, какъ на стратегическій пунктъ, гдѣ должна рѣшиться судьба Наполеона, при чемъ наканунѣ сраженія убѣдилъ Государя въ невыгодности избранной княземъ Шварценбергомъ позиціи, которая была измѣнена Государемъ къ выгодѣ союзниковъ. По возвращеніи изъ похода, князь Волконскій представилъ проектъ учрежденія „Главнаго Штаба Е. И. Величества“, долженствовавшаго соединить въ себѣ всѣ отрасли военнаго управленія Имперіи. Проектъ былъ одобренъ, и авторъ назначенъ начальникомъ этого штаба, которымъ онъ и управлялъ до 1823 года. Въ этой своей дѣятельности генералъ-квартирмейстера князь Волконскій, по справедливости, можетъ считаться основателемъ русскаго Генеральнаго штаба, который организованъ былъ имъ послѣ основательнаго теоретическаго изученія и военной боевой практики. Съ самаго начала своей дѣятельности по устройству Генеральнаго штаба, онъ приступилъ къ составленію военной карты Россіи и положилъ основаніе Депо картъ квартирмейстерской части; онъ же основалъ библіотеку Генеральнаго штаба, пожертвовавъ въ нее множество книгъ изъ своего собственнаго собранія. Въ 1824 г. присутствовалъ на коронаціи Карла X, въ качествѣ чрезвычайнаго посла. Императоръ Николай, въ день своего коронованія, назначилъ его министромъ двора. 30 Августа 1834 г., въ день открытія Александровской колонны, князю Волконскому пожалованъ титулъ „Свѣтлости“, при рескриптѣ, въ которомъ Императоръ Николай вспоминалъ о заслугахъ князя, какъ ближайшаго сотрудника почившаго Монарха и безотлучнаго его спутника во всѣхъ походахъ.

Князь Волконскій, какъ самый близкій человѣкъ къ Александру I, не покидавшій его съ юныхъ лѣтъ до самой его кончины, никогда не злоупотреблялъ своимъ положеніемъ Государева любимца. По отзывамъ современниковъ, онъ всегда отличался безпристрастіемъ, не зналъ ни друзей, ни родныхъ, не выпрашивалъ имъ ни милостей, ни наградъ, и былъ извѣстенъ своею ненавистью къ непотизму... Благородный и великодушный по природѣ, но суровый въ исполненіи долга, онъ въ послѣдніе годы жизни Александра являлся противовѣсомъ вліянію Аракчеева, котораго презиралъ и называлъ „змѣемъ“, считая его самымъ вреднымъ для Россіи и Государя человѣкомъ.

Онъ скончался 26 Августа 1852 г., на 77 году, и похороненъ въ С.-Петербургѣ, въ Введенской церкви Семеновскаго полка. Женатъ былъ на княжнѣ Софіи Григорьевнѣ Волконской.

(Съ миніатюры, принадлежащей П. П. Дурново, въ С.-Петербургѣ.)

Le prince sérénissime PIERRE MIKHAÏLOWITCH WOLKONSKY, 1776 1852, général feld-maréchal, membre du Conseil de l'Empire, ministre de la Cour et des Domaines, chancelier de tous les ordres russes, fils du prince Michel Pétrowitch Wolkonsky, brigadier, et de la princesse Elisabeth Pétrowna, née princesse Makouloff, naquit à Pétersbourg le 26 avril 1776. Il débuta au service à la Garde à cheval, puis passa au régiment Sémenowsky, où il fut promu officier en 1793. Nommé par Paul Ier aide de camp du Grand-Duc Alexandre Pavlowitch, il prit une part active à l'événement du 11 mars 1801 et fut fait général aide de camp le jour du couronnement d'Alexandre Ier. Dans la campagne de 1805, il fut attaché au comte Buxhœwden, commandant du corps auxiliaire russe, en qualité de général de service et maître des cantonnements, puis, après la réunion de ce corps au gros des forces de Koutouzoff, nommé général de service des armées russes réunies. A Austerlitz, il se distingua particulièrement et fit preuve d'une bravoure et d'une présence d'esprit extraordinaires: la brigade Kamensky, qui attaquait les hauteurs de Pratzen, ayant été repoussée par les Français en nombre supérieur, Wolkonsky se saisit du drapeau du régiment Fanagoriysky, s'élança vers les rangs ennemis, y jeta la confusion et reprit deux canons; cet exploit lui valut St-Georges de 3e classe. En 1807, après Tilsitt, l'Empereur l'envoya en France avec la mission d'étudier l'organisation de l'armée française et de son état-major. Le résultat de cette mission, qui dura deux ans, fut un brillant rapport qu'il présenta à l'Empereur, après quoi, en 1810, il fut désigné pour la direction des cantonnements. Lors de la Guerre Patriotique, presque constamment attaché à Sa Majesté, le prince Wolkonsky fut des membres du conseil de guerre qui opinèrent pour l'abandon du fameux camp de la Driss, où toute l'armée avait failli trouver sa perte. Au commencement de 1813, il fut nommé chef d'Etat-major de Koutouzoff, puis, à sa mort, de l'Empereur Alexandre. Il prit part à la discussion de tous les plans des Alliés et fut le premier à indiquer Leipzig comme le point stratégique où devait se décider la fortune de Napoléon: la veille de la bataille, il montra même les inconvénients de la position prise par Schwartzenberg à l'Empereur Alexandre, qui la fit heureusement modifier. Après la campagne de France, il présenta un projet „d'Etat-Major général de Sa Majesté", destiné à centraliser toute l'organisation militaire de l'Empire: le projet fut approuvé, et son auteur nommé chef du nouvel Etat-Major, où il resta jusqu'en 1823. Dans ces fonctions de maître des cantonnements, le prince Wolkonsky peut être considéré à bon droit comme le fondateur de l'Etat-Major général russe, dont l'organisation fut le résultat d'une étude théorique approfondie et de la pratique du temps de guerre. Dès le début de la réalisation de son idée, il avait entrepris de faire dresser la carte militaire de la Russie et jeté les bases d'un Dépôt géographique pour le service des cantonnements; ce fut aussi lui qui fonda la bibliothèque de l'Etat-Major, à laquelle il fit don d'un grand nombre de livres à lui. En 1824, il assista au couronnement de Charles X comme envoyé extraordinaire. L'Empereur Nicolas, le jour de son couronnement, le fit ministre de la Cour. Le jour de l'inauguration de la Colonne Alexandre, le 30 août 1834, il reçut le titre d'Altesse, avec un rescrit rappelant ses services comme collaborateur immédiat du Monarque défunt et compagnon inséparable de toutes ses campagnes.

Le prince Wolkonsky, quoique intime d'Alexandre Ier, qu'il ne quitta pas depuis sa jeunesse jusqu'à sa mort, n'abusa jamais de sa situation de favori. Au témoignage des contemporains, il fut toujours d'une remarquable impartialité, ne connaissant ni amis, ni parents, ne demandant pour personne ni faveurs, ni récompenses, et était connu pour sa haine du népotisme.... Nature noble et généreuse, mais austère en face du devoir, il fit, dans les dernières années d'Alexandre, contrepoids à Araktchéeff, qu'il méprisait et trouvait l'homme le plus nuisible pour la Russie et pour l'Empereur.

Il mourut dans sa 77e année, le 26 août 1852, et fut inhumé à Pétersbourg, dans la chapelle du régiment Sémenowsky. Il avait épousé la princesse Sophie Grigoriewna Wolkonsky.

(D'après une miniature appartenant à P. Dournovo, St-Pétersbourg,)

96

Свѣтл. княгиня Софія Григорьевна
Волконская,
178 . — 1868

La Princesse Sophie Grigoriewna
Wolkonsky,
178 . — 1868

97

Пис. Изабэ, 1815 — Peint par Isabey, 1815

Княгиня Зинаида Александровна
Волконская,
1792 — 1862

La Princesse Zénaïde Alexandrowna
Wolkonsky,
1792 — 1862

98

Князь Никита Григорьевичъ
Волконскій,
1781 — 1844

Le Prince Nikita Grigoriewitch
Wolkonsky,
1781 — 1844

99

Свѣтл. князь Петръ Михайловичъ
Волконскій,
1776 — 1852

Le Prince Pierre Mikhaïlowitch
Wolkonsky,
1776 — 1852

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

ИВАНЪ ЛУКЬЯНОВИЧЪ ТАЛЫЗИНЪ, 170.—1777, сынъ стольника, въ концѣ XVII в. воеводы въ Березовѣ, Лукьяна Ивановича, былъ двоюродный братъ знаменитаго канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина, мать котораго была Евдокія Ивановна Талызина; въ 1715 г. поступилъ ученикомъ въ Морскую Академію, а въ слѣдующемъ году былъ отправленъ за границу для изученія „экипажмейстерскаго дѣла". Пробывъ 12 лѣтъ въ Голландіи, Талызинъ вернулся въ Москву, а затѣмъ, 2 Апрѣля 1733 г., произведенный въ лейтенанты флота, назначенъ помощникомъ экипажмейстера Петербургскаго флота; черезъ годъ назначенъ совѣтникомъ „экипажеской экспедиціи" въ „полковничьемъ рангѣ" и 30 Октября 1740 г.— совѣтникомъ Адмиралтействъ-Коллегіи въ чинѣ контръ-адмирала. Императрица Елисавета Петровна благоволила къ Талызину: въ 1748 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и сдѣланъ членомъ Коллегіи, въ 1752 г. назначенъ присутствовать въ Сенатской конторѣ въ Петербургѣ, наконецъ, въ 1757 г. получилъ орд. св. Александра Невскаго и чинъ вице-адмирала.

Не своей служебной дѣятельности, а исключительно видному участію въ переворотѣ, возведшемъ Екатерину II на престолъ, обязанъ адмиралъ Талызинъ своей извѣстностью. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ преданныхъ сторонниковъ Императрицы, и на него палъ ея выборъ въ день 28 Іюня. Выступивъ съ гвардіей противъ Петра III, Екатерина должна была обезопасить себя со стороны Кронштадта: переходъ туда изъ Ораніенбаума былъ открытъ и легокъ, тамъ было много войска, въ Кронштадтѣ стояли суда, готовыя къ отплытію, наконецъ, устье Невы было не защищено.... Въ Ораніенбаумѣ правильно поняли значеніе Кронштадта, и туда, по совѣту Миниха, отправлены были князь Барятинскій и графъ Дивіеръ, чтобы подготовить встрѣчу Петру III. Но Екатерина, не зная объ этомъ, конечно, сама спѣшила: она отправила Талызина въ Кронштадтъ, давъ ему собственноручную записку: „Господинъ адмиралъ Талызинъ отъ насъ уполномоченъ въ Кронштадтѣ, и что онъ прикажетъ, то исполнять". Въ 9 ч. вечера Талызинъ былъ уже въ Кронштадтѣ: комендантъ Нуммерсъ сталъ на сторону Императрицы, войска были приведены къ присягѣ, а когда Петръ III подплылъ къ входу въ гавань, съ крѣпости потребовали, чтобы онъ удалился. Дивіера удалось арестовать, и Талызинъ будто бы сказалъ ему при этомъ: „Puisque vous n'avez eu le courage de me faire arrêter au nom de l'empereur, je vous fais prisonnier au nom de l'impératrice". Сама Императрица въ указѣ Сенату такъ изображаетъ роль Талызина: когда бывшій Императоръ „ретировался" въ Кронштадтъ, „входъ ему уже скоропоспѣшнымъ нашего адмирала Талызина предварительнымъ учрежденіемъ воспрепятствованъ былъ, такъ что, когда онъ изъ шлюпки велѣлъ подать голосъ на берегъ, что онъ самъ пріѣхалъ, и чтобы въ городѣ вспомоществовали своего Государя, тогда имъ въ трубу отвѣтствовано было, что иного въ Кронштадтѣ Государя не знаютъ, кромѣ нашего Императорскаго Величества, яко своей истинной Государыни". Талызинъ совершилъ во всякомъ случаѣ смѣлый, рискованный подвигъ и не мало пережилъ за это время, какъ это видно изъ письма его къ родственнику своему, извѣстному графу Н. И. Панину, когда Талызинъ еще не зналъ объ отреченіи Петра III: „Я уже по се время третью тревогу бью; изъ Аранинбома гость ко мнѣ пріѣзжалъ и просился въ Кронштадтъ; подлинно, ежели бы я не прибылъ въ Кронштадтъ, тобъ трудно его изъ него выживать. Прошу жену не оставить; я къ ней ничего не пишу, а, можетъ-быть, къ ней худые слухи доходятъ". 2 Іюля 1762 г. Талызинъ получилъ Андреевскую звѣзду и въ Сентябрѣ сопровождалъ Екатерину въ Москву, въ качествѣ докладчика по морскимъ дѣламъ. Затѣмъ онъ участвовалъ въ верховномъ судѣ надъ Мировичемъ, а въ Мартѣ 1765 г. вышелъ въ отставку. Умеръ въ 1777 году.

Былъ женатъ на дочери Рижскаго коменданта Иринѣ Ильиничнѣ Исаевой, отъ которой имѣлъ двухъ сыновей, Лукьяна и Александра, и дочь Александру (р. 1745, † 1793 г.; за графомъ И. А. Остерманомъ).

(Съ миніатюры, принадлежащей Л. А. Талызиной, село Денежниково, Московской губ.)

IVAN LOUKIANOWITCH TALYZINE, 170.—1777, fils d'un chef militaire de Bérézovo, était cousin germain du célèbre chancelier comte A. Bestoujeff-Rioumine, fils d'Eudoxie Ivanowna Talyzine. Entré en 1715 à l'Académie de Marine, il fut envoyé l'année suivante à l'étranger pour étudier les équipages de la flotte. Après douze ans passés en Hollande, il revint à Moscou, puis, promu lieutenant de marine, il fut nommé le 2 avril 1733 adjoint au maître d'équipages de la marine de Pétersbourg; un an plus tard, il devint conseiller de la direction des équipages avec rang de colonel et le 30 octobre 1740 conseiller du Collège de l'Amirauté avec grade de contre-amiral. Il était en faveur près de l'Impératrice Elisabeth Pétrowna; en 1748, il fut promu général lieutenant et fait membre du Collège, en 1752, il obtint un poste au Bureau du Sénat à Pétersbourg, enfin il reçut, en 1757, l'ordre de St-Alexandre Newsky et le grade de vice-amiral.

Ce ne fut pas à son activité dans le service, mais uniquement à la part marquante qu'il prit au coup d'état de Catherine II que l'amiral Talyzine dut sa notoriété: il se montra un des plus dévoués partisans de l'Impératrice et ce fut sur lui que tomba son choix le jour du 28 juin. Dans ses opérations avec la Garde contre Pierre III, Catherine devait se couvrir du côté de Cronstadt: le passage y était ouvert et facile d'Oranienbaum, il y avait beaucoup de troupes, des vaisseaux prêts à lever l'ancre, enfin les bouches de la Néva étaient sans défense... A Oranienbaum, on comprenait bien l'importance de Cronstadt: on y envoya, sur le conseil de Minich, le prince Bariatinsky et le comte Devier pour préparer la réception de Pierre III. Mais Catherine, qui ne savait rien, ne perdait naturellement pas de temps non plus: elle envoya Talyzine à Cronstadt avec un billet de sa propre main: „Monsieur l'amiral Talyzine est muni par nous de pleins pouvoirs à Cronstadt: exécuter ses ordres". A 9 heures du soir, il arrivait; le commandant Nummers embrassa le parti de l'Impératrice, on fit prêter le serment aux troupes, et quand Pierre III s'approcha de l'entrée de la rade, on lui fit de la forteresse le signal de s'éloigner. On réussit à arrêter Devier, et Talyzine lui aurait alors dit: „Puisque vous n'avez eu le courage de me faire arrêter au nom de l'empereur, je vous fais prisonnier au nom de l'impératrice". L'Impératrice elle-même, dans son oukaze au Sénat, décrit ainsi le rôle de Talyzine: Comme l'ex-Empereur „opérait sa retraite" sur Cronstadt, „l'entrée lui en avait été déjà fermée par la hâtive précaution de Notre amiral Talyzine, de sorte que, lorsqu'il envoya une chaloupe annoncer à la côte qu'il était là en personne et que la ville eût à donner assistance à son Souverain, il lui fut répondu avec un porte-voix qu'on ne connaît à Cronstadt d'autre Souverain que Notre Majesté Impériale comme véritable Souveraine". Talyzine avait en tout cas accompli un exploit audacieux et risqué; il avait eu là un dur moment à passer, comme le montre une lettre qu'il écrivit au fameux comte N. Panine, son parent, avant d'avoir connaissance de l'abdication de Pierre III: „Voilà déjà la troisième fois que je fais battre la générale; il est venu quelqu'un d'Oranienbaum, qui a demandé à entrer à Cronstadt: réellement, si je n'étais pas arrivé à Cronstadt, il aurait été difficile de l'en sortir. Prière de ne pas abandonner ma femme: je ne lui écris rien, et peut-être lui parvient-il des bruits fâcheux". Talyzine reçut le 2 juillet 1762 l'étoile de St-André et accompagna en septembre l'Impératrice à Moscou comme rapporteur des affaires navales. Il fit ensuite partie de la Haute Cour chargée de juger Mirowitch et prit sa retraite en mars 1765. Il mourut en 1777.

Il avait épousé la fille du commandant de Riga, Irène Ilyinitchna Isaeff, dont il eut deux fils, Lucien et Alexandre, et une fille Alexandrine (1745—1795), mariée au comte I. Ostermann.

(D'après une miniature appartenant à Mlle L. Talyzine, Dénejnikovo, gouv. de Moscou.)

МАРІЯ САВВИШНА ПЕРЕКУСИХИНА, 1739—1824, любимая камеръ-юнгфера Екатерины II, происходила изъ небогатаго дворянскаго рода Рязанской губерніи. О томъ, когда и какимъ путемъ она попала въ число комнатной прислуги Императрицы, свѣдѣній не сохранилось, но извѣстно, что въ 60-хъ годахъ Екатерина крестила уже ея племянницу Екатерину. Въ продолженіе почти сорока лѣтъ Перекусихина оставалась при Екатеринѣ. Марія Саввишна одна имѣла право являться въ спальню Государыни по первому звонку и помогала ей одѣваться. Затѣмъ она только присутствовала въ качествѣ главной распорядительницы при окончаніи туалета Императрицы, послѣ „волосочесанія" и утреннихъ аудіенцій. Она же постоянно сопровождала ее во всѣхъ путешествіяхъ, на прогулкахъ, а иногда и на парадныхъ выѣздахъ, и всегда находилась у нея подъ рукой, занимая во всѣхъ дворцахъ комнаты рядомъ съ покоями Императрицы. Въ этихъ комнатахъ сидѣли и „высиживали" и Храповицкій, котораго Екатерина хвалила „за то, что бывалъ у М. С.", и А. Я. Протасовъ, искавшій позволенія жениться, и Державинъ, въ ожиданіи гнѣва Фелицы, и княгиня Дашкова: положеніе Перекусихиной дѣлало ее нужнымъ человѣкомъ для всѣхъ.

Хорошо знавшая людей, Екатерина высоко цѣнила сердечную, безхитростную преданность этой простой и малообразованной, но умной и покладистой русской женщины. Въ привязанности этой одинокой пожилой дѣвицы чуткая Императрица подмѣтила даже оттѣнокъ особой сантиментальной влюбленности, въ шутку называла себя ея женихомъ, и въ день свадьбы ея племянницы подарила Маріи Саввишнѣ дорогое кольцо съ своимъ портретомъ въ мужскомъ костюмѣ, сказавъ при этомъ: „Вотъ и тебѣ женихъ, которому, я увѣрена, ты никогда не измѣнишь". Во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ ней Екатерина всегда проявляла самое трогательное вниманіе, ухаживала за ней во время болѣзни, утѣшала въ смерти брата. 2 Декабря 1788 г. Храповицкій отмѣчаетъ: „Говорили о горести М. С., лишившейся брата вчера въ ночь. Она все крѣпилась, а теперь въ отчаяніи. Приказано нужное для похоронъ взять отъ камерцалмейстера. Ходили къ ней. Плакали".

Пользуясь особымъ довѣріемъ Императрицы, называвшей ее своимъ „другомъ", Перекусихина любила Екатерину не только какъ могущественную Государыню, но и какъ немощную женщину. Марія Саввишна, конечно, знала больше всѣхъ о томъ, что называлось на придворномъ языкѣ „комнатными обстоятельствами", и не могла не принимать въ нихъ участія. Но она умѣла держать языкъ за зубами: ни одинъ изъ многочисленныхъ ея разсказовъ, записанныхъ съ ея словъ современниками, не касается интимной стороны жизни Екатерины. Для себя лично Марія Саввишна вполнѣ довольствовалась своимъ неофиціальнымъ положеніемъ, но много хлопотала о семьѣ своего брата, ея единственной привязанности послѣ Императрицы; ей обязанъ былъ своей карьерой Вас. Савв. Перекусихинъ, умершій сенаторомъ, благодаря ей же, вышли въ люди и разбогатѣли племянница ея Е. В. Торсукова и ея мужъ.

Въ роковой день 5 Ноября Перекусихина первая пришла въ себя, увидѣвъ Екатерину, пораженную ударомъ, и умоляла растерявшагося Зубова пустить кровь больной; этимъ она, можетъ-быть, спасла бы ей жизнь, такъ какъ, когда пріѣхалъ Роджерсонъ, кровь уже не пошла. „Твердость духа сей почтенной женщины", писалъ тогда же Ростопчинъ, „привлекала многократно вниманіе всѣхъ бывшихъ въ спальнѣ; занятая единственно Императрицей, она служила ей такъ, какъ будто ежеминутно ожидала ея пробужденія, сама поминутно приносила платки, коими лѣкаря обтирали текущую изо рта матерію, поправляла ей то руки, то голову, то ноги"....

Павелъ I повелѣлъ „уволенной отъ двора дѣвицѣ Маріи Перекусихиной производить по смерть пенсію изъ Кабинета по 1200 руб. въ годъ", затѣмъ пожаловалъ ей въ Рязанской губерніи 4517 дес., а въ Петербургѣ домъ, бывшій банкира Сутерланда. Въ этотъ домъ и переселилась Марія Саввишна. Окруженная портретами Екатерины и ея мебелью, Перекусихина мирно доживала свой вѣкъ. „Какъ теперь гляжу я на эту милую старушку, скромную, но всегда опрятно одѣтую, низенькую ростомъ, худенькую, въ бѣломъ, какъ снѣгъ, накрахмаленномъ чепчикѣ, изъ-подъ котораго виднѣлись слегка напудренные волосы, сидящую за своимъ столомъ съ книжкою или за грань-пасьянсомъ", пишетъ Свербеевъ въ воспоминаніяхъ подъ 1818 годомъ. Перекусихина похоронена на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры, гдѣ на памятникѣ едва виднѣется скромная надпись: „Раба Божія Марія Саввишна Перекусихина. Преставилась 8 Августа 1824 г., на 85 г. отъ рожденія".

(Съ миніатюры, принадлежащей И. А. Всеволожскому, въ С.-Петербургѣ.)

MARIE SAVVICHNA PÉRÉKOUSSIKHINE, 1739 — 1824, femme de chambre préférée de Catherine II, provenait d'une famille noble sans fortune du gouvernement de Riazan. Quand et comment entra-t-elle au service de l'Impératrice, on l'ignore, mais on sait que, dans les années 60, la Souveraine fut marraine de sa nièce Catherine. Pendant près de quarante ans, elle resta à son service: seule elle avait le droit de pénétrer dans sa chambre à la première sonnerie et l'aidait à s'habiller; elle ne faisait ensuite qu'assister comme ordonnatrice principale à l'achèvement de la toilette, après la coiffure et les audiences du matin. C'était encore elle qui l'accompagnait dans tous ses voyages, dans ses promenades, et parfois même dans ses sorties de cérémonie: elle restait toujours sous sa main, occupant dans tous les palais un appartement voisin du sien: là, elle recevait et „faisait poser" et Khrapovitzky, que Catherine félicitait „d'aller chez Marie Savvichna", et A. Protassoff, en quête de la permission de se marier, et Derjavine, dans l'attente du courroux de Félitza, et la princesse Dachkoff: la situation de Mlle Pérékoussikhine la rendait nécessaire à tous.

Avec sa connaissance des hommes, Catherine faisait grand cas du dévouement cordial et dénué d'artifices de cette nature rustique et peu cultivée, mais intelligente et entendue de femme russe. L'attachement de cette vieille fille seule au monde avait même fait à la finesse de l'Impératrice l'impression d'un certain sentimentalisme amoureux: elle s'appelait en plaisantant son fiancé, et, le jour du mariage de sa nièce, lui fit présent d'un anneau précieux avec son portrait en costume masculin, et lui dit: „Voilà pour toi aussi un fiancé que je suis sûre que tu ne trahiras jamais". Dans tous ses rapports avec elle, Catherine lui témoignait toujours l'attention la plus touchante, la soignait quand elle était malade, la consola de la mort de son frère. Khrapovitzky note, en date du 2 décembre 1788: „Parlé du chagrin de Marie Savvichna, qui a perdu son frère cette nuit. Elle a bien résisté, mais maintenant elle est au désespoir. Ordre a été donné de faire les funérailles aux frais de la Cour. Eté la voir. Pleuré".

Jouissant de la confiance particulière de l'Impératrice, qui l'appelait son amie, Mlle Pérékoussikhine l'aimait non seulement comme puissante Souveraine, mais aussi comme faible femme. Elle était sans doute mieux que personne au courant de ce que le jargon de la Cour appelait „des affaires d'intérieur", et ne pouvait en rester à l'écart: mais elle savait tenir sa langue, et des nombreux récits notés d'après ses paroles par les contemporains, aucun ne touche le côté intime de la vie de l'Impératrice. Pour elle-même, elle était entièrement satisfaite de sa position non officielle, mais elle demanda beaucoup pour la famille de son frère, son unique attachement après l'Impératrice; c'est à elle que dut sa carrière Basile Pérékoussikhine, mort sénateur, c'est encore grâce à elle que se firent une position et une fortune sa nièce Catherine Torsoukoff et son mari.

A la date fatale du 5 novembre, Mlle Pérékoussikhine fut la première à se ressaisir en présence de l'attaque qui avait frappé Catherine: elle supplia Zouboff éperdu de saigner la malade; peut-être ainsi l'aurait-on sauvée, car, quand Rogerson fut là, le sang ne vint plus. „La fermeté d'esprit de cette respectable femme", écrivit alors Rostoptchine, „a attiré à plusieurs reprises l'attention de toutes les personnes présentes; uniquement occupée de l'Impératrice, elle la servait comme si elle s'attendait à la voir revenir d'un moment à l'autre, apportant à chaque instant des linges aux médecins pour essuyer les matières qui coulaient de sa bouche, lui arrangeant tantôt les bras, tantôt la tête, tantôt les jambes"....

Paul Ier lui fit servir une pension viagère de 1200 roubles par an sur les fonds du Cabinet, puis donner 4517 déciatines de terre dans le gouvernement de Riazan et une maison à Pétersbourg, celle qui avait appartenu au banquier Suterland, où elle s'installa: elle y passa tranquillement le reste de ses jours, entourée de portraits de Catherine et de meubles lui ayant servi. „Je vois comme maintenant cette gentille petite vieille toute mince, simple, mais toujours vêtue avec soin, en bonnet amidonné blanc comme neige sur ses cheveux légèrement poudrés, assise à sa table devant un livre ou une réussite", dit Sverbéeff dans ses souvenirs à l'année 1818. Elle fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky; sur sa tombe, on déchiffre avec peine une modeste épitaphe: „La Servante de Dieu Marie Savvichna Pérékoussikhine. Décédée le 8 août 1824 dans sa 85e année".

(D'après une miniature appartenant à I. Vsévolojsky, St-Pétersbourg.)

Донъ АНТОНИНЪ-МАРЕСКА ДОННОРСО, дюкъ де-СЕРРА-КАПРІОЛА, 1750—1822, родился въ Неаполѣ 3 Февраля 1750 г.; началъ дипломатическую службу въ 1782 г., въ качествѣ полномочнаго министра и чрезвычайнаго посланника короля обѣихъ Сицилій при дворѣ Екатерины II. Благодаря своей ловкости и личнымъ качествамъ, онъ сумѣлъ Неаполитанской миссіи создать такое блестящее положеніе, какого она еще никогда не имѣла: онъ заключилъ нѣсколько выгодныхъ для своего отечества трактатовъ, заслуживъ въ то же время уваженіе Русскаго кабинета. Въ царствованіе Павла I онъ былъ не только единственнымъ дипломатомъ, удержавшимся при Русскомъ дворѣ, но и сумѣлъ заслужить милости Императора, который пожаловалъ ему орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго большаго креста и 11 Января 1800 г. Андреевскую ленту. Кочубей въ это время подозрѣвалъ его въ какихъ-то интригахъ вмѣстѣ съ графомъ Литтой и находилъ, что онъ имѣетъ при дворѣ больше значенія, чѣмъ вице-канцлеръ (т.-е. Кочубей), при чемъ послѣдняго особенно огорчало, что въ церемоніяхъ онъ, какъ командоръ Мальтійскаго ордена, долженъ былъ шествовать ниже дюка Серра-Капріола. Во время пребыванія въ Митавѣ Людовика XVIII, дюкъ заслужилъ благодарность Людовика своими заботами о королевской семьѣ. Занятіе Неаполя лишило Серра его владѣній, но тѣмъ не менѣе онъ никогда ничего не хотѣлъ принять отъ Наполеона, который старался привлечь его на свою сторону и дѣлалъ ему самыя блестящія предложенія, тѣмъ болѣе, что онъ сильно вредилъ Наполеону въ Петербургѣ своимъ вліяніемъ на общественное мнѣніе. „Quant à S.-C.", писалъ С. Р. Воронцовъ, „je serais très étonné si j'apprends que ce bavard ait de l'influence chez nous". Онъ протестовалъ противъ Тильзитскаго мира и писалъ Александру I письмо, требуя измѣненія § 14 трактата; когда Неаполитанскій тронъ былъ гарантированъ Мюрату, Серра-Капріола остался въ Петербургѣ въ качествѣ частнаго человѣка, но не переставалъ упорно дѣйствовать противъ Наполеона, сдѣлавшись центромъ оппозиціи и руководителемъ тайныхъ агентуръ во всей Европѣ и въ Англіи. Положеніе его сдѣлалось двусмысленнымъ, и Роджерсонъ въ 1808 г. писалъ: „La rupture à présent ouverte naturellement a rompu les relations du bon duc de S.-C. avec notre cour; nonobstant je crois qu'il restera comme particulier ici. Il est très généralement aimé et estimé même de ces personnes qui ont à adopter d'autres principes que lui. Il est pour le moins déjà demi-national et par son long séjour et par son union avec une des anciennes familles dans le pays". А самъ дюкъ говорилъ: „Si la France demandait qu'il fût chassé, on n'oserait pas le faire par ce que le public y serait tout à fait contraire". На Вѣнскомъ конгрессѣ онъ защищалъ интересы короля Фердинанда IV, послѣ чего провелъ годъ на родинѣ, которой не видалъ 32 года. По возвращеніи въ Россію, въ 1820 г., по случаю смутъ въ Неаполѣ, онъ преподалъ королю нѣсколько благихъ совѣтовъ, которые снискали ему много сторонниковъ, затѣмъ, по приглашенію короля, присягнулъ конституціи 1820 г. и кончилъ тѣмъ, что впалъ въ немилость, но остался на своемъ мѣстѣ. Обладая крѣпкимъ здоровьемъ, хотя и страдая временами подагрой, отъ которой имѣлъ обыкновеніе лѣчиться шампанскимъ, Серра-Капріола скончался послѣ трехдневной болѣзни 15 Ноября 1822 г. Александръ I написалъ его вдовѣ, Аннѣ Александровнѣ, рожденной княжнѣ Вяземской, трогательное письмо, а король Неаполитанскій выразилъ его сыну чувства любви и уваженія къ покойному.

К. Я. Булгаковъ, бывшій на похоронахъ его „вмѣстѣ со всѣмъ городомъ", писалъ брату о его кончинѣ: „Умеръ почтенный дюкъ Серра, о коемъ всѣ генерально сожалѣютъ. Кто говоритъ, что онъ повредилъ себѣ желудокъ, а кто—что подагра поднялась, и это, кажется, вѣроятнѣе; добрый былъ старикъ, любилъ Россію и русскихъ и ими былъ любимъ". На это письмо А. Я. Булгаковъ отвѣчалъ изъ Москвы: „Соболѣзную искренно о смерти добраго дюка Серра-Капріола. Онъ имѣлъ нравъ твердый, возвышенныя чувства и привязчивость къ своему Государю, достойныя почтенія. Во время оно, когда все ползало передъ Наполеономъ, онъ одинъ почти его не признавалъ и остался твердъ въ своихъ правилахъ". Какъ дипломатъ, онъ имѣлъ своимъ девизомъ извѣстное „предвидѣть, выжидать и пользоваться".

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

Don ANTOINE MARESCA DONNORSO, duc de SERRA-CAPRIOLA, 1750—1822, né à Naples le 3 février 1750, entra dans la carrière diplomatique en 1782, en qualité de ministre plénipotentiaire et ambassadeur extraordinaire du roi des Deux-Siciles à la Cour de Catherine II. Grâce à son habileté et à ses qualités personnelles, il sut créer à la mission napolitaine une position brillante, comme elle n'en avait jamais eu: il conclut un certain nombre de traités avantageux pour son pays, tout en se conciliant en même temps l'estime du cabinet russe. Sous le règne de Paul Ier, non seulement il fut le seul diplomate à se maintenir à la cour de Russie, mais encore il sut gagner la faveur de l'Empereur, qui lui conféra la grand croix de l'ordre de St-Jean-de-Jérusalem et, le 11 janvier 1800, le cordon de St-André. A cette époque, Kotchoubey le soupçonnait de fomenter des intrigues de concert avec le comte Litta, trouvait qu'il avait à la Cour plus d'importance que le vice-chancelier, qui était lui-même, et se sentait particulièrement vexé de ne venir qu'après lui aux cérémonies comme commandeur de l'ordre de Malte. Lors du séjour de Louis XVIII à Mittau, sa sollicitude pour la famille royale lui assura la reconnaissance du roi. L'occupation de Naples priva le duc de ses biens; il ne voulut cependant rien recevoir de Napoléon, qui s'efforçait de le ranger de son côté et lui fit les plus brillantes propositions, d'autant plus qu'il lui faisait grand tort à Pétersbourg grâce à son influence sur l'opinion publique. „Quant à S.-C.", écrivait S. Worontzoff, „je serai très étonné si j'apprends que ce bavard ait de l'influence chez nous". Il protesta contre la paix de Tilsitt et écrivit à Alexandre Ier pour réclamer la modification de l'article 14 du traité; quand le trône de Naples eut été garanti à Murat, il resta à Pétersbourg comme simple particulier, mais sans cesser ses menées énergiques contre Napoléon: il devint le centre de l'opposition et le chef des agences secrètes dans toute l'Europe et en Angleterre. Sa situation finit par être équivoque, et Rogerson écrivait en 1808: „La rupture à présent ouverte, naturellement, a rompu les relations du bon duc de S.-C. avec notre cour; nonobstant, je crois qu'il restera comme particulier ici. Il est très généralement aimé et estimé, même de ces personnes qui ont à adopter d'autres principes que lui. Il est pour le moins déjà demi-national, et par son long séjour et par son union avec une des anciennes familles dans le pays". Et le duc lui-même disait: „Si la France demandait qu'il fût chassé, on n'oserait pas le faire parce que le public y serait tout à fait contraire". Au congrès de Vienne, il défendit les intérêts du roi Ferdinand IV, puis alla passer un an dans sa patrie qu'il n'avait pas revue depuis trente-deux ans. De retour en Russie, il envoya en 1820, à l'occasion des troubles de Naples, de bons conseils au roi et se fit ainsi de nombreux partisans, puis, à la demande du roi, prêta serment à la constitution de 1820, et finit par tomber en défaveur, mais sans être relevé de ses fonctions. Doué d'une excellente santé, tout en souffrant parfois d'attaques de goutte qu'il avait l'habitude de traiter au champagne, il mourut après trois jours de maladie le 15 novembre 1822. Alexandre Ier écrivit à sa veuve, Anne Alexandrowna, née princesse Viazemsky, une lettre touchante, et le roi de Naples exprima à son fils ses sentiments d'affection et d'estime pour le défunt.

Constantin Boulgakoff, qui fut à ses funérailles „avec toute la ville", écrivait à son frère au sujet de sa mort: „L'honorable duc de Serra vient de mourir, regretté de tous. Les uns disent qu'il s'était abîmé l'estomac, les autres que c'est la goutte, ce qui est le plus probable. C'était un bon vieux qui aimait la Russie et les Russes et en était aimé". A cette lettre Alexandre Boulgakoff répond de Moscou: „Sincères condoléances pour la mort du bon duc de Serra-Capriola. Il avait une fermeté de caractère, une élévation de sentiments et un attachement pour son Souverain bien dignes de respect. Au temps jadis, lorsque tout rampait devant Napoléon, il était presque le seul à ne pas le reconnaître et resta ferme dans ses principes". Comme diplomate, il avait la fameuse devise Prévoir, attendre et profiter.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

105

Дюшесса АННА АЛЕКСАНДРОВНА де-СЕРРА-КАПРІОЛА, 1770—1840, дочь генералъ-прокурора князя Александра Алексѣевича Вяземскаго отъ брака съ княжной Еленой Никитичной Трубецкой, родилась 13 Августа 1770 г.; 12 Ноября 1788 г. она вышла замужъ за Неаполитанскаго полномочнаго министра и чрезвычайнаго посланника короля обѣихъ Сицилій при русскомъ дворѣ дюка де-Серра-Капріола, который такимъ образомъ породнился съ однимъ изъ древнѣйшихъ русскихъ княжескихъ родовъ, при томъ обладавшимъ большимъ состояніемъ, нажитымъ, впрочемъ, лично самимъ генералъ-прокуроромъ. По поводу свадьбы ея младшей сестры, Прасковьи, съ графомъ Д. А. Зубовымъ, Императрица Екатерина II, по свидѣтельству Храповицкаго, отозвалась, что эта „лучше старшей qui est un sapajou". Дюшесса, какъ ее называли въ Петербургѣ, пережила мужа на 18 лѣтъ и умерла 31 Августа 1840 г.; похоронена въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры. Она имѣла сына и дочь Елену Антоновну († 25 Ноября 1820 г.), бывшую замужемъ за графомъ С. Ф. Апраксинымъ.

(Съ миніатюры, принадлежащей Великому Князю Николаю Михаиловичу.)

103

La duchesse **ANNE ALEXANDROWNA** de **SERRA-CAPRIOLA**, 1770—1840, fille du prince Alexandre Alexéewitch Viazemsky, procureur général, et de la princesse Hélène Nikititchna, née princesse Troubetzkoï, naquit le 13 août 1770. Elle épousa, le 12 novembre 1788, le duc de Serra-Capriola, ministre plénipotentiaire et ambassadeur extraordinaire du roi des Deux-Siciles près la cour de Russie, qui devint ainsi apparenté à une des plus vieilles familles princières de Russie possédant de plus une grosse fortune, acquise d'ailleurs par le procureur général lui-même. A propos du mariage de sa jeune sœur Prascovie avec le comte D. Zouboff, l'Impératrice Catherine II émit, dit Khrapovitzky, l'opinion suivante: „Elle est mieux que son aînée, qui est un sapajou". La duchesse, comme on l'appelait à Pétersbourg, survécut de dix-huit ans à son mari et mourut le 31 août 1840; elle fut inhumée au monastère d'Alexandre Newsky, à l'église de l'Annonciation. Elle eut un fils et une fille, Hélène († 25 novembre 1820), qui épousa le comte S. Apraxine.

(D'après une miniature appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

100

Иванъ Лукьяновичъ
Талызинъ,
170 . — 1777

Ivan Loukianowitch
Talyzine,
170 . — 1777

101

Марія Саввишна
Перекусихина,
1739 — 1824

Marie Savvichna
Pérékoussikhine,
1739 — 1824

102

Дюкъ Серра-Капріола,
1750 — 1822

Le Duc de Serra-Capriola,
1750 — 1822

103

Дюшеса Анна Александровна
Серра-Капріола,
1770 — 1840

La Duchesse Anna Alexandrowna
de Serra-Capriola,
1770 — 1840

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Графъ **ПЕТРЪ СЕМЕНОВИЧЪ САЛТЫКОВЪ**, 1698—1772, сынъ генералъ-аншефа Семена Андреевича отъ брака съ Ѳеклой Яковлевной Волынской, въ юности зачисленный въ Преображенскій полкъ, въ 1714 г. посланъ былъ Петромъ Великимъ за границу учиться морскому дѣлу. Царствованіе Анны Іоанновны, называвшей его „mon cousin", способствовало его возвышенію, тѣмъ болѣе, что его жена, Прасковья Юрьевна Трубецкая, принадлежала къ семьѣ, противодѣйствовавшей стремленіямъ „верховниковъ". 19 Января 1732 г. Салтыковъ, вмѣстѣ съ отцомъ, получилъ графскій титулъ; въ 1734 г. участвовалъ въ Польскомъ походѣ въ чинѣ генералъ-майора. Въ царствованіе Іоанна Антоновича онъ сдѣланъ генералъ-поручикомъ, сенаторомъ и пожалованъ въ генералъ-адъютанты, зато вступленіе на престолъ Елисаветы повлекло за собой его удаленіе изъ Петербурга: сначала онъ былъ назначенъ въ дѣйствующую армію въ Финляндіи, а затѣмъ, въ чинѣ генералъ-аншефа, начальникомъ украинскихъ ландмилицкихъ полковъ. Въ 1759 г., Салтыковъ былъ назначенъ главнокомандующимъ арміей, находившейся въ Пруссіи во время Семилѣтней войны, замѣнивъ нѣмца Фермора. Армія была довольна назначеніемъ русскаго, вмѣсто непопулярнаго Фермора, и главнокомандующій, предпринявъ удачное обходное движеніе, разбилъ пруссаковъ при Пальцигѣ, послѣ чего, по словамъ Болотова, „войска, аки одолѣвшія непріятеля, ободрились и стали болѣе на старичка, своего предводителя, надежды полагать, который уже съ начала пріѣзда своего солдатамъ полюбился". Наконецъ, Салтыковъ нанесъ пораженіе Прусской арміи при Куннерсдорфѣ: эта побѣда принесла ему славу побѣдителя непобѣдимаго Фридриха II и чинъ фельдмаршала. Тѣмъ не менѣе, Салтыковъ не воспользовался вполнѣ результатами своихъ побѣдъ, и не столько по неспособности, сколько потому, что, плохой дипломатъ, онъ не могъ разобраться въ дипломатическихъ и придворныхъ отношеніяхъ: онъ встрѣчалъ постоянныя препятствія и со стороны конференціи въ Петербургѣ, и со стороны австрійцевъ союзниковъ. 1 Августа 1760 г. Салтыковъ, по болѣзни, сдалъ команду тому же Фермору. При Петрѣ III онъ пользовался благоволеніемъ, Екатерина же II относилась къ нему сухо и, награжденный шпагой съ брильянтами, въ 1764 г. онъ былъ назначенъ Московскимъ генералъ-губернаторомъ. Чума, волненія въ народѣ, отсутствіе войска и неодобреніе Императрицей мѣръ, принимаемыхъ фельдмаршаломъ, удручающе подѣйствовали на Салтыкова, и онъ уѣхалъ въ свою подмосковную, с. Марѳино. На слѣдующій день разразился бунтъ, сопровождавшійся убійствомъ архіепископа Амвросія, и хотя Салтыковъ поспѣшилъ вернуться въ Москву, Императрица уволила его въ отставку, „похваляя его предкамъ Ея Величества учиненную знатную службу". Поселившись въ своемъ Марѳинѣ, Салтыковъ скончался въ ночь на 26 Декабря 1772 г.; Московское начальство забыло даже оказать умершему должныя воинскія почести, пока графъ П. И. Панинъ не пріѣхалъ самъ въ Марѳино и не сталъ у гроба на дежурствѣ, съ обнаженнымъ палашомъ. У графа Салтыкова былъ сынъ Иванъ (впослѣдствіи фельдмаршалъ) и 3 дочери: Анастасія (за П. Ф. Квашнинымъ-Самаринымъ), Екатерина (за графомъ А. П. Шуваловымъ) и Варвара (за княземъ В. Б. Голицынымъ).

Салтыковъ былъ обходительный, добрый и ласковый, простой русскій человѣкъ и страстный охотникъ; несмотря на невидную наружность, онъ обладалъ большой энергіей, любилъ вездѣ быть самъ и все видѣть; здравый смыслъ и осторожность замѣняли ему и недостатокъ военныхъ талантовъ, и незнакомство съ рутинными правилами тогдашняго военнаго искусства, благодаря чему его мѣропріятія были и непонятны, и неожиданны для непріятеля. Какъ бы то ни было, а Салтыковъ оказался достойнымъ противникомъ знаменитѣйшаго полководца своего времени. О Салтыковѣ Болотовъ пишетъ: „Старичокъ, сѣденькій, маленькій, простой, въ бѣломъ ландмилицкомъ кафтанѣ, безъ всякихъ украшеній и безъ всякихъ пышностей ходилъ онъ по улицамъ и не имѣлъ за собой болѣе 2-3 человѣкъ. Привыкши къ пышности и великолѣпію въ командирахъ, чудно намъ сіе и удивительно казалось, и мы не понимали какъ такому простому и, по всему видно, незначущему старику можно было быть главнокомандующимъ столь великой арміей и предводительствовать ею противъ такого короля, который удивлялъ всю Европу своимъ мужествомъ, прозорливостью и знаніемъ военнаго искусства. Онъ казался намъ сущею курочкою, и никто и мыслить того не отважился, чтобы онъ могъ учинить что-нибудь важное".

(Съ портрета Ротари 1760 г.; собственность Е. А. Балашовой, въ С.-Петербургѣ.)

Le comte PIERRE SÉMENOWITCH SALTYKOFF, 1698—1772, fils du général en chef Simon Andréewitch Saltykoff et de Thècle Yakovlewna, née Volynsky, fut enrôlé tout jeune au régiment Préobragensky, puis envoyé à l'étranger par Pierre le Grand en 1714 pour étudier l'art naval. Le règne d'Anne Ioannowna, qui l'appelait son cousin, contribua à son élévation, d'autant plus que sa femme, Prascovie Youriewna Troubetzkoï, était d'une famille dont les membres avaient combattu les tentatives des adversaires de l'Impératrice. Le 19 janvier 1732, il reçut, en même temps que son père, le titre de comte; en 1734, il fit la campagne de Pologne avec rang de général major. Sous le règne d'Ivan Antonowitch, il fut fait général-lieutenant, sénateur, puis général aide de camp; mais l'avènement d'Elisabeth le fit éloigner de Pétersbourg: il fut d'abord envoyé au corps expéditionnaire de Finlande, puis nommé chef de la milice territoriale de l'Ukraine avec le rang de général en chef. En 1759, il fut mis à la tête de l'armée qui se trouvait en Prusse pendant la Guerre de Sept-Ans, en remplacement de l'allemand Fermor; l'armée fut contente de la nomination d'un russe à la place de l'impopulaire Fermor. Le nouveau commandant en chef, à l'aide d'un mouvement tournant bien exécuté, tailla les Prussiens en pièces à Palzig, après quoi, dit Bolotoff, „les troupes, ayant ainsi défait l'ennemi, reprirent courage et eurent encore plus de confiance dans leur vieux chef, qui, dès son arrivée, avait plu aux soldats“. Enfin Saltykoff infligea à l'armée prussienne la défaite de Kunnersdorf, qui lui valut la gloire d'avoir vaincu l'invincible Frédéric II et le rang de feld-maréchal. Cependant il ne tira pas de ses victoires tout le parti qu'il aurait pu, moins par incapacité que parce que, mauvais diplomate, il ne savait pas s'orienter dans les relations de diplomatie et de Cour: il se heurta à des difficultés continuelles, tant du côté de la conférence à Pétersbourg que de celui des Autrichiens ses alliés. Le 1er août 1760, il céda le commandement, pour raisons de santé, à ce même Fermor. Il fut en faveur sous Pierre III, mais Catherine II fut sèche avec lui; il reçut comme récompense une épée enrichie de brillants et fut nommé, en 1764, général gouverneur de Moscou. La peste, des désordres populaires, l'absence de troupes et la désapprobation de ses mesures par l'Impératrice lui produisirent un effet écrasant, et il partit pour Marfino, sa propriété des environs. Le lendemain même éclata une émeute où fut tué l'archevêque Ambroise, et, bien qu'il se fût hâté de rentrer à Moscou, l'Impératrice le mit à la retraite, „en le félicitant des services distingués rendus aux ancêtres de Sa Majesté“. Il se retira à Marfino, où il mourut le 26 décembre 1772. Les autorités moscovites oublièrent même de lui rendre les honneurs militaires qui lui étaient dus, jusqu'à ce que le comte P. Panine vînt lui-même à Marfino et se mît à monter la garde, sabre au clair, au chevet du cercueil. Le comte Saltykoff avait un fils Ivan, dans la suite feld-maréchal, et trois filles, Anastasie, mariée à P. Kvachnine-Samarine, Catherine au comte A. Chouvaloff et Varvara au prince B. Golitzyne.

Saltykoff était une nature russe toute simple, au caractère sociable, bon et aimable, et chasseur passionné. Sans en avoir l'air, il possédait une grande énergie, aimant être partout et tout voir par lui-même; son bon sens et sa circonspection compensaient l'insuffisance de ses talents militaires et cette ignorance de la routine de l'art militaire du temps qui lui inspirait des mesures incompréhensibles et déconcertantes pour l'ennemi. Quoi qu'il en soit, il se montra digne adversaire du plus célèbre capitaine de l'époque. Bolotoff dit de lui: „Petit vieillard tout blanc, à l'allure simple, il circulait dans la rue en caftan blanc de la milice territoriale, sans aucun ornement ni aucune pompe, avec une escorte de deux ou trois hommes seulement. Habitués au lustre et à la magnificence chez les chefs, nous le trouvions merveilleux et surprenant, sans comprendre comment un vieillard si simple et d'apparence si insignifiante pouvait être à la tête d'une aussi grande armée, et en face d'un roi qui étonnait toute l'Europe par sa valeur, sa perspicacité et sa connaissance de l'art militaire. Il nous faisait l'effet d'un petit poussin, et il ne serait venu à l'idée de personne qu'il pût accomplir quelque chose d'important“.

(D'après un original de Rotary, appartenant à Mme C. Balachoff, St-Pétersbourg.)

СТЕПАНЪ ФЕДОРОВИЧЪ АПРАКСИНЪ, 1702—1758, сынъ стольника Федора Карповича, родился 30 Іюля 1702 г.; мать его, Елена Леонтьевна Кокошкина, овдовѣвъ, вышла замужъ вторично за начальника Тайной канцеляріи А. И. Ушакова; получивъ хорошее воспитаніе въ домѣ графа Петра Матвѣевича Апраксина, отлично говоря по-нѣмецки, Апраксинъ поступилъ въ 1718 г. въ Преображенскій полкъ и сдѣлалъ быстрые успѣхи по службѣ: въ 1732 г. онъ былъ уже секундъ-майоромъ Семеновскаго полка, гдѣ Ушаковъ былъ подполковникомъ. Участникъ сраженія при Ставучанахъ и взятія Хотина, Апраксинъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры, сдѣланъ премьеръ-майоромъ Семеновскаго полка и получилъ Александровскую ленту. Правительница Анна Леопольдовна пожаловала ему с. Брасово, въ Сѣвскомъ у., и ввѣрила защиту границъ съ Персіей. Въ отсутствіе Апраксина случился переворотъ, возведшій на престолъ Елисавету Петровну. По свидѣтельству современника, Апраксинъ былъ „счастливъ своимъ умѣньемъ находить сильныхъ друзей для своего благополучія“. Теперь онъ сдѣлался другомъ Бестужева-Рюмина, заклятаго врага Миниха. Движеніе его по службѣ пошло еще быстрѣе: въ 1742 г. онъ былъ подполковникомъ гвардіи и генералъ-поручикомъ, въ 1746 г.—генералъ-аншефомъ, въ 1751 г. получилъ Андреевскую звѣзду. Съ началомъ Семилѣтней войны, 5 Сентября 1756 г., Апраксинъ, пожалованный въ фельдмаршалы, назначенъ главнокомандующимъ дѣйствующей арміей.

По разсказамъ англійскаго посла, при огромномъ ростѣ и тучности, Апраксинъ былъ великій любитель пышности и въ франтовствѣ не уступалъ извѣстному въ Европѣ щеголю Саксонскому министру гр. Брюлю; въ пылу приготовленій къ походу, онъ не забылъ послать адъютанта изъ Риги въ Петербургъ, чтобы заказать себѣ дюжину новыхъ кафтановъ. Остряки говорили, что фельдмаршалъ намѣревается въ 1757 г. открыть кампанію не противъ пруссаковъ, а противъ Рижскихъ дамъ. Однако, такіе слухи не подтвердились; въ Маѣ армія выступила, въ Іюлѣ перешла границы Пруссіи, а въ Августѣ заняла позицію на рѣкѣ Прегелѣ, близъ Эгерсдорфскаго поля, гдѣ 19 Августа произошла битва, окончившаяся пораженіемъ пруссаковъ. Вѣсть о побѣдѣ была принята съ восторгомъ въ Петербургѣ, а Апраксинъ получилъ въ свой гербъ двѣ пушки, накрестъ положенныя. Но вслѣдъ за этимъ фельдмаршалъ, не воспользовавшись плодами побѣды, началъ спѣшно отступать въ Россію; явились всякіе слухи и догадки, говорили о подкупѣ вѣчно нуждавшагося въ деньгахъ Апраксина Фридрихомъ, но это опровергается безусловно уже тѣмъ, что, отступая, онъ страшно опустошалъ все на своемъ пути. Были ли тому причиной слухи о безнадежномъ положеніи здоровья Императрицы и близкой ея кончины, или, дѣйствительно, армія, лишенная запасовъ и денегъ, умирала съ голоду, но несомнѣнно то, что Апраксинъ былъ запутанъ въ сѣть политическихъ и придворныхъ отношеній, сплетенную Бестужевымъ-Рюминымъ не безъ участія Великой Княгини Екатерины Алексѣевны, переписывавшейся съ Апраксинымъ и считавшей его въ числѣ своихъ друзей. Апраксинъ былъ арестованъ въ Нарвѣ и подвергнутъ допросу графа А. И. Шувалова, начальника Тайной канцеляріи послѣ Ушакова; но фельдмаршалъ былъ друженъ съ Бестужевымъ и близокъ съ его врагами Шуваловыми... Выяснилось, что „безславная ретирада“ была результатомъ совѣщанія всего генералитета, и Ферморъ свидѣтельствовалъ, что такой былъ „недостатокъ людямъ и лошадямъ субсистенціи“, что они „въ совершенную худобу пришли“. Переписка съ Великой Княгиней оказалась невинной, и судъ, тянувшійся уже годъ, долженъ былъ скоро окончиться, когда, 6 Августа 1758 г., во время допроса, Апраксинъ упалъ и скоропостижно умеръ; погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Князь М. М. Щербатовъ такъ отзывается объ Апраксинѣ: „Человѣкъ благодѣтельный и добраго расположенія сердца, но малознающъ въ вещахъ, пронырливъ, роскошенъ, честолюбивъ, всегда имѣлъ великій столъ, гардеробъ его изъ многихъ сотъ разныхъ богатыхъ кафтановъ состоялъ; въ походѣ всѣ спокойствія, всѣ удовольствія ему послѣдовали. Палатки его величиною городъ составляли, обозъ его болѣе нежели 500 лошадей отягчалъ, и для его собственнаго употребленія было съ нимъ 50 заводныхъ, богато убранныхъ лошадей“.

С. Ф. Апраксинъ былъ женатъ на Аграфенѣ Леонтьевнѣ Соймоновой, отъ которой имѣлъ сына Степана и двухъ дочерей: Елену (княгиня Куракина) и Марію (Талызина).

(Съ портрета, принадлежащаго А. М. Апраксиной, с. Ольгово, Московской губ.)

STÉPHANE FÉODOROWITCH APRAXINE, 1702—1758, fils de l'échanson Théodore Karpowitch Apraxine, naquit le 30 juillet 1702; devenue veuve, sa mère, Hélène Léontiewna Kokochkine, se remaria à A. Ouchakoff, chef de la Chancellerie Secrète. Il reçut une bonne éducation chez le comte Pierre Matvéewitch Apraxine et apprit parfaitement l'allemand. Entré au service en 1718 au régiment Préobragensky, il eut un avancement rapide: en 1732, il était déjà second major du régiment Sémenowsky, où Ouchakoff était colonel. Après avoir pris part à la bataille de Stavoutchany et à la prise de Khotine, il fut promu général major, fait premier major du régiment Sémenowsky et chevalier de St-Alexandre. La régente Anne lui concéda le village de Brassovo, gouv. d'Orel, et lui confia la défense de la frontière de Perse; il ne fut pas témoin du coup d'état qui mit Elisabeth sur le trône. D'après un contemporain, Apraxine „avait le bonheur de savoir trouver des amis puissants pour assurer sa prospérité"; il devint alors l'ami de Bestoujeff-Rioumine, ennemi juré de Minich, et son avancement fut encore plus rapide: en 1742, il fut lieutenant-colonel de la Garde et général lieutenant, en 1746 général en chef, et, en 1751, il reçut l'étoile de St-André. Au commencement de la Guerre de Sept-Ans, le 5 septembre 1756, il fut nommé, avec grade de feld-maréchal, commandant en chef de l'armée d'opérations.

Au témoignage de l'ambassadeur d'Angleterre, Apraxine, avec une stature et une corpulence énormes, était grand amateur de faste et ne le cédait pas pour la recherche de sa toilette au comte de Brühl, le ministre de Saxe, dont le chic était réputé dans toute l'Europe; dans le coup de feu des préparatifs de campagne, il n'oublia pas d'envoyer un aide de camp de Riga à Pétersbourg pour se faire faire une douzaine de caftans neufs: on disait en manière de plaisanterie qu'il allait entrer en campagne en 1757 non pas contre les Prussiens, mais contre les dames de Riga. Pourtant l'armée s'ébranla en mai, franchit en juillet la frontière prussienne, et en août prit position sur la Pregel, près d'Egersdorf, où les Prussiens furent battus le 19. La nouvelle de la victoire fut accueillie avec enthousiasme à Pétersbourg, et Apraxine put ajouter à son blason deux canons en croix. Mais ensuite, au lieu de profiter de son succès, il se mit à faire une retraite précipitée sur la Russie, ce qui donna naissance à une foule de rumeurs et de conjectures: on prétendit que, dans sa gêne incessante, il s'était laissé corrompre par Frédéric, mais ceci est formellement démenti par la terrible dévastation qu'il laissa sur son passage. La chose était-elle due aux bruits qui couraient de l'état désespéré et de la fin prochaine de l'Impératrice, ou l'armée, sans provisions et sans argent, mourait-elle réellement de faim, toujours est-il qu'Apraxine se trouva engagé dans un tissu inextricable d'intrigues de politique et de Cour, ouvrage de Bestoujeff-Rioumine et aussi de la Grande-Duchesse Catherine Alexéewna, qui était en correspondance avec le feld-maréchal et le considérait comme un de ses amis. Il fut arrêté à Narva et soumis à un interrogatoire par le comte A. Chouvaloff, successeur d'Ouchakoff à la tête de la Chancellerie Secrète; mais il était bien avec Bestoujeff et intime avec les Chouvaloff ses ennemis.... Il se trouva que la „déshonorante retraite" avait été décidée en conseil du haut commandement; il y avait, au témoignage de Fermor, une telle „insuffisance de subsistances qu'hommes et chevaux étaient devenus étiques". La correspondance de la Grande-Duchesse fut reconnue inoffensive et le jugement, après une année de lenteurs, touchait à sa fin, lorsque le 6 août 1758, au cours d'un interrogatoire, Apraxine tomba frappé de mort subite. Il fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky, au cimetière St-Lazare.

Le prince M. Chtcherbatoff fait de lui le portrait suivant: „Homme de vertu et de cœur, mais peu entendu aux affaires, intrigant, fastueux, ambitieux, il avait toujours une table montée sur un grand pied et une garde-robe de plusieurs centaines de riches caftans de toute sorte; il se faisait suivre en campagne de toutes ses aises, de tous ses plaisirs. Ses tentes formaient toute une ville, son bagage faisait la charge de plus de cinq cents chevaux, et il avait pour son usage personnel cinquante chevaux de haras richement harnachés".

Apraxine avait épousé Agrippine Léontiewna Soïmonoff, dont il eut un fils Stéphane et deux filles, Hélène, princesse Kourakine, et Marie, Mme Talyzine.

(D'après un original appartenant à Mme A. Apraxine, Olgovo, gouv. de Moscou.)

Графъ **ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ ПАНИНЪ**, 1721—1789, сынъ генералъ-поручика Ивана Васильевича Панина отъ брака съ Аграфеной Васильевной Эверлаковой, племянницей кн. А. Д. Меншикова, въ 1735 г. былъ опредѣленъ въ Измайловскій полкъ капраломъ, въ 1736 г. переведенъ въ армію, дѣйствовавшую противъ турокъ, и участвовалъ во взятіи Перекопа и Бахчисарая. Въ 1740 г. переведенъ снова въ Измайловскій полкъ, и съ 1741 по 1743 г. участвовалъ въ Шведской кампаніи. Произведенный въ 1755 г. въ генералъ-майоры, онъ отличился въ Семилѣтнюю войну умѣлыми и энергичными распоряженіями въ сраженіяхъ при Гросъ-Эгерсдорфѣ, Цорндорфѣ, Ландсбергѣ (гдѣ былъ контуженъ) и Кунерсдорфѣ и при взятіи Берлина. Въ 1762 г. онъ былъ генералъ-губернаторомъ Восточной Пруссіи. Награжденный чиномъ генералъ-поручика и орденомъ св. Александра Невскаго, Панинъ въ 1762 г. былъ произведенъ въ „полные генералы" и получилъ шпагу съ брильянтами. Пожалованный въ сенаторы, въ 1767 г. былъ избранъ депутатомъ отъ Московскаго дворянства въ Екатерининскую комиссію, 22 Сентября 1767 г. былъ возведенъ въ графское достоинство, а въ 1768 г. назначенъ членомъ Совѣта. Во время Турецкой войны, въ Сентябрѣ 1769 г., былъ назначенъ командующимъ 2-й арміей, и 16 Сентября 1770 г., послѣ долгой осады, взялъ Бендеры, превративъ городъ въ развалины и потерявъ во время осады болѣе 6000 человѣкъ. При этомъ Панина не безъ основанія обвиняли въ недостаткѣ энергіи. 5 Октября 1770 г. Панинъ получилъ орденъ св. Георгія 1-й ст., но уже 19-го Октября былъ уволенъ въ отставку. Проживая не у дѣлъ въ Москвѣ и считая себя обиженнымъ, Панинъ „критиковалъ все и всѣхъ" и этими „болтаніями" возбудилъ къ себѣ ненависть самолюбивой Екатерины, которая стала называть его „первымъ вралемъ и себѣ персональнымъ оскорбителемъ"; надъ нимъ былъ даже учрежденъ „присмотръ надежныхъ людей". Несмотря на это, когда послѣ смерти А. И. Бибикова явилась нужда въ энергичномъ главнокомандующемъ для подавленія Пугачевскаго бунта, Екатерина 29 Іюля 1774 г. назначила Панина „съ полною мочью и властью". Благодаря удачнымъ дѣйствіямъ Михельсона, Пугачевъ былъ разбитъ и выданъ правительству. Получивъ въ Пензѣ 18 Сентября вѣсть о выдачѣ самозванца, Панинъ занялся успокоеніемъ края, чего и достигъ, благодаря энергичнымъ мѣрамъ. 9 Августа 1775 г. онъ былъ уволенъ, получилъ похвальную грамоту, мечь съ алмазами, алмазные знаки ордена св. Андрея Первозваннаго и 60.000 руб. „на поправленіе экономіи".

Панинъ скончался скоропостижно 15 Апрѣля 1789 г. и похороненъ въ с. Дугинѣ, Смоленской губерніи. Отъ перваго брака съ Анной Александровной Татищевой онъ имѣлъ 17 человѣкъ дѣтей, умершихъ при его жизни; отъ второго брака (въ 1767 г.) съ фрейлиной Марьей Родіоновной Вейдель имѣлъ пятерыхъ дѣтей, изъ которыхъ пережили отца только сынъ Николай и дочь Софья.

Современники превозносили въ Панинѣ „чуждое всякаго пристрастія сердце, непотрясаемую твердость, примѣрную любовь, усердіе, ревность ко главѣ и всему составу отечества"; на иныхъ онъ производилъ впечатлѣніе одного изъ тѣхъ „мужей, коихъ великимъ и отмѣннымъ дарованіямъ, описаннымъ Плутархомъ, столь много дивимся". Даже враги его признавали въ немъ „способныя качества, усердіе и бодрость". Отличительнымъ свойствомъ Панина было чувство собственнаго достоинства. Никогда онъ не заискивалъ передъ фаворитами и единственный изъ сенаторовъ позволялъ себѣ открыто не соглашаться съ Екатериной. Такимъ онъ былъ 15-и лѣтъ, когда негодовалъ на назначеніе его капраломъ, хотя „онъ званья своего меньше еще знаетъ, чѣмъ они", такимъ онъ остался и до смерти. Онъ былъ гуманнымъ по своему времени человѣкомъ: возмущался пыткой, произволомъ помѣщиковъ и притѣсненіемъ раскольниковъ, но при этомъ былъ чуждъ ложной сентиментальности и быстро успокоилъ терроризованный Пугачевцами край, хотя для этого понадобились жестокія мѣры... Зная, что Екатерина любила показать „нѣжныя чувствія своего материнскаго и человѣколюбиваго къ своимъ подданнымъ сердца", Панинъ, принимая крутыя мѣры, „заранѣе испрашивалъ" у Императрицы „прощенія, пріемля съ радостью пролитіе проклятой крови такихъ государственныхъ злодѣевъ на себя и на чадъ своихъ". Тѣмъ не менѣе онъ любилъ родину и гордился русскимъ народомъ, выставляя при всякомъ удобномъ случаѣ его способности и добродѣтели, „храбрость, терпѣніе и послушаніе" русскаго солдата.

(Съ миніатюры изъ собранія Великаго Князя Николая Михаиловича.)

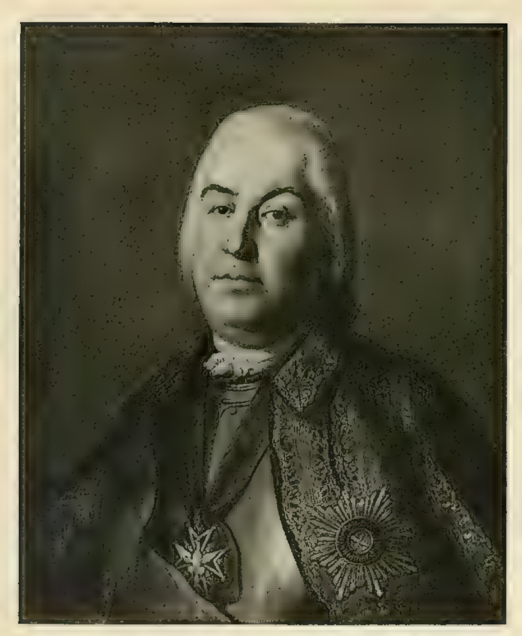
Le comte PIERRE IVANOWITCH PANINE, 1721—1789, fils du général lieutenant Ivan Vassiliewitch Panine et d'Agrippine Vassiliewna Everlakoff, nièce du prince A. Menchikoff, fut enrôlé en 1735 caporal au régiment Izmaïlowsky, passa en 1736 à l'armée d'opérations contre les Turcs et prit part à la prise de Pérékop et à celle de Bakhtchisaraï. Il rentra en 1740 au régiment Izmaïlowsky et fit de 1741 à 1743 la campagne de Suède. Promu général major en 1755, il se fit remarquer à la Guerre de Sept-Ans par ses habiles et énergiques dispositions aux batailles de Gross-Egerndorf, Zorndorf, Landsberg, où il reçut une contusion, et Kunnersdorf, et à la prise de Berlin. En 1762, il fut général gouverneur de la Prusse Orientale. Gratifié du grade de général lieutenant et de l'ordre de St-Alexandre Newsky, il fut promu en 1762 „général complet" et reçut une épée enrichie de diamants. Nommé sénateur, il fut élu en 1767 par la noblesse de Moscou député à la Commission de Catherine, élevé à la dignité de comte le 22 septembre de la même année et fait l'année suivante membre du Conseil. Lors de la guerre de Turquie, il fut mis en septembre 1769 à la tête de la 2ᵉ armée et prit Bender le 16 septembre 1770, après un siège prolongé, qui lui coûta plus de 6000 hommes et fit de la ville un monceau de ruines: on l'accusa, non sans raison, d'avoir manqué là d'énergie. Il reçut le 5 octobre 1770 St-Georges de 1ʳᵉ classe, mais fut mis à la retraite quelques jours plus tard, le 19. Retiré à Moscou dans la vie privée et trouvant ses services méconnus, il „critiqua tout et tout le monde", et, par ces „bavardages", se fit détester de l'Impératrice, qui, remplie d'amour-propre, se mit à l'appeler „un radoteur de premier ordre et son offenseur personnel" et à le mettre sous „la surveillance de gens sûrs". Néanmoins, lorsque, après la mort de Bibikoff, on eut besoin d'un chef énergique pour réprimer l'insurrection de Pougatcheff, Catherine désigna Panine le 29 juillet 1774, lui donnant „pleins et entiers pouvoirs". Grâce aux opérations heureuses de Michelson, Pougatcheff fut défait et livré au gouvernement. Informé à Penza le 18 septembre de la prise de l'usurpateur, Panine entreprit de pacifier le pays et y parvint à l'aide de mesures énergiques. Il fut mis à la retraite le 9 août 1775 avec une lettre de félicitations, une épée enrichie de diamants, les insignes en brillants de l'ordre de St-André et 60.000 roubles „pour rétablir ses affaires".

Panine mourut subitement le 15 avril 1789 et fut inhumé à Douguino, gouvernement de Smolensk. D'un premier mariage avec Anne Alexandrowna Tatichtcheff il avait eu dix-sept enfants, dont pas un ne lui survécut; de son second mariage (1767) avec Marie Rodionowna Weidel, il eut cinq enfants, dont il ne restait à sa mort qu'un fils Nicolas et une fille Sophie.

Les contemporains exaltaient en Panine „un cœur étranger à tout parti-pris, une inébranlable fermeté, un amour, un empressement et un zèle exemplaires pour le chef et tout le personnel de l'Etat"; à d'autres il donnait l'impression de ces „grands hommes dont les talents supérieurs et insignes décrits par Plutarque sont si admirables". Ses ennemis mêmes lui reconnaissaient „des qualités remarquables, du zèle et de la vaillance". Son trait distinctif était le sentiment de sa dignité personnelle. Jamais il ne rechercha les bonnes grâces des favoris et fut le seul des sénateurs à se permettre d'être en désaccord ouvert avec Catherine. Tel il était à 15 ans, furieux d'être nommé caporal, „tout en connaissant moins le métier que d'autres", tel il resta jusqu'à sa mort. Il était humain dans les idées du temps: la question, l'arbitraire des propriétaires et les persécutions contre les dissidents l'indignaient, mais il était en même temps exempt de faux sentimentalisme et eut bientôt fait cesser la terreur organisée par Pougatcheff, quelques mesures de rigueur qu'il lui fallût prendre..... Sachant que Catherine aimait faire montre „des sentiments de tendresse que nourrissait à l'égard de ses sujets son cœur maternel et compatissant", Panine, en se décidant à la rigueur, „demandait à l'avance son pardon, heureux de faire retomber le sang maudit de ces criminels d'Etat sur lui et sur ses enfants". Il aimait pourtant son pays et était fier du peuple russe, saisissant toutes les occasions de vanter ses capacités et ses vertus, „le courage, l'endurance et l'obéissance" du soldat russe.

(D'après une miniature de la collection du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

104

Пис. Ротари, 1760 — Peint par Rotari 1760

Графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ, 1698 — 1772

Le Comte Pierre Sémenowitch Saltykoff, 1698 — 1772

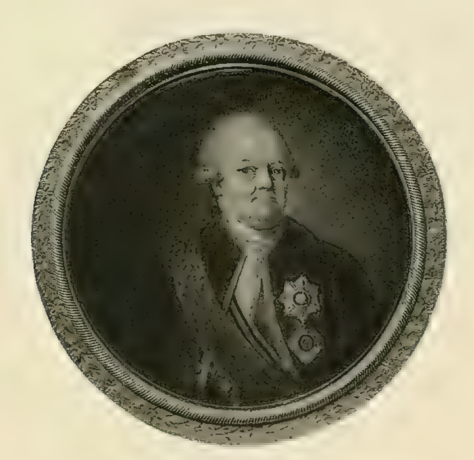
105

Степанъ Федоровичъ Апраксинъ, 1703 — 1758

Stéphane Fédorowitch Apraxine, 1702 — 1758

106

Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, 1721 — 1789

Le Comte Pierre Ivanowitch Panine, 1721 — 1789

Свѣтлѣйшій князь НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ САЛТЫКОВЪ, 1736—1816, генералъ-фельдмаршалъ, сынъ генералъ-аншефа Ивана Алексѣевича Салтыкова († 1775 г.) отъ брака съ графиней Анастасіей Петровной Толстой, родился 31 Октября 1736 г.; началъ свою службу рядовымъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку. Во время Семилѣтней войны Салтыковъ принималъ участіе во многихъ сраженіяхъ съ пруссаками и послѣ битвы при Куннерсдорфѣ былъ пожалованъ въ полковники. Въ 1763 г. Салтыковъ, уже въ чинѣ генералъ-майора, командовалъ русскими войсками, расположенными въ Польшѣ, а при началѣ 1-й Турецкой войны участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ при осадѣ Хотина, за что получилъ чинъ генералъ-поручика и орденъ св. Александра Невскаго. Тотчасъ послѣ этого Салтыковъ уѣхалъ для лѣченія за границу, гдѣ провелъ цѣлыхъ три года. По возвращеніи въ 1773 г. въ Россію Салтыкова ожидалъ цѣлый рядъ милостей: Императрица Екатерина назначила его вице-президентомъ Военной коллегіи, произвела въ генералъ-аншефы и опредѣлила гофмейстеромъ при дворѣ Наслѣдника престола Великаго Князя Павла Петровича, чѣмъ выразила особое къ нему довѣріе. На этомъ мѣстѣ Салтыковъ проявилъ глубокій тактъ и умѣніе приспособляться къ обстоятельствамъ: одинаково пользовался расположеніемъ какъ Императрицы, такъ и ея наслѣдника, и поддерживалъ между ними добрыя отношенія. Вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Павломъ Петровичемъ, Салтыковъ ѣздилъ въ 1776 г. въ Берлинъ на обрученіе Великаго Князя съ принцессой Виртембергской, впослѣдствіи Великой Княгиней Маріей Ѳеодоровной, а въ 1781 и 1782 гг. сопровождалъ велико-княжескую чету въ ея путешествіи за границу. Вслѣдъ затѣмъ Императрица Екатерина возложила на Салтыкова новую величайшую обязанность: быть главнымъ воспитателемъ Великихъ Князей Александра и Константина Павловичей. На этомъ мѣстѣ Салтыковъ, отлично изучившій придворную науку, заботился главнымъ образомъ о томъ, чтобы пріучить своихъ воспитанниковъ умѣть лавировать между противорѣчивыми требованіями ихъ родителей съ одной стороны, и царственной бабки, съ другой; въ другихъ отношеніяхъ Салтыковъ, по отзыву современниковъ, былъ самымъ неспособнымъ педагогомъ и воспитателемъ царскихъ дѣтей. Въ концѣ своего царствованія Екатерина II пожаловала Салтыкову графское достоинство и до 5000 душъ крестьянъ и поручила ему управленіе Военной коллегіей. Въ царствованіе Императора Павла Салтыковъ пожалованъ былъ въ генералъ-фельдмаршалы, но не пользовался значеніемъ. Императоръ Александръ I, въ годину Отечественной войны, назначилъ Салтыкова предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ, во время нахожденія своего въ кампаніи 1813 и 1814 гг. поставилъ его въ положеніе регента государства и 30 Августа 1814 г. возвелъ въ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости.

Уклончивость, хитрость, умѣніе жить и ладить съ людьми были преобладающими качествами въ характерѣ и умѣ Салтыкова. Эгоистъ и гибкій царедворецъ, Салтыковъ, по словамъ князя И. М. Долгорукаго, близко его знавшаго, „внутренно любилъ только себя и неспособенъ былъ благодѣтельствовать, когда требовалась на то нѣкоторая упругость въ характерѣ, настойчивость въ поступкахъ и твердость въ правилахъ“. Въ домашнихъ дѣлахъ Салтыковъ подчинялся всецѣло вліянію жены своей, Наталіи Владиміровны, рожденной княжны Долгорукой (см. ея біографію). Свѣтлѣйшій князь Н. И. Салтыковъ умеръ 16 Мая 1816 года.

(Съ портрета Квадаля; собственность свѣтлѣйшей княгини А. С. Салтыковой, С.-Петербургъ.)

Le prince sérénissime NICOLAS IVANOWITCH SALTYKOFF, 1736—1816, général feld-maréchal, fils du général en chef Ivan Alexéewitch Saltykoff (┼ 1775) et de la comtesse Anastasie Pétrowna Tolstoï, naquit le 31 octobre 1736; il débuta au service comme simple soldat au régiment Sémenowsky de la Garde. Lors de la Guerre de Sept-Ans, il prit part à de nombreuses batailles contre les Prussiens et fut fait colonel après Kunnersdorf. En 1763, déjà général major, il était à la tête des troupes russes de Pologne, et au début de la 1re guerre de Turquie, fut aux opérations du siège de Khotine, où il gagna le grade de général lieutenant et St-Alexandre Newsky. Il alla immédiatement après se soigner à l'étranger, où il resta trois années entières. A son retour en Russie, en 1773, il fut accueilli par toute une série de faveurs: l'Impératrice Catherine le nomma vice-président du Collège Militaire, lui donna le grade de général en chef et la dignité de maître de la Cour du Grand-Duc Héritier Paul Pétrowitch, lui accordant ainsi une marque particulière de confiance. Il fit preuve à ce poste d'un tact parfait et du talent de s'adapter aux circonstances: il y jouit également des bonnes grâces de la Souveraine et de son fils et maintint les bons rapports entre eux. En 1776, il accompagna le Grand-Duc à Berlin pour les fiançailles avec la princesse de Wurtemberg, la future Grande-Duchesse Marie Féodorowna, puis, en 1781 et 1782, suivit le couple Grand-Ducal dans son voyage à l'étranger. Après quoi Catherine l'investit d'une nouvelle charge fort délicate, celle de précepteur principal des Grands-Ducs Alexandre et Constantin Pavlowitch. Là il se préoccupa surtout, avec sa parfaite connaissance des choses de Cour, d'apprendre à ses élèves à louvoyer entre les tendances opposées de leurs parents d'une part et de leur Impériale grand'mère de l'autre; pour le reste, au témoignage des contemporains, il était tout ce qu'il y avait de plus incapable comme pédagogue et éducateur de jeunesse royale. A la fin de son règne, Catherine II lui conféra la dignité de comte et près de 5000 têtes de paysans et lui confia la direction du Collège Militaire. Sous le règne de l'Empereur Paul, il fut nommé général feld-maréchal, mais sans jouir d'aucune importance. Alexandre Ier, à l'heure de la Guerre Patriotique, le nomma président du Conseil de l'Empire et du Comité des ministres, lui confia, pendant les campagnes de 1813 et 1814, une sorte de régence en son absence et, le 30 août 1814, l'éleva à la dignité de prince avec le titre d'altesse sérénissime.

Souplesse de caractère, ruse, art de vivre et de s'entendre avec les gens, tels étaient les traits dominants de Saltykoff. Egoïste et habile courtisan, au témoignage du prince I. Dolgorouky, qui le connaissait bien, „il n'aimait au fond que lui et était incapable de faire le bien, lorsqu'il y fallait une certaine élasticité de caractère, de la persévérance et de la fermeté de principes". Dans son intérieur, il était entièrement sous l'influence de sa femme Natalie Vladimirowna, née princesse Dolgorouky (v. sa biographie). Il mourut le 16 mai 1816.

(D'après un original de Quadal, appartenant à la princesse sérénissime A. Saltykoff, St-Pétersbourg.)

Графиня НАТАЛІЯ ВЛАДИМІРОВНА САЛТЫКОВА, 1737—1812, супруга графа Николая Ивановича Салтыкова, дочь Рижскаго губернатора князя Владиміра Петровича Долгорукова отъ брака съ княжной Еленой Васильевной Хилковой, въ супружество вступила въ 1762 г., въ дѣйствительныя статсъ-дамы пожалована 2 Сентября 1793 г., Екатерининскую ленту получила 5 Августа 1797 года. Скончалась 7 Сентября 1812 г. и погребена въ селѣ Черкутинѣ, Владимірской губерніи.

Графиня Салтыкова, въ молодости отличавшаяся красотой, но слабая и болѣзненная, по словамъ Карабанова, „была умна, лукава и скупа" и мало показывалась въ обществѣ. Научившись отъ матери всякимъ стариннымъ русскимъ примѣтамъ, она ихъ придерживалась до суевѣрія и пользовалась ими, какъ могла, чтобы избавиться отъ скучныхъ свѣтскихъ обязанностей. Екатерина II не любила ея и не обращала на нее никакого вниманія. Великій Князь Павелъ Петровичъ, при которомъ мужъ ея состоялъ съ 1773 г., также не былъ расположенъ къ гр. Салтыковой; не любили ея и при дворѣ Великаго Князя Александра Павловича. Тщательно избѣгая придворныхъ собраній, она рѣдко выходила изъ комнатъ, которыя мужъ ея занималъ во дворцѣ, и увѣряла всѣхъ и каждаго, „что никогда ничего не знаетъ о томъ, что дѣлается". Это не мѣшало ей, однако, всячески выдвигать мужа и интриговать противъ другихъ. Сопровождая мужа во время путешествія Великаго Князя Павла Петровича и Великой Княгини Маріи Θеодоровны по Европѣ въ 1781 г., графиня Салтыкова не занимала офиціальнаго положенія въ великокняжеской свитѣ, и въ парадныхъ случаяхъ фрейлины Борщова и Нелидова имѣли первенство надъ графиней Салтыковой, „которая болѣзненна и мало выѣзжаетъ", какъ писалъ Іосифъ II своему брату, великому герцогу Тосканскому.

Близко знавшій Салтыковыхъ князь И. М. Долгоруковъ посвящаетъ ей слѣдующія строки въ „Капищѣ моего сердца": „Графиня Салтыкова—прямо свѣтлѣйшая дама, не по титулу одному, но по качествамъ души. Оставимъ ей нѣкоторыя женскія странности и причуды, но она тверда въ правилахъ, постоянна въ отношеніяхъ и великодушна въ поступкахъ; основныя свойства ея благородны, чувства возвышенны, характеръ мужественъ". Очевидно, авторъ не считалъ противнымъ въ то время „великодушію" и благородству извѣстный случай съ крѣпостнымъ ея парикмахеромъ, котораго графиня изъ опасенія, чтобъ онъ не разболталъ, что она носитъ парикъ, три года держала взаперти въ клѣткѣ у себя въ спальнѣ, выпуская его только для причесыванія. Когда несчастному удалось, наконецъ, бѣжать, Салтыкова, боясь, что ея тайна откроется, стала требовать его розыска и обратилась даже къ Императору Александру. Государь, уже предупрежденный черезъ полицію, приказалъ не разыскивать бѣглеца, а графиню успокоить офиціальнымъ извѣщеніемъ, что ея парикмахеръ утонулъ въ Невѣ. Салтыкова была извѣстна въ свѣтѣ своею оригинальностью, колкимъ языкомъ и смѣшными выходками. Прощаясь съ женою графа П. А. Толстого, назначеннаго посломъ во Францію, она сказала ей: „Маша, жаль мнѣ, что ты ѣдешь въ Парижъ: тебя французы одурачатъ. Поменьше съ ними говори: они тебѣ объ литературѣ, а ты имъ, почему рожь на Болотѣ"...

Графиня Салтыкова достигла того, что весь свѣтъ, не исключая и великихъ міра, подчинялся ея странностямъ. Несмотря на званіе статсъ-дамы, она почти никогда не ѣздила ко двору подъ предлогомъ, что „по слабости нервовъ не могла выносить запаха пудры и духовъ". Дома она подпускала гостей лишь на извѣстное разстояніе, при чемъ отвратительные карлики жгли передъ нею перья или мочалу; одѣвалась всегда по модѣ своей молодости и была разукрашена драгоцѣнностями, какъ чудотворная икона; она до жадности любила деньги и скопила мужу и дѣтямъ огромный капиталъ. При своемъ умѣ и слабохарактерности мужа, она имѣла большое вліяніе на государственныя дѣла; при дворѣ ея боялись, и она пользовалась правомъ „всѣхъ бранить за все, что было сдѣлано не по ней". Если вѣрить князю Долгорукову, она и скончалась „отъ безпрестанныхъ волненій сердца, производимыхъ неудачами политическими и въ брани двора нашего съ Наполеономъ".

Графиня Н. В. Салтыкова имѣла одну дочь, скончавшуюся въ младенчествѣ, и трехъ сыновей: Дмитрія (р. 1767, † 1826; слѣпой), Александра (1775—1837) и Сергѣя (1776—1828).

(Съ портрета Квадаля; собственность свѣтлѣйшей княгини А. С. Салтыковой, въ С.-Петербургѣ.)

La comtesse NATALIE VLADIMIROWNA SALTYKOFF, 1737—1812, femme de Nicolas Ivanowitch Saltykoff, était fille du prince Vladimir Pétrowitch Dolgoroukoff, gouverneur de Riga, et de la princesse Hélène Vassiliewna Khilkoff. Elle se maria en 1762, fut faite dame d'honneur le 2 septembre 1793 et dame de Ste-Catherine le 5 août 1797. Elle mourut le 7 septembre 1812 et fut inhumée à Tcherkoutino, gouvernement de Vladimir.

La comtesse Saltykoff, belle dans sa jeunesse, mais faible et maladive, était, dit Karabanoff, „intelligente, astucieuse et avare" et se montrait peu dans la société. Elle tenait de sa mère toute espèce de vieilles pratiques russes, qu'elle suivait jusqu'à la superstition et dont elle tirait tout le parti possible pour se dispenser des ennuyeuses obligations mondaines. Catherine II ne l'aimait pas et ne faisait aucune attention à elle: le Grand-Duc Paul Pétrowitch, auquel son mari fut attaché en 1773, n'était pas non plus dans des dispositions particulières à son égard; elle n'était pas aimée davantage à la Cour du Grand-Duc Alexandre Pavlowitch. Evitant soigneusement les réunions de Cour, elle sortait rarement des appartements que son mari occupait au Palais, et allait répétant à tout le monde „qu'elle ne savait jamais rien de ce qui se passait". Ce qui ne l'empêchait pas cependant de tout faire pour pousser son mari et intriguer contre les autres. Elle accompagna son mari dans le voyage en Europe du Grand-Duc Paul Pétrowitch et de la Grande-Duchesse Marie Féodorowna en 1781, mais sans position officielle dans la suite Grand-Ducale, et, aux cérémonies, les demoiselles d'honneur Borchtchoff et Nélidoff avaient le pas sur la comtesse Saltykoff, „qui est maladive et sort peu", comme écrivait Joseph II à son frère le grand-duc de Toscane.

Le prince I. Dolgoroukoff, qui connaissait bien les Saltykoff, lui consacre les lignes suivantes dans son Sanctuaire de mon cœur: „La comtesse Saltykoff est bien une grande dame, non seulement par son titre, mais dans l'âme. Si on passe sur quelques bizarreries et caprices de femme, elle a de la fermeté de principes, de la constance de sentiments et de la grandeur d'âme; ses qualités sont foncièrement nobles, ses sentiments élevés, son caractère mâle". L'auteur ne trouvait sans doute pas incompatible à l'époque avec la „grandeur d'âme" et la noblesse la fameuse histoire de son coiffeur serf, dont elle craignait les indiscrétions au sujet de sa perruque et qu'elle tint enfermé trois ans dans une cage dans sa chambre, ne lui ouvrant que pour se faire coiffer. Quand le malheureux réussit enfin à se sauver, craignant pour son secret, elle se mit à le faire rechercher et s'adressa même à l'Empereur Alexandre, qui, prévenu déjà par la police, fit arrêter les recherches et rassurer la comtesse en lui annonçant officiellement que son coiffeur s'était noyé dans la Néva. Elle était connue dans le monde pour son originalité, sa langue acérée et ses sorties amusantes. Elle dit à la femme du comte Tolstoï, nommé ambassadeur de France, en prenant congé d'elle: „Marie, ça m'ennuie que tu ailles à Paris: les Français vont t'attraper. Dis-leur en le moins possible: ils te parleront littérature, et toi, tu leur causeras de ce qui se passe à la foire".

La comtesse Saltykoff réussit à plier tout le monde, même les grands, à ses bizarreries. Malgré son titre de dame d'honneur, elle n'allait presque jamais à la Cour, sous le prétexte que „la faiblesse de ses nerfs ne lui permettait pas de supporter l'odeur de la poudre et des parfums". Chez elle, elle ne laissait approcher les visiteurs qu'à distance, et elle avait d'affreux nains qui brûlaient devant elle de la plume ou l'écorce de tilleul; toujours vêtue à la mode de son jeune temps, elle était chargée de bijoux comme une icone miraculeuse. Elle poussait l'amour de l'argent jusqu'à la cupidité et amassa à son mari et à ses enfants un capital immense. Grâce à son esprit et à la faiblesse de caractère de son mari, elle avait une grande influence sur les affaires de l'Etat: à la Cour, on la craignait et elle avait le droit „de crier après tout le monde pour tout ce qui n'était pas à son idée". S'il faut en croire le prince Dolgoroukoff, sa mort serait attribuable „aux continuelles émotions dues aux insuccès de politique et aux démêlés de notre cour avec Napoléon". La comtesse Saltykoff eut une fille qui mourut en bas âge et trois fils, Dmitri (1767—1826), qui était aveugle, Alexandre (1775—1837) et Serge (1776—1828).

(D'après un original de Quadal, appartenant à la princesse sérénissime A. Saltykoff, St-Pétersbourg.)

107

Пис. Квадаль — Peint par Quadal

Свътл. князь Николай Ивановичъ Салтыковъ, 1736—1816

Le Prince Nicolas Ivanowitch Saltykoff, 1736—1816

108

Пис. Квадаль — Peint par Quadal

Графиня Наталія Владиміровна Салтыкова, 1737—1812

La Comtesse Natalie Vladimirowna Saltykoff, 1737—1812

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Свѣтлѣйшій князь **АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ САЛТЫКОВЪ**, 1775—1837, сынъ фельдмаршала князя Николая Ивановича отъ брака съ княжной Наталіей Владиміровной Долгорукой, родился 27 Декабря 1775 г.; въ 1787 г. былъ уже подпоручикомъ Семеновскаго полка, а 25 Марта 1790 г. пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Въ царствованіе Павла I, 12 Ноября 1796 г. пожалованъ въ камергеры, въ 1798 г. въ тайные совѣтники и командоромъ Мальтійскаго ордена, а въ слѣдующемъ году, 16 Марта,—гофмейстеромъ ко двору Великой Княжны Маріи Павловны. Со вступленіемъ на престолъ Императора Александра, съ которымъ онъ вмѣстѣ росъ, но который къ нему не благоволилъ, благодаря „какимъ-то дѣтскимъ ссорамъ“, Салтыковъ былъ переведенъ 7 Апрѣля 1801 г. членомъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ. Въ 1805 г., по случаю отпуска на 2 года за границу графа Ю. А. Головкина, на дочери котораго, Наталіи, онъ былъ женатъ съ Апрѣля 1801 г., исправлялъ должность оберъ-церемоніймейстера Высочайшаго двора. Въ слѣдующемъ году назначенъ сенаторомъ, а 2 Іюля 1806 г. товарищемъ Министра Иностранныхъ дѣлъ, и управлялъ министерствомъ съ 16 Марта 1807 г. до возвращенія министра барона Будберга, ѣздившаго съ Государемъ за границу. 4 Февраля 1810 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и 12 Іюля—директоромъ Коммиссіи погашенія долговъ. 9 Апрѣля 1812 г. Салтыкову вновь поручено было управленіе Министерствомъ Иностранныхъ дѣлъ, за отсутствіемъ канцлера графа Румянцева, и присутствовать въ Комитетѣ министровъ. 12 Декабря того же года онъ былъ уволенъ отъ управленія министерствомъ, а 5 Марта 1817 г.— „отъ всѣхъ дѣлъ, по разстроенному здоровью“. Съ 30 Августа 1814 г. онъ сдѣлался свѣтлѣйшимъ княземъ по случаю пожалованія этого титула его отцу. Князь А. Н. Салтыковъ умеръ въ Москвѣ, 27 Января 1837 года и похороненъ въ Донскомъ монастырѣ.

Современники очень лестно отзывались о князѣ Салтыковѣ, одни называли его „милымъ человѣкомъ“, другіе восхваляли его „любовь къ справедливости и праведнымъ требованіямъ“; Карамзинъ считалъ его „человѣкомъ умнымъ и пріятнымъ“ и писалъ Дмитріеву, что „въ Петербургѣ не много такихъ людей“. Вообще по уму, благородству характера, по образованію, его признавали выдающимся человѣкомъ своего времени. Вигель такъ изображаетъ князя А. Н. Салтыкова: „Онъ былъ блѣденъ, сухъ и казался старѣе своихъ лѣтъ. Выросши съ Императоромъ Александромъ, онъ имѣлъ въ манерахъ что-то съ нимъ сходное: важность безъ спѣси и учтивость, удерживающую всякую короткость. Умственнымъ образованіемъ онъ мало отличался отъ другихъ вельможскихъ дѣтей того времени: напитанъ французской литературой, проникнутъ духомъ французской аристократіи и исполненъ знанія французской исторіи. На французскомъ языкѣ изъяснялся лучше, чѣмъ на природномъ; на немъ, однакоже, не упускалъ случая искренно хвалить свое отечество. Общее мнѣніе сильно его поддерживало: предполагаемыя въ немъ познанія, видъ спокойствія, непоколебимости, любовь къ отчизнѣ заставляли въ немъ видѣть истинно-великаго государственнаго человѣка и сѣтовать, что онъ занимаетъ ничтожное мѣсто“... Однако, въ дѣлахъ, по мнѣнію Вигеля, онъ оказался „ниже своей репутаціи“. Современники приписываютъ Салтыкову эпиграмму на Козодавлева:

„Великій сей министръ въ исторіи-бъ гремѣлъ
И съ Колбертомъ его потомство бы сравнило,
Изъ внутреннихъ когда бы дѣлъ
Наружу ничего не выходило“...

(Съ портрета 1812 г.; собственность князя С. М. Голицына, с. Кузьминки, Московской губ.)

110

Le prince sérénissime SERGE NIKOLAEWITCH SALTYKOFF, 1776—1828, frère cadet du prince Alexandre Saltykoff, naquit le 6 juin 1776. En 1787, il fut sous-lieutenant au régiment Sémenowsky, en 1788 lieutenant, et, le 25 mars 1790, fut élevé à la dignité de gentilhomme de la chambre; le 1er janvier 1794, il fut promu capitaine et, le 12 novembre 1796, fait chambellan. Sous le règne de l'Empereur Paul, il fut en 1798 nommé conseiller privé, puis commandeur de l'ordre de Saint-Jean-de-Jérusalem, et en 1799 écuyer de la Cour de la Grande-Duchesse Marie Pavlowna, où son frère aîné Alexandre était maître de la Cour. En 1807, il fut fait, le 15 mars, sénateur au 1er et au 5e départements du Sénat, et, en 1811, membre du comité pour l'assimilation de la hiérarchie polonaise à la hiérarchie russe, puis du comité pour les arriérés du fermage de l'alcool, accumulés plusieurs années par suite de la peste d'abord, et ensuite de l'invasion. Il fut nommé, le 30 août 1823, membre du Conseil de l'Empire et, l'année suivante, de la commission pour la construction de la cathédrale St-Isaac. Le 10 décembre 1824, il reçut l'ordre de siéger au comité près le Conseil de l'Empire pour les examens de promotion dans la hiérarchie des grades et d'entrée au service. Le 2 octobre 1827, il fut promu conseiller privé actuel.

Le prince Saltykoff mourut le 25 avril 1828. Il avait épousé la princesse Catherine Vassiliewna Dolgorouky, dont il n'eut pas d'enfants.

Constantin Boulgakoff écrivait à son frère à Moscou, au sujet de sa mort: „Le prince S. Saltykoff est mort hier. Il n'a pas fait de testament; par conséquent, sa femme n'aura que le septième de son bien, et on dit qu'il voulait lui laisser tout pour sa vie durant. Tout le monde la plaint. Et le fait est qu'il pouvait bien lui laisser au moins la maison!“

(D'après un original appartenant à la princesse sérénissime A. Saltykoff, St-Pétersbourg.)

111

Свѣтлѣйшая княгиня **ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВНА САЛТЫКОВА**, 1789—1862, дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Василія Васильевича Долгорукаго, женатаго на прославленной современниками красавицѣ княжнѣ Екатеринѣ Федоровнѣ Барятинской, 22 Іюля 1808 г. была пожалована во фрейлины и затѣмъ вышла замужъ за графа (съ 1814 г. свѣтлѣйшій князь) Сергѣя Николаевича Салтыкова.

Овдовѣвъ 25 Апрѣля 1828 г., не имѣя дѣтей, княгиня Салтыкова всю свою жизнь прослужила при дворѣ, будучи однимъ изъ самыхъ близкихъ лицъ къ Царской фамиліи. 30 Іюня 1835 г. она была пожалована въ статсъ-дамы, а съ 1840 г. по 1855 г. исправляла должность гофмейстерины при дворѣ Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Она пользовалась большимъ значеніемъ и силой при дворѣ, и М. А. Паткуль, рожденная маркиза де-Траверсе, которую очень любила Великая Княгиня Марія Александровна, не разъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ имя суровой свѣтлѣйшей княгини Салтыковой, которая неблагосклонно смотрѣла на всякое нарушеніе этикета, и которой она сильно побаивалась. Со вступленіемъ на престолъ Императора Александра II, княгиня Салтыкова была гофмейстериной Императрицы и кавалерственной дамой ордена св. Екатерины большого креста. Она умерла въ Декабрѣ 1862 года, въ глубокой старости.

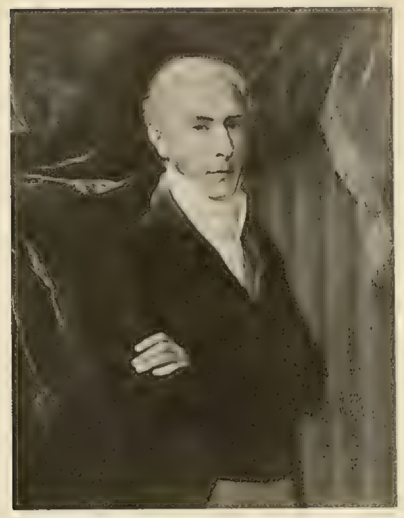
(Съ портрета, принадлежащаго свѣтлѣйшей княгинѣ А. С. Салтыковой, С.-Петербургъ.)

111

La princesse sérénissime CATHERINE VASSILIEWNA SALTYKOFF, 1789—1862, fille du prince Basile Vassiliewitch Dolgorouky, conseiller privé actuel, et de la princesse Catherine Féodorowna Bariatinsky, vantée pour sa beauté par les contemporains, fut faite demoiselle d'honneur le 22 juillet 1808, puis épousa le comte, depuis 1814 prince sérénissime, Serge Nikolaewitch Saltykoff. Restée veuve le 25 avril 1828, sans enfants, elle passa toute sa vie au service à la Cour et fut un des personnages les plus intimes de la Famille Impériale. Le 30 juin 1835, elle fut faite dame d'honneur, puis, de 1840 à 1855, remplit à la Cour du Grand-Duc Héritier Alexandre Nikolaewitch les fonctions de maîtresse de la Cour. Elle était d'une grande importance et d'un grand poids à la Cour, et Mme Patkoul, née marquise de Traversé, qui était très aimée de la Grande-Duchesse Marie Alexandrowna, mentionne plus d'une fois dans ses Souvenirs le nom de la sévère princesse sérénissime Saltykoff, qui voyait d'un mauvais œil toute infraction à l'étiquette et dont elle avait grand peur. A l'avènement de l'Empereur Alexandre II, la princesse Saltykoff devint maîtresse de la Cour de l'Impératrice et grand croix de l'ordre de Ste-Catherine. Elle mourut dans une vieillesse avancée, en décembre 1862.

(D'après un original appartenant à la princesse sérénissime A. Saltykoff, St-Pétersbourg.)

109

[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]
[illegible]	[illegible]

110

Свътл. князь Серг[illegible] [illegible] — P[illegible] S[illegible] N[illegible]
Салтыковъ, — Saltykoff,
1776 — 1828 — 1776 — 1828

111

[illegible]
Салтыкова, — Saltykoff,
1789 — 1862 — 1789 — 1862

112

МАРІЯ СТЕПАНОВНА ТАЛЫЗИНА, 1742—1796, и **СТЕПАНЪ СТЕПАНОВИЧЪ АПРАКСИНЪ**, 1757—1827. Марія Степановна, вторая дочь фельдмаршала Степана Федоровича Апраксина (1702—1758) отъ брака съ Аграфеной Леонтьевной Соймоновой (1719—1771), родилась 20 Мая 1742 года. Воспитывалась она въ имѣніи отца своего, с. Ольговѣ, Московской губерніи, перешедшемъ затѣмъ къ ея брату. 19 Января 1763 г. М. С. Апраксина вышла за поручика Семеновскаго полка Александра Федоровича Талызина, одного изъ участниковъ въ дѣлѣ возведенія на престолъ Екатерины II. Не такая красивая, какъ сестра ея, блестящая княгиня Елена Степановна Куракина, Марія Степановна Талызина въ молодости была „пребойкая и пребѣдовая", охотница до ночныхъ катаній съ адъютантами отца; какъ говорятъ, за нею ухаживалъ даже покровитель ея старшей сестры, графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ. Впослѣдствіи она близко сошлась съ извѣстнымъ графомъ Никитой Ивановичемъ Панинымъ, и отношенія эти прекратились лишь со смертью Панина. Сильно растолстѣвшая съ годами, она уже никого не могла плѣнять своею наружностью; это вызвало со стороны одного пріѣзжаго въ Петербургъ дипломата замѣчаніе, что вѣрность стараго графа дѣлаетъ ему честь, такъ какъ другой, на его мѣстѣ, не нашелъ бы въ себѣ достаточной для этого добродѣтели. Тяжеловѣсная фигура Маріи Степановны, сдѣлавшаяся пословицею въ семействѣ, не мѣшала, однако, ей любить свѣтскія развлеченія и танцы и удивлять своихъ молодыхъ племянниковъ легкостью, съ которою она танцовала „не только менуэты и польскіе, но и контрдансы". Благодаря своей близости къ Панину, М. С. Талызина была очень извѣстна въ петербургскихъ дипломатическихъ кружкахъ и между иностранными дипломатами имѣла репутацію интригантки. Будучи родною теткою „великолѣпныхъ" князей Александра и Алексѣя Борисовичей Куракиныхъ, опекуномъ коихъ состоялъ ея мужъ, Марія Степановна пользовалась съ ихъ стороны большою любовью и уваженіемъ и принимала большое участіе въ ихъ воспитаніи; у нея же воспитывался послѣ смерти матери и братъ ея, Степанъ Степановичъ Апраксинъ, извѣстный Московскій красавецъ и пожиратель сердецъ въ молодости, впослѣдствіи генералъ-отъ-кавалеріи, богачъ, принимавшій всю Москву у себя въ Ольговѣ, любитель театра, всякихъ увеселеній и причудъ, человѣкъ пустой, но гостепріимный, простой и добрый, временами самодуръ, не знавшій предѣла своимъ выдумкамъ. Овдовѣвъ, Марія Степановна постоянно проживала въ домѣ брата до самой его женитьбы (въ Іюлѣ 1793 г.), раздѣливъ 12 Октября 1790 г. между дѣтьми все свое имѣніе, по 500 душъ на каждаго, при чемъ дѣти обязаны были выплачивать матери по 1000 руб. въ годъ, а сыновья заплатить ея долги въ размѣрѣ 120/т. руб., на что имъ былъ данъ особо домъ въ Петербургѣ, на Новой Морской.

Талызина оставила двухъ сыновей: Степана и Петра, и двухъ дочерей: Екатерину (за дѣйств. тайнымъ совѣтникомъ М. А. Обресковымъ) и Татьяну (въ первомъ бракѣ за дѣйств. статскимъ совѣтникомъ М. Я. Гедеоновымъ, а во второмъ за дѣйств. статскимъ совѣтникомъ С. А. Шишкинымъ).

М. С. Талызина умерла 10 Декабря 1796 г. въ Москвѣ и похоронена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, рядомъ съ братомъ.

На прилагаемой миніатюрѣ она изображена вмѣстѣ съ братомъ С. С. Апраксинымъ, котораго очень любила (Біографію его см. въ I т. изданія „Русскіе Портреты", № 156).

(Съ миніатюры, принадлежащей Л. и В. А. Талызинымъ, с. Денежниково, Московской губ.)

112

MARIE STÉPANOWNA TALYZINE, 1742—1796, et **STÉPHANE STÉPANOWITCH APRAXINE**, 1757—1827. Marie Stépanowna, seconde fille du feld-maréchal Stéphane Féodorowitch Apraxine (1702—1758) et d'Agrippine Léontiewna, née Soïmonoff (1719—1771), naquit le 20 mai 1742. Elle fut élevée dans la propriété de son père, Olgovo, près Moscou, qui passa ensuite à son frère. Elle épousa le 19 janvier 1765 Alexandre Féodorowitch Talyzine, lieutenant au régiment Sémenowsky, un des acteurs de l'élévation au trône de Catherine II. Moins belle que sa sœur, la brillante princesse Hélène Stépanowna Kourakine, elle était dans sa jeunesse „d'une hardiesse et d'une espièglerie extrêmes" et grand amateur de promenades nocturnes en compagnie des aides de camp de son père; on dit même qu'elle reçut les hommages du protecteur de sa sœur aînée, le comte Pierre Ivanowitch Chouvaloff. Plus tard, elle se lia avec le célèbre comte Nikita Panine, et la liaison ne cessa qu'à la mort de Panine. Devenue d'un embonpoint extrême avec l'âge, elle finit par n'avoir rien de séduisant, ce qui fit dire à un diplomate de passage à Pétersbourg: „Cela fait honneur au vieux ministre: à sa place, je ne me sentirais pas autant de vertu". Sa corpulence, devenue proverbiale dans la famille, ne l'empêchait du reste pas d'aimer les divertissements mondains et la danse, et d'étonner ses jeunes neveux par la légèreté avec laquelle elle dansait „non seulement le menuet et la polka, mais aussi la contre-danse". Grâce à son intimité avec Panine, elle était bien connue dans les cercles diplomatiques de Pétersbourg, et avait parmi les diplomates étrangers la réputation d'une intrigante. Ses neveux, les „magnifiques" princes Alexandre et Alexis Kourakine, dont son mari était le tuteur, avaient pour elle une grande affection et une grande considération: elle s'occupa beaucoup de leur éducation, et se chargea également, après la mort de sa mère, de celle de son frère, Stéphane Stépanowitch Apraxine, dans la suite général de cavalerie, connu à Moscou dans sa jeunesse comme bel homme et mangeur de cœurs: fort riche, il recevait toute la ville à sa maison d'Olgovo; grand amateur de théâtre et de toute espèce de distractions et de fantaisies, c'était un homme futile, mais hospitalier, simple et bon, parfois extravagant et ne connaissant pas de bornes à ses caprices. Devenue veuve, sa sœur habita constamment chez lui jusqu'à son mariage en juillet 1793. Elle partagea tout son bien entre ses enfants le 12 octobre 1790: il leur revint 500 têtes de paysans à chacun, mais avec l'obligation de lui servir une pension annuelle de 1000 roubles chacun, et pour les fils, de payer ses 120.000 roubles de dettes, en échange de quoi ils reçurent pour eux en particulier une maison à Pétersbourg, sur la Nouvelle Morskaïa.

Mme Talyzine laissa deux fils, Stéphane et Pierre, et deux filles, Catherine, mariée au conseiller privé actuel M. Obreskoff, et Tatiana, en premières noces au conseiller d'état actuel M. Gédéonoff et en secondes noces au conseiller d'état actuel S. Chichkine.

Elle mourut à Moscou le 10 décembre 1796 et fut inhumée au monastère Novodévitchy, près de son frère.

La miniature ci-jointe la représente avec son frère S. Apraxine, qu'elle aimait beaucoup (v. sa biographie, Portraits Russes, t. I, № 156).

(D'après une miniature appartenant aux sœurs L. et V. Talyzine, Dénejnikovo, gouv. de Moscou.)

АЛЕКСАНДРЪ ФЕДОРОВИЧЪ ТАЛЫЗИНЪ, 1734—1787, сынъ тайнаго совѣтника Федора Лукьяновича и его жены Татьяны Семеновны († послѣ 1793 г.), началъ службу солдатомъ въ Семеновскомъ полку въ 1749 г., въ 1753 г. былъ подпрапорщикомъ, въ 1755 г.—сержантомъ; произведенный Петромъ III 25 и 30 Декабря въ прапорщики и подпоручики, тѣмъ не менѣе сдѣлался ревностнымъ приверженцемъ Императрицы, и имъ было много сдѣлано для привлеченія Семеновскаго полка на ея сторону. Въ день переворота 28 Іюня 1762 г. Талызинъ находился при Государынѣ, когда она выступила въ походъ противъ мужа съ гвардейскими полками, только-что провозгласившими ее Императрицей. Княгиня Дашкова такъ пишетъ въ своихъ мемуарахъ: „L'impératrice devait endosser l'uniforme de l'un des régiments des gardes, et moi en faire de même. Sa Majesté emprunta l'uniforme du capitaine Talyzine et moi celui du lieutenant Pouchkine, comme ces deux officiers étaient assez approchants de notre taille“. Однако, мундиръ не совсѣмъ пришелся впору къ бюсту Императрицы, его нельзя было застегнуть на пуговицы и пришлось наскоро сдѣлать къ верхнимъ петлямъ завязки; къ подпоручичьему мундиру Императрица сама приколола шитую Андреевскую звѣзду и возложила голубую ленту. Мундиръ изъ простого, довольно грубаго сукна хранился съ этими регаліями въ теченіе почти 150 лѣтъ, сначала у Апраксиныхъ въ с. Ольговѣ, Московской губ., а потомъ въ Денежниковѣ у послѣднихъ представительницъ рода Талызиныхъ, сестеръ Л. и В. А. Талызиныхъ, которыми 7 Февраля 1902 г. историческій мундиръ переданъ въ музей Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка.

2 Августа 1762 г. Талызинъ былъ произведенъ въ поручики и 30 Ноября пожалованъ въ камеръ-юнкеры; онъ навсегда сохранилъ близость ко двору, чему способствовала еще и его женитьба 19 Января 1763 г. на дочери фельдмаршала Маріи Степановнѣ Апраксиной, чрезъ которую онъ породнился съ Паниными и князьями Куракиными. Въ это время Талызинъ часто приглашался къ обѣденному столу къ Великому Князю Павлу Петровичу, участвовалъ въ его играхъ и сопровождалъ въ поѣздкахъ верхомъ по окрестностямъ Петербурга. 19 Апрѣля 1765 г. Талызинъ произведенъ въ капитанъ-поручики, въ 1769 г., 22 Сентября—въ капитаны, затѣмъ участвовалъ „волонтеромъ“ въ 1-й Турецкой войнѣ, а по возвращеніи оттуда пожалованъ 3 Октября 1770 г. въ камергеры, съ оставленіемъ „сверхъ комплекта“ въ спискахъ Семеновскаго полка. Въ 1779 г., 5 Мая, получилъ чинъ тайнаго совѣтника и назначенъ сенаторомъ. Съ 1777 г. по 1785 г. Талызинъ часто бывалъ при дворѣ на Эрмитажныхъ собраніяхъ, на придворныхъ свадьбахъ, „угощалъ отъ двора“ посольство Имеретинскаго царя Давида, постоянно участвовалъ на выходахъ Императрицы 30 Августа въ Александро-Невскую лавру и за оберъ-камергера несъ шлейфъ.

Талызинъ имѣлъ свое хорошее состояніе, да у жены его было 2000 душъ и домъ въ Петербургѣ, на Новой Морской. Въ Москвѣ Талызинъ жилъ въ собственномъ домѣ на Воздвиженкѣ (теперь казначейство). Заботясь о воспитаніи своихъ сыновей, въ воспитатели къ нимъ онъ пригласилъ француза де-Сальморана, бывшаго потомъ у Зорича директоромъ Шкловскаго училища и замѣшаннаго въ дѣлѣ о фальшивыхъ ассигнаціяхъ. Позднѣе его сыновья учились въ Штутгартѣ. А. Ф. Талызинъ былъ добрый человѣкъ и снисходительный помѣщикъ: когда его Шацкіе крестьяне не только примкнули къ Пугачевцамъ, но и сами, подъ предводительствомъ старосты, ходили въ лѣса ловить дворянъ и грабить, онъ не только самъ простилъ ихъ, но и ходатайствовалъ о смягченіи суровой кары и заслуженнаго ими возмездія.

А. Ф. Талызинъ умеръ въ 1787 г.; гдѣ онъ похороненъ—намъ неизвѣстно.

(Съ миніатюры изъ собранія Л. и В. А. Талызиныхъ, с. Денежниково, Московской губ.)

ALEXANDRE FÉODOROWITCH TALYZINE, 1734—1787, fils de Théodore Loukianowitch Talyzine, conseiller privé, et de Tatiana Sémenowna († après 1793), sa femme, entra au service en 1749 comme simple soldat au régiment Sémenowsky; en 1753, il était porte-enseigne, en 1755 sergent. Fait sous-lieutenant par Pierre III, il n'en fut pas moins partisan zélé de l'Impératrice et fit beaucoup pour ranger le régiment Sémenowsky à ce parti. Au coup d'état du 28 juin 1762, il était aux côtés de l'Impératrice quand elle marcha contre son mari à la tête de la Garde qui venait de la proclamer. La princesse Dachkoff écrit dans ses mémoires: „L'Impératrice devait endosser l'uniforme de l'un des régiments des Gardes, et moi en faire de même. Sa Majesté emprunta l'uniforme du capitaine Talyzine et moi celui du lieutenant Pouchkine, comme ces deux officiers étaient assez approchants de notre taille". Pourtant la casaque ne se trouva pas juste à la taille de l'Impératrice: on ne put la boutonner et il fallut faire à la hâte des attelles aux boutonnières du haut; Catherine fixa elle-même à son uniforme de sous-lieutenant l'étoile brodée de St-André et revêtit le cordon bleu. Le vêtement, de drap simple et assez grossier, fut conservé avec ces attributs pendant près de cent cinquante ans, d'abord chez les Apraxine à Olgovo, près Moscou, puis à Dénejnikovo chez les derniers représentants des Talyzine, les sœurs L. et V. Talyzine, qui en firent don le 7 février 1902 au musée du régiment Sémenowsky de la Garde.

Le 2 août 1762, Talyzine fut promu lieutenant et le 30 novembre fait gentilhomme de la chambre; il resta depuis toujours à la Cour, grâce aussi à son mariage, le 19 janvier 1763, avec la fille Marie Stépanowna du feld-maréchal Apraxine, qui le mit en relations de parenté avec les Panine et les princes Kourakine. A cette époque il dînait souvent à la table du Grand-Duc Paul Pétrowitch, prenait part à ses jeux et l'accompagnait dans ses promenades à cheval aux environs de Pétersbourg. Le 19 avril 1765, il passa capitaine-lieutenant et le 22 septembre 1769 capitaine, puis fit comme volontaire la première guerre de Turquie et fut à son retour fait chambellan le 3 octobre 1770, tout en étant maintenu „hors cadres" au régiment Sémenowsky. Le 5 mai 1779, il devint conseiller privé et fut nommé sénateur. De 1777 à 1785, il alla souvent aux réunions de l'Ermitage, aux mariages de la Cour, „traita pour le compte de la Cour" l'ambassade du roi d'Imérétie David, et ne manqua jamais d'accompagner l'Impératrice dans sa visite du 30 août au monastère d'Alexandre Newsky et de faire fonctions de grand chambellan en portant la traîne.

Talyzine avait une sérieuse fortune personnelle, puis sa femme possédait 2000 têtes de paysans et une maison à Pétersbourg sur la Nouvelle Morskaïa. A Moscou, il habitait sa maison de la Vozdvijenka (aujourd'hui le Trésor). Il s'occupa de l'éducation de ses fils et leur fit venir comme précepteur le français de Salmorand, qui fut plus tard directeur de l'Ecole de Chkloff fondée par Zoritch et se compromit ensuite dans une affaire de fausses assignations. Ses fils complétèrent leur éducation à Stuttgard. Talyzine était un excellent homme et un propriétaire tendre: quand ses paysans eurent non seulement adhéré aux partisans de Pougatcheff, mais encore entrepris eux-mêmes sous la direction de leur staroste des incursions dans les bois pour se saisir des nobles et piller, il leur pardonna d'abord et intercéda encore pour adoucir le châtiment rigoureux et les représailles qu'ils méritaient.

Talyzine mourut en 1787; nous n'avons pu savoir où il fut inhumé.

(D'après une miniature de la collection des sœurs L. et V. Talyzine, Dénejnikovo, près Moscou.)

СТЕПАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ТАЛЫЗИНЪ, 1765—1815, учился въ Штутгартѣ. Вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Петромъ онъ служилъ въ Измайловскомъ полку и въ одинъ и тотъ же день производился въ чины, пока, 5 Мая 1789 г., не былъ выпущенъ въ армію подполковникомъ; онъ былъ опредѣленъ во 2-й батальонъ Бѣлорусскаго егерскаго корпуса и участвовалъ во 2-й Турецкой войнѣ, служа подъ знаменами Суворова, который съ этого времени его полюбилъ. За храбрость и взятіе 11 Декабря 1790 г. батареи во время штурма Измаила награжденъ орд. св. Георгія 4 класса. Въ 1792 г. онъ былъ уже съ Суворовымъ въ Польшѣ и 3 Октября 1794 г. произведенъ въ полковники, съ назначеніемъ командиромъ Орловскаго пѣхотнаго полка. Въ Варшавѣ, 27 Іюля 1793 г., онъ женился на полькѣ Магдалинѣ Петровнѣ (фамилія неизвѣстна), и отъ этого брака 22 Марта 1795 г. родился его единственный сынъ, Александръ, крестникъ Суворова. Послѣдній 13 Апрѣля 1795 г. писалъ отцу: „Имени моему утѣха, а Вамъ съ Магдалиной Петровной больше, со временемъ у Васъ будетъ полна изба солдатъ, мой долгъ при Васъ о нихъ пещись. Господь Богъ соблюди Васъ и любезнаго Александра Степановича. Желаю Вамъ чести и славы. Пребуду по конецъ жизни моей съ дружбою и истиннымъ почтеніемъ“. Пожеланіе Суворова не осуществилось: чрезъ годъ жена его скончалась и погребена въ Луцкѣ, въ склепѣ каѳедральнаго костела. Бракъ былъ самый счастливый, и, 17 лѣтъ спустя, Талызинъ, посѣтивъ склепъ, по его словамъ, скорбѣлъ о своей потерѣ. Суворовъ также писалъ ему: „Я плачу“. Но самъ Талызинъ плакалъ недолго и 6 Января 1797 г. женился опять на полькѣ, Аннѣ Александровнѣ Витушинской. 1 Октября этого же года онъ былъ произведенъ въ генералъ-майоры, но 14 Февраля 1798 г. „выкинутъ изъ службы“, затѣмъ снова принятъ и 22 Сентября 1798 г. назначенъ комендантомъ въ Астрахань. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ лишился второй своей жены († 20 Февраля 1799 г.) и дочери Маріи (р. 17 Сентября 1798 г., † 5 Марта 1799 г.), умершихъ въ м. Сарептѣ, гдѣ онѣ и похоронены. Въ день смерти жены, Талызинъ былъ отставленъ отъ службы „за неспособностью отправлять свою должность“, но со вступленіемъ на престолъ Александра I былъ принятъ 12 Марта 1801 г. на службу и 10 Апрѣля назначенъ шефомъ Павловскаго гренадерскаго полка; 2 Мая 1802 г. долженъ былъ выйти въ отставку. Только въ 1812 г. ему пришлось еще разъ участвовать въ бояхъ при Маломъ-Ярославцѣ, Тарутинѣ и Нѣмцовѣ въ качествѣ командира части Московской милиціи.

Талызинъ былъ женатъ 3 раза: въ 3-й бракъ онъ вступилъ 20 Января 1800 г. съ 38-лѣтней княжной Маріей Васильевной Голицыной (р. 5 Марта 1762 г., † 5 Января 1853 г.), отъ которой имѣлъ дочь Марію (р. 6 Мая 1808 г., † 29 Мая 1821 г.) и сына Василія, умершаго вскорѣ послѣ рожденія. Бракъ этотъ не былъ счастливымъ, супруги тяготились другъ другомъ и большею частью жили отдѣльно. Талызинъ жаловался сыну на „неуживчивый, строптивый характеръ и ревность“ мачехи, но жена имѣла полное къ тому основаніе: въ самое это время у мужа являются 3 „воспитанника“: Василій и Анна Гурьяновы († около 1833 г.) и Ив. Ст. Виттъ. Даже свою предсмертную болѣзнь Талызинъ приписывалъ „постоянному раздраженію“ на жену, на рукахъ которой скончался 19 Апрѣля 1815 г. въ Москвѣ; похороненъ въ г. Дмитровѣ, въ Борисоглѣбскомъ мужскомъ монастырѣ. Тамъ же погребены его дочь Марія и жена, прожившая послѣ него почти 40 лѣтъ въ Москвѣ, въ Денежномъ переулкѣ, и завѣщавшая все свое имѣніе и капиталъ въ 30/т. руб. на училище для дѣвицъ (теперь „Маріинскій Институтъ“ въ Москвѣ).

Человѣкъ очень богатый, владѣлецъ почти 4/т. душъ, Талызинъ былъ нерасчетливый и плохой хозяинъ; онъ построилъ заводы сахарный и винокуренный въ Денежниковѣ, но всѣ его коммерческія затѣи обыкновенно кончались полной неудачей. Онъ любилъ хорошо и широко жить, имѣлъ свой крѣпостной оркестръ музыки и въ результатѣ оставилъ сыну крупные долги. Талызинъ на всю жизнь сохранилъ память и почитаніе Суворова. Давая сыну совѣтъ (въ 1813 г.) „не забывать милостей начальниковъ“ и быть имъ преданнымъ, даже когда „фортуна обернется къ нимъ спиной“, онъ писалъ: „Суворовъ былъ мой благодѣтель, ты сіе знаешь; когда его сослали въ ссылку къ своимъ помѣстьямъ, при семъ положеніи всѣми былъ оставленъ и брошенъ, но я отъ него не отставалъ и съѣздилъ въ его деревню переодѣтымъ слугою, рискуя, если бы сіе узнали, то не миновать бы мнѣ Сибири!“ Впослѣдствіи этотъ единственный сынъ, крестникъ Суворова, женился на внучкѣ Суворова, гр. Ольгѣ Николаевнѣ Зубовой, дочери извѣстной „Суворочки“.

(Съ миніатюры, принадлежащей Л. и В. А. Талызинымъ; с. Денежниково, Московской губ.)

STÉPHANE ALEXANDROWITCH TALYZINE, 1765—1815, fit ses études à Stuttgard. Il servit en même temps que son plus jeune frère Pierre au régiment Izmaïlowsky et reçut tous ses grades le même jour que lui, jusqu'à ce que, le 5 mai 1789, il passât lieutenant-colonel à l'Armée. Il alla alors servir au 2e bataillon du corps des chasseurs Bélorousky et fit la seconde campagne de Turquie sous les aigles de Souvoroff, qui le prit en affection depuis cette époque. Sa bravoure et l'enlèvement d'une batterie à l'assaut d'Ismaïl, le 11 décembre 1790, lui valurent St-Georges de 4e classe. En 1792, il était en Pologne avec Souvoroff et fut le 3 octobre 1794 promu colonel et mis à la tête du régiment d'infanterie Orlowsky. Il épousa à Varsovie le 27 juillet 1793 une polonaise, Madeleine Pétrowna (nom de famille inconnu), dont il eut, le 22 mars 1795, un fils unique, Alexandre, filleul de Souvoroff, qui lui écrivait le 13 avril suivant: „Joie de mon nom et encore plus la vôtre et celle de Madeleine Pétrowna! Avec le temps vous aurez toute une maisonnée de soldats, et mon devoir près de vous est d'en avoir soin. Dieu vous ait en sa garde, ainsi que le digne Alexandre Stépanowitch. Je vous souhaite honneur et gloire. Je vous assure jusqu'à mon dernier jour de mon amitié et de ma considération sincère". Les souhaits de Souvoroff ne se réalisèrent pas: un an après, Mme Talyzine mourait; elle fut inhumée à Loutzk, dans la crypte de la cathédrale. Le mariage avait été des plus heureux, et Talyzine dit lui-même que, dix-sept ans plus tard, dans une visite à la crypte, il se désolait encore de sa perte. Souvoroff lui écrivit aussi: „Je pleure". Mais Talyzine lui-même ne pleura pas longtemps, et, le 6 janvier 1797, épousa une autre polonaise, Anne Alexandrowna Vitouchinsky. Le 1er octobre de la même année, il passa général major, mais, le 14 février 1798, fut „rayé du service": il y rentra pour être nommé, le 22 septembre suivant, commandant d'Astrakhan. Quelques mois après, il perdit sa seconde femme, le 20 février 1799, et sa fille Marie (17 septembre 1798—5 mars 1799), à Sarenta, où elles furent inhumées. Le jour de la mort de sa femme, il avait été destitué „pour son incapacité à remplir sa fonction", mais, à l'avènement d'Alexandre Ier, il reprit du service le 12 mars 1801, et fut nommé, le 10 avril, chef du régiment de grenadiers Pavlowsky. Il dut prendre sa retraite le 2 mai 1802. En 1812 seulement, il put encore une fois aller au feu, à Malo-Yaroslavetz, Taroutino et Nemtzovo, comme commandant d'un corps de milice moscovite.

Talyzine fut marié trois fois: il épousa en troisièmes noces, le 20 janvier 1800, la princesse Marie Vassiliewna Golitzyne (5 mars 1762—5 janvier 1853), alors âgée de 38 ans, dont il eut une fille Marie (6 mai 1808—29 mai 1821) et un fils Basile, qui ne vécut pas. Cette troisième union ne fut pas heureuse: les époux s'étaient à charge réciproquement et vivaient presque toujours séparés. Lui se plaignait à son fils „du caractère invivable et intraitable et de la jalousie" de sa belle-mère, mais elle ne manquait pas de raisons: à cette époque même apparaissent dans la vie de son mari trois „pupilles", Basile et Anne Gourianoff († vers 1853) et I. Witt. Il attribue même la maladie qui l'emporta „à sa continuelle irritation" contre sa femme, dans les bras de laquelle il mourut à Moscou le 19 avril 1815; il fut inhumé au monastère de Boris et Glèbe à Dmitrovo. Là furent également inhumées sa fille Marie et sa femme, qui lui survécut quarante ans à Moscou et légua tous ses biens et un capital de 50.000 roubles pour la fondation d'une école de jeunes filles, aujourd'hui l'Institut Marie de Moscou.

Très riche, possédant près de 4000 têtes de paysans, Talyzine était peu économe et peu entendu; il fonda à Dénejnikovo une sucrerie et une distillerie, mais toutes ses entreprises commerciales aboutissaient d'ordinaire à un insuccès complet. Il aimait vivre bien et sur un grand pied, entretenant un orchestre à lui de serfs musiciens, et laissa finalement de grosses dettes à son fils. Il conserva toute sa vie la mémoire et la vénération du nom de Souvoroff. En donnant à son fils le conseil, en 1813, „de ne pas oublier les faveurs de ses supérieurs" et de leur être dévoué, même quand „la fortune leur tournerait le dos", il écrivait: „Souvoroff fut mon bienfaiteur, tu le sais; quand il fut relégué dans ses terres, en présence de cette disgrâce tous l'abandonnèrent, mais je ne le quittai pas et je me déguisai en domestique pour aller le voir à sa campagne, risquant, si j'avais été reconnu, la Sibérie sans rémission!" Ce fils unique, filleul de Souvoroff, épousa plus tard une petite-fille de Souvoroff, la comtesse Olga Nikolaewna Zouboff, fille de la fameuse Souvorotchka.

(D'après une miniature appartenant aux sœurs L. et V. Talyzine, Dénejnikovo, gouv. de Moscou.)

ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ТАЛЫЗИНЪ, 1767—1801, младшій сынъ Александра Федоровича Талызина отъ брака съ Маріей Степановной Апраксиной, родился 17 Января 1767 г.; воспитывался въ Штутгартѣ въ „Высшей герцога Карла школѣ", гдѣ въ 1782 г., 22 Декабря, получилъ патентъ на награды за французскій языкъ и всеобщую исторію. Вмѣстѣ съ братомъ Степаномъ началъ службу въ Измайловскомъ полку и 1 Января 1784 г. произведенъ въ прапорщики, черезъ годъ—въ подпоручики, еще черезъ 2 года—въ поручики, 1 Января 1789 г.—въ капитанъ-поручики, въ 1791 г.—въ капитаны. Произведенный 11 Августа 1797 г. въ генералъ-майоры, переведенъ въ Преображенскій полкъ и назначенъ „командовать баталіономъ, бывшимъ ген.-отъ-инфантеріи князя Голицына". 15 Апрѣля 1799 г. Талызинъ былъ пожалованъ въ ген.-лейтенанты, съ назначеніемъ командиромъ Преображенскаго полка. Въ это время онъ имѣлъ орденъ св. Анны 1 ст. и былъ командоромъ Мальтійскаго ордена. Молодой генералъ, богатый холостякъ, пользовался любовью въ полку. Человѣкъ, получившій по тому времени блестящее образованіе, въ душѣ мистикъ, масонъ, Талызинъ, по свидѣтельству современниковъ, сдѣлался дѣятельнымъ участникомъ заговора противъ Павла I. „Талызинъ былъ единственной надежной подпорой заговорщиковъ и, вѣроятно, былъ умышленно рекомендованъ Павлу на это мѣсто, куда былъ указанъ графомъ Н. П. Панинымъ. Однажды Талызинъ, возвратившись поздно вечеромъ домой, нашелъ на столѣ въ своемъ кабинетѣ запечатанное письмо; распечатываетъ—оно отъ гр. Панина, который проситъ его содѣйствовать Палену въ заговорѣ противъ Императора, говоря, что онъ уже рекомендовалъ его, какъ надежнаго и вѣрнаго человѣка, военному губернатору". Талызинъ не только самъ вступилъ въ число заговорщиковъ, но и завлекъ въ него своихъ офицеровъ Аргамакова и Марина. Талызинъ устраивалъ у себя „интимныя сборища и de petits soupers fins, длившіеся до поздней ночи". Наконецъ, 11 Марта, около 11 ч. вечера, отъ П. Зубова заговорщики, до 40 человѣкъ, собрались на квартирѣ Талызина въ Лейбъ-компанскомъ корпусѣ Зимняго дворца, гдѣ стоялъ 1 батальонъ. Послѣ ужина съ шампанскимъ заговорщики, изъ которыхъ многіе были пьяны, отправились къ Михайловскому замку, гдѣ въ это время уже были Маринъ и Аргамаковъ: первый командовалъ внутреннимъ карауломъ, а второй долженъ былъ докладывать о пожарахъ въ городѣ. Самъ Талызинъ вывелъ батальонъ своего полка и повелъ его къ замку, внушивъ солдатамъ, что нужно спѣшить, ибо жизнь Государя въ опасности; въ замкѣ онъ занялъ наружные входы и приказалъ зарядить ружья... Вѣроятно событіе 11 Марта тяжело повліяло на Талызина, онъ прожилъ ровно 2 мѣсяца и скончался 11 Мая 1801 г.; похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры; на памятникѣ его надпись: „Любезному, нѣжному и вѣрному брату и другу, въ вѣрѣ непоколебимому, въ счастіи и въ несчастіи равному, въ честности отличному и въ дружбѣ неизмѣнному. Воздвигнули сей прискорбія знакъ съ сердечнымъ сѣтованіемъ оставшіеся по немъ 2 сестры и братъ". „Предъ самой кончиной, собственноручнымъ письмомъ" на имя Государя, Талызинъ просилъ, чтобы его большое состояніе, болѣе 2000 душъ, вопреки закона, было раздѣлено на 3 равныя части между братомъ и сестрами; это завѣщаніе было представлено Государю и утверждено на другой же день послѣ его смерти, т.-е. 12 Мая. Смерть Талызина была неожиданной, и современники окружили ее таинственностью. Декабристъ Фонъ-Визинъ пишетъ, что Панинъ и Паленъ хотѣли „ограничить самодержавіе, заставя Александра въ первую минуту принять конституціонный актъ", но Талызинъ, „человѣкъ искренне преданный Александру, убѣждалъ его ни подъ какимъ видомъ не давать согласія, обѣщая, что гвардія сохранитъ вѣрность Александру и поддержитъ его. Александръ послѣдовалъ внушеніямъ Талызина"... Паленъ догадался и „въ отмщеніе ему нашелъ способъ отравить его. Это происходило на 3-й или на 4-й день послѣ трагической кончины Павла. Талызинъ внезапно занемогъ со всѣми признаками отравленія и тотчасъ послалъ за Александромъ. Талызинъ успѣлъ открыть ему свое подозрѣніе и на рукахъ Императора испустилъ духъ". Весь этотъ разсказъ интересенъ, конечно, только какъ отголосокъ циркулировавшихъ въ то время толковъ о его смерти, но не имѣетъ никакихъ признаковъ фактической достовѣрности: Талызинъ умеръ не 4 дня спустя послѣ 11 Марта, а 11 Мая, и Государь, очевидно, не видалъ его предъ смертью, ибо только на другой день узналъ о его завѣщаніи. Однако, таинственные слухи, 11-е число, неожиданность смерти, писаніе наканунѣ завѣщанія,—все это невольно наводитъ на мысль о томъ, не было ли тутъ самоубійства.

(Съ портрета пастелью; собственность Л. и В. А. Талызиныхъ; с. Денежниково, Московской губ.)

PIERRE ALEXANDROWITCH TALYZINE, 1767—1801, plus jeune fils d'Alexandre Féodorowitch Talyzine et de Marie Stépanowna Apraxine, naquit le 17 janvier 1767. Il fit ses études à Stuttgard, à l'Ecole Supérieure du Duc Charles, où il reçut le 22 décembre 1782, un brevet de français et d'histoire générale. Il entra au service, en même temps que son frère Stéphane, au régiment Izmaïlowsky, où il fut porte-enseigne le 1er janvier 1784, sous-lieutenant un an après, lieutenant au bout de deux autres années, capitaine-lieutenant le 1er janvier 1789, capitaine en 1791. Promu le 11 août 1797 général major, il passa au régiment Préobragensky et fut appelé à commander „l'ancien bataillon du général d'infanterie prince Golitzyne". Le 15 avril 1799, il fut fait général lieutenant et nommé chef du régiment Préobragensky; il était alors chevalier de Ste-Anne de 1re classe et commandeur de l'ordre de Malte. Jeune général, riche célibataire, il était fort aimé au régiment. Pourvu d'une éducation brillante dans le goût du temps, âme mystique, franc-maçon, il prit une part active au complot contre Paul Ier. Talyzine était, au témoignage des contemporains, „le seul appui sûr des conjurés et fut sans doute recommandé à dessein à Paul pour être le chef du régiment Préobragensky à la tête duquel il avait été mis sur l'indication du comte N. Panine. En rentrant chez lui un soir tard, il trouve sur son bureau une lettre cachetée; il l'ouvre, elle était du comte Panine, qui le priait de prêter son concours au comte Pahlen pour le complot contre l'Empereur, en lui annonçant qu'il l'avait déjà recommandé au gouverneur militaire comme un homme sûr et fidèle". Non seulement il se mit lui-même au nombre des conjurés, mais encore il y fit entrer deux de ses officiers, Argamakoff et Marine. Il organisa chez lui „des réunions intimes et de petits soupers fins, qui se prolongeaient bien avant dans la nuit". Enfin, le 11 mars, vers 11 heures du soir, les conjurés, au nombre de près de quarante, vinrent de chez Zouboff se réunir chez Talyzine, dans une dépendance du Palais d'Hiver, où se trouvait un bataillon. Après un souper au champagne, ils se dirigèrent, ivres pour la plupart, vers le Palais Michel, où étaient déjà Marine et Argamakoff, le premier à la tête de la garde intérieure, le second chargé d'annoncer les incendies de la ville. Talyzine lui-même fit sortir le bataillon de son régiment et le dirigea sur le Palais, en disant aux soldats qu'il fallait se hâter, car la vie de l'Empereur était en danger; une fois arrivé, il garda les entrées et fit charger les fusils.... L'événement du 11 mars eut sans doute une influence funeste sur lui: il y survécut juste deux mois et mourut le 11 mai 1801. Il fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky, au cimetière St-Lazare; sur sa tombe on lit l'inscription: „A l'aimable, tendre et fidèle frère et ami, inébranlable dans la foi, égal dans le bonheur et le malheur, parfait en honneur et constant en amitié. Ses deux sœurs et son frère survivants ont élevé ce monument de douleur avec une profonde affliction". A son lit de mort, il écrivit de sa main une lettre à l'Empereur pour le prier de faire une exception à la loi en partageant sa grosse fortune, plus de 2000 âmes, entre son frère et ses sœurs: l'Empereur fit droit à cette demande le lendemain même de la mort, le 12 mai. La fin inopinée de Talyzine fut entourée d'un certain mystère par les contemporains. Le décabriste von Vizine raconte que Panine et Pahlen voulaient „restreindre l'autocratie en forçant dès la première minute Alexandre à adopter un acte constitutionnel", mais que Talyzine, „entièrement dévoué à l'Empereur, l'objura de n'y consentir sous aucune forme, lui promettant que la Garde lui resterait fidèle et le soutiendrait, et réussit à le convaincre".... Pahlen comprit, et, „pour se venger, trouva moyen de l'empoisonner: ceci eut lieu le troisième ou le quatrième jour après la fin tragique de Paul. Talyzine éprouva un malaise subit avec tous les symptômes d'un empoisonnement et envoya immédiatement chercher Alexandre, auquel il révéla ses soupçons et dans les bras de qui il expira". L'histoire n'a évidemment d'intérêt que comme écho des bruits qui circulaient alors; l'authenticité en est contredite par les faits: Talyzine mourut non pas quatre jours après le 11 mars, mais le 11 mai, et l'Empereur ne le vit certainement pas avant sa mort, car ce ne fut que le lendemain qu'il eut connaissance du testament. Pourtant, ces bruits secrets, cette date du 11, l'imprévu de l'événement, le testament écrit la veille, tout porte involontairement à se demander s'il ne s'agirait pas là d'un suicide.

(D'après un pastel appartenant aux sœurs L. et V. Talyzine, Dénejnikovo, gouv. de Moscou.)

112

Марія Степановна
Талызина,
1739 — 1796,
и Степанъ Степановичъ
Апраксинъ,
1757 — 1827

Marie Sté[illegible]
Taly*z*i[illegible],
1739 — 1796,
[illegible] Stéphane Stépanowitch
Apraxine,
1757 — 1827

113

[illegible]
Талызинъ,
[illegible] — 1787

[illegible]
Taly[illegible],
[illegible] — [illegible]

114

Степанъ Александровичъ
Талызинъ,
1765 — 1815

Stephan Al[illegible]
Talyzine,
1765 — 1815

115

Петръ Александровичъ
Талызин[illegible],
[illegible]

P[illegible] A[illegible]
T[illegible],
1767 — 1801

ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ МАЙКОВЪ, 1728—1778, сынъ гвардіи капитана Ивана Семеновича отъ брака съ Маріей Аѳанасьевной Алябьевой, родился въ 1728 г. близъ Ярославля, въ имѣніи отца, извѣстнаго покровительствомъ, которое онъ оказывалъ первому русскому актеру Ѳ. Г. Волкову; воспитывался дома, затѣмъ въ Академической гимназіи въ Петербургѣ; записанный въ 1742 г. въ Семеновскій полкъ, Майковъ явился на службу въ 1747 г. и, прослуживъ до 25 Декабря 1761 г., былъ уволенъ въ отставку гвардіи капитаномъ. Во время службы въ Петербургѣ онъ познакомился съ Сумароковымъ, Херасковымъ, И. П. Елагинымъ, П. И. Мелиссино, по примѣру которыхъ обратился къ литературнымъ занятіямъ. По выходѣ въ отставку, Майковъ поселился въ Москвѣ, откуда ѣзжалъ въ свое родовое имѣніе и въ Ярославль, гдѣ въ 1763 г. имѣлъ случай лично поднести Императрицѣ свою оду. Въ Москвѣ онъ сблизился съ литературнымъ кружкомъ Хераскова, Фонвизина, Богдановича и др. и сталъ печатать свои стихотворенія въ журналахъ „Полезное Увеселеніе“ и „Свободные Часы“. Съ 1766 по 1768 г. онъ былъ товарищемъ губернатора Московской губерніи, состоя въ то же время однимъ изъ секретарей въ Коммиссіи по составленію проекта Новаго Уложенія. Въ 1767 г. онъ издалъ поэму Фридриха II „Военная Наука“, которую, не зная иностранныхъ языковъ, переложилъ въ стихи по переводу своего друга А. И. Бибикова, впослѣдствіи извѣстнаго усмирителя Пугачева. Литературная дѣятельность Майкова все развивалась, онъ издалъ рядъ басенъ, нѣсколько одъ и шуточную поэму „Игрокъ ломбера“, имѣвшую необыкновенный успѣхъ, выдержавшую три изданія и заслужившую автору извѣстность въ кругу тогдашнихъ читателей. Переселившись въ Петербургъ въ 1768 г., Майковъ провелъ здѣсь 6 лѣтъ, и время это было эпохой его наибольшихъ литературныхъ успѣховъ: его многочисленныя оды, въ которыхъ онъ воспѣвалъ Императрицу, В. К. Павла Петровича, графовъ А. Г. и Г. Г. Орловыхъ, графа З. Г. Чернышева (подъ начальство котораго онъ поступилъ въ 1770 г. прокуроромъ Военной Коллегіи), драматическія произведенія (трагедіи „Агріопа“, „Ѳемистъ и Іеронима“), шедшія на сценѣ, сотрудничество въ журналахъ, наконецъ его шуточная поэма „Елисей или раздраженный Вакхъ“ (изд. 1771 г.) поставили его въ ряды виднѣйшихъ писателей; знакомство съ передовыми людьми ввело его въ среду Вольнаго Экономическаго Общества, а затѣмъ въ кругъ масоновъ, при чемъ онъ былъ хорошо знакомъ съ Новиковымъ. Переѣхавъ въ 1775 г. снова въ Москву, Майковъ былъ пожалованъ въ бригадиры и назначенъ (15 Сентября 1775 г.) главнымъ членомъ Мастерской и Оружейной Палаты. Не оставляя литературныхъ занятій, онъ вступилъ въ члены Вольнаго Россійскаго Собранія и близко сошелся съ кружкомъ Московскихъ масоновъ, къ идеямъ которыхъ питалъ явныя симпатіи. Будучи представленъ для полученія мѣста герольдмейстера, Майковъ скончался въ Москвѣ 17 Іюня 1778 г. и погребенъ въ Донскомъ монастырѣ.

Какъ писатель, Майковъ принадлежитъ къ числу замѣтныхъ и популярныхъ литераторовъ „Екатерининa вѣка“ и хотя не создалъ своей „школы“, будучи лишь подражателемъ извѣстныхъ образцовъ, однако, произведенія его обнаруживаютъ въ немъ и несомнѣнное дарованіе и извѣстную самостоятельность: въ своихъ лирическихъ піесахъ, въ драматическихъ сочиненіяхъ, въ басняхъ, сказкахъ, сатирахъ и комическихъ поэмахъ—вездѣ старался онъ стать на почву дѣйствительности и ввести струю народности; эти черты произведеній Майкова ставятъ ихъ на рубежѣ между одами Ломоносова и поэзіей Державина, героическими трагедіями Сумарокова и „мѣщанской драмой“,—однимъ словомъ, онъ не былъ рутиннымъ подражателемъ своихъ учителей, но старался пойти далѣе ихъ, сказать нѣчто новое, свое. (Онъ былъ въ свое время очень популяренъ и любимъ, какъ писатель, и его произведенія читались не только высшимъ обществомъ, но и средними классами.) Какъ человѣкъ веселый, добродушный, общительный и любезный, Майковъ оставилъ по себѣ хорошую память въ кругу близкихъ ему людей.

Отъ брака съ Татьяной Васильевной Мельгуновой Майковъ имѣлъ 2 сыновей и 4 дочерей; изъ сыновей его—Степанъ былъ въ 1799 г. майоромъ и умеръ бездѣтнымъ, другой былъ убитъ въ Шведскую войну 1789 г., а изъ дочерей Вѣра и Варвара умерли незамужними, Наталья († 1859 г.) была за Мих. Ант. Хлюстинымъ и Александра († 1830 г.)—за подполковникомъ Андреемъ Сурнинымъ.

(Съ миніатюры изъ собраній Императорскаго Эрмитажа.)

BASILE IVANOWITCH MAÏKOFF, 1728—1778, fils d'Ivan Sémenowitch Maïkoff, capitaine de la Garde, et de Marie Afanassiewna, née Aliabieff, naquit en 1728 près d'Yaroslavl, dans la propriété de son père, connu pour la protection qu'il accorda au premier acteur russe Th. Volkoff. Il fut d'abord élevé chez ses parents, puis entra au gymnase de l'Académie, à St-Pétersbourg. Enrôlé en 1742 au régiment Sémenowsky, il entra au service en 1747 et, le 25 décembre 1761, prit sa retraite comme capitaine de la Garde. Il avait fait à Pétersbourg la connaissance de Soumarokoff, Khéraskoff, I. Elaguine, Melissino, dont l'exemple l'engagea dans la voie littéraire. A sa retraite, il se fixa à Moscou: il en sortait pour aller dans ses biens de famille et à Yaroslavl, où il eut en 1763 l'occasion de présenter en personne une ode à l'Impératrice. A Moscou, il entra en relations étroites avec le cercle littéraire de Khéraskoff, von Vizine, Bogdanowitch, etc., et se mit à publier ses œuvres dans les revues Les Distractions Utiles et Les Heures Libres. De 1766 à 1768, il fut adjoint du gouverneur du gouvernement de Moscou et remplit en même temps les fonctions de secrétaire de la Commission de rédaction du projet de nouveau code. En 1767, il publia le poème de Frédéric II La Science Militaire, qu'il mit en vers, ne sachant pas les langues étrangères, d'après la traduction de son ami Bibikoff, connu dans la suite par la répression de l'émeute de Pougatcheff. Son activité littéraire allait toujours se développant: il fit paraître une série de fables, un certain nombre d'odes et un poème comique, Le Joueur d'Hombre, qui eut un succès extraordinaire, remporta trois éditions et valut à l'auteur sa notoriété dans le public qui lisait alors. Il vint en 1768 se fixer à St-Pétersbourg, où il passa six ans, et ce fut l'époque de ses plus gros succès littéraires: ses nombreuses odes, où il célébrait l'Impératrice, le Grand-Duc Paul Pétrowitch, les comtes A. et G. Orloff, le comte Tchernycheff sous les ordres duquel il devint en 1770 procureur du Collège Militaire, ses œuvres dramatiques, Agriopa, Thémiste et Hiéronyme, deux tragédies qui virent la scène, sa collaboration à des revues, enfin son poème comique Elysée ou Bacchus en courroux (1771), le mirent au rang des écrivains les plus en vue. Ses relations avec les gens avancés l'introduisirent au sein de la Société Economique Libre, puis dans les milieux francs-maçons: ainsi il connaissait bien Novikoff. Revenu à Moscou en 1775, il fut fait brigadier et nommé le 15 septembre membre de l'Oroujéinaïa Palata. Sans renoncer à ses travaux littéraires, il se mit de l'Assemblée Russe Volontaire et entra en relations étroites avec le monde des francs-maçons de Moscou, pour les idées desquels il nourrissait des sympathies manifestes. Il venait d'être présenté pour être maître de la Chambre Héraldique, lorsqu'il mourut à Moscou le 17 juin 1778; il fut inhumé au monastère Donskoï.

Comme écrivain, Maïkoff est du nombre des littérateurs les plus appréciés et les plus populaires du „Siècle de Catherine", et, bien qu'il ne fût pas chef d'école, puisqu'il ne fit qu'imiter, ses productions révèlent un incontestable talent et une véritable personnalité: dans ses œuvres lyriques ou dramatiques, dans ses fables, dans ses nouvelles, dans ses satires et dans ses poèmes comiques, partout il s'efforce de rester sur le terrain de la réalité et d'infiltrer une dose de caractère national. Ces traits font des œuvres de Maïkoff quelque chose d'intermédiaire entre les odes de Lomonossoff et la poésie de Derjavine, entre la tragédie héroïque de Soumarokoff et le „drame bourgeois"; en un mot, il ne se contenta pas d'une imitation routinière, mais s'efforça d'aller plus loin que ses maîtres, de dire quelque chose qui fût nouveau, bien à lui. Il fut en son temps très populaire et très aimé comme écrivain: il était lu non seulement dans la haute société, mais aussi dans les classes moyennes. Gai, bon, sociable et aimable, il laissa le meilleur souvenir à tous ceux qui l'avaient approché.

Il épousa Tatiana Vassiliewna Melgounoff, dont il eut deux fils, Stéphane, major en 1789, mort sans enfants, et un autre, tué en 1789 dans la guerre de Suède, et quatre filles: Véra et Varvara, qui ne furent pas mariées, Natalie († 1859), mariée à Michel Khlioustine, et Alexandrine, au lieutenant-colonel André Sournine.

(D'après une miniature de l'Ermitage Impérial.)

МИХАИЛЪ МАТВѢЕВИЧЪ ХЕРАСКОВЪ, 1733—1807, потомокъ валахскихъ бояръ Хереско, былъ младшій сынъ Переяславльскаго коменданта майора Матвѣя Андреевича Хераскова отъ брака его съ княжной Анной Даниловной Друцкой; родился въ г. Переяславлѣ 25 Октября 1733 г.; рано лишился отца (1734), а мать его, славившаяся красотою, вышла въ 1735 г. за князя Н. Ю. Трубецкого, впослѣдствіи генералъ-фельдмаршала. Дѣтство Хераскова прошло на Украйнѣ, а съ 1740 г. въ Петербургѣ, куда переселился его вотчимъ, назначенный генералъ-прокуроромъ. Въ 1743 г. мальчикъ былъ отданъ въ Шляхетный кадетскій корпусъ, гдѣ началъ заниматься стихотворствомъ, подъ руководствомъ Сумарокова; въ 1751 г. выпущенъ былъ поручикомъ въ Ингерманландскій полкъ, но въ 1754 г. перешелъ въ гражданскую службу (въ Коммерцъ-Коллегію), а въ слѣдующемъ—опредѣлился асессоромъ Конференціи только-что открытаго Московскаго университета, въ которомъ съ 1761 по 1770 г. былъ директоромъ, а съ 1778 по 1802 г.—кураторомъ. Долголѣтняя дѣятельность его въ университетѣ была чрезвычайно плодотворна; искренно любя просвѣщеніе, Херасковъ сразу сумѣлъ окружить себя молодыми людьми съ литературными стремленіями (Богдановичъ, Фонвизинъ, Домашневъ, Санковскій, Рубанъ и мн. др.), руководилъ ихъ занятіями и всячески ихъ поддерживалъ. Женитьба (1760 г.) на Елизаветѣ Васильевнѣ Нероновой († 1809), женщинѣ доброй и съ любовью къ литературнымъ занятіямъ, заслужившей ей прозвище „Россійской де-ла-Сюзъ", еще болѣе способствовала тому, что домъ Хераскова сдѣлался центромъ, въ которомъ собирались всѣ, имѣвшіе отношеніе къ литературѣ и просвѣщенію. Съ 1770 по 1775 г. Херасковъ былъ вице-президентомъ Бергъ-Коллегіи въ Петербургѣ; здѣсь познакомился онъ и вскорѣ сошелся съ Новиковымъ; оба они одновременно вступили въ масоны, переселились въ Москву и затѣмъ сошлись съ извѣстнымъ профессоромъ-масономъ Шварцемъ. Получивъ (1778 г.) кураторство въ университетѣ, Херасковъ дѣйствовалъ въ немъ подъ вліяніемъ и руководствомъ этихъ замѣчательныхъ людей, въ то же время содѣйствуя издательскимъ предпріятіямъ Новикова. Живя вмѣстѣ со своимъ братомъ, княземъ Н. Н. Трубецкимъ, главою московскихъ масоновъ, Херасковъ сочувствовалъ ихъ просвѣтительной и филантропической дѣятельности, но былъ далекъ отъ увлеченія ихъ теоретическими, отвлеченными ученіями; практическая дѣятельность и занятія литературой привлекали его больше; тѣмъ не менѣе Императрица, узнавшая Хераскова во время московскихъ коронаціонныхъ торжествъ, послѣ Новиковской исторіи стала подозрительно относиться къ Хераскову и держала его въ немилости до самой своей смерти. Павелъ I произвелъ Хераскова въ тайные совѣтники, пожаловалъ ему 600 душъ (1797 г.) и Аннинскую ленту (1799 г.); въ Февралѣ 1801 г. Херасковъ вышелъ въ отставку, съ чиномъ дѣйств. тайнаго совѣтника, но въ Маѣ былъ снова назначенъ кураторомъ университета. Окончательно покинувъ службу въ 1802 г., Херасковъ жилъ въ Москвѣ, гдѣ и скончался 27 Сентября 1807 г.; погребенъ въ Донскомъ монастырѣ.

Выступивъ въ печати въ 1756 г., Херасковъ продолжалъ литературную свою дѣятельность до послѣднихъ дней жизни, и количество имъ написаннаго чрезвычайно велико; послѣдователь ложно-классическихъ теорій, онъ пробовалъ свои силы во всѣхъ родахъ словесности: писалъ оды, басни, эпиграммы, пѣсни, поэмы, трагедіи, комедіи, драмы, оперы, эпопеи, а также сказки, повѣсти и даже „слезныя драмы". Произведенія его доставили ему громкую славу, которой не пользовался до него ни одинъ изъ нашихъ писателей; но главнымъ образомъ прославили его двѣ эпическія поэмы: „Россіада" (1779 г.) и „Владиміръ возрожденный" (1785 г.). При жизни Хераскову расточались похвалы, ему былъ какъ бы офиціально присвоенъ титулъ Россійскаго Гомера и Виргилія; однако, онъ очень скоро сдѣлался достояніемъ исторіи, но, по справедливымъ словамъ Дмитріева, слѣдуетъ признать, что Херасковъ „честно и добросовѣстно поработалъ на писательскомъ поприщѣ, и исторія нашей литературы должна быть благодарна ему за многое". Херасковъ былъ человѣкъ очень дѣятельный, трудолюбивый, благожелательный, веселый и общительный; не лишенный нѣкоторыхъ странностей характера, онъ былъ, по своему времени, очень образованъ и горячо преданъ интересамъ литературы и просвѣщенія, на ревностное служеніе которымъ и отдалъ всю свою долгую жизнь.

(Съ миніатюры, принадлежащей А. А. Львовой, въ Москвѣ.)

MICHEL MATVÉEWITCH KHÉRASKOFF, 1733—1807, descendant des Khéresko, boyards de Valachie, était le plus jeune fils du major Mathieu Andréewitch Khéraskoff, commandant de Péréyaslavl, et d'Anna Danilowna, née princesse Droutzky. Né à Péréyaslavl le 25 octobre 1733, il perdit son père de bonne heure (1734), et sa mère, renommée pour sa beauté, se remaria en 1735 au prince N. Troubetzkoï, plus tard général feld-maréchal. Il passa son enfance dans l'Ukraine, puis vint en 1740 à Pétersbourg, où son beau-père était nommé procureur général. En 1743, on le mit au Corps des Cadets, où il commença à faire de la poésie sous la direction de Soumarokoff. Il en sortit en 1751 lieutenant au régiment d'Ingermanie, mais passa en 1754 au service civil, au Collège de Commerce, puis l'année suivante devint assesseur de la Conférence de l'Université de Moscou qui venait d'être fondée et dont il fut directeur de 1761 à 1770 et curateur de 1778 à 1802. Les longues années qu'il passa à l'Université furent extrêmement fécondes: sincère ami de l'instruction, il sut du premier coup s'entourer de jeunes gens animés de tendances littéraires, Bogdanowitch, von Vizine, Domachneff, Sankowsky, Roubane et bien d'autres, dirigeant leurs travaux et les soutenant de toute manière. Son mariage, en 1760, avec Elisabeth Vassiliewna Néronoff († 1809), excellente personne que son goût pour les lettres avait fait surnommer la de La Suze russe, contribua encore davantage à faire de sa maison le centre de tous ceux qui avaient quelque attache avec la littérature et l'instruction. De 1770 à 1775, il fut vice-président du Collège des Mines à Pétersbourg, où il fit connaissance et ne tarda pas à se lier avec Novikoff; tous deux se firent en même temps francs-maçons, se fixèrent à Moscou et entrèrent en relations avec le professeur Schwartz, le fameux franc-maçon. Devenu en 1778 curateur de l'Université, Khéraskoff s'y laissa guider par l'influence de ces hommes éminents; il donnait en même temps son concours aux entreprises d'édition de Novikoff. Vivant avec son frère le prince N. Troubetzkoï, le chef des maçons de Moscou, il était tout acquis aux idéaux maçonniques d'instruction et de philanthropie, mais sans enthousiasme pour les doctrines théoriques et abstraites, auxquelles il préférait le côté pratique et les travaux littéraires. Néanmoins l'Impératrice, qui l'avait connu aux solennités du couronnement à Moscou, se mit, à la suite de l'histoire de Novikoff, à lui témoigner de la défiance et le tint en défaveur jusqu'à sa mort. Paul Ier le fit conseiller privé, lui donna 600 têtes de paysans (1797) et le cordon de Ste-Anne (1799). Il prit sa retraite en février 1801 avec rang de conseiller privé actuel, mais redevint en mai curateur de l'Université. A sa retraite définitive en 1802, il alla se fixer à Moscou, où il mourut le 27 septembre 1807; il fut inhumé au monastère Donskoï.

Khéraskoff, dont les premières publications datent de 1756, ne cessa pas d'écrire jusqu'à ses derniers jours, et son œuvre est immense. Adepte du pseudo-classicisme, il s'essaya dans tous les genres: odes, fables, épigrammes, chansons, poèmes, tragédies, comédies, drames, opéras, épopées, légendes, nouvelles, et même mélodrames, il fit de tout. Ses ouvrages lui firent une renommée bruyante, comme n'en connut aucun de nos écrivains, mais il dut presque toute sa célébrité à deux poèmes épiques, sa Rossiade (1779) et Vladimir Vozrojdenny (1785). On lui prodigua la louange de son vivant, et il reçut le titre quasi-officiel d'Homère et de Virgile russe. Pourtant il tomba vite dans le domaine de l'histoire, mais il convient, selon la juste observation de Dmitrieff, de reconnaître qu'il „travailla honnêtement et consciencieusement dans la carrière des lettres et acquit de nombreux titres à la reconnaissance dans l'histoire de notre littérature". Très actif, travailleur, bienveillant, gai et sociable, non sans quelques bizarreries de caractère, il était très instruit pour son temps et chaleureusement dévoué aux intérêts de la littérature et de l'instruction, au service zélé desquelles il consacra sa longue vie tout entière.

(D'après une miniature appartenant à Mme A. Lvoff, Moscou.)

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ГРИБОѢДОВЪ, 1795—1829, сынъ секундъ-майора Сергѣя Ивановича отъ брака съ Настасьей Федоровной Грибоѣдовой же, родился въ Москвѣ 4 Января 1795 г.; получилъ прекрасное домашнее образованіе, затѣмъ прослушалъ курсъ юридическихъ наукъ въ Московскомъ университетѣ и, выпущенный кандидатомъ въ 1812 году, поступилъ, съ чиномъ корнета, въ Московскій гусарскій полкъ гр. Салтыкова; позднѣе перешелъ въ Иркутскій гусарскій. Полкъ стоялъ въ Польшѣ, и здѣсь Грибоѣдовъ сошелся съ адъютантомъ корпуснаго командира С. Н. Бѣгичевымъ; вліяніе послѣдняго облагораживающе подѣйствовало на Грибоѣдова, который, освободившись отъ строгой ферулы матери, пустился было въ кутежи и шумныя развлеченія: онъ снова принялся за литературныя занятія; знакомство съ драматургомъ кн. А. А. Шаховскимъ также благотворно отразилось на настроеніи Грибоѣдова, „гусарская“ жизнь утратила въ его глазахъ прежнюю привлекательность, и онъ, взявъ въ 1815 г. отпускъ, отправился въ Петербургъ; 25 Марта 1816 г. онъ вышелъ изъ полка, опредѣлившись въ Іюлѣ 1817 г. въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ. Столичная обстановка какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала характеру и тогдашнему настроенію поэта: съ одной стороны, была возможность удовлетворять духовнымъ потребностямъ въ кругу литераторовъ и артистовъ, съ которыми онъ быстро сошелся, съ другой—онъ могъ предаваться наблюденіямъ въ средѣ высшаго общества; широкое образованіе, остроуміе, любезность, рѣдкій даръ слова, привлекательная внѣшность, изящныя манеры, недюжинныя музыкальныя способности (онъ считался однимъ изъ лучшихъ піанистовъ любителей),— все это дѣлало Грибоѣдова желаннымъ гостемъ въ свѣтскихъ салонахъ. Участіе въ дуэли В. В. Шереметева съ графомъ Завадовскимъ, окончившейся смертью перваго (15 Ноября 1817 г.), подѣйствовало на Грибоѣдова удручающимъ образомъ, и онъ съ радостью принялъ въ Іюнѣ 1818 г. предложеніе отправиться въ Персію въ качествѣ секретаря посольства; въ Тифлисѣ Грибоѣдовъ долженъ былъ принять вызовъ пріятеля убитаго Шереметева—Якубовича, который прострѣлилъ ему ладонь лѣвой руки. Выѣхавъ изъ Тифлиса въ концѣ Января, онъ въ Мартѣ прибылъ въ Тегеранъ, затѣмъ переселился въ Тавризъ, гдѣ и провелъ три года, основательно изучивъ персидскій и арабскій языки; однако, онъ очень тяготился жизнью въ дикомъ городѣ... Посланный въ концѣ 1821 г. въ Тифлисъ съ извѣстіемъ о войнѣ между Персіей и Турціей, Грибоѣдовъ, по ходатайству Ермолова, былъ назначенъ къ нему секретаремъ по дипломатической части. Здѣсь онъ много занимался музыкой и обработкой своей, уже давно задуманной, безсмертной комедіи, для окончанія которой въ Мартѣ 1823 г. уѣхалъ въ отпускъ; время, проведенное въ Москвѣ, было самымъ плодотворнымъ періодомъ его творчества, но „Горе отъ ума“ было закончено не ранѣе Августа 1824 г., уже въ Петербургѣ; чтеніе его здѣсь было рядомъ тріумфовъ для автора, но всѣ хлопоты о постановкѣ пьесы на сценѣ были тщетны, ибо она вызвала бурю негодованія: въ ней видѣли пасквиль на высшее общество Москвы. „Горе отъ ума“ было впервые играно въ 1831 г., а издано только въ 1833 г.; въ этомъ произведеніи вылился во всей колоссальной силѣ талантъ Грибоѣдова, тогда какъ все остальное, имъ написанное, не выше посредственности.

Вернувшись на Кавказъ въ концѣ 1825 г., поэтъ въ Январѣ 1826 г. былъ вытребованъ въ Петербургъ, по подозрѣнію въ участіи въ дѣлѣ декабристовъ, и подвергнутъ допросу и аресту; оправданный коммиссіею, онъ вскорѣ былъ назначенъ состоять при Паскевичѣ (женатомъ на его кузинѣ) и участвовалъ въ заключеніи Туркманчайскаго договора; за доставленіе трактата въ Петербургъ былъ пожалованъ въ статскіе совѣтники. Мечтая предаться кабинетнымъ занятіямъ, онъ, однако, долженъ былъ принять постъ полномочнаго министра въ Персіи (Апрѣль 1828 г.); по дорогѣ туда Грибоѣдовъ женился (22 Августа) на красавицѣ княжнѣ Нинѣ Александровнѣ Чавчавадзе († 15 Іюля 1857 г.), съ которой познакомился еще въ 1822 году. Оставивъ жену въ Тавризѣ, онъ поѣхалъ въ Декабрѣ въ Тегеранъ, гдѣ и погибъ отъ рукъ персидской черни 30 Января 1829 г.; погребенъ въ Тифлисѣ, въ монастырѣ св. Давида.

Настоящій портретъ совершенно неизвѣстенъ; появленіе его, въ виду исполнившагося 75-лѣтняго юбилея великому произведенію Грибоѣдова, можно считать своевременнымъ.

(Съ миніатюры Жигалева 1826 г.; собственность Великаго Князя Николая Михаиловича.)

ALEXANDRE SERGUÉEWITCH GRIBOÉDOFF, 1795—1829, fils du second major Serge Ivanowitch Griboédoff et d'Anastasie Féodorowna, née aussi Griboédoff, naquit à Moscou le 4 janvier 1795. Il reçut dans sa famille une excellente éducation, puis fit son droit à l'Université de Moscou, d'où il sortit candidat en 1812; il entra ensuite avec le grade de cornette au régiment des hussards de Moscou du comte Saltykoff. Il passa plus tard aux hussards d'Irkoutsk, cantonnés en Pologne; là ses relations avec S. Béguitcheff, aide de camp du chef de corps, eurent sur lui une influence salutaire, au moment où, nouvellement affranchi de la dure férule maternelle, il allait se lancer dans les distractions désordonnées et bruyantes: il se remit aux travaux littéraires. Une action non moins bienfaisante sur les dispositions de Griboédoff fut celle du prince A. Chakhowskoï, l'auteur dramatique: elle dissipa le charme qu'avait jadis à ses yeux la vie „à la hussarde"; il prit en 1815 un congé pour se rendre à Pétersbourg et, le 25 mars 1816, il quittait le régiment pour entrer en juillet 1817 au Collège des Affaires étrangères. Les ressources de la capitale donnaient on ne peut mieux satisfaction à son caractère et à ses aspirations du moment: d'un côté, il trouvait un aliment pour ses besoins intellectuels dans les cercles littéraires et artistiques, avec lesquels il ne tarda pas à se mettre en relations, de l'autre, il pouvait se livrer à des observations au sein de la haute société. Son instruction étendue, son ton spirituel, son amabilité, un don très prononcé de la parole, un extérieur avantageux, des manières raffinées, un talent musical peu commun (il passait pour un des meilleurs pianistes amateurs), tout cela faisait rechercher sa présence dans les salons mondains. La part qu'il prit au duel où B. Chéréméteff périt (13 novembre 1817) de la main du comte Zavadowsky lui laissa une impression accablante, et il fut heureux d'être envoyé en Perse, en juin 1818, comme secrétaire d'ambassade; à Tiflis, il dut relever le défi d'un ami de la victime, Yakoubowitch, et eut la main gauche traversée d'une balle. Parti de Tiflis à la fin de janvier, il arriva en mars à Téhéran, d'où il passa à Tavris: il y resta trois ans, et y apprit à fond le persan et l'arabe; mais la vie lui pesait dans cette ville sauvage... Chargé à la fin de 1821 d'aller porter à Tiflis la nouvelle de la guerre entre la Perse et la Turquie, il fut, sur la demande d'Ermoloff, nommé son secrétaire pour la partie diplomatique. Il fit alors beaucoup de musique et travailla activement à son immortelle comédie, à laquelle il pensait depuis longtemps, et pour l'achèvement de laquelle il prit un congé en mars 1823. Le temps passé à Moscou fut la période la plus féconde de son activité, mais Le Mal de trop d'esprit ne fut terminé qu'en août 1824, à Pétersbourg, où la lecture de la pièce ne fut qu'une série de triomphes pour l'auteur, mais où il fut impossible de la faire mettre à la scène, car elle souleva une tempête d'indignation: on y voyait une pasquinade de la haute société moscovite. La première représentation eut lieu en 1831 et la publication en 1833. Cette œuvre incorpore le talent de Griboédoff dans toute sa force colossale, tandis que tout le reste de ce qu'il écrivit ne dépasse pas la médiocrité.

De retour au Caucase à la fin de 1825, le poète, soupçonné d'avoir participé à l'affaire des Décabristes, fut appelé à Pétersbourg, interrogé et arrêté; acquitté par la commission, il fut peu après attaché à Paskewitch, son cousin par alliance, et prit part aux négociations du traité de Tourkmantchaï: il le porta à Pétersbourg et fut nommé conseiller d'état. Il ne put se consacrer, comme il le rêvait, à ses travaux de cabinet, et dut accepter le poste de ministre plénipotentiaire en Perse (avril 1828): il épousa en route, le 22 août suivant, la belle princesse Nina Alexandrowna Tchatchavadze († 15 juillet 1857), dont il avait fait la connaissance en 1822. Il laissa sa femme à Tavris et partit en décembre pour Téhéran, où il périt des mains de la populace persane le 30 janvier 1829; il fut inhumé à Tiflis, au monastère St-David.

Le portrait ci-joint est absolument inédit; sa publication vient bien à son heure, au moment du 75e anniversaire de la grande œuvre de Griboédoff.

(D'après une miniature de Jigaleff, 1826, appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

Графиня **ЕВДОКІЯ ПЕТРОВНА РОСТОПЧИНА**, 1811—1858, родилась 23 Декабря 1811 года. Отецъ ея, дѣйств. ст. сов. Петръ Васильевичъ Сушковъ, женатый на Дарьѣ Ивановнѣ Пашковой, рано овдовѣлъ, и дѣти его воспитывались въ Москвѣ, въ богатомъ домѣ родителей его жены, Ивана Александровича и Авдотьи Васильевны Пашковыхъ. Поэтическое дарованіе молодой Сушковой развилось рано; ея первые стихотворные опыты не встрѣтили, однако, сочувствія въ патріархальной семьѣ Пашковыхъ. 22-хъ лѣтъ, чтобы избавиться отъ домашняго гнета, она рѣшилась принять предложеніе молодого и богатаго графа Андрея Федоровича Ростопчина (р. 1813 г.). Свадьба состоялась въ Маѣ мѣсяцѣ 1833 г., и молодые зажили весело и открыто въ своемъ домѣ на Лубянкѣ, принимая всю Москву. По собственному признанію, Ростопчина была, однако, очень несчастна съ грубымъ и циничнымъ мужемъ и стала искать развлеченій въ свѣтѣ, была окружена толпою поклонниковъ, къ которымъ относилась далеко не жестоко. Разсѣянная свѣтская жизнь, прерываемая частыми и продолжительными путешествіями по Россіи и за границу, не мѣшала Ростопчиной съ увлеченіемъ предаваться литературнымъ занятіямъ: произведенія ея появлялись на страницахъ всѣхъ альманаховъ и журналовъ съ 1835 по 1856 г. Вернувшись въ 1847 г. въ Москву изъ заграничнаго путешествія, въ конецъ разорившаго ея мужа, гр. Ростопчина, увѣнчанная своими соотечественниками въ Римѣ лавровымъ вѣнкомъ въ саду Виллы д'Эсте, поселилась въ домѣ старой графини Екатерины Петровны Ростопчиной, ярой католички, и послѣдніе годы ея жизни прошли въ крайне тяжелой домашней обстановкѣ и постоянной глухой борьбѣ со свекровью, безпощадно осуждавшей ея свѣтскія увлеченія и православное воспитаніе, даваемое ею дѣтямъ. Графиня Ростопчина скончалась отъ рака, на 47-мъ году жизни, 3 Декабря 1858 г. и похоронена рядомъ съ знаменитымъ свекоромъ на Пятницкомъ кладбищѣ, куда гробъ ея на рукахъ несли студенты Московскаго университета.

Графиня Ростопчина столько же была извѣстна своей красотой, сколько умомъ и поэтическимъ талантомъ. Небольшого роста, изящно сложенная, она имѣла неправильныя, но выразительныя и красивыя черты лица. Большіе, темные и крайне близорукіе ея глаза „горѣли огнемъ и метали искры". Рѣчь ея, страстная и увлекательная, лилась быстро и плавно; „разговоръ ея походилъ на блистательный фейерверкъ, и собесѣдники были очарованы блескомъ ея остроумія, который могъ соперничать лишь съ блескомъ ея задушевныхъ и томныхъ глазъ, когда она хотѣла кому-либо нравиться". Въ свѣтѣ она была предметомъ многихъ сплетенъ и злословія, къ которымъ свѣтская жизнь ея нерѣдко подавала поводъ. Въ то же время, будучи необычайной доброты, она много помогала бѣднымъ и все, что получала отъ своихъ сочиненій, отдавала князю Одоевскому для основаннаго имъ благотворительнаго общества.

Несомнѣнное поэтическое дарованіе графини Ростопчиной скоро было признано первыми литературными силами ея времени. Князь Вяземскій называлъ ее „московской Сафо"; Жуковскій цѣнилъ въ ней „истинный талантъ"; Лермонтовъ писалъ ей: „Я вѣрю, подъ одной звѣздою мы были съ вами рождены!" Въ благосклонной оцѣнкѣ ея таланта современниками большую роль играло обаяніе свѣтской, красивой и умной женщины, но съ перемѣной литературнаго направленія въ концѣ 1850-хъ гг., „мотыльковая", „прикованная къ балу" поэзія ея стала подвергаться ожесточеннымъ нападкамъ критики. Подражаніе ея французскимъ и англійскимъ поэтамъ стяжало ей упреки въ западничествѣ со стороны славянофиловъ; съ другой стороны, крайняя узкость ея міросозерцанія, туманность и неопредѣленность ея стремленій, подверглись безпощадному разбору такихъ представителей новаго теченія русской умственной жизни, какъ Бѣлинскій, Добролюбовъ, Некрасовъ и Чернышевскій. Въ то же время нѣкоторыя ея стихотворенія, какъ, напр., баллада „Насильственный бракъ", написанная въ Римѣ въ 1847 г., въ которой усмотрѣны были намеки на отношенія Польши къ Россіи, и за которую Императоръ Николай I лишилъ Ростопчину права пріѣзда ко двору, считались въ Россіи чуть ли не подпольной литературой. Равнодушно относившаяся къ „заговору молчанія", графиня Ростопчина страстно отвѣчала на нападки въ стихотвореніяхъ: „Простой обзоръ" и „Моимъ критикамъ", гдѣ она говоритъ:

„Я разошлася съ новымъ поколѣньемъ,
Прочь отъ него идетъ стезя моя.
Понятьями, душой и убѣжденьемъ
Принадлежу другому міру я!"

(Съ миніатюры работы Мартенъ; собраніе Е. А. Еврейновой, С.-Петербургъ.)

La comtesse **EUDOXIE PÉTROWNA ROSTOPTCHINE**, 1811—1858, naquit le 23 décembre 1811. Son père, Pierre Vassiliewitch Souchkoff, conseiller d'état actuel, perdit de bonne heure sa femme, Daria Ivanowna, née Pachkoff, et les enfants furent élevés à Moscou dans la riche maison des parents de la mère, Ivan Alexandrowitch et Eudoxie Vassiliewna Pachkoff. Le talent poétique de la jeune fille se développa de bonne heure, mais ses essais littéraires ne trouvèrent pas d'écho dans l'intérieur patriarcal des Pachkoff. A l'âge de 22 ans, elle résolut, pour se soustraire à l'oppression de la famille, de répondre aux propositions du jeune et beau comte André Féodorowitch Rostoptchine (né 1813). Le mariage eut lieu en mai 1833, et les jeunes époux commencèrent la vie large et gaie dans leur maison de la Loubianka, où ils recevaient tout Moscou. De son propre aveu, la comtesse fut cependant très malheureuse avec ce mari grossier et cynique: elle chercha des distractions dans le monde, s'entourant d'une foule d'adorateurs, auxquels elle était loin d'être cruelle. Malgré cette vie dissipée interrompue par de longs et fréquents voyages en Russie et à l'étranger, elle ne renonça pas à sa passion pour les lettres et collabora à tous les almanachs et revues de 1835 à 1856. Au retour, en 1847, d'un voyage à l'étranger qui ruina son mari de fond en comble et où elle fut couronnée de laurier par ses compatriotes dans les jardins de la villa d'Este, à Rome, elle se fixa à Moscou chez la vieille comtesse Catherine Pétrowna Rostoptchine, fougueuse catholique; ses dernières années s'écoulèrent là au milieu de conditions extrêmement pénibles, dans une lutte sourde et incessante avec sa belle-mère, qui condamnait impitoyablement ses entraînements mondains et l'éducation orthodoxe qu'elle donnait à ses enfants. La comtesse Rostoptchine mourut d'un cancer, le 3 décembre 1858, dans sa 47e année et fut inhumée près de son célèbre beau-père au cimetière Piatnitzky, où son cercueil fut porté à bras par les étudiants de l'Université de Moscou.

La comtesse Rostoptchine était aussi connue pour sa beauté que pour son esprit et son talent poétique. Petite et élégante, elle avait des traits irréguliers, mais beaux et expressifs; ses grands yeux, sombres et très myopes, „étaient de feu et étincelaient". Sa parole, passionnée et entraînante, coulait d'un jet rapide et égal; „sa conversation était comme un brillant feu d'artifices: les auditeurs étaient enchantés par l'éclat de son esprit, qui n'avait d'égal que celui de son regard profond et langoureux lorsqu'elle voulait plaire". Elle fut dans le monde l'objet de bien des propos médisants, auxquels sa vie mondaine donnait souvent lieu. En même temps, dans son extrême bonté, elle fit beaucoup de bien aux pauvres: tout ce que lui rapportait sa plume était remis au prince Odoewsky pour la société de bienfaisance dont elle était fondatrice.

L'incontestable talent poétique de la comtesse Rostoptchine fut vite reconnu par les premiers littérateurs du temps. Le prince Viazemsky l'appelle la Sapho moscovite; Joukowsky apprécie en elle „un véritable talent", et Lermontoff lui écrivait: „Tous deux sous une même étoile, Je le pense, nous étions nés". Dans les bienveillantes appréciations des contemporains, il y a lieu de faire la part du charme de la mondaine belle et spirituelle, mais, lors du changement d'orientation des idées littéraires à la fin des années 50, sa poésie „papillonnante", „rivée au bal", tomba en butte aux attaques acérées de la critique. Son imitation des poètes anglais et français lui attira de la part des slavianophiles le reproche d'occidentalisme; d'autre part, l'extrême étroitesse de sa philosophie et le caractère nébuleux et vague de ses tendances furent l'objet de l'analyse impitoyable de représentants des nouveaux courants intellectuels comme Bélinsky, Dobroliouboff, Nékrassoff et Tchernychewsky. En même temps, quelques-unes de ses poésies, telles que la ballade Le Mariage forcé, écrite à Rome en 1847, où on vit des allusions aux affaires de Pologne et qui fit interdire à Rostoptchine l'accès de la Cour de Nicolas Ier, passaient en Russie pour voisines de la littérature clandestine. Indifférente à „la conspiration du silence", la comtesse répondit avec feu aux attaques dans ses poésies Simple Revue et Ames Critiques, où elle dit:

„Je romps avec la nouvelle génération;
Ma voie me détourne d'elle.
D'idées, d'âme et de convictions
J'appartiens, moi, à un autre monde".

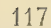
(D'après une miniature de Martin, collection de Mlle C. Evréïnoff, St-Pétersbourg.)

116

Василій Ивановичъ Майковъ, *1728 — 1778*

Basile Ivanowitch Maïkoff, *1728 — 1778*

117

Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ, *1733 — 1807*

Mich[illegible] M[illegible] Khéraskoff, *1733 — 1807*

118

[illegible]

Александръ С[illegible] Грибоѣдовъ, *1795 — 1829*

Alexandre S[illegible] Griboedoff, *1795 — 1829*

119

Пис. Мартенъ — Peint par Martin

Графиня Евдокія Петровна Ростопчина, *1811 — 1858*

La Comtesse Eudoxie Pétrowna Rostoptchine, *1811 — 1858*

СЕРГѢЙ НИКИФОРОВИЧЪ МАРИНЪ, 1776—1813, сынъ Воронежскаго вице-губернатора Никифора Михайловича и первой его жены Маріи Ивановны Невѣжиной, родился 17 Февраля 1776 г.; 14-и лѣтъ началъ службу подпрапорщикомъ въ Преображенскомъ полку. Получивъ скудное образованіе, уже въ полку онъ пристрастился къ литературѣ и прочелъ много французскихъ сочиненій. Екатерина II знала въ лицо красиваго, высокаго офицера и, по его просьбѣ, приняла въ гвардію его младшихъ братьевъ, затѣмъ вступленіе на престолъ Павла I принесло ему огорченіе: на вахтъ-парадѣ онъ сбился съ ноги и былъ разжалованъ въ солдаты, и только 28 Декабря 1797 г. былъ вновь произведенъ въ портупей-прапорщики, черезъ годъ—въ прапорщики, а 18 Апрѣля 1799 г.—въ подпоручики. Въ ночь на 12 Марта 1801 г. Маринъ командовалъ внутреннимъ карауломъ преображенцевъ въ Михайловскомъ замкѣ. 17 Декабря 1802 г. произведенъ въ поручики и участвовалъ въ походѣ 1805 г., при чемъ подъ Аустерлицемъ былъ тяжело раненъ въ грудь, въ лѣвую руку на вылетъ и картечью въ голову; за это получилъ золотое оружіе, произведенъ въ шт.-капитаны (16 Апрѣля 1806 г.) и пожалованъ флигель-адъютантомъ (20 Августа 1807 г.). Въ это же время ему поручено было формированіе баталіона милиціи Олонецкихъ стрѣлковъ, затѣмъ онъ былъ посланъ въ Парижъ съ депешами. Произведенный въ полковники (6 Іюня 1809 г.), состоялъ въ Твери при принцѣ Ольденбургскомъ, а въ 1812 г., въ качествѣ дежурнаго генерала, при Багратіонѣ, къ которому былъ сильно привязанъ. Не своей служебной дѣятельности, а блестящему уму, своему острому языку, своимъ сатирамъ, пародіямъ и эпиграммамъ обязанъ былъ Маринъ своей широкой извѣстностью среди современниковъ. Стихи его затрогивали „злобы дня" и, какъ плодъ запретный, расходились во множествѣ списковъ; даже старикъ С. Р. Воронцовъ изъ Лондона требовалъ присылки себѣ всего, что написано Маринымъ; его переводъ „Меропы" Вольтера игрался въ Эрмитажѣ, но славу Марину создала пародія на оду „Богъ": „О ты, что въ горести напрасно на службу ропщешь офицеръ"..., которую современники знали наизусть; даже Аксаковъ на экзаменѣ сбивался съ Ломоносова на Марина. Пародія эта создала ему не мало враговъ, но зато нѣкоторые его стихи заслужили одобреніе Александра I, какъ, напримѣръ, маршъ 1805 г.: „Пойдемте, братцы, за границу бить отечества враговъ"... Страсть къ стихотворству доставляла „тьму неудовольствіевъ: всякіе бранные стихи клали на мой счетъ, добро бы умные, такъ куда бы ни шло, а глупые, мерзкіе, и всѣ говорятъ: это стихи Марина". Онъ былъ своимъ человѣкомъ въ домѣ А. Л. Нарышкина и другомъ М. С. Воронцова, котораго называлъ „Костуемъ". О послѣднемъ онъ скучалъ въ разлукѣ и жестоко ругался въ прозѣ и въ стихахъ, когда тотъ долго ему не писалъ: „Взбѣсился Воронцовъ, иль тѣшитъ сатану: Шесть мѣсяцевъ прошло, ни строчки Марину"... Письма послѣдняго интересны, полны живого остроумія и тонкаго сарказма, хотя самъ онъ ставилъ выше свой талантъ стихотворца, въ то же время признаваясь, что часто у него „риѳмы карячутся". Прямой, временами рѣзкій, Маринъ былъ въ высокой степени добрый человѣкъ, „прожившій всю жизнь для другихъ" и всю жизнь прособиравшійся завести свой уголъ „съ лежанкой": „Пора, братъ, право пора на покой: кости мои и службой, и любовью изломаны, и хотятъ отдохнуть въ объятіяхъ милой жены". Тяготясь своимъ бездѣліемъ, онъ ядовито описывалъ Воронцову маневры и вахтъ-парады, говоря, что „простительно скучать ученьемъ тому, кто съ 1790 по 1804 г. безпрестанно въ шеренгѣ, безпрестанно учится ходить и имѣетъ надежду встрѣтить будущее столѣтіе въ той же шеренгѣ, держа эспантонъ подъ прикладъ". Онъ не былъ доволенъ назначеніемъ къ Ольденбургскому: „Во брани посѣдѣвъ, воспитанъ подъ шатрами, Попалъ я на паркетъ и шаркаю ногами"..., онъ „не любилъ двора, а еще больше нѣмцевъ", и звалъ Воронцова „бить пруссаковъ, начиная съ Дибичей и Дризеновъ". Отличный шахматистъ, умѣренный игрокъ въ „ружъ и нуаръ", Маринъ не любилъ музыки и „бранилъ того, кто первый выдумалъ ноты и инструменты". Въ концѣ 1812 г. онъ сталъ сильно жаловаться на недуги: „Часъ отъ часу хуже, лихорадка, рвота разбила грудь". 21 Декабря онъ такъ закончилъ послѣднее письмо Воронцову: „Помни, что насъ осталось двое, какъ ты говорилъ послѣ смерти бѣднаго Арсеньева, и люби Марина". Не прошло и 2-хъ мѣсяцевъ, какъ и его не стало: онъ умеръ 9 Февраля 1813 г., и похороненъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры; надгробная надпись говоритъ: „Жилъ 36 лѣтъ 11 мѣсяцевъ 23 дня. Памятникъ ставила сестра его княгиня Варвара Никифоровна Мещерская: „О мой надежный другъ! Разстались мы съ тобой, „И скрылись отъ меня и счастье, и покой!"

(Съ рисунка Рустема 1810 г.; собственность Великаго Князя Николая Михаиловича.)

SERGE NIKIFOROWITCH MARINE, 1776—1813, fils de Nicéphore Mikhaïlowitch Marine, vice-gouverneur de Voronèje, et de sa première femme Marie Ivanowna Névéjine, naquit le 17 février 1776. A l'âge de 14 ans, il s'enrôla comme porte-enseigne au régiment Préobragensky; n'ayant reçu qu'une instruction médiocre, il était déjà au régiment lorsqu'il se prit de passion pour la littérature et lut un grand nombre d'ouvrages français. Catherine II connaissait de vue ce grand et bel officier, et, sur sa prière, fit entrer ses jeunes frères dans la Garde. Mais sous Paul Ier, il eut un déboire: il fut cassé pour avoir perdu le pas à la parade, et ce ne fut que le 28 décembre 1797 qu'il redevint officier; le 18 avril 1799, il était sous-lieutenant. Dans la nuit du 11 au 12 mars 1801, il commandait la garde intérieure des Préobragensky au Palais Michel. Le 17 décembre 1802, il passa lieutenant, et fit la campagne de 1805: à Austerlitz, il fut grièvement blessé à la poitrine, eut le bras gauche traversé et reçut un éclat de mitraille à la tête; ce qui lui valut une épée d'or, le grade de capitaine en second (16 avril 1806) et le titre d'aide de camp de S. M. (20 août 1807). Il était en même temps chargé de la formation du bataillon de milice des tirailleurs d'Olonetz, puis il fut envoyé en courrier à Paris. Fait colonel le 6 juin 1809, il alla à Tver comme attaché au duc d'Oldenbourg, puis, en 1812, fut attaché en qualité de général de service à Bagration, auquel il était personnellement très dévoué. Toutefois ce furent moins ses états de service que son esprit brillant, sa langue acérée, ses satires, ses parodies et ses épigrammes qui lui procurèrent la grande notoriété dont il jouissait parmi ses contemporains. Ses vers étaient relatifs aux actualités, et circulaient, fruit défendu, à de nombreux exemplaires: le vieux Worontzoff se faisait même envoyer à Londres tout ce qui sortait de sa plume; sa traduction de Mérope de Voltaire fut jouée à l'Ermitage, mais ce qui fit sa gloire, ce fut une parodie de l'ode Dieu „O officier, qui dans ta douleur murmures contre le service"…. que tout le monde savait par cœur, au point qu'Aksakoff, à un examen, se mit à la réciter au lieu de l'œuvre de Lomonossoff. Cette parodie ne laissa pas de lui faire nombre d'ennemis; par contre, quelques-uns de ses vers eurent l'approbation d'Alexandre Ier, comme, par exemple, la Marche de 1805: „Allons, mes frères, combattre à l'étranger l'ennemi de la patrie"… La passion de la poésie lui causa „une nuée de désagréments: tous les vers injurieux passaient à mon compte; encore si c'était spirituel, ma foi, tant pis! Mais des méchants vers, bêtes, et tout le monde dit: c'est de Marine!" Il était habitué de la maison d'Alexandre Narychkine et ami de M. Worontzoff, dont il s'ennuyait à distance et qu'il maltraitait vigoureusement en prose et en vers quand il restait longtemps sans lui écrire: „Worontzoff a la rage, ou joue avec le diable: Depuis déjà six mois, pas un mot à Marine"…. Ses lettres sont intéressantes, remplies d'esprit piquant et de fin sarcasme, quoique lui-même appréciât davantage son talent de poète, tout en convenant d'ailleurs que souvent „sa rime est rétive". Carré, jusqu'à la brutalité parfois, il était d'une bonté extrême; „il passa toute sa vie pour les autres", et, toute sa vie, se prépara à s'arranger un coin à lui: „Il est temps, mon ami, vraiment il est temps de songer au repos: mes os sont rompus, par le service et par l'amour, et veulent le repos dans les bras d'une épouse chérie". Son inaction lui pesant, il fait à Worontzoff une description mordante des manœuvres et des parades: „On peut bien être fatigué de l'exercice, quand de 1790 à 1804 on a été tout le temps dans le rang, et qu'on avait l'espérance de commencer le siècle prochain toujours dans le rang". Il est mécontent de sa nomination près du prince d'Oldenbourg: „Blanchi dans les combats, élevé sous la tente, Tomber sur du parquet et faire des courbettes!" Il n'aimait pas la Cour, et „encore moins les Allemands", et invitait Worontzoff „à battre les Prussiens, à commencer par les Dibitch et les Driesen". Excellent joueur d'échecs, amateur modéré de la rouge et la noire, il détestait la musique et „en voulait à celui qui le premier avait inventé notes et instruments". A la fin de 1812, il commença à se plaindre fortement des infirmités: „De mal en pis: j'ai la fièvre, les vomissements me brisent la poitrine". Le 21 décembre, il termine ainsi sa dernière lettre à Worontzoff: „Rappelle-toi que nous ne sommes plus que nous deux, comme tu disais à la mort de ce pauvre Arsénieff, et aime bien Marine". Moins de deux mois plus tard, il n'était plus; il mourut le 9 février 1813, et fut inhumé au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky. Son épitaphe est ainsi conçue: „Il vécut 36 ans, 11 mois, 23 jours. Monument élevé par sa sœur la princesse Varvara Nikiforowna Mechtchersky. O mon fidèle ami, nous voilà séparés: Tout est fini pour moi, et bonheur et repos".

(D'après un original de Rustem, 1810, appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ИЛЬЯ ИВАНОВИЧЪ БАЙКОВЪ, 1768—1838, лейбъ-кучеръ Императора Александра I, былъ дворовымъ человѣкомъ капитанъ-лейтенанта Лукина, извѣстнаго легендарнаго силача. Отпущенный на волю, записался въ Петербургскіе мѣщане и 1 Декабря 1801 г. былъ нанятъ въ придворную конюшню кучеромъ для разъѣздовъ Государя; 30 Марта 1804 г. получилъ лейбъ-кучерское содержаніе, а 29 Января 1810 г., по Высочайшему повелѣнію, исключенъ изъ мѣщанскаго званія со всѣмъ семействомъ и зачисленъ лейбъ-кучеромъ. Въ это время Байковъ уже пользовался расположеніемъ Государя: въ 1808 г. ему пожаловано было дворовое мѣсто по Фонтанкѣ, между Аничковымъ и Чернышевымъ мостами (позднѣе, въ 1828 г., обратно купленное въ казну по случаю постройки 2 корпусовъ Александринскаго театра), а въ 1813 г. дано 20/т. руб. изъ Кабинета на постройку дома, при чемъ 16 Іюля 1824 г. этотъ долгъ былъ сложенъ. Значительную часть своего царствованія Императоръ Александръ Павловичъ провелъ въ разъѣздахъ по Россіи и за границей, и Илья Байковъ былъ неразлучнымъ его спутникомъ: другіе мѣнялись, одинъ Илья сопровождалъ его неизмѣнно съ начала царствованія и до могилы: „въ 1807 г.—за границею, въ 1809 г.—въ Финляндію, съ 1812 по 1815 г.—при арміи, съ 1817 по 1820 г.—по Россіи и въ Варшавѣ, въ 1821 г.—за границей въ Вѣнѣ, съ 1822 по 1825 г.—по Россіи, въ Варшавѣ и въ Таганрогѣ“. Запрягали лошадей другіе кучера, но на козлахъ сидѣлъ всегда Илья. Особенно жаловался онъ на поѣздку въ Финляндію, гдѣ дороги среди скалъ и обрывовъ были особенно опасны; здѣсь, по его словамъ, онъ „лишился и силъ, и здоровья“. Когда скончался Александръ I, Байковъ былъ въ Таганрогѣ; онъ везъ тѣло Государя до самой Москвы, гдѣ при постановкѣ гроба на парадный катафалкъ случился извѣстный эпизодъ: Илья не захотѣлъ подчиниться приказанію князя Юсупова и уступить свое мѣсто парадному траурному кучеру. А. Я. Булгаковъ, участникъ печальной процессіи въ Москвѣ, писалъ брату: „Я вступилъ въ разговоръ съ сидѣвшимъ на козлахъ Ильею; онъ правилъ лошадьми коренными.—„Ахъ, Илья Ивановичъ, какъ ты посѣдѣлъ, состарѣлъ!“—„Да, есть, в. п., отъ чего. Что моя жизнь теперь?“—„Не можемъ мы“, прибавилъ я, „смотрѣть на тебя безъ горести; все за тобою ищемъ Государя“. Какъ сказалъ онъ: „Ему лучше теперь, онъ въ царствѣ небесномъ“, то такъ и залился слезами. Кн. Юсуповъ сказалъ было, что неприлично, кажется, кучеру съ бородою править парадньмъ экипажемъ. Илья отвѣчалъ: „Такъ прикажите мнѣ выбрить сейчасъ бороду; я возилъ Государя живого и теперь не оставлю тѣла его“. Ces paroles touchantes lui ont donné gain de cause“. Докторъ Тарасовъ говоритъ, что кн. Д. В. Голицынъ приказалъ оставить Байкова на козлахъ. Въ 1826 г. Байковъ получилъ золотую медаль съ портретомъ Императора Александра I для ношенія на шеѣ на Александровской лентѣ, „знакъ отличія“ отъ короля Прусскаго и пожалованъ бархатнымъ кафтаномъ, шитымъ золотомъ. Послѣ кончины Александра I, съ 1826 по 1833 г., Байковъ еще продолжалъ служить, но уже ѣздилъ съ Императрицей Александрой Ѳеодоровной, сопровождая ее въ Москву, Одессу, Варшаву и Ревель. Въ 1836 г., 24 Января, Байковъ былъ уволенъ отъ службы „за старостью и слабостью здоровья“, съ пенсіей въ 1000 руб. въ годъ. Въ его формулярѣ сказано: „Служилъ, при отлично хорошемъ поведеніи, усердно и безпорочно, въ отпускахъ не былъ“. Умеръ 17 Апрѣля 1838 г. и похороненъ на Волковскомъ кладбищѣ; памятникъ его, въ видѣ колонны, приходитъ въ разрушеніе. Онъ былъ 2 раза женатъ; 2-ю жену его звали Наталіей Михайловной Александровой (р. 1792 г.); имѣлъ 5 сыновей и 3 дочерей.

Байковъ самъ обладалъ громадной физической силой: легко осаживалъ на заднія ноги четверку лошадей на всемъ ходу; какъ истинно русскій человѣкъ, онъ любилъ вспоминать и разсказывать о феноменальной силѣ своего барина Лукина, съ которымъ они когда-то вдвоемъ побили цѣлую шайку разбойниковъ, гдѣ-то на постояломъ дворѣ; въ Петербургѣ Илья былъ извѣстенъ, какъ „добрый человѣкъ“, который могъ помочь при случаѣ и „пожалѣть“ того, кто не могъ съ своей просьбой добраться до Государя, характеръ котораго Байковъ изучилъ въ совершенствѣ и умѣлъ этимъ пользоваться. Если Государь, выходя, скажетъ: „Здорово, Илья“, значитъ онъ веселъ; Байковъ то самъ ходатайствовалъ за кого-нибудь, то устроитъ такъ, чтобы лошадь въ извѣстномъ мѣстѣ переступила постромку, а проситель успѣлъ подать прошеніе. Иногда Государь замѣчалъ это и говаривалъ: „Илья, это твои штуки“, но обыкновенно цѣль достигалась. Самъ Илья Ивановичъ любилъ добродушно объ этомъ разсказывать.

(Съ миніатюры работы Вивьена; собственность Великаго Князя Николая Михаиловича.)

ÉLIE IVANOWITCH BAÏKOFF, 1768—1838, cocher ordinaire de l'Empereur Alexandre Ier, avait été serf du capitaine-lieutenant Loukine, connu pour sa force légendaire. Libéré, il se fit immatriculer bourgeois de Pétersbourg, et, le 1er décembre 1801, entra au service des Ecuries comme cocher de l'Empereur. Le 30 mars 1804, il reçut le traitement de cocher ordinaire, et le 29 janvier 1810, par ordre de l'Empereur, fut rayé du rôle des bourgeois avec toute sa famille et nommé cocher ordinaire. Dès cette époque, il jouit de la faveur Impériale: en 1808, il obtint un terrain sur la Fontanka, entre les ponts Anitchkoff et Tchernycheff, qui fut racheté plus tard par l'Etat, en 1828, pour l'agrandissement du Théâtre Alexandra; puis, en 1815, il toucha 20.000 roubles sur la cassette pour se faire construire une maison, et cette dette lui fut remise le 16 juillet 1824. Dans tous les nombreux déplacements où Alexandre Ier passa une bonne partie de son règne, en Russie et à l'étranger, Baïkoff le conduisit partout; les autres changeaient, lui ne le quitta pas du commencement de son règne jusqu'à sa mort, „en 1807 à l'étranger, en 1809 en Finlande, de 1812 à 1815 à l'armée, de 1817 à 1820 en Russie et à Varsovie, en 1821 à Vienne, de 1822 à 1825 en Russie, à Varsovie et à Taganrog". Il y avait d'autres cochers qui attelaient, mais c'était toujours Elie qui était sur le siège. Il se plaignit surtout du voyage de Finlande, où les chemins au milieu des rochers et des précipices étaient particulièrement dangereux, et où „il perdit", prétendit-il, „la force et la santé". Il était à Taganrog à la mort d'Alexandre Ier, dont il ramena la dépouille jusqu'à Moscou; là se produisit au moment du dépôt du cercueil sur le catafalque un incident connu: Elie ne voulut pas se conformer à l'ordre du prince Youssoupoff et céder la place au cocher de cérémonie. Alexandre Boulgakoff, qui assista aux funérailles, écrit à son frère: „J'ai parlé avec Elie sur son siège: „Ah, Elie, comme te voilà blanchi et vieilli!" — Mais oui, Excellence, il y a bien de quoi! Quelle vie ça va être que la mienne, maintenant? — „On ne peut pas te voir sans chagrin", ai-je ajouté, „on cherche toujours l'Empereur derrière toi". Il ne put répliquer que ces mots: „Il est mieux maintenant, il est dans le royaume des cieux", et versa un torrent de larmes. Le prince Youssoupoff voulait observer que ce n'était pas convenable, un cocher barbu sur un char de cérémonie; Elie répondit: „Alors qu'on me fasse raser tout de suite: je conduisais l'Empereur vivant, et maintenant je ne quitterai pas son corps". Ces paroles touchantes lui ont donné gain de cause". Le prince D. Golitzyne, dit le docteur Tarassoff, fit laisser Baïkoff sur le char. Il reçut, en 1826, un médaillon d'or à l'effigie de l'Empereur Alexandre Ier pour être porté à la cravate de chevalier de St-Alexandre, une „marque de distinction" du Roi de Prusse et un caftan de velours brodé d'or. A la mort de l'Empereur, il resta au service jusqu'en 1835, avec l'Impératrice Alexandra Féodorowna, qu'il accompagna à Moscou, Odessa, Varsovie et Revel. Le 24 janvier 1836, il fut mis à la retraite „pour raisons d'âge et de santé" avec une pension annuelle de 1000 roubles. Ses états de service portent: „Service zélé et irréprochable, excellente conduite, jamais de congés". Il mourut le 17 avril 1838 et fut inhumé au cimetière Volkowsky, où son monument, une simple colonne, tombe en ruines. Il fut marié deux fois; sa seconde femme était Natalie Mikhaïlowna Alexandroff (née 1792). Il eut cinq fils et trois filles.

Baïkoff avait lui-même une force physique colossale: il pouvait sans effort arrêter sur place un attelage de quatre chevaux lancé à toute volée. En bon russe, il aimait rappeler et raconter la force phénoménale de son maître Loukine, avec lequel ils eurent raison à eux deux de toute une bande de brigands, dans quelque auberge. A Pétersbourg, on le connaissait pour „un brave homme", prêt à rendre service à l'occasion pour faire parvenir une requête à l'Empereur, dont il avait observé à fond le caractère. Quand l'Empereur disait en sortant: „Bonjour, Elie", c'était signe de bonne humeur; alors Baïkoff en profitait pour intercéder directement en faveur de quelqu'un, ou bien il s'arrangeait de manière à ce qu'un des chevaux s'embarrasse dans les traits à un endroit donné, et le solliciteur pouvait présenter sa requête. Parfois l'Empereur s'en apercevait et lui disait: „Elie, c'est un tour de ta façon", mais d'ordinaire la chose réussissait. Elie lui-même aimait à raconter l'aventure avec bonhomie.

(D'après une miniature de Vivien, appartenant au Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch.)

ВАСИЛІЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ЗЛОБИНЪ, 1761—1814, послѣдній въ Россіи „Именитый человѣкъ“, сынъ пьяницы крестьянина села Малыковки, Саратовской губ., всѣмъ своимъ будущимъ положеніемъ и богатствомъ обязанъ былъ своему уму, трезвости, энергіи и, какъ всегда, случаю. Успѣхамъ его на жизненномъ поприщѣ содѣйствовало то, что онъ былъ человѣкъ хорошо грамотный—рѣдкое въ то время качество „въ глуши, въ Саратовѣ“. Злобинъ служилъ въ Малыковскомъ волостномъ правленіи писаремъ, былъ человѣкъ тихій, скромный, готовый услужить всякому, но косноязычный, такъ что съ трудомъ могъ говорить. Старики въ селѣ любили его и сосватали Злобину красавицу невѣсту Пелагею Михайловну Кузьмину, дочь богатаго крестьянина (позднѣе купецъ Волковойновъ); отецъ сначала противился этому браку съ заикой и бѣднякомъ. „Отдай, Кузьмичъ“, говорили члены сельскаго приказа, „отдай, выведемъ парня въ люди!“ Злобинъ женился, и какъ разъ въ это время случай явился ему на помощь. Незадолго до преобразованія Малыковки въ уѣздный городъ Вольскъ, въ свое имѣніе Царевщину пріѣхалъ генералъ-прокуроръ князь А. А. Вяземскій, чтобы выбрать себѣ земли, только-что пожалованныя ему Государыней. Почетные старики с. Малыковки поднесли вельможному посѣтителю обычный гостинецъ—живыхъ осетровъ; въ числѣ депутаціи былъ и Злобинъ, который своимъ умомъ обратилъ на себя вниманіе князя. Отъ него князь узналъ, что въ 30 верстахъ отъ Малыковки находятся чудные луга по р. Маянгѣ, съ многочисленными рыбными озерами. Вяземскій остался вполнѣ доволенъ указаніями Злобина и поручилъ ему пріемъ этихъ земель изъ казны, а потомъ управленіе ими и винокуреннымъ заводомъ въ Царевщинѣ. Убѣдившись въ ловкости и честности Злобина, Вяземскій вызвалъ его въ Петербургъ и поручилъ вести откупа на свое имя, но на деньги и залоги князя: „ты будешь моимъ орудіемъ, но будешь полнымъ хозяиномъ, пользы общія“. Покровительство генералъ-прокурора много значило; барыши были большіе, и, когда князь Вяземскій умеръ, Злобинъ имѣлъ откупа во многихъ губерніяхъ и былъ уже милліонеромъ; онъ бралъ, кромѣ того, большіе подряды по поставкѣ казенной соли въ разные города и провіанта для арміи. Извѣстность его сдѣлалась очень велика; многіе въ немъ заискивали, такіе люди, какъ Сперанскій, были съ нимъ близки. По свидѣтельству Вигеля, Злобинъ „получалъ въ день чистаго дохода до 1000 руб.“, но, къ чести его, онъ оставался человѣкомъ простымъ, не гнался за модой, не брилъ бороды, носилъ кафтанъ съ медалями, въ своихъ рѣчахъ и поступи оставался тѣмъ же, чѣмъ и былъ, не низкопоклонничалъ и не искалъ у сильныхъ міра, не добивался чиновъ и дворянства, гордясь званіемъ Именитаго человѣка, отъ котораго Строгановы отказались для баронскаго титула. Злобинъ имѣлъ, впрочемъ, страсть роскошно угощать въ Петербургѣ знать и нужныхъ ему людей. Значеніе его въ Саратовской губ. было громадное: саратовскія власти ѣздили къ нему на поклонъ, губернаторъ А. Д. Панчулидзевъ былъ съ нимъ друженъ. Живя въ Петербургѣ въ великолѣпномъ домѣ, о которомъ онъ говаривалъ, что онъ „нанятъ на трехдневный ночлегъ“, онъ мечталъ на старости поселиться въ Вольскѣ, о которомъ всю жизнь заботился: имъ построены соборъ и церкви, больницы, разведены сады, на его деньги строились каменные дома частными лицами, онъ даже хотѣлъ „обнести весь городъ стѣной“ и хлопоталъ сдѣлать его губернскимъ. Служившимъ у него онъ покровительствовалъ и дѣльныхъ старался вывести въ люди, многіе изъ нихъ сами сдѣлались потомъ откупщиками и дворянами (напр., Устиновы), и онъ считалъ глупымъ человѣкомъ того, кто не умѣлъ на службѣ у него составить себѣ состоянія. Смерть его единственнаго сына, Константина, пошатнувшіяся дѣла, особенно вслѣдствіе потерь по откупамъ и при поставкѣ соли въ 1812 году, тяжело отозвались на его здоровьѣ. Злобинъ сдѣлался задумчивымъ, забывчивымъ, сильно тосковалъ, оставшись совсѣмъ одинокимъ. Панчулидзевъ вызвалъ его къ себѣ въ Саратовъ съ цѣлью развлечь, но онъ прожилъ здѣсь всего недѣлю и умеръ 21 Августа 1814 года; похороненъ въ городѣ Вольскѣ, въ саду за городомъ, „на Соколовомъ бугрѣ“ въ семейномъ склепѣ.

(Съ миніатюры, принадлежащей Ф. И. Прове, въ Москвѣ.)

BASILE ALEXÉEWITCH ZLOBINE, 1761—1814, le dernier Notable (Imenity), fils d'un paysan ivrogne du village de Malykovka, gouvernement de Saratoff, ne dut toute sa situation et sa fortune qu'à son esprit, sa sobriété, son énergie et, comme toujours, au hasard. Ce qui contribua à son succès dans la vie, c'est qu'il savait bien lire et écrire, chose rare à cette époque „dans un trou comme Saratoff". Scribe aux bureaux du canton de Malykovka, c'était un homme tranquille, modeste, toujours prêt à rendre un service, mais un bégaiement lui rendait difficile l'usage de la parole. Les vieux du village l'aimaient et le fiancèrent à la belle Pélagie Mikhaïlowna Kouzmine, fille d'un riche paysan, plus tard le marchand Volkovoïnoff, qui d'abord ne voulut pas de ce fiancé bègue et pauvre. „Dis oui, Kouzmitch", lui dirent les membres du comité cantonal, „dis oui, on en fera quelque chose, de ce garçon!" Zlobine eut la fille, et juste à ce moment le hasard lui vint en aide. Peu avant la transformation de Malykovka en capitale de district sous le nom de Volsk, le prince Viazemsky, procureur général, arriva dans sa propriété de Tzarevchtchina: il venait choisir des terres qui lui avaient été concédées par l'Impératrice. Une députation de notables de l'endroit allèrent offrir au visiteur de marque le présent habituel, des brochets vivants: au nombre des délégués se trouvait Zlobine, dont l'esprit attira l'attention du prince, et qui lui indiqua qu'il y avait à trente verstes de Malykovka de magnifiques prairies sur la Malanga avec de nombreux lacs bien poissonneux. Viazemsky resta entièrement satisfait de ces indications et chargea Zlobine de prendre ces terres à l'Etat et de les gérer ainsi que la distillerie de Tzarevchtchina. Une fois convaincu de son habileté et de son honnêteté, il le fit venir à Pétersbourg et mit ses fermages à son nom, mais en laissant à sa disposition les fonds et les cautionnements nécessaires: „Tu seras mon instrument, mais en étant maître absolu; pour les bénéfices, de compte à demi". Ce n'était pas peu de chose que la protection du procureur général: les bénéfices furent considérables, et, quand le prince mourut, Zlobine avait les fermages de plusieurs gouvernements et était déjà millionnaire; il était en outre titulaire de grosses soumissions pour la fourniture du sel de l'Etat à diverses villes et des vivres à l'armée. Il acquit une très grande notoriété; beaucoup recherchaient ses bonnes grâces, des gens comme Spéransky étaient intimes avec lui. Au témoignage de Wiegel, „il avait par jour mille roubles de revenu net", mais à son honneur, il conserva sa simplicité, sans s'occuper de la mode ni se raser, avec son caftan orné de médailles; il ne changea rien à ses propos ni à son allure, ne fit pas de courbettes, ne demanda rien aux puissants de ce monde et ne prétendit ni à un rang dans la hiérarchie, ni à la noblesse, fier du titre de Notable, auquel les Stroganoff avaient renoncé pour celui de baron. Il avait d'ailleurs la passion de traiter magnifiquement à Pétersbourg les gens de la haute société et ceux qui lui étaient nécessaires. Son importance était considérable dans le gouvernement de Saratoff: les autorités allaient lui porter leurs hommages et le gouverneur Pantchoulidzeff était son ami. Fixé à Pétersbourg dans une maison splendide qu'il appelait souvent „un gîte loué pour trois jours", il rêvait de se retirer sur ses vieux jours à Volsk, dont il ne cessa de s'occuper toute sa vie: il y fit faire une cathédrale, des églises, des jardins, et construire à ses frais des maisons en pierre pour de simples particuliers; il voulait même „élever un mur d'enceinte tout autour de la ville", et entreprit des démarches pour en faire le siège d'un gouvernement. Il protégeait les gens à son service et s'efforçait de faire arriver ceux qui étaient capables: beaucoup devinrent eux-mêmes dans la suite fermiers et nobles, par exemple, les Oustinoff, et il regardait comme un sot celui qui ne savait pas faire fortune à son service. La mort de son fils unique Constantin et des embarras dans les affaires, notamment des pertes dans les fermages et la fourniture du sel en 1812, eurent une influence funeste sur sa santé. Resté entièrement seul, il devint songeur, oublieux, en proie à un ennui intense. Pantchoulidzeff le fit venir chez lui à Saratoff pour le distraire, mais il y était depuis une semaine lorsqu'il mourut, le 21 août 1814; il fut inhumé à Volsk, dans un jardin des environs, au lieu dit „la colline Sokoloff", dans son caveau de famille.

(D'après une miniature appartenant à Th. Prove, Moscou.)

120

Пис. Рустемъ, 1810 — *Peint par Rustem, 1810*

Сергѣй Никифоровичъ *Маринъ,* *1776 — 1813*

Serge N[illegible] *Marine,* *1776 — 1813*

121

Пис. Вивьенъ — *Peint par J. de Vivien*

Илья Ивановичъ *Байковъ,* *1768 — 1838*

Elie Ivanowitch *Baikoff,* *1768 — 1838*

122

Василій Алексѣевичъ *Злобинъ,* *1761 — 1814*

Basile Alex[illegible] *Zlobine,* *1761 — 1814*

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

123

ПАВЕЛЪ ФЕДОРОВИЧЪ КАРАБАНОВЪ, 1767—1851, сынъ Тверского вице-губернатора Федора Леонтьевича (1738—1813 г.) и Анастасіи Григорьевны, рожденной Кисловской (1751—1791 г.), троюродной сестры князя Потемкина, родился 25 Октября 1767 г.; служилъ въ Преображенскомъ полку и, числясь сержантомъ, въ 1789 г. произведенъ былъ въ первый офицерскій чинъ, а въ 1790 г. вышелъ въ отставку, съ производствомъ въ премьеръ-майоры, и вскорѣ женился на княжнѣ Варварѣ Ивановнѣ Гагариной (р. 21 Марта 1779 г., † 18 Января 1834 г.). Свою долгую жизнь Карабановъ провелъ главнымъ образомъ въ Москвѣ, вращаясь въ кругу представителей высшаго общества древней столицы, встрѣчаясь съ людьми, занимавшими нѣкогда видное мѣсто въ службѣ или при дворѣ; добросовѣстный, трудолюбивый и любознательный археологъ-дилетантъ, Карабановъ записывалъ разсказы, которые удавалось ему слышать отъ очевидцевъ или даже участниковъ политическихъ и придворныхъ событій; изъ этихъ разсказовъ составилось у него любопытное собраніе историческихъ анекдотовъ, обнародованное въ „Русской Старинѣ" 1871 и 1872 гг. Большую часть своего досуга Карабановъ употреблялъ на собираніе, въ теченіе болѣе полустолѣтія (съ 1792 г.), разнообразныхъ памятниковъ отечественной старины и составилъ замѣчательный музей древностей, въ которомъ былъ богатѣйшій отдѣлъ гравированныхъ и другихъ портретовъ русскихъ дѣятелей (числомъ свыше 3000) и вообще эстамповъ, коллекція монетъ и медалей, собраніе старинной русской утвари, образовъ, крестовъ, серебряной и иной посуды, часовъ и предметовъ домашняго обихода, картинъ, книгъ, летучихъ листковъ, рисунковъ, рукописей и т. п.; каждый отдѣлъ изобиловалъ рѣдкостными и цѣнными экземплярами, на пріобрѣтеніе которыхъ Карабановъ не жалѣлъ ни времени, ни трудовъ, ни средствъ. Музей Карабанова, частью описанный Г. Д. Филимоновымъ (М. 1849, съ атл. рис.), былъ предоставленъ имъ, по завѣщанію, въ распоряженіе Императора Николая I, съ тѣмъ, чтобы деньги, какія Государь пожалуетъ за него, были обращены на богоугодныя заведенія и благотворительныя дѣла. Предметы Карабановскаго музея были распредѣлены по различнымъ правительственнымъ учрежденіямъ; такъ, большая часть рукописей передана была, въ 1852 г., въ Императорскую Публичную Библіотеку, а часть—въ Московскій Архивъ Министерства Юстиціи; собраніе портретовъ перешло въ Эрмитажъ, а древнихъ вещей—въ Оружейную Палату. Кромѣ „Историческихъ разсказовъ и анекдотовъ, записанныхъ со словъ именитыхъ людей", въ „Русской Старинѣ" напечатаны были (1870—1871 гг.) составленные Карабановымъ списки „Статсъ-дамъ и фрейлинъ Русскаго двора въ XVIII и XIX столѣтіяхъ", а въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ", за 1860 г., обнародованы были „Списки замѣчательныхъ лицъ русскихъ", съ дополненіями князя П. В. Долгорукаго, получившаго отъ Карабанова его бумаги генеалогическаго содержанія.

По словамъ Долгорукаго, Карабановъ „одаренъ былъ самыми прекрасными свойствами, какія только могутъ украшать человѣка: онъ былъ усерднымъ христіаниномъ, пламеннымъ патріотомъ, вѣрнымъ въ дружбѣ; считалъ себя счастливымъ, когда могъ помочь неимущему; имѣлъ характеръ привлекательный по теплой добротѣ своего сердца, по утонченной деликатности чувства и по своей необыкновенной скромности; одаренный любознательностью, страстно любя отечество, онъ страстно любилъ и русскую исторію, и усердно ею занимался".

П. Ф. Карабановъ скончался въ Москвѣ, на 84 году жизни, 30 Мая 1851 г. и погребенъ въ Новоспасскомъ монастырѣ, подъ Покровскимъ соборомъ.

(Съ портрета С. Тончи; собственность А. Н. Сомова, въ С.-Петербургѣ.)

PAUL FÉODOROWITCH KARABANOFF, 1767—1851, fils de Théodore Léontiewitch Karabanoff (1738—1813), vice-gouverneur de Tver, et d'Anastasie Grigoriewna, née Kislowsky (1731—1791), cousine issue de germaine du prince Potemkine, naquit le 25 octobre 1767. Sergent au régiment Préobragensky, il passa officier en 1789, puis prit sa retraite l'année suivante avec le grade de premier major, et épousa peu après la princesse Varvara Ivanowna Gagarine (21 mars 1779—18 janvier 1834). Il passa presque toute sa longue vie à Moscou parmi les représentants de la haute société de la vieille capitale, fréquentant des personnes jadis en vue au service ou à la Cour. Amateur d'archéologie, mais dilettante consciencieux, laborieux et studieux, il enregistrait les événements politiques ou de la vie de Cour qu'il venait à entendre raconter par leurs témoins ou même leurs acteurs; ces notes constituent un recueil curieux d'anecdotes historiques, publié dans Rousskaïa Starina en 1871 et 1872. Depuis 1792, il consacra durant plus d'un demi-siècle la plus grande partie de ses loisirs à recueillir toute espèce de monuments de l'antiquité nationale et réunit un remarquable musée historique contenant une richissime section de plus de 3000 portraits, gravés et autres, de personnages russes, des estampes, une collection de monnaies et de médailles, des ustensiles russes anciens, icones, croix, vaisselle d'argent et autre, horloges et objets de ménage, tableaux, livres, feuilles volantes, dessins, manuscrits, etc., et, dans tous les genres, quantité de spécimens rares et précieux, pour l'acquisition desquels il n'avait ménagé ni son temps, ni sa peine, ni son argent. Le musée Karabanoff, décrit en partie par G. Filimonoff (Moscou, 1849, avec atlas), fut laissé par lui, par testament, à la disposition de l'Empereur Nicolas Ier, à condition que l'argent assigné en échange par l'Empereur serait affecté à des établissements de charité et à des œuvres de bienfaisance. Les collections furent réparties dans divers établissements de l'Etat: ainsi la plupart des manuscrits passèrent en 1852 à la Bibliothèque Impériale Publique et le reste aux Archives du Ministère de la Justice à Moscou; les portraits allèrent à l'Ermitage et les antiquités à l'Oroujéinaïa Palata. Outre les Récits et anecdotes historiques, la Rousskaïa Starina a publié (1870—1871) de Karabanoff la Liste des dames et demoiselles d'honneur de la Cour de Russie aux XVIIIe et XIXe siècles; les Lectures de la Société Moscovite d'histoire et d'antiquités russes ont donné aussi en 1860 sa Liste des Personnages Russes remarquables, avec compléments par le prince P. Dolgorouky, auquel il avait légué ses documents généalogiques.

Au témoignage de Dolgorouky, Karabanoff „était doué des plus belles qualités qui peuvent orner un homme: zélé chrétien, fervent patriote, fidèle ami, il s'estimait heureux quand il pouvait venir en aide à un malheureux; il était particulièrement sympathique par sa chaleureuse bonté de cœur, sa délicatesse raffinée de sentiments et sa modestie extraordinaire. Epris de science, et aimant passionnément sa patrie, il aimait aussi passionnément l'histoire russe et la cultivait assidûment.

Karabanoff mourut à Moscou dans sa 84e année, le 30 mai 1851, et fut inhumé au monastère Novo-spassky, à la cathédrale de l'Intercession.

(D'après un original de Tonci, appartenant à A. Somoff, St-Pétersbourg.)

124

ЮЛІЯ АЛЕКСАНДРОВНА ТАТИЩЕВА, 17 . . — 184 ., полька, жена оберъ-камергера, члена Государственнаго Совѣта Дмитрія Павловича Татищева (см. т. I, № 160), родная сестра французскаго генерала Ивана Конопки, въ первомъ бракѣ была за генералъ-майоромъ Николаемъ Алексѣевичемъ Безобразовымъ, съ которымъ развелась. Въ концѣ 1808 г. Булгаковъ писалъ брату, что Татищевъ безумно влюбленъ въ Безобразову и проводитъ у нея все время, хотя „не хочетъ въ этомъ признаться". Въ 1815 г. Татищевъ былъ уже женатъ и, получивъ отъ графа Воронцова туалетный приборъ, отвѣчалъ послѣднему: „Mais comme toutes ces belles choses sont tranchantes, Julie veut absolument que je vous envoie une pièce de monnaie en retour". 11 Января 1815 г. тотъ же А. Я. Булгаковъ сообщалъ брату: „Tout ce que vous me dites de Tatichtcheff me fait bien de la peine. Je m'imaginais bien tout cela, mais la certitude que vous m'en donnez me peine infiniment: il méritait un meilleur sort. Voilà les suites d'un sot mariage. Quand elle l'aura ruiné, elle le plantera là". Спустя 4 года, Булгаковъ въ Парижѣ посѣтилъ Татищеву и такъ разсказывалъ объ этомъ: „Вспоминали всѣ твои (К. Я. Булгакова) Вѣнскія шалости; она стара стала, но еще хорошая и добрая бабенка". По поводу увлеченій самого Татищева, несмотря на его года, Булгаковъ писалъ: „Охъ, мой Татищевъ съ своимъ волокитствомъ, чтобы не надѣлалъ глупостей! Объ Ю. А. и въ мое время еще говорили, но я не вѣрю: время страстной любви для нея прошло, развѣ при этомъ было бы еще много денегъ и подарковъ, но я не думаю, чтобы Апраксинъ сталъ, да и имѣлъ бы чѣмъ разоряться". Между тѣмъ въ это самое время А. И. Тургеневъ писалъ (23 Февраля 1821 г.) князю Вяземскому: „Безобразова-Татищева должна была идти замужъ за конно-гвардейскаго офицера, такъ говорилъ городъ, но разошлось". Вяземскій давно и хорошо зналъ Татищеву, постоянно посылалъ ей въ письмахъ вмѣсто поклоновъ свое „padam do nóg", называлъ ее „Гишпанской красавицей" и „прекрасная Юлія". Графъ А. И. Рибопьеръ былъ того мнѣнія, что она „прехитрая и претонкая штука"; Татищева, кромѣ того, была тщеславна и любила играть всегда и во всемъ первую роль, такъ что, когда въ 1823 г. извѣстная Марья Антоновна Нарышкина поѣхала за границу, К. Я. Булгаковъ былъ того мнѣнія, что „теперь будетъ опасная соперница у Юліи Александровны для фигуры и щегольства". Онъ же, убѣждая въ 1820 г. брата отказаться отъ предложенія Д. П. Татищева перейти къ нему на службу въ посольство, въ Испанію, писалъ между прочимъ, что Юлія Александровна не могла ровняться съ Наталіей Васильевной Булгаковой „ни умомъ, ни воспитаніемъ, ни любезностью", а потому „будетъ бѣситься, а ты самъ знаешь, какъ Татищевъ слабъ".

Ципринусъ въ своемъ „Калейдоскопѣ воспоминаній" говоритъ о семьѣ Слонимскаго уроженца генерала Конопки, что „ихъ было 4 брата и 3 сестры"; изъ братьевъ, кромѣ генерала Ивана, Августъ и Винцентій служили также во французской арміи, а младшій, Федоръ, служилъ въ уланахъ и потомъ былъ Слонимскимъ городничимъ. „Изъ сестеръ старшая, не отличавшаяся ничѣмъ, вышла замужъ за кого-то, овдовѣла и поселилась въ Слонимѣ; средняя, Юлія, была необыкновенная красавица, послѣ перваго мужа, генерала Безобразова, вышла за Д. П. Татищева; младшая, Аделаида, была за Слонимскимъ помѣщикомъ Ельцомъ. Эта семья отличалась необыкновенной вѣтреностью, легкомысліемъ и вообще отсутствіемъ умственныхъ качествъ, только Ельцова отличалась умомъ и образованіемъ".

Точныхъ датъ рожденія и смерти Ю. А. Татищевой найти намъ не удалось. Отъ перваго брака у ней была дочь Елена (р. 1801 г., † 189 . г.; въ 1-мъ бракѣ за графомъ А. П. Апраксинымъ, во 2-мъ — за графомъ Іосифомъ Эстергази); болѣе дѣтей не было.

(Съ миніатюры Даффингера; собственность графа Д. И. Толстого, въ С.-Петербургѣ.)

JULIE ALEXANDROWNA TATICHTCHEFF, 17 . . — 184 . , polonaise, sœur du général français Jean Konopka, femme du grand chambellan, membre du Conseil de l'Empire, Dmitri Pavlowitch Tatichtcheff (v. T. I, № 160), avait épousé en premières noces le général major Nicolas Alexéewitch Bezobrazoff, avec lequel elle divorça. A la fin de 1808, Alexandre Boulgakoff écrivait à son frère que Tatichtcheff était amoureux fou de Mme Bezobrazoff et passait tout son temps avec elle, „bien qu'il ne veuille pas en convenir". En 1813, Tatichtcheff était déjà marié, et comme le comte Worontzoff lui avait envoyé un nécessaire de toilette, il lui écrivit en réponse: „Mais comme toutes ces belles choses sont tranchantes, Julie veut absolument que je vous envoie une pièce de monnaie en retour". Le 11 janvier 1815, le même Alexandre Boulgakoff communiquait à son frère: „Tout ce que vous me dites de Tatichtcheff me fait bien de la peine. Je m'imaginais bien tout cela, mais la certitude que vous m'en donnez me peine infiniment: il méritait un meilleur sort. Voilà les suites d'un sot mariage. Quand elle l'aura ruiné, elle le plantera là". Quatre ans plus tard, il fit à Paris une visite à Mme Tatichtcheff et écrivit à son frère Constantin: „Nous avons reparlé de toutes tes frasques de Vienne. Elle est vieille, maintenant, mais c'est toujours une brave et excellente bonne femme". A propos des entraînements de Tatichtcheff lui-même malgré l'âge, Boulgakoff dit: „Oh! ce Tatichtcheff avec ses amours, qu'il n'aille pas faire encore des bêtises! Elle, on en parlait déjà de mon temps, mais je n'y crois pas: le temps de la passion est passé pour elle; et puis, s'il y avait encore avec ça beaucoup d'argent et de cadeaux! Mais Apraxine ne me paraît pas avoir l'envie ni du reste les moyens de se ruiner". Or, à la même époque, A. Tourguéneff écrit (23 février 1821) au prince Viazemsky: „Mme Bezobrazoff-Tatichtcheff devait épouser un officier des Gardes à cheval, à ce qu'on disait en ville, mais ça ne s'est pas arrangé". Viazemsky la connaissait bien et depuis longtemps, lui mettant toujours à la fin de ses lettres son „Padam do nóg" (en polonais: „Je tombe à vos pieds"), l'appelant „Belle Espagnole" et „Belle Julie". Le comte de Ribeaupierre la trouvait „une rusée et une fine mouche"; de plus, elle était vaniteuse et voulait jouer partout et en tout le premier rôle: ce qui fit dire à Constantin Boulgakoff, en 1823, au départ de la fameuse Marie Antonowna Narychkine pour l'étranger: „Mme Tatichtcheff va avoir une rivale dangereuse pour l'élégance et pour le chic". C'est encore Constantin qui, en 1820, déconseillait à Alexandre d'accepter son mari avec lui à l'ambassade de Madrid, en lui disant entre autres choses qu'elle était bien loin de valoir sa Natalie, „comme tête, comme éducation et comme amabilité": alors „elle sera furieuse, et tu sais bien comme lui est faible".

Cyprinus, dans son Kaléidoscope de Souvenirs, dit que la famille Konopka, originaire de Slonim, était composée de quatre fils et trois filles. Deux des frères du général Jean Konopka, Auguste et Vincent, servaient aussi dans l'armée française, et le plus jeune, Théodore, fut d'abord aux uhlans, puis devint préfet de Slonim. „Des trois sœurs, l'aînée n'avait rien de saillant, se maria, devint veuve et se fixa à Slonim; la cadette, Julie, était d'une beauté rare, épousa en premières noces le général Bezobrazoff et en secondes noces D. Tatichtcheff; la plus jeune, Adélaïde, fut la femme d'un propriétaire de Slonim, Eletz. Toute cette famille se distinguait par son insignifiance et sa frivolité, et laissait à désirer en général au point de vue intellectuel: seule Mme Eletz ne manquait ni d'intelligence ni d'instruction".

Les dates exactes de la naissance et de la mort de Mme Tatichtcheff ont été impossibles à retrouver.

Elle avait eu de son premier mariage une fille Hélène (1801—189.), mariée en premières noces au comte A. Apraxine et en secondes noces au comte Joseph Esterhazy. Elle n'eut pas d'autres enfants.

(D'après une miniature appartenant au comte D. Tolstoï, St-Pétersbourg.)

125

ИВАНЪ ЛОГИНОВИЧЪ ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ, 1729—1802, троюродный дядя знаменитаго князя Смоленскаго, родился 31 Августа 1729 г.; учился въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ и въ 1743 г. произведенъ былъ въ гардемарины, послѣ чего цѣлыхъ 7 лѣтъ плавалъ по Балтійскому морю, при чемъ занимался съёмкой Финскаго залива и географическимъ описаніемъ всего моря. Произведенный въ 1746 г. въ мичманы и въ 1751 г. въ унтеръ-лейтенанты, въ 1753 и 1754 гг. онъ совершилъ кампанію изъ Кронштадта въ Архипелагъ; по возвращеніи изъ плаванія произведенъ 18 Марта 1756 г. въ лейтенанты, а въ 1759 г. въ капитанъ-лейтенанты, послѣ чего уволенъ по болѣзни въ годичный отпускъ; 22 Апрѣля 1761 г. назначенъ въ Морской корпусъ, потому что „въ здоровьѣ еще слабъ и въ кампаніи быть не можетъ, а при корпусѣ быть ему можно, и Коллегія усматриваетъ его къ тому за способнаго". Въ слѣдующемъ году, 10 Апрѣля, произведенъ въ капитаны 2 ранга и 1 Сентября назначенъ п. д. директора Морского шляхетскаго кадетскаго корпуса. Новый директоръ первымъ дѣломъ озаботился ходатайствовать объ измѣненіи штата корпуса, объ улучшеніи хозяйственной части и расширеніи преподаванія и, главное, обратилъ вниманіе на воспитательную часть, прилагая особенныя заботы при выборѣ „ротныхъ оберъ-офицеровъ", при чемъ находилъ необходимымъ улучшить матеріальное положеніе послѣднихъ, какъ „излишне трудящихся и долженствующихъ въ чистотѣ себя содержать". Онъ просилъ также особаго профессора для преподаванія астрономіи и особаго капитана для обученія „морской практикѣ". Умный и энергичный директоръ сдѣлалъ много пользы для образованія и воспитанія моряковъ. Самъ практикъ морской службы, онъ зналъ недостатки морского теоретическаго и практическаго образованія въ корпусѣ и старался ихъ устранить. Коллегія исполняла всѣ представленія Голенищева-Кутузова, который 26 Іюля 1764 г. былъ произведенъ въ генералъ-майоры, назначенъ членомъ Адмиралтействъ-коллегіи, генералъ-интендантомъ флота и опредѣленъ въ званіи наставника по морской части къ Наслѣднику Великому Князю Павлу Петровичу. При Голенищевѣ-Кутузовѣ Морской корпусъ былъ переведенъ въ Кронштадтъ, но директоръ принужденъ былъ оставаться въ Петербургѣ, рѣдко бывалъ въ корпусѣ, и воспитательное дѣло, по словамъ барона Штейнгеля, страдало. Въ званіи директора Кутузовъ оставался все царствованіе Павла I и перевелъ корпусъ обратно въ Петербургъ, въ настоящее его помѣщеніе, гдѣ была раньше гимназія „чужестранныхъ единовѣрцевъ". Въ это время онъ уже давно былъ адмираломъ (съ 28 Іюня 1782 г.), кавалеромъ орденовъ св. Владиміра 1 ст. (15 Марта 1788 г.) и св. Андрея (9 Ноября 1796 г.), вице-президентомъ Адмиралтействъ-коллегіи (20 Іюня 1797 г.); 23 Октября 1798 г. онъ былъ назначенъ п. д. президента, а 30 Октября президентомъ коллегіи, „которому, однако, не быть генералъ-адмираломъ". Со вступленіемъ на престолъ Александра I кончилась служебная дѣятельность Кутузова въ качествѣ директора Морского корпуса, на его мѣсто былъ назначенъ вице-адмиралъ П. К. Карцевъ.

И. Л. Голенищевъ-Кутузовъ умеръ 12 Апрѣля 1802 года; былъ женатъ на Евдокіи Ильиничнѣ Бибиковой (р. 11 Апрѣля 1743, † 9 Марта 1807 г.), отъ которой имѣлъ 3 сыновей: Павла, Логина (его сотрудника по Морскому корпусу) и Александра, и 2 дочерей: Степаниду (за тайнымъ совѣтникомъ М. П. Бакунинымъ, во второмъ бракѣ за дѣйств. тайнымъ совѣтникомъ барономъ А. Я. Бюлеромъ) и Варвару (за тайнымъ совѣтникомъ М. М. Бакунинымъ).

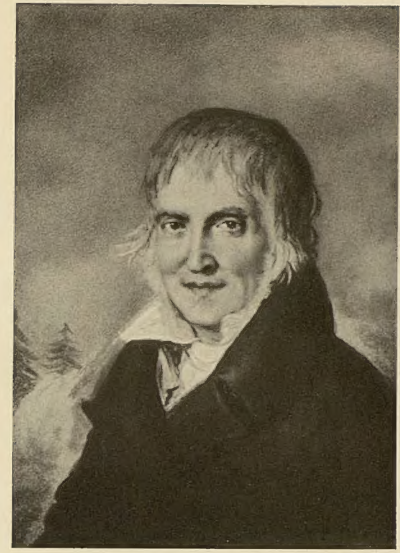
(Съ миніатюры изъ собраній Императорскаго Эрмитажа.)

IVAN LOGUINOWITCH GOLÉNICHTCHEFF-KOUTOUZOFF, 1729—1802, parent éloigné du célèbre prince de Smolensk, naquit le 31 août 1729. Il fit ses études au Corps des Cadets et fut promu garde-marine en 1745, puis passa sept ans à naviguer sur la mer Baltique, relevant la côte du Golfe de Finlande et faisant l'étude géographique de la région. Enseigne de vaisseau en 1746 et sous-lieutenant en 1751, il fit en 1753 et 1754 une croisière de Cronstadt dans l'Archipel, au retour de laquelle il fut promu le 18 mars 1756 lieutenant et en 1759 capitaine-lieutenant; il prit ensuite un congé d'un an pour raisons de santé. Il fut appelé le 22 avril 1761 à l'Ecole Navale, car „il est encore faible et ne peut faire campagne, mais il peut être attaché à l'Ecole, et le Collège l'en juge capable". Le 10 avril de l'année suivante, il passa capitaine de second rang et fut nommé le 1er septembre directeur du Corps des Cadets de la marine. Le nouveau directeur s'occupa avant tout de renouveler les cadres, d'améliorer l'administration et d'élargir l'enseignement: il porta principalement son attention sur le côté éducation, mettant tous ses soins au choix des chefs de compagnie, dont il tint à faire améliorer la situation matérielle, car „ils fournissent un travail trop considérable et sont obligés de s'entretenir proprement". Il demanda aussi un professeur spécial pour l'astronomie et un capitaine spécial pour la „pratique de la navigation". Intelligent et énergique, il fit beaucoup pour l'instruction et l'éducation des marins. Praticien consommé lui-même, il connaissait les points faibles de la théorie et de la pratique des études navales à l'Ecole et s'efforça d'y porter remède. Le Collège lui accorda tout se qu'il demandait. Promu général major le 26 juillet 1764, il fut nommé membre du Collège des Amirautés, intendant général de la marine et désigné pour enseigner l'art naval au Grand-Duc Héritier Paul Pétrowitch. Il était à la tête de l'Ecole lorsqu'elle fut transférée à Cronstadt, mais le directeur dut rester à Pétersbourg, n'y vint que rarement, et les études, dit le baron Steingel, s'en trouvèrent mal. Toujours directeur durant tout le règne de Paul, il ramena l'Ecole à Pétersbourg et l'installa dans les bâtiments de l'ancien gymnase des orthodoxes étrangers, où elle est encore aujourd'hui. Il était alors amiral depuis longtemps (depuis le 28 juin 1782), chevalier de St-Vladimir de 1re classe (13 mars 1788) et de celui de St-André (9 novembre 1796), et vice-président du Collège des Amirautés (20 juin 1797), dont il fut nommé faisant fonctions de président le 23 octobre 1798, puis, le 30 octobre suivant, président, mais „sans acquérir cependant rang de général amiral". L'avènement d'Alexandre Ier marque la fin de la carrière de Koutouzoff à la tête de l'Ecole Navale, où il fut remplacé par le vice-amiral Kartzeff.

Golénichtcheff-Koutouzoff mourut le 12 avril 1802. Il avait épousé Eudoxie Ilyinichna Bibikoff (11 avril 1743—9 mars 1807), dont il eut trois fils, Paul, Loguine, son collaborateur à l'Ecole Navale, et Alexandre, et deux filles, Stépanide, mariée en premières noces au conseiller privé M. P. Bakounine et en secondes noces au conseiller privé actuel baron A. Bühler, et Varvara au conseiller privé M. M. Bakounine.

(D'après une miniature de l'Ermitage Impérial.)

123

Пис. С. Тончи — Peint par Tonci

Павелъ Федоровичъ Карабановъ, 1767—1851

Paul Féodorowitch Karabanoff, 1767—1851

124

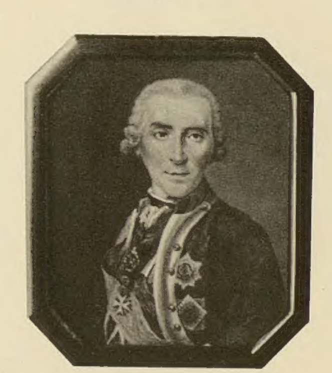

Пис. Дафингеръ — Peint par Dafinger

Юлія Александровна Татищева, 17..—184.

Julie Alexandrowna Tatichtcheff, 17..—184.

125

Иванъ Логиновичъ Голенищевъ-Кутузовъ, 1729—1801

Ivan Loguinowitch Golénichtcheff-Koutouzoff, 1729—1801

2007088120